ЛЕГЕНДЫ
ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ™
ЗАТЕРЯННОЕ ПЛЕМЯ СИТХОВ
ПОВЕСТИ
ДЖОН ДЖЕКСОН МИЛЛЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пять тысяч лет назад. Вырвавшись из засады, устроенной джедаями, флагманский корабль ситхов «Знамение» потерпел катастрофу на далекой неисследованной планете. Вслед за тем командир корабля Яру Корсин выдержал кровопролитную битву с мятежной фракцией команды, возглавляемой его родным братом. Изолированная от цивилизации команда корабля не имеет другого выбора, кроме как сражаться со множеством смертельных опасностей, — пожалуй, единственным, чем богата эта планета. Им придется столкнуться с жестокими хищниками, неизвестными болезнями, первобытными племенами, поклоняющимися мстительным богам. Как и подобает истинным воинам-ситхам, они будут сражаться, применяя темную сторону Силы. Гордые и бескомпромиссные, ситхи готовы вырвать победу у любого врага и любой ценой вернуться в космос, где пролегла дорога к их истинному предназначению — править Галактикой. Но путь этот, занявший тысячу лет, может оборваться в любой момент из-за самой большой угрозы в любом начинании ситхов — внутреннего врага. Впервые под одной обложкой девять оригинальных повестей Джона Джексона Миллера, сложившихся в эпическую историю «Затерянного племени ситхов». Впервые на русском языке!

- Джон Джексон Миллер
  - ○
  - ○ БЛАГОДАРНОСТИ
  - ○ Давным-давно в далекой Галактике…
  - ○
  - ○ На краю
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
  - ○ Дети небес
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
  - ○ Соперники
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3

- 4
- Спаситель
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Чистилище
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Страж
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Пантеон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Тайны
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Пандемониум
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

        - 17
- notes
    - 1
    - 2

Джон Джексон Миллер
ЗАТЕРЯННОЕ ПЛЕМЯ СИТХОВ

© Перевод с английского *Натальи Музалевской*, 2016
© ООО «Азбука», 2016

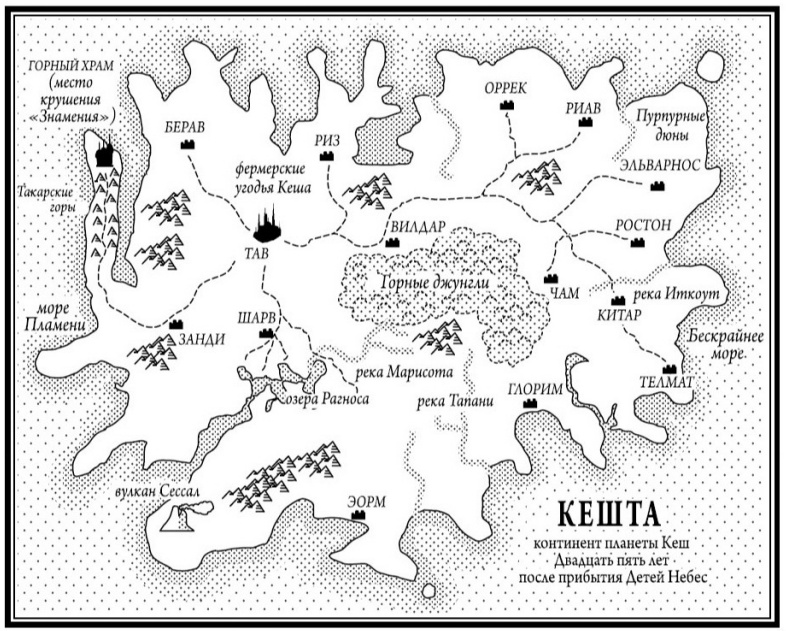
* * *

Джеку и Джози — моему собственному маленькому племени

БЛАГОДАРНОСТИ

Романы цикла «Судьба джедаев» Аарона Олстона, Кристи Голден и Троя Деннинга представили читателю затерянное племя ситхов, высадившееся на планете Кеш и обнаруженное уже во времена Люка Скайуокера. Цикл «Затерянное племя ситхов» рассказывает историю этого сообщества. Первоначально повести выходили по отдельности в виде электронных книг и вот наконец выходят одним сборником — как уже увидевшие свет, так и совершенно новые. Я благодарю редактора «Del Rey» Шелли Шапиро и бывшего редактора «Lucasfilm» Сью Ростони за помощь в этом проекте; Аарону, Кристи и Трою — моя признательность за разработку бэкграунда, ставшего основой для этих повестей. Я выражаю признательность Дэвиду Померико, Фрэнку Паризи, Эриху Шоненвайсу и всем в «Random House», кто помог «Затерянному племени ситхов» проживать обе его жизни — и в электронном виде, и в печатном.

Давным-давно в далекой Галактике…



На краю

1

5000 лет до Битвы при Явине.

— Ло'Джой! Дай мне хоть что-то! — Кое-как поднявшись в темноте на ноги, капитан Корсин вытянул шею в поисках голограммы. — Маневровые двигатели, стабилизаторы — я иду на посадку!

«Корабль — это оружие, а смертельным его делает команда». Старая космическая поговорка — избитая, но все еще популярная. Корсин и сам иногда не прочь был ввернуть ее в разговоре. Но не сегодня. Сегодня именно его корабль стал смертельно опасен, а экипаж оказался в роли бесполезного груза.

— У нас ничего нет, капитан! — Нечеткое изображение женщины-механика со змееобразными отростками на голове беспорядочно мигало перед ним. Если его гениальная и всегда невозмутимая хо'динка так разволновалась, значит на нижних палубах дела плохи. — Реакторы на нуле! И у нас пробоины в корпусе, как на корме, так и…

Ло'Джой пронзительно закричала от боли — отростки на ее голове лопнули в облаке пламени; женщина исчезла. Корсин едва подавил испуганный смешок. В более мирные времена — полчаса назад — он пошутил что-то насчет того, что хо'дины наполовину деревья. Вряд ли шутка уместна сейчас, когда вся техническая палуба уничтожена. Дыра в корпусе. Еще одна.

Голограмма угасла — как и все остальное вокруг невысокого капитана. Даже огоньки предупредительных сигналов, потанцевав, мигнули и потухли. Корсин снова плюхнулся вниз, схватившись за подлокотники. *Ну, кресло пока в порядке.*

— Эй, где-нибудь? Кто-нибудь?

Тишина — и скрежет металла вдалеке.

— Просто дай мне цель. — В темноте блеснули зубы Глойда, командира артиллеристов. Корявая ухмылка осталась ему на память после давней встречи с джедайским световым мечом, гоук тогда едва не лишился головы. Наверное, именно в связи с этим Глойд, единственный на борту, проявлял остроумия едва ли не больше, чем его капитан, но сегодня даже ему было не до смеха. Корсин прочитал это в крошечных глазах гиганта: «Мы висим на волоске».

Он не потрудился обратить внимание на другую сторону мостика. Ледяные взгляды оттуда можно принять как данность. Даже сейчас, когда покалеченное «Знамение» бесконтрольно и стремительно падало.

— Хоть кто-нибудь?

Даже сейчас. Густые черные брови Корсина сошлись на переносице. Что с ними случилось? Та поговорка все-таки верна. Кораблю нужен экипаж, объединенный одной целью. Только вот смысл существования ситха — власть. Каждый мичман желает стать императором. Любая ошибка соперника — твой шанс. «Ну вот вам шанс, — подумал Корсин. — Сможете им воспользоваться — и мигом окажетесь в этом уютном кресле».

Ситхские игры в могущество. Сейчас они не имеют значения, неумолимая гравитация намного важнее. Корсин снова поднял взгляд на передний экран. Огромный лазурный шар исчез: его сменили пламя, струи газа и несущиеся навстречу осколки. Корсин знал, что это внутренности его корабля, потерянные в борьбе с чужой атмосферой. Как бы то ни было, планета проглотила «Знамение». Еще удар, и много крика. Это ненадолго.

— Помните! — крикнул он, обернувшись к ним. В первый раз с тех пор, как все это началось. — Вы сами хотели оказаться здесь!

Так оно и было — для большинства из них. Все желали попасть на «Знамение», когда у Праймус-Голууда собирали ситхскую горнодобывающую флотилию. Только ударные части массасси в своем трюме не заботились о том, куда направляются; хотя кто знал, о чем они думают, — если допустить, что они вообще на это способны. Но разумные создания, имеющие выбор, отдавали предпочтение «Знамению».

Сайес, капитан «Предвестника», был падшим джедаем. Фигура непонятная. Нельзя доверять тому, кому не доверяют даже джедаи, — они ведь почти каждому верят. А Яру Корсина все знали. Конечно, ситхский капитан, умеющий улыбаться, — подозрительная диковинка. Но Корсин был капитаном уже двадцать стандартных лет, и за это время те, кто служил у него, разнесли массу слухов. Корабль Корсина считался счастливым.

Однако сегодня удача изменила ему. Груженные под завязку лигнанскими кристаллами, «Знамение» и «Предвестник» уже готовились покинуть Фаэгон-3 и отбыть на фронт, когда джедайский истребитель решил проверить прочность щитов горнодобывающей флотилии. Пока серповидные «Бритвы» гонялись за незваным гостем, экипаж Корсина закончил подготовку к гиперпространственному прыжку. Главной задачей, конечно, было защитить груз, но если им удастся доставить его раньше джедайского отступника, это, пожалуй, станет неплохим бонусом. Пилотов «Бритв» может захватить и «Предвестник».

Только что-то пошло не так. «Предвестник» содрогнулся от

одного удара, потом от другого. Показания датчиков корабля-близнеца полностью сбились, и «Предвестник» понесло на «Знамение». Еще до того, как сирены оповестили экипаж об опасности столкновения, штурман Корсина машинально привел в действие гиперпривод. Они успели в последний момент…

…или не успели. Видимо, нет, раз «Знамение» разваливается сейчас на части. Корсин точно знал — их ударили. Телеметрия показала бы это, только телеметрии не было. Корабль сбился с курса на какую-то астрономическую микрочастицу, но этого хватило. Никто из экипажа, в том числе и сам капитан Корсин никогда не слышал о гравитационных колодцах в гиперпространстве. Чтобы поведать о чем-то, надо, для начала, остаться в живых. Ощущение было такое, словно сам космос широко разверзся перед «Знамением» и заглотнул корабль, сминая усиленные судовые надстройки, как пластилин. Это длилось какую-то долю секунды, если там вообще существовало время. Но избавление стало худшим кошмаром. С мерзким клацаньем рухнули щиты. Затем сдали переборки. И напоследок — арсенал.

Арсенал взорвался. Об этом ясно свидетельствовала зияющая дыра в днище корабля. Им неслыханно повезло: взрыв произошел в гиперпространстве и они выжили. Гранаты, бомбы, другие милые вещицы, которые массасси, данные ему в нагрузку к кристаллам, тащили на Киррек, могли бы устроить феерический салют, заодно уничтожив корабль. А так — арсенал просто испарился, прихватив с собой внушительный кусок юта. Физика гиперпространства априори непредсказуема; и вместо того, чтобы взорваться, искалеченная палуба тихо исчезла с корабля в сейсмическом рывке. Корсин представил, как взрывающиеся боеприпасы выплевывает из гиперпространства в нескольких световых годах позади «Знамения». Кому-то это может здорово испортить день!

Подождите. Сегодня же моя очередь.

«Знамение» выбросило в реальный космос. Корабль, резко потеряв скорость, бессмысленно нацелился на голубую сферу, висящую около яркой звезды. Это и есть источник гравитационной тени, вытянувшей их из прыжка? А какая разница? Это конец. Плененное силой притяжения планеты «Знамение» подпрыгивало и тряслось в прозрачном воздухе, пока падение не началось всерьез. Спасибо его инженеру да, пожалуй, и всей его инженерной команде: капитанский мостик еще держался. Корсин дивился мастерству тапани. Они падали, но все еще были живы.

— Почему он жив?

Почти загипнотизированный полосами бушующего снаружи огня — по крайней мере, «Знамение» падало не вверх тормашками, — Корсин смутно расслышал злобный выкрик слева от себя.

— Нельзя было прыгать! — Резкий юный голос. — Почему он жив?

Капитан Корсин выпрямился и скептически посмотрел на своего сводного брата:

— Ты же со мной не разговариваешь.

Девор Корсин ткнул пальцем мимо капитана в сторону растерянного худого человека, который до сих пор тщетно щелкал клавишами своей контрольной панели:

— Это твой навигатор! Почему он жив?

— Может, он ошибся палубой?

— Яру!

Конечно, было не до шуток. Бойл Марком водил корабли ситхов через гиперпространство со времен правления Марки Рагноса. Бойл не был лучшим из тех, с кем он работал, но Корсин знал, что бывший рулевой отца достаточно хорош. Однако не сегодня. Что бы там ни случилось, ответственность полностью лежала на навигаторе. Но затевать склоку в сердце огненной бури? В этом был весь Девор.

— Обсудим это позже, — подал голос из капитанского кресла старший Корсин. — Если выживем.

В глазах Девора вспыхнул гнев. Яру и не помнил иного. Бледный долговязый Девор мало походил на него самого — приземистого и смуглого, как их общий отец. Но эти глаза и этот взгляд? Прямая трансплантация органов, не иначе.

Их отец. Он никогда так не вляпался бы. Старый астронавт не потерял ни одного корабля владык ситхов. Учась у него, юный Яру желал во всем походить на отца, пока однажды не пришло разочарование. В тот день, когда появился Девор. Вдвое моложе Яру, сын женщины из чужого города, с чужой планеты, он без долгих раздумий был принят старым адмиралом. Вместо того чтобы выяснять, сколько еще претендентов на капитанское кресло наплодил отец, кадет Корсин попросил у ситхских повелителей новое назначение. Выбор оказался верным. Через пять лет он стал капитаном. Через десять — выиграл командование кораблем, заново окрещенным «Знамением», у капитана, который был гораздо старше.

Отцу это не понравилось. Он никогда не терял корабли ситхских повелителей. Но проиграл один сыну.

Кажется, терять «Знамение» стало семейной традицией. Весь экипаж мостика — даже чужак Девор — громко выдохнул, когда

на переднем экране пламя сменилось струйками влаги. «Знамение» не сгорело в стратосфере и сейчас лениво кружилось среди набухших дождем туч. Корсин прищурился. Вода?

Может, там есть и суша?

Страшная мысль одновременно мелькнула в голове всех семерых, кто был на мостике, пока они наблюдали, как вздувается и гнется транспаристалевый экран: «Газовый гигант!» Путь с орбиты долог, даже если надеешься пережить посадку. А насколько он долог, когда поверхности нет? Корсин теребил бесполезные сейчас ручки управления в подлокотниках кресла. «Знамение» треснет под давлением газов. И, словно в ответ на эту мысль, одновременно посетившую всех, деформированный экран потемнел.

— Всем пригнуть голову! — крикнул Корсин. — И держитесь за что-нибудь… *сейчас*!

На этот раз все его послушались. Он понимал: ради того, чтобы выжить, ситхи готовы на все. Даже эти. Корсин вцепился в кресло, не сводя взгляда с переднего экрана, поперек которого стремительно пронеслась тень.

Что-то тяжелое влажно шлепнулось о корпус. По транспаристали прокатилось нечто вытянутой формы и задержалось на мгновение перед тем, как исчезнуть. Капитан дважды моргнул. Что бы там ни появилось и пропало, это не часть его корабля.

И у «этого» были крылья.

Вздрогнув, Корсин вскочил с кресла и подался к экрану, что стало ошибкой капитана. Уже покореженная столкновением с атмосферой, транспаристаль треснула, осколки брызнули сверкающими каплями. Шипящая волна вырвавшегося воздуха сбила Корсина с ног. Старый Марком скатился на бок, окончательно потеряв контроль над своим пультом. Завыли сирены — они до сих пор работали? — но шум вскоре стих. Ни о чем не думая, Корсин дышал.

— Воздух! Это воздух!

Девор первым поднялся на ноги, борясь с ветром. Наконец-то повезло. Большую часть переднего экрана выдуло наружу, и по мере разгерметизации кабину заполнял солоноватый ветер. Капитан Корсин с трудом смог пробраться к своему креслу. *Спасибо за помощь, брат.*

— Просто передышка, — сказал Глойд.

Они еще не видели, что там, внизу. У Корсина был опыт смертельных пике — правда, на бомбардировщике, — и тогда он точно знал, где земля. Знал, что земля *есть*.

Неуверенность, которую Корсин до этого момента сдерживал,

наконец прорвалась и затопила сознание. Девор это почуял.

— Довольно! — рявкнул кристаллодобытчик, кое-как пробравшись по трясущейся палубе к креслу брата. — Отдай мне управление!

— От него нет толку ни тебе, ни мне.

— Посмотрим! — Девор потянулся к подлокотникам, но ему помешало крепкое запястье Корсина.

Капитан сжал зубы. *Только не это. Не сейчас.* Послышался детский крик. Корсин насмешливо взглянул на Девора и повернулся ко входу. Там стояла Сиела, прижимая к груди темно-красный сверток. Ребенок вопил.

Кожа Сиелы была смуглее, чем у любого из них. Она работала в шахтерской команде Девора. Корсин определил ее для себя как жену брата — так было проще всего. Он не знал, была ли она сначала его любовницей, а потом стала подчиненной, или наоборот. Сейчас хрупкая женщина, привалившаяся к дверному косяку, выглядела изможденной. Ребенок, туго спеленатый, по обычаю ее народа, высвободил тонкую ручонку и схватился за спутанные темно-рыжие волосы матери. Она, казалось, этого не заметила.

Вот сюрприз — лицо Девора скривилось от досады.

— Я отправил вас к спасательным капсулам!

Корсин передернулся. Капсулы были не спасательными, скорее наоборот — в прямом смысле слова. Выяснилось это еще в космосе, когда первая, застряв в стыковочных захватах, взорвалась прямо внутри корабля. Он не знал, что случилось с оставшимися, но там были такие повреждения, что они, пожалуй, потеряли весь отсек.

— Грузовой отсек, — тяжело дыша, проговорила Сиела, когда Девор добрался до нее и схватил за руки. — Рядом с нашими каютами.

Взгляд Девора метнулся к проходу за ее спиной.

— Девор, нельзя пройти к спасательным капсулам…

— Заткнись, Яру!

— Прекратите, — потребовала Сиела. — Там земля.

Когда Девор непонимающе уставился на нее, женщина выдохнула и перевела взгляд на капитана:

— *Земля!*

Корсина озарило: «Грузовой отсек!»

Кристаллы находились в трюме — самом защищенном отсеке на корабле. И там были угловые иллюминаторы, дающие нижний обзор. Под всей этой синевой что-то было. Значит, у них есть шанс.

— Левый маневровый заведется. — В голосе женщины

послышались умоляющие нотки.

— Нет, не получится, — возразил Корсин. В любом случае для этого мало просто отдать команду с мостика. — Придется, так сказать, вручную.

Он шагнул мимо обмякшего Маркома к правому экрану, откуда был виден широкий клин, замыкающий корму. С каждой стороны корабля находилось по четыре больших колпака торпедных аппаратов, их сферические заслонки, в зависимости от месторасположения, поворачивались выше или ниже горизонтальной проекции судна. Они никогда не открывались в атмосфере из-за создаваемого ими аэродинамического сопротивления. Но сейчас это может их спасти.

— Глойд, они сработают?

— Только один раз. Но энергии нет, нам придется как-то детонировать стержни взрывателей, чтобы заслонки открылись.

Девор уставился на них:

— Мы туда не полезем!

Они продолжали стремительно падать, но Корсин уже действовал. Спешно миновав брата, он оказался у левого экрана:

— Всем на другую сторону, быстро!

Сиела и еще один член экипажа шагнули вправо. Девор, глянув сердито, неохотно последовал за ними. Оставшись слева в одиночестве, Яру Корсин положил руку на холодную, запотевшую поверхность переборки. Снаружи, в нескольких метрах, он разглядел один из внушительных круглых колпаков и маленькую — не больше комлинка — коробочку, вмонтированную сбоку. Она была меньше, чем он помнил со времени последней инспекции. *Где же механизм? Вот он.* Он потянулся через Силу. *Осторожно…*

— Надо открыть торпедные заслонки по обе стороны. *Сейчас!*

Решительно направив Силу, Корсин активировал взрыватели. Массивный затвор сорвало взрывом, и огромный круглый колпак сдвинулся, прокрутившись на своем единственном крепеже. Корабль и без того трясло, а как только заслонка отклонилась максимально, своеобразным элероном выпятившись над поверхностью «Знамения», раздался оглушительный скрип. Корсин нетерпеливо обернулся. Выражение лица Сиелы убедило его в том, что и с другой стороны все прошло успешно. На мгновение он решил, что это сработает…

Гру-у-ум! Мощный толчок сбил всех с ног. «Знамение» клюнуло носом. Скорость падения не уменьшилась настолько, насколько ожидал Корсин, но не это важно. Теперь они смогут увидеть, куда летят; что там — внизу. *Если проклятые облака когда-нибудь кончатся…*

И на какое-то мгновение он ее увидел. Действительно — земля, но еще больше воды. Намного больше. Высокие зубчатые пики поднимались из зеленоватых волн. Будто каменный скелет, освещенный закатным солнцем чужой планеты, едва различимым на горизонте. Они быстро неслись в ночь. Их время истекало…

…и Корсин знал, что выбора нет. Хотя большая часть экипажа выживет, если приводнится, они все равно недолго протянут после того, как их хозяева узнают, что ценный груз лежит на дне чужого океана. *Лучше уж пусть подберут кристаллы среди наших обгоревших трупов.* Нахмурившись, капитан приказал стоящим справа открыть нижние торпедные заслонки.

Снова яростный рывок, и «Знамение» завалилось влево, поворачивая к грозной горной цепи. Сзади из корабля выскочила спасательная капсула — и врезалась прямо в горный кряж. Огненный столб исчез с экранов мостика буквально через секунду. «Вот это взрыв — артиллеристы Глойда обзавидовались бы», — подумал Корсин, шумно выдохнув. Люди еще живы. Еще борются.

«Знамение» разминулось с заснеженным пиком метров на сто, не больше. Внизу показалась темная вода. Новая корректировка курса — больше торпедных аппаратов у «Знамения» нет. Стартовала еще одна спасательная капсула, ушла по дуге вниз и в сторону. Пилот — если он был один — завел двигатель, только когда суденышко приблизилось к волнам. Включившись сразу на полную тягу, реактивные двигатели бросили капсулу прямо в океан.

Стерев заливающий глаза пот. Корсин обернулся к своему экипажу:

— Глубинная бомба! Отличное время для изучения смешанной тактики ведения войны!

Даже Глойд не засмеялся. Но не потому, что шутка была неуместна. Капитан понял это, обернувшись. Все дело в том, что ожидало их впереди. Новая, еще более мрачная горная гряда вздымалась из моря — и одна из вершин предназначалась им. Корсин рухнул в кресло:

— По местам!

Сиела в панике металась по мостику. Покачнувшись, она едва не выронила плачущего Джериада. Ей некуда было приткнуться, негде спрятаться. Она двинулась к Девору, замершему за своим пультом. Но времени не оставалось. Вдруг кто-то протянул ей руку. Яру дернул женщину к себе, толкая вниз, за капитанское кресло. Это дорого ему обошлось.

«Знамение» ударилось о гранитный хребет, проиграв эту битву и самое себя. Удар отбросил капитана Корсина к переборке.

Он едва не рухнул на торчащие осколки разбитого экрана. Глойд и Марком попытались было кинуться к нему, но «Знамение» еще двигалось. Корабль врезался в следующий каменный склон и покатился вниз. Что-то взорвалось, усыпая горящими осколками глубокий след, оставленный судном.

Умирающее «Знамение» снова развернулось, торпедные заслонки, послужившие им воздушным тормозом, защелкали с сухим треском. Корабль заскользил по осыпи, разбрасывая во все стороны камни. Корсин поднял голову — его разбитый лоб кровоточил, — посмотрел вперед…

…и ничего не увидел. «Знамение» скользило к пропасти. Это закончились горы.

Стой. *Стой!*

— Стой!

Тишина. Корсин закашлял и открыл глаза.

Они все еще живы.

— Нет. — Сиела стояла на коленях, прижимая к себе Джериада. — Мы уже мертвы.

Благодаря тебе. Она не произнесла этого вслух, но Корсин чувствовал слова, текущие к нему через Силу. Подсказка тут не нужна. Ее взгляд был достаточно красноречив.

2

Основной экипаж «Знамения» состоял из людей, принадлежащих к тому же народу, что и Корсин: осколки благородного дома, выброшенные в никуда столетия назад бурей, с которой началось становление империи Тапани. А потом их нашли ситхи и признали находку полезной. Беженцы с Тапани были искусны в торговле и промышленности — в этом владыки ситхов крайне нуждались, но у них, поглощенных созиданием и разрушением миров, не было времени. Его предки управляли кораблями и заводами. И делали это хорошо. Вскоре, смешивая свою кровь с кровью темных джедаев, они обрели и Силу.

У них было будущее. Об этом не говорили открыто, но так оно и было. Многие ситхские повелители еще несли в себе кровь тех красных экзотов, которые очень долго составляли ядро их общества. Но их становилось все меньше, и, если Нага Садоу хотел править Галактикой, они должны были исчезнуть.

Нага Садоу. Темный владыка с отростками на лице, как у красных ситхов, наследник древней Силы. Нага Садоу, пославший «Знамение» и «Предвестник» на поиски лигнанских кристаллов; Нага Садоу, которому эти кристаллы необходимы на Кирреке, чтобы нанести поражение Республике и ее джедаям.

Или джедаям и их Республике? Не имеет значения. Нага Садоу уничтожит капитана Корсина и весь его экипаж за потерю своего корабля. Сиела во многом была права.

Но не проиграет же Садоу войну только из-за того, что Корсин сплоховал. И у капитана еще кое-что есть. Кристаллы.

Они, правда, остались где-то наверху.

Спуск трехсот пятидесяти пяти человек с горного плато превратился в ночной кошмар. Шестнадцать раненых погибли, еще пятеро сорвались в темноте с узкого карниза — единственного пути вниз, который они смогли найти. Но никто не сомневался в необходимости покинуть плато. Нельзя было там оставаться: пожары не утихали, а корабль опасно кренился над обрывом. Корсин покинул корабль последним и здорово перепугался, когда одна из протонных торпед выскользнула из открытой шахты и, скатившись с обрыва, канула в никуда.

На рассвете, на полпути вниз, они нашли ложбину, поросшую дикими травами. В любом уголке Галактики есть жизнь, даже здесь. Первый хороший знак. Наверху все еще пылало «Знамение». Зато искать корабль в этих диких горах не составит труда, подумалось Корсину. Пока его местоположение легко определить по дыму.

Сейчас, минуя дневную давку — место было тесновато для всех, — Корсин понял, что ему не придется гадать, где его люди. Пока нос работает.

— Теперь я понимаю, почему мы держали массасси на отдельной палубе, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

— Прелестно, — раздалось над его плечом. — Должен сказать, они тоже от тебя не в восторге.

Это Равилан — чистокровный красный ситх. Интендант и ответственный за массасси — неприятных огромных двуногих созданий. Ситхи очень ценили их разрушительные способности. Но сейчас массасси выглядели не так уж грозно. Вслед за Равиланом Корсин шагнул в толпу этих чудовищ; стало еще противнее из-за запаха блевотины. Багровые монстры двух-трех метров ростом корчились на земле, они кашляли, их периодически рвало.

— Возможно, отек легких, — предположила Сиела, огибая груду баллонов из аварийного комплекта, наполненных очищенным воздухом. До того как связаться с Девором и получить у него работу, она была полевым врачом. Хотя Корсин этого не сказал бы, глядя, как она обращается с больными, по крайней мере с массасси. Женщина едва коснулась хрипящего гиганта:

— Мы спустились, так что приступы должны утихнуть. Возможно, они придут в норму.

Слева от нее массасси зашелся в кашле — и молча уставился на пригоршню откашлянных кровавых ошметков. Корсин посмотрел на интенданта и сухо осведомился:

— Это нормально?

— Ты знаешь, что нет! — рявкнул Равилан.

С другого конца ложбины примчался Девор Корсин и сунул сына Сиеле в руки, даже не дав ей стереть с них кровь. Он схватил массивное запястье массасси, сравнивая его габариты со своими. И бросил яростный взгляд на брата:

— Но ведь массасси сильнее всех!

— Это если надо бить, пинать или давить, — пояснил Корсин.

Чужая планета и есть чужая планета. У них не было времени на биосканирование. И все оборудование осталось наверху. Девор следом за Сиелой попятился от больного массасси.

Крушение пережили восемьдесят чудовищ. Корсин знал, что больше трети из них помощники Равилана сожгли чуть выше по склону. Что-то невидимое убивало здесь массасси. И делало это быстро. Равилан показал ему зловонный погребальный костер.

— Слишком близко, — сказал Корсин.

— От кого? — уточнил Равилан. — Или эта яма —

стационарный лагерь? Нам что, тащиться на соседнюю гору?

— Хватит, Рав.

— А где же остроумный ответ? Я изумлен. У тебя он обычно готов заранее.

В предыдущих миссиях они с Равиланом часто устраивали словесные пикировки. Но сейчас было не время.

— Я сказал, хватит. Мы обследовали нижнюю часть склона. Ты знаешь результаты. Нам некуда идти.

У подножия утеса был пляж, но он заканчивался маслянисто-блестящим скалистым склоном следующей вершины. А путь по горам проходил сквозь спутанные колючие заросли.

— Нет необходимости в разведке. Мы здесь ненадолго.

— Очень на это надеюсь. — Равилан тоже отвернулся от смрада костров. — Но твой брат… то есть другой сын капитана Корсина считает, что нельзя затягивать с возвращением.

Яру Корсин остановился.

— Коды для передатчика у меня. Я отправлю сигнал, — он на секунду поднял голову, взглянул на далекий шлейф дыма, — когда там станет безопасно.

— Разумеется. Когда станет безопасно.

Капитан не хотел участия Девора в миссии. Несколько лет назад, когда его сводный брат покинул флот и перешел в геологоразведку, Корсин вздохнул с облегчением. Поиском драгоценных камней и напитанных Силой кристаллов легче было обрести власть и богатство. При финансовой поддержке отца Девор стал специалистом по плазменным резакам и сканерам. Недавно, из-за столкновения с джедаями, спрос на его услуги возрос, и он вместе со своей бригадой был направлен на «Знамение». Корсин гадал, над кем же он так пошутил, чтобы заслужить это.

Ему сказали, что Девора назначили в ответ на его официальный запрос, но это было невозможно. Даже ситхские повелители не столь могущественны.

— Ты должен был удержать корабль на орбите!

— Мы не были на орбите!

Корсин услышал голос навигатора — Маркома, — донесшийся из-за пыльного гребня. И второй голос он, конечно же, тоже узнал.

Корсин взлетел на гребень. Старик пытался выбраться из толпы, но шахтеры Девора не пропускали Бойла.

— Вы ничего не понимаете в моем деле! — закричал он. — Я сделал все, что смог! Ох, какой смысл говорить с…

В тот самый миг, когда Корсин наконец добрался до

ложбины, толпа хлынула вперед — словно прорвали какой-то барьер. Послышалось знакомое до боли жужжание.

— Нет!

Корсин вклинился в толпу. Сначала ему под ноги попался световой меч, а потом он увидел на земле израненное тело старого рулевого отца. Девор стоял рядом с Спелой и Джериадом, его меч сиял багрянцем в сгущающихся сумерках.

— Навигатор напал первым, — сообщила Сиела.

Капитан поднял брови:

— Какая теперь разница?

Корсин вышел в центр и призвал Силой упавший меч. Девор, мягко улыбаясь, остался на месте, оружие он не деактивировал. В его темных глазах зажегся знакомый дикий огонек. Он чуть дрожал, но не от страха. Страх Яру Корсин почувствовал бы. Капитан знал, это что-то иное, что-то куда более опасное. Он повернул деактивированный меч Маркома излучателем вниз и потряс им:

— Он был нашим навигатором, Девор! Что, если звездные карты вышли из строя?

— Я смогу проложить обратный маршрут, — уверенно ответил Девор.

— Тебе придется! — Корсин потихоньку огляделся. Много золотого — форма шахтеров, но и члены экипажа с мостика присутствуют. Красные ситхи — не Равилан, но один из его друзей. Он не был напуган. — Подобное не приведет ни к чему хорошему. Мы останемся здесь, пока возвращение на корабль не станет безопасным. Это все.

Сиела выпрямилась, ободренная поддержкой окружающих:

— А когда станет безопасно? Через несколько дней? Недель? — Ее ребенок заплакал. — Как долго нам ждать, пока станет достаточно безопасно для тебя?

Корсин взглянул на женщину и, глубоко вздохнув, бросил меч Маркома на землю:

— Скажите Равилану, что надо сжечь еще одного. — Когда недовольная толпа расступилась, давая ему пройти, Корсин добавил: — Мы пойдем, когда я скажу. Корабль может взорваться, может рухнуть в океан. Тогда у нас действительно начнутся проблемы. Так что пойдем, когда я скажу.

Наступил переломный момент. Корсин сделал шаг назад, и тут появился Глойд. Он бдительно косил желтым глазом на ворчащую толпу. Самое интересное Глойд пропустил.

— Капитан.

Они смотрели друг другу за спины, держа в поле зрения как можно больше ситхов.

— Да, что-то у нас здесь не слишком весело, Глойд.

— Тогда слушай, — просипел массивный гоук. — Насколько я понимаю, у нас три варианта. Сбросим их со скалы — может, кто и взлетит. Или спрячемся где-нибудь, подождем, пока они не перебьют друг друга.

— А третий?

Яркое лицо Глойда собралось складочками от смеха.

— Его нет. Просто я подумал, что такое многообразие тебя приободрит.

— Ненавижу тебя.

— Отлично. Когда-нибудь ты станешь настоящим ситхом.

Корсин знал Глойда с тех пор, как стал капитаном. Гоук был таким офицером, которого желал бы видеть на мостике любой ситхский капитан: больше заинтересованным своей работой, чем борьбой за власть. Умный Глойд не искал проблем. Или, может, слишком любил разносить все в клочья, чтобы просто так оставить свой боевой пост.

Конечно, сейчас, когда артиллерия Глойда осталась где-то в километре выше, Корсин не знал, чем будет полезен его давний товарищ. Но гоук, ко всему прочему, был килограммов на пятьдесят тяжелее почти любого из экипажа. Никто не пойдет против них, пока они стоят рядом.

Во всяком случае, в одиночку.

Корсин оглянулся на собравшихся.

Равилан уже был здесь. Он с парой младших офицеров держался поближе к Девору и Сиеле. Девор, заметив направленный на него взгляд брата, отвернулся; Сиела же в ответ нагло уставилась на капитана. Корсин выругался.

— Глойд, мы здесь умираем. Я их не понимаю!

— Да уж. Помнишь: как вкалывать сейчас, так это мы. А остальные ситхи — они думают о будущем. — Гоук выдернул из земли чахлый корешок и понюхал. — Вся проблема в том, что здесь только будущее и имеет значение. Ты пытаешься сплотить их, а надо показать им, что что-то есть и за этой горой. Нет времени их убеждать. Ты выбираешь путь. А если кому-нибудь он не понравится…

— Отправим летать? — усмехнулся Корсин. Это действительно было нехарактерно для него.

Глойд улыбнулся в ответ и впился зубами в корешок. Командир артиллеристов скорчил забавную гримасу, извиняясь перед собой за то, что потащил какую-то дрянь в рот.

Да, им не выжить за счет земли — этой земли.

Оглядев толпу, Корсин непроизвольно вскинул взгляд на истончающуюся струйку дыма над горами.

Высоко. Глойд прав. Это единственный путь.

3

Массасси погибли. Корсин ушел на рассвете, взяв с собой трех носильщиков — самых здоровых. Им роздали оставшиеся баллоны с воздухом. Ни воздуха, ни массасси надолго не хватило. Что бы на этой планете ни восстало против них, оно одинаково эффективно убивало монстров на любой высоте.

Может, оно и к лучшему, думал Корсин, оставляя кроваво-красные трупы там, где они упали. Он не мог контролировать массасси. Они были исполнительными и послушными воинами, но понимали только грубую силу. Слова на них не действовали. Хороший ситхский капитан должен уметь использовать и то и другое, но Корсин больше склонялся к последнему. Благодаря этому он сделал неплохую карьеру.

Только вот у подножия горы успехи его были невелики. И будет еще хуже. Уже было. Ночь оказалась холодной, хотя он ожидал более мягких температур от океанского климата. То ли из-за этого, то ли от недостатка медицинской помощи некоторые тяжелораненые погибли. Позже какая-то тварь — Глойд описал шестиногое млекопитающее, наполовину состоящее из пасти, — выпрыгнула из норы и загрызла еще одного пострадавшего. Пятеро часовых вконец измучились, пока изловили зверя. Одна из геологов Девора поджарила часть туши на костре и попробовала кусочек. После мучительной кровавой рвоты она умерла от остановки сердца. Какое счастье, что он в это время спал и ничего не видел.

Вся радость оттого, что на планете есть жизнь, прошла. Их было слишком мало, чтобы опытным путем отделять съедобное от ядовитого. Надо возвращаться домой, независимо от того, в каком состоянии корабль.

Корсин посмотрел в утреннее небо, исчерченное полосками перистых облаков, а не струйками дыма. Он никому не рассказал о существе, которое врезалось в экран во время падения. Что он видел? Вполне возможно, еще одного хищника. Так что не стоило этим делиться. Все и так были сильно напуганы, а страх порождает гнев. Ситхи понимали гнев — и использовали его. Но если его не контролировать, это не приведет ни к чему хорошему. Солнце еще не село, когда снова появились световые мечи: возникли разногласия по поводу распределения пищевых пайков. Одним красным ситхом меньше. Не прошло и двадцати часов с момента катастрофы, а все возвращалось к истокам. К расовой принадлежности.

Время уже истекло.

«Знамение» лежало в небольшом углублении по другую сторону гребня. Дальше — только небо и океан. Корабль остановился как раз вовремя, на самом краю. И весь был покорежен. Вид корабля, вдребезги разбитого о чужие скалы, мало тронул Корсина. Иные — в основном капитаны Республики — относились к своим кораблям с большей нежностью. К ситхам это не относилось. «Знамение» было всего лишь инструментом, как бластер или световой меч, которым пользуются, пока он исправен, а потом выбрасывают. И пусть прочность корабля спасла ему жизнь, он же первым и предал его. Подобного не прощают.

Впрочем, корабль еще пригодится. О взлете не может быть и речи, но вид металлической башенки над мостиком обнадеживал. Приемник тут же найдет республиканские гиперпространственные маяки, и Корсин узнает, куда их занесло. А передатчик сообщит ситхам, где искать «Знамение» и, что еще важнее, лигнанские кристаллы. Может, кристаллы и не попадут вовремя на Киррек, но Садоу они в любом случае пригодятся. Осторожно пробираясь по осыпи к шлюзу, Корсин старался не думать о том, что если они потеряли Киррек из-за того, что потерялось «Знамение», то он — труп.

Но умрет он, только завершив свою миссию.

Пустой флакон лежал на раскрытой подрагивающей ладони Девора.

Он каким-то образом первым добрался до «Знамения» и сидел в капитанском кресле. Пожалуй, правильнее было бы сказать — скрючился.

— Вижу, твоя каюта не пострадала, — заговорил Корсин.

Он вспомнил, что Сиела возвращалась в жилые отсеки за маленьким Джериадом. Во время пожара бросаются спасать самое дорогое.

— Я не туда пошел первым делом. — Девор расслабил руку, позволив флакону упасть на палубу возле капитанского кресла. Там валялась еще одна емкость, а вокруг блестели крупицы спайса.

«Он здесь уже довольно давно», — решил Корсин. У него было смутное подозрение, что Девор ушел в горную промышленность в первую очередь из-за спайса; на флоте наркотик, конечно, помешал бы его карьере.

— Я не туда ходил… Я имею в виду, не сразу. — Девор неопределенным жестом указал на потолок. — Я пошел посмотреть на передатчик.

— Выглядит он неплохо.

— Снаружи — может быть. — Ссутулившись в кресле, Девор безучастно смотрел, как его брат добрался до лестницы, переступая через упавшие балки.

Над потолочными панелями Корсин увидел то, что, должно быть, уже успел рассмотреть Девор: спекшиеся воедино электронные блоки. Все сгорело, когда во время падения в этом месте треснул корпус. Внешний датчик был цел, вернее — стоял памятником на собственной могиле, не более.

Спустившись, Корсин пробрался к панели управления связью и несколько раз нажал кнопку.

Ничего. Он вздохнул. Та же история и со всем остальным на мостике. Он в последний раз включил передатчик и отступил по обломкам назад. «Знамение» было мертво. Но ситхи и раньше побеждали смерть, да и на корабле полно запасных частей. Его взгляд метнулся к проходу. Точно, мастерские…

— Пропали вместе с арсеналом!

Взрыв почти все унес в космос. Девор закрыл лицо руками, сдаваясь.

Но не Корсин.

— Посадочный ангар. «Бритвы».

Истребители были в космосе, когда «Знамение» неожиданно отбыло, но что-то в ангаре могло остаться.

— Забудь об этом, Яру. Ангар полностью разрушен ударом. Я не смог даже попасть туда.

— Тогда мы разберем корабль — палубу за палубой — и изготовим все, что нам нужно!

— Чем? Световыми мечами? — Девор поднялся, держась за подлокотники. — Мы погибли! — Он закашлял, потом рассмеялся. В лигнанских кристаллах была энергия, но она не годилась для аварийных маяков или передатчика, даже для звездного атласа. — Мы здесь, Яру. Мы здесь, мы выпали из реальности. Мы не на войне. Мы вообще нигде. И даже не там.

— Это ты не там.

Корсин выбрался в коридор и начал обшаривать отсеки в поисках того, что может пригодиться им внизу. К сожалению, «Знамение» готовили к миссии в глубоком космосе. А ситхские поставщики были бережливы. Ни одного портативного генератора. Другой отсек. Одежда. Она пригодилась бы ночью, но они все равно здесь не останутся.

— Нам придется остаться. — Девор будто прочитал мысли Корсина.

— Что?

— Нам придется остаться, — повторил Девор. Он стоял в одиночестве, в тенях перехода, точно призрак. Голос его

дрожал. — Прошло два дня. Ты не понимаешь. Два дня.

Корсин не ответил, он прошел мимо брата к другой двери. Она была повреждена, и ее заклинило.

— Два дня, Яру. Нага Садоу решит, что мы сбежали. Украли у него лигнанские кристаллы!

— Он обвинит Сайеса. — Корсин помнил, что Нага Садоу не очень-то доверял падшему джедаю, капитану «Предвестника». Он попросил Корсина приглядывать за Сайесом и докладывать ему. Когда он свяжется с повелителем — если свяжется, — то в красках опишет, как «Предвестник» потерял контроль, как ударил «Знамение». Если все сложилось удачно, «Предвестник» уже у Садоу…

Корсин отпустил дверную ручку. Он не знал, что случилось с «Предвестником» после столкновения, но он готов спорить на что угодно — Нага Садоу уже заполучил искалеченный корабль. А у Сайеса есть только половина кристаллов, вторую ему взять неоткуда. И чтобы спасти свою жизнь, он скажет про «Знамение» все, что угодно. Он так запоет, что и кхил[1] позавидует.

Корсин обернулся:

— На Праймус-Голууде. На станции. Ты встречался с Садоу, не так ли?

Девор смутился:

— Мы обсуждали кристаллы.

— И больше ничего? Например, кто должен командовать миссией?

Девор уставился на него налитыми кровью глазами. Снова этот взгляд.

— Вы говорили об этом, верно? — давил Корсин, удивляясь собственному спокойствию. — И что же ты сказал, получив отказ?

Кровь капитана, казалось, застыла. Он знал, как реагирует Девор на такие вещи — как должен был отреагировать. Садоу отказал его сводному брату, и Девор что-то ляпнул в ответ. Что? Это не разозлило Садоу, нет — Девор же здесь, на разбитом корабле, дышит, хотя и с трудом. Но у Садоу была причина сомневаться в преданности Девора, сомневаться в безопасности своих кристаллов. Единственное, что есть у Корсина, — это его репутация, и этого хватило бы; но теперь Садоу как минимум может решить, что Корсин — не полноправный хозяин на своем корабле. И если он не…

Рука Девора дернулась — в нее влетел световой меч. Оружие, убившее Бойла Маркома, зажглось в его руке.

— Что я тебе говорил?! — заорал Корсин, надвигаясь на него. — Никаких игр на моем корабле!

Девор затрясся и бросился обратно на мостик. Корсин

последовал за ним.

— Мы сможем выбраться из этого, только если будем полностью честны, Девор! Вряд ли Садоу сочтет, что мы сделали все специально! — Он подошел к двери. — Никаких игр на моем корабле!

Корсин шагнул в ураган. Девор стоял на капитанском кресле, вокруг вращались обломки — прямо бог на вершине горы. Корсин нырнул вниз, перекатился. Осколки транспаристали царапали лицо, рвали мундир. Добравшись до пульта Глойда, он начал плести защитный кокон из Силы. Девор был не менее силен, чем любой другой член их семьи, — а сейчас еще и находился под действием наркотика.

Балка врезалась в переборку, «Знамение» задрожало. Еще один удар, и мостик накренился, Девор упал. Подняться ему Корсин не позволил. Как только голова Девора показалась над креслом, Корсин мощным толчком Силы отбросил его за разрушенный экран. Драться лучше снаружи корабля, пока еще хоть что-то цело.

Корсин ринулся по проходу к воздушному шлюзу. «Бороться с противником, свихнувшимся от спайса, в ловушке, которая едва держится на краю пропасти? Я, должно быть, тоже сошел с ума!» Шлюз оказался выше, чем был. Чтобы спуститься на землю, пришлось прыгать. Ботинок при приземлении увяз в мягкой почве, Корсин подвернул лодыжку и скатился по осыпи. Закусив губу, он попытался вскарабкаться повыше, подальше от края пропасти, к разбитой носовой части «Знамения». И тут на него упала тень. Корсин активировал световой меч…

Внезапно он увидел это — или это увидело его. Еще одно крылатое создание. Оно кружило высоко над соседним хребтом и смотрело. Смотрело на него. Корсин заморгал, чтобы избавиться от запорошившего глаза песка. Но существо уже летело прочь. Оно было таким же, как то, первое. Почти. Разница лишь в том….

Удар! Корсин почувствовал, как взмывает в воздух, и, прежде чем он сообразил, что происходит, его впечатало в обломки «Знамения». В поле зрения появился Девор, перед ним катились булыжники, словно их тянуло магнитом. Корсин, пойманный в капкан покореженным металлом, старался вырваться изо всех сил. Знакомое отцовское выражение пропало из глаз Девора, осталась лишь холодная пустота.

— Все кончено, Яру, — сказал Девор, поднимая меч. — Мы должны были разобраться с этим раньше. Все уже решено. Я — капитан Корсин.

Решено? Смысл слов дошел до Корсина, как раз когда меч сверкнул, едва не задев его ухо. Удар выбил искры из

потрепанной брони «Знамения». Капитан вскинул оружие, отражая атаку. Но последовал еще один удар, затем другой. Девор бил без остановки. Никакого мастерства, просто ярость. Корсин отступал вдоль корпуса корабля — больше было некуда, — двигаясь к торпедным шахтам левого борта. Три заслонки были открыты во время спуска. А четвертая…

Корсин заметил коробочку блока управления — такую же он дистанционно заставил сработать, когда они падали. Прижавшись к земле, он потянулся к нему через Силу. Взрыватель активировался, стержень, вылетев, ударил Девора по руке, в которой он держал световой меч. Заслонка попыталась открыться, но двигаться было некуда, и она зарылась в грунт, выбросив из-под корабля поток камней. «Знамение» накренилось еще больше, толкнув Девора к обрыву, под которым бился океан.

Корсину потребовалась одна минута, чтобы отцепиться от поручня, подвернувшегося ему под руку, и еще одна, чтобы отряхнуться от пыли. Убедившись, что «Знамение» теперь заняло на удивление устойчивое положение, он осторожно шагнул на дробленый сланец. Корабль носом уткнулся в острый выступ всего в нескольких метрах от края обрыва.

А перед ним, присыпанный щебнем, лежал его брат. Девор скорчился на самом краю — золотистая форма превратилась в лохмотья, плечо кровоточило. Он попытался подняться на колени, разбрасывая камни, но снова упал.

И он все еще сжимал меч. Корсин не знал, как Девор умудрился не потерять оружие, когда все вокруг рушилось. Капитан повесил свой собственный меч на пояс.

— Яру? — захныкал Девор. — Яру… я ничего не вижу.

По его лицу текли слезы, но повреждений не было. Девор выронил меч, тот быстро исчез из виду за краем пропасти. Стало видно жирное розовое пятно на его руке. «Багровая ярость». Вот что было во флаконах. Вот что наполнило Девора невероятной мощью, а теперь отнимало последние силы.

Подняв брата на ноги, Корсин осмотрел плечо. Ранение легкое. Девор молод; Сиела позаботится о нем, он даже выживет, если сможет обойтись без спайса. Но… что потом? Что они еще могут сказать друг другу? Все уже сказано.

Все уже решено.

Поддержка превратилась в стальной захват — и Яру Корсин повернул брата лицом к солнцу, садящемуся в океан.

— Я завершу миссию, — проговорил он, всмотревшись в морскую даль. — И я буду защищать свой экипаж.

Он разжал пальцы.

4

Почти настала ночь, когда Корсин появился на тропе. Он тянул за собой импровизированные сани, которые смастерил из стола. На санях лежала груда пищевых пайков и термоодеяла. Корсину даже пришлось несколько раз использовать Силу, чтобы спустить все это с горы. Самодельные постромки врезались в шею и плечи, оставляя уродливые следы. В лагере уже горело несколько костров. Он рад был их увидеть.

Удивившись сначала, Равилан, казалось, тоже ему обрадовался:

— Маяк работает?

— Я сам нажал кнопку.

— И что?

— Будем ждать.

Равилан сощурился от дыма:

— Ты знаешь, где мы? Ты связался с кем-нибудь?

Корсин уже переключил внимание на суету вокруг саней. Равилан понизил голос:

— Где… где массасси?

Корсин не обернулся:

— Мертвы. Ты же не думаешь, что я хотел этого?

Алое лицо интенданта слегка посветлело.

— Нет. Конечно нет… капитан. — Он оглянулся на горы, исчезающие в подступившей тьме. — Возможно, кто-то из специалистов мог бы осмотреть передатчик. Мы можем…

— Равилан, хочешь лезть туда — пожалуйста. Но я намерен послать наверх людей с оборудованием, потому что если мы не подведем опоры под корпус, то следующий, кто взойдет на борт, может отправить корабль в его последний полет. — Корсин присел на контейнер и покрутил головой. — Где твои массасси?

Равилан пристально посмотрел на него:

— Все мертвы.

Корсин освободился наконец от постромков, с помощью которых тащил сани. Костер ярко пылал. Но почему он мерзнет?

— Сиела.

— Где Девор?

Он холодно взглянул на женщину. Ее потускневшая золотистая форма мерцала в свете костра.

— А где Девор? — повторил он ее вопрос.

— Он пошел наверх… — Сиела резко замолчала. Никто не должен был покидать лагерь. А сейчас смотреть в глаза Яру Корсина.

Она стиснула Джериада. Ребенок проснулся и заплакал.

Речь, призванную вселить в людей бодрость, Корсин начал, как всегда, с перечисления Фактов, Всем Уже Известных. Но эта речь во многом отличалась, потому что слишком много было неизвестного, в том числе и ему самому. Никто не сомневался, что Нага Садоу все еще хочет заполучить свой груз. Ясно было, что их занесло очень далеко. Но мало кто мог представить себе расстояние, которое помешало бы владыке ситхов добраться до желаемого. Менее оптимистичными были прогнозы насчет того, как Садоу примет это. Но Корсин знал: его экипаж уверен, что кто-то где-то ищет их.

Они просто не знали, сколько это продлится. Слишком рано для этого. Садоу — о нем тоже потом. Место не располагало к размышлениям о будущем. Надо было выживать в настоящем.

В конце речи Корсин поймал себя на том, что ударился в необычные для него философствования.

— Это наша судьба — приземлиться на эти скалы. И мы связаны ею. Может показаться, что мы привязаны и к этому булыжнику, — говорил он. — Пусть так. Мы — ситхи. Давайте покорим его.

Он посмотрел в сторону одного из костров, заметил Глойда и его выживших стрелков, нахохлившихся от ветра. Он махнул им, указывая на центральный костер. Корсин знал, что ночь будет трудной, а припасы, что он принес, быстро закончатся.

Но он знал и кое-что еще. То, что видел только он.

У крылатого зверя был всадник.

Сила не оставила их.

Прижимая к себе сына, Сиела смотрела, как расходятся люди. Покивав, ситхи человеческой расы отправились выполнять поручения, обходя Равилана — хозяина массасси без массасси. Он стоял немного в стороне, горюя. Рядом был еще один красный ситх и несколько выживших экзотов. Энергичный, торжествующий Яру Корсин обсуждал что-то с Глойдом, как всегда выказывая большое доверие огромному экзоту. Слишком сильный, чтобы проиграть; слишком глупый, чтобы предать, и не владеющий Силой. Идеальный помощник.

Отвернувшись от гоука, Корсин посмотрел на Сиелу. Новая земля подчинится ему, и никто не будет стоять на пути. Корсин улыбнулся.

Взгляд Сиелы был холоден. Но, подумав о Деворе, о маленьком Джериаде, она быстро приняла решение. Собрав весь свой гнев, всю свою ненависть, всю свою волю…

…Сиела улыбнулась в ответ.

Девор недооценил Яру Корсина. Сиела не повторит этой ошибки. Она дождется нужного момента.

А время у них есть.

Дети небес

1

5000 лет до Битвы при Явине.

— Отступница!

— И тебе добрый день, мама, — сказала Адари. — Как дети себя вели?

Адари еще дверь не успела закрыть, а ее младшенький, отпихнув Эвлин, уже забрался к ней на руки. Его старший брат влетел в комнату и повис на шее матери, окончательно обездвижив ее. Не справляясь с атакой четырех лиловых ручек, Адари привалилась к стене. Огляделась, высматривая, куда бы кинуть свой мешок. И в конце концов неуклюже отбросила его на деревянный пол к противоположной стене.

— Отступница! Вот как тебя теперь называют. Твой дядя рассказал, — с упреком в голосе поведала Эвлин. — Он приходил, между прочим. И сосед Вертрам, портной, тоже. Еще и вместе с женой — а она, как известно, вообще из своей хижины не высовывается! Восемь человек было здесь сегодня!

— Тогда лучше не выглядывай на улицу, — посоветовала Адари. — Возле дома целая толпа собралась.

Освободившись из неуклюжих объятий старшего сына, она пыталась вытащить свои серебристые волосы изо рта младшего. Женщины-кешири обычно носили длинные волосы, но для Адари короткая прическа была средством своего рода самозащиты. Впрочем, это не спасало, когда малыш увлекался.

— Рагу готово?

— Рагу? — Эвлин взяла внука на руки, когда Адари пошла на кухню. От раздражения и волнения кожа Эвлин стала ярче и темнее, почти того же насыщенного фиолетового оттенка, что и у дочери. — Ты еще можешь думать о еде! Ты совсем не понимаешь, что происходит?

— Я работала. И я есть хочу.

— Работала?! Как бы не так. Знаю я, где ты была!

Адари заглянула в глиняный горшок — там булькало мясо с овощами — и вздохнула. Конечно же, ее мать знала, где она была. Все, собственно, знали. Адари Вааль — собирательница горных пород и камней, молодая вдова доблестного наездника уваков, на которого возлагалось столько надежд. И Адари Вааль — враг закона и веры, которая, вместо того чтобы нормально воспитывать своих детей, морочит головы чужим. Уже третий день Нештовар допрашивают ее. И просвета не видно.

— Что за шум?

— Они забрасывают дом камнями, — объяснила Адари, ставя на стол дымящуюся миску.

Она приоткрыла входную дверь, стараясь не высовываться из-под защиты тяжелой створки. Через порог тут же перекатилось несколько «подарочков» от добрых соседей. Адари быстро захлопнула дверь. Ее внимание привлек булыжник с острыми краями, закатившийся под детскую люльку. Она подхватила его сильной исцарапанной рукой.

— Отличный экземпляр. — Адари повертела камень в руках. — В окрестностях таких пород не встречается. Откуда-то издалека.

А ее популярность растет. Позже надо будет посмотреть внимательнее, что там накидали. Кому нужны экспедиции, если разъяренная толпа и так забрасывает твой дом отличными образцами. Адари швырнула булыжник в мешок, и без того битком набитый камнями всевозможных форм и цветов. Снаружи здорово громыхнуло. Младшенький заныл. Огромные темные глаза Эвлин еще больше расширились от ужаса.

— Адари, ты слышишь? Они сейчас крышу проломят!

— Это всего лишь гром.

— Это доказательство, вот что это! Дети Небес гневаются на тебя.

— Нет, мама. Они меня защищают, — возразила Адари. Она запихивала в себя еду, даже не присев. — Если пойдет дождь, дом точно не смогут поджечь.

До такого, конечно, дойти не должно — закон защищает вдов нештовари, так что убить ее не посмеют. Но испортить ей жизнь — запросто. А с учетом того, что с недавних пор она сама вроде как преступница, рассчитывать на защиту Нештовар не приходится. Этот маленький спектакль им даже на руку.

Адари высунула голову на задний двор. Никаких камней там не было. Только увак делал все то же, что и весь последний год: занимал очень много места и… благоухал. Ящер с ленцой приоткрыл ядовито-зеленые глаза и недобро покосился на Адари. Даже плотно сложенные кожистые крылья увака все равно цеплялись за противоположные стенки загона. Холодный дождь зверя не побеспокоил, но шум с улицы разбудил его. Любой увак, оставшись без наездника, становился ленивым и злобным. Но Нинк и при живом хозяине благонравием не отличался — своего наездника он не любил. Адари тоже была не в восторге от покойного. Увы, последний прилагался к дому. В том смысле, что дом принадлежал ему.

В старые времена, если нештовари — наездник увака — умирал, то семья умершего и сам увак по традиции следовали за

ним. Но подобная практика давно себя изжила. Уваки стоили дорого, нрава были крутого, их привязанности и послушания хватало только на одного хозяина; так что переживших своих наездников ящеров оставляли в загонах, разводя на продажу. Про себя Адари считала, что такое разведение уваков здорово помогает разведению самих нештовари. Наездники все больше были одиночками, пока мрачный ритуал не предали забвению. Сейчас хозяева уваков считались у кешири самыми завидными женихами.

Адари не стремилась выйти замуж за Жари Вааля, вовсе нет. По-настоящему ее интересовали только камни; а Жари… с ним было неплохо поболтать иногда. За девять лет брака он подарил ей двух детишек, которых Адари считала ужасно бестолковыми, не споря с тем, что качеству ее материнской заботы можно дать определение и похуже. Но она любила мальчишек, даже понимая, что вырастут они ничем не лучше отца. Глупость размножается. А она сама? Какой дурой она оказалась, раз не сбежала тогда. Но это же был Жари Вааль! «Доблестный молодой наездник Нештовар, на которого возлагали большие надежды» — фраза из поминальной речи. Но с Нинком он обращался жестоко. Одним прекрасным утром ящер залетел далеко в море и сбросил Жари со спины. Адари могла поклясться, что Нинк выглядел очень довольным, вернувшись в тот день домой один. Она никогда раньше не ладила с Нинком, но после этого стала уважать крылатую скотину. В отношении Жари увак проявил гораздо больше здравого смысла, чем она сама.

Это была не только ее ошибка, нет. Эвлин здорово постаралась, сватая ее за Жари. Она ведь думала о будущем, о благополучии семьи. Только мужчины могли оседлать увака, но имущество наследовали женщины. Их соседи продолжали ютиться в плетенных из ветвей хеджарбо хижинах, а у Адари с матерью был довольно просторный деревянный дом. И увак. Эвлин была в восторге, и Адари с удовольствием взвалила на нее воспитание детей — маленькая плата за большой дом. В конце концов, Адари выполнила свой долг — дала жизнь новым кешири. И теперь можно наконец заняться действительно важным делом.

Если ей позволят.

— Мне пора. — Адари оторвала своего младшего отпрыска от уничтожения обеденного стола. Дневные слушания обещали быть длинными, а впереди еще маячило внеочередное вечернее собрание.

— Я так и знала, что ты выкинешь что-нибудь в этом роде, — проворчала Эвлин, прожигая спину дочери злобным взглядом. —

Я всегда говорила, что копание в грязи не доведет до добра. И спорить с Нештовар! С чего ты взяла, что права?

— Я не знаю, мама. Но я не могу по-другому. — Адари протянула матери чумазого малыша. На ее тунике все-таки осталось грязное пятно, но переодеться времени уже не было. — Уложи Тону и Финна спать вовремя, ладно? Я вернусь.

Двери Адари открывала с опаской, но дождь разогнал толпу. Мокнуть ради своих убеждений никто не захотел. Остались только камни — множество своеобразных маленьких «высказываний» было разбросано по всему крыльцу. Если эта история затянется, экспедиции в этом сезоне больше не понадобятся — она с собственного порога соберет кучу образцов.

Пожалуй, имеет смысл каждый год оскорблять Детей Небес.

— Мы говорим об огненных камнях, — напомнила Адари старейшине Нештовар.

— Ты говоришь, — резко возразил Изри Даж. — Я ни о чем подобном понятия не имею.

Старый наездник и член высшего совета ковылял по кромке Круга Вечности — площади с высокой колонной в центре, служившей огромными солнечными часами.

Адари огляделась. Еще один чудесный вечер, и все в том же чудесном месте. Погода здесь, в сердце плато, не радовала разнообразием: недолгий, но обильный дневной дождь сменялся вечером холодным ветром, дующим всю ночь.

Сейчас здесь, бросив все дела, собралась половина деревни, чтобы посмотреть, как лысый тощий старичок будет втаптывать в грязь женщину в два раза моложе и сильнее себя.

— Огненных камней нет, — продолжал Изри, указывая на пару темно-красных булыжников, лежащих на постаменте центральной колонны. — Я вижу здесь только обычные камни Кеша, которые можно найти где угодно.

Адари кашлянула.

— У тебя есть возражения?

— Я лучше оставлю их при себе. — Адари посмотрела на песок, устилающий площадь, потом огляделась, натыкаясь лишь на злобные взгляды. Бессмысленно. Никто ее не слушает. Зачем усугублять ситуацию…

Она снова посмотрела на Изри. Эта бледная тень — один из тех, кто восхищался Жари. Да что он знает? Какое право имеют Нештовар диктовать людям, что думать, только лишь потому, что смогли оседлать нескольких ленивых крылатых тварей. «Ладно, — решила она, вставая, — зато эти два камня в меня точно не полетят».

— Я… ученые Кеша собирают камни со всех уголков

континента. Мы детально описываем образцы пород и сравниваем их. Этот камень был найден у подножия пика Сессал, на южном побережье.

По толпе прокатился гул. Все знали дымящийся Сессал, грохочущий в ярости где-то на краю обжитых земель. Надо совсем не ладить с головой, чтобы отправиться туда. И зачем? Подобрать парочку камней?

— Сессал создал этот камень из пламени, бушующего внутри его. А этот, — Адари подняла второй булыжник, — был найден прямо здесь, за деревней, на дне реки.

Камни друг от друга не отличались.

— Сейчас горы вокруг деревни не дымятся, как те, что мы зовем вулканами. Но этот камень доказывает, что когда-то и здесь были вулканы. Вся земля, возможно, создана ими.

— Отступница!

— Моя мама тоже здесь? — Адари демонстративно вытянула шею, шаря взглядом по толпе.

Кто-то хихикнул. Изри, забрав у нее камни, суетливо заковылял по периметру площади.

— Ты говоришь, что эти камни снизу, из… подземелья, — старик с отвращением вытолкнул с языка жуткое слово, — создали Кеш.

— И создают. Дымящиеся горы все время создают новые земли.

— Но разве ты не знаешь, что Кеш создали Дети Небес?! — тыча в ее сторону тростью, закричал Изри. — Ничто больше не может создавать земли.

Она знала. Даже маленькие дети знали. Дети Небес были великими существами со звезд. Они были богами Кеша, обитающими где-то в недоступной вышине. Правда, нашлись божки и пониже: Нештовар — Сыны Детей Небес, как они сами себя называли, — обладали почти божественной властью на Кеше. Вера кешири была строго вертикальной: высота означала могущество. Чем выше ты поднимешься над землей, тем больше будут тебя почитать. Именно наездники из клана Изри, его предки, века назад принесли с высоких приморских хребтов знание о Великой битве творения. Восседая на исполинских уваках из чистого хрусталя, Дети Небес сражались с Иными где-то среди звезд. Битва длилась много эпох. В конце концов, получив много ран, Дети Небес одержали победу. И капли крови, пролившиеся из ран Детей Небес, упали в черные мутные воды океана и стали землей, что дала жизнь всему народу кешири.

Адари очень интересовало, что это за гигантская раса с

кровью из песка, но Нештовар мало что могли прояснить. Немногочисленные кеширские карты были похожи на кляксы, которые ее дети умудрялись творить часто и на самых неподходящих поверхностях. Длинные щупальца полуостровов змеились во всех направлениях от центрального плато, образуя протяженную, часто непроходимую береговую линию и фьорды, дающие местным жителям пропитание. На самом плато многочисленные реки и богатые почвы обеспечивали фермеров обильными урожаями. Кешири было много, и они не голодали.

К природе Иных Нештовар относились равнодушно. То, что противостояло Детям Небес, могло означать смерть, болезнь, пожар, восстание — все, что угодно толкователю. Иные пришли «снизу, из подземелья» — кирпичик в основании вертикали веры — вот и все, что о них известно. Учитывая древность культа Детей Небес, довольно странно, что Нештовар ничего не знали об их врагах. Впрочем, скудность данных давала широкие возможности для толкования: как удобнее здесь и сейчас, так и назовем.

По крайней мере, Изри отсутствие знаний об Иных не смущало. Он поминал их неоднократно, пока кричал на Адари:

— Твои слова прославляют Иных, Адари Вааль. Вот почему ты здесь. Ты здесь, чтобы проповедовать…

— Преподавать!

— …эту ложь о Великой битве своим последователям.

— Последователи?! Они ученики.

Она искала в толпе знакомые лица. Ее ученики, конечно, исчезли еще днем ранее, когда дело стало принимать крутой оборот, но кое-кто из их родителей был здесь.

— Ты, Ори Гарран! Разве не ты отдал своего сына в науку, когда понял, что из него выйдет никудышный помощник на мельнице? Бертрам, а твоя дочь? Все вы здесь, в Таве, неужели вы думаете, что провалитесь под землю только из-за того, что я рассказываю вашим детям о горных породах?

— А почему нет? — Изри, подняв трость с постамента, вновь принялся трясти ею. — Эта земля — часть Детей Небес. Неужели ты думаешь, что они не слышат тебя? Когда трясется земля, когда горят дымящие горы — это их недовольство нашими словами, нашими поступками. Мы должны чтить их и ненавидеть Иных.

Старая песня.

— Я знаю, что вы думаете. — Адари старалась говорить медленно и спокойно. — Мне, конечно, неизвестно, что за силы движут миром…

— Конечно неизвестно.

— …но если плохие слова заставляют трястись мир, Кеш

должен по швам трещать каждый раз, когда муж с женой ссорятся. — Она глубоко вдохнула. — Несомненно, у Детей Небес есть более важные дела, чем наблюдать за нашими мелкими грехами. Я уверена в этом.

Тишина. Адари огляделась. Большинство кешири, только что злобно пялившиеся на нее, отводили взгляды. Она все же одержала крохотную победу. Маловато, чтобы сохранить учеников, но достаточно, чтобы продолжать исследования.

Бабах!

Лиловые лица повернулись на запад, в сторону Кетаджанских гор. Закаты, расцвечивающие небо яркими красками над вздымающейся далеко, у самого океана, горной грядой, были великолепны, но сейчас самый высокий пик охватило пламя. Столб огненного пепла поднимался с вершины.

Это было невозможно. Адари помогла Изри подняться на ноги.

— Это… это гранитная вершина! — воскликнула она в отголосках эха от грохота. — Это не вулкан!

2

Камни — простая вещь. Но, как говорил ее дедушка, «мы познаем мир благодаря простым вещам». Адари никогда не было стыдно за то, что она проводила дни напролет, собирая камни на склонах и в руслах ручьев. Или за то, что осколки скал волновали ее больше, чем первые слова ее детей. Она учила своих детей, но камни — камни учили ее.

И сейчас, именно из-за простых камней, она смотрела на мир сверху, крепко держась на широкой спине Нинка, и видела больше, чем должна была когда-либо увидеть. Правда, особого счастья ни ей, ни ящеру эта ситуация не приносила. Но они летели и летели — сквозь ночь… Ее первый полет на уваке. О таком она точно не мечтала.

После взрыва Адари ожидала мгновенной расправы, но ночь прошла спокойно. Люди разбежались по домам, и, проводив взглядом Дажа и его людей, покидающих площадь в яростном споре о знаках и предзнаменованиях, Адари тоже побрела домой.

О ней вспомнили наутро. Далекий Кетаджанский хребет еще дымился, но стало ясно, что Кеш разваливаться не собирается и никакой опасности для Тава или селений ниже по реке нет. Так что кешири смело вышли на улицу и собрались во дворе Адари. Они жаждали расплаты — столб дыма на горизонте молчаливо подтверждал греховность ее слов. Дети Небес услышали. Какие еще нужны доказательства? Если кешири не могли заставить Адари Вааль замолчать, они могли, по крайней мере, перекричать ее.

Получалось у них отлично. Адари отправила Эвлин с детьми к дяде. Растущая толпа, уже примерившаяся забрасывать дом камнями, расступилась, пропуская их. Дождь не разогнал толпу, а к закату народу собралось еще больше. И Нештовар пожаловали, привязав уваков в отдалении, на безопасном расстоянии. Когда Изри Даж проковылял вверх по ступенькам крыльца и заколотил в дверь, Адари увидела отсвет первого факела.

Факелы — это уже слишком. Их могли зажечь лишь для того, чтобы разогнать наступающую ночь. Но огонь может нести не только свет, но и смерть. Судя по всему, она теперь окончательно вне закона. Закона не особо жестокого, но и большого разнообразия в способах кары не предлагающего. Адари в отчаянии кинулась на задний двор, где обитала худшая часть ее наследства — Нинк. Ее взлет над крышей стал сюрпризом как для нее самой, так и для собравшейся у дома толпы. Но больше всех удивился увак. Приручить повторно крылатых ящеров было

невозможно, и, лишившись наездника, уваки оставались запертыми в загонах навсегда. Так что, отправив Жари в одиночный полет над морем, Нинк закрыл себе дорогу в небо. То есть так должно было быть…

Увак проснулся, когда Адари неуклюже, но старательно карабкалась на него. Может, ящер спросонья вспомнил о старой дрессировке, почувствовав груз на своей спине. А может, его испугали шум и отсветы факелов с улицы. Так или иначе… он взлетел.

Остаток ночи Адари провела, то замирая от страха, то визжа от ужаса. Преследовавшие ее Нештовар отстали на удивление быстро, когда Нинк, достигнув океана, не повернул вдоль берега, а упрямо полетел дальше — в бескрайние морские просторы. Полет над океаном стал для Адари серьезным испытанием: она помнила о том, как погиб предыдущий наездник Нинка. Но ящер не отправил ее вслед за Жари. Может, ему просто стало любопытно? На рассвете Нинк наконец приземлился на небольшой площадке, с одной стороны отгороженной отвесной гладкой скалой, а с другой — отвесным же обрывом, под которым — далеко-далеко внизу — белела пена прибоя. Адари немедленно рухнула от усталости. Удивительно, но, когда она проснулась, увак все еще был рядом. Он обрывал клювом чахлые листики с кустов, растущих над обрывом. Дома, несомненно, он таким кормом побрезговал бы.

Осмотревшись, Адари обнаружила, что бесцельный ночной полет привел ее к той самой горе, которая чуть больше суток назад устроила фейерверк, обеспечив ей незабываемую ночь. Кетаджанский хребет, если смотреть на него с плато, закрывал полнеба, вздымаясь цепью скалистых исполинов. Но как бы хорошо ни просматривался хребет, пробраться к нему было не легче, чем к невидимому и практически недоступному западному побережью. Экспедиции собирателей камней принесли отсюда слишком мало материала, и это вынудило Адари попросить помощи у одного нештовари, которому она, кажется, нравилась. Наездник согласился приносить ей камни из дальних полетов. Адари смотрела на гору, и ей все больше и больше хотелось подобраться ближе, чтобы узнать, что же произошло. Если вулкан не виноват во взрыве, то кешири не в чем будет ее обвинять. А если гора все-таки вулкан? Это тоже весьма любопытно. Что там происходит?

Ученые ошиблись в своих выводах о строении хребта? Или наездник уваков напутал с камнями?

«Что ж, вполне возможно». Эта мысль разозлила Адари. Злость поднималась в ней горячей волной, пока Нинк поднимался

в воздух, легко взмывая над хребтом и разворачиваясь к океану. «Очаровательно, — думала Адари. — Стоило один раз довериться кому-то из нештовари — и что же? Полный провал. Образцы с Кетаджанского хребта, как же. Идиот, должно быть, притащил камни с близлежащей горы». Она вздрогнула, и холодный ветер был тут ни при чем. Почему она должна страдать от их грандиозной…

Внезапно склон нырнул вниз, и Адари обнаружила наконец причину своих злоключений. Она едва не свалилась с Нинка. Женщина почти ожидала увидеть открытую кальдеру[2], испускающую пар, как курильщик. Она видела дымящие кальдеры на юге — неправильно было бы называть это дымом. Вместо этого в яме на склоне горы, над самым обрывом, срывающимся к морю, лежала огромная блестящая раковина. Это слово первым пришло ей в голову, несмотря на невероятность размеров: вытянутые рифленые линии напоминали очертания раковин древних моллюсков, которые поднимали рыбаки со дна моря. Но эта ракушка была размером с Круг Вечности!

И раковина эта испускала не пар, а дым, вырывающийся из нескольких трещин. За громадной раковиной тянулись глубокие борозды, будто она свалилась под сильным углом с большой высоты. Огня не было видно, но, судя по подпалинам и покореженным частям, еще недавно пожары полыхали вовсю. «Взрыв, поднявший видимый с плато столб дыма, должно быть, случился при приземлении», — подумала она.

Приземление?

Додумать у Адари не получилось — из трещины в раковине что-то вывалилось, подняв тучу пыли. Адари заставила увака подлететь ближе. Вспышка алого цвета мелькнула в пылевом облаке, и за ней… человек.

Адари находилась слишком близко — человек ее увидел. Бледный, с кожей более светлой, чем даже у тяжелобольных кешири. И в его левой руке был стержень блестящего красного света размером с трость Изри.

Что это в его руке — или это часть его руки? Адари запаниковала. Нинк, будто почувствовав, взмыл вверх. Подхваченные мощным восходящим потоком, они неслись обратно к морю. Как только Нинк, набрав высоту, выровнялся, Адари зажмурилась и яростно замотала головой. Что она видела? Похоже на человека. Волосы темнее, чем у любого кешири. Но что за красный свет? Что это был за свет? Там еще что-то шевелилось на горе — она заметила лишь краем глаза. Эта громадная раковина что-то вроде гнезда? Женщина тяжело сглотнула — от влажного высотного ветра в горле накопилась слюна.

Экспедиции, обвинения Нештовар — все прошлые проблемы казались ничем по сравнению с тем, что она увидела. Адари открыла глаза и направила Нинка обратно к берегу. Гигантская раковина громоздилась на самом краю зубчатого обрыва, далеко вверху. В этот раз они подлетят снизу, нужно взглянуть поближе.

Решить было легче, чем сделать. Маневр с подлетом снизу к отвесному обрыву оказался слишком сложен для Адари, второй раз в жизни сидящей на спине увака. Нинк, наплевав на ее попытки управлять им, устремился вверх по крутой спирали. У Адари скрутило живот. Сбитая с толку, ошеломленная, она пыталась разглядеть вершину скалы. Ей удалось заметить существо из раковины, в его руках больше не было красного света, но он что-то нес…

Внезапно мимо них со свистом промчался предмет достаточно большой, чтобы дико испугать не маленького, в общем-то, ящера. Увак, схлопнув крылья, метнулся в сторону. Адари соскользнула назад, беспорядочно замолотив в воздухе руками. Ей повезло: удалось уцепиться за когтистую лапу Нинка. Собрав все силы, Адари подтянулась, обхватывая конечность ящера уже двумя руками.

— Нинк! — Она посмотрела вверх, но увака болтающаяся под его брюхом женщина не интересовала — он летел так быстро, как мог, прочь от места, где творились такие странные, пугающие вещи.

Продолжая висеть, Адари увидела, что Нинк возвращается к уступу, на котором они провели ночь. Видимо, ящер считал это место безопасным. Да, день у Нинка выдался непростой.

У Адари, впрочем, тоже. Но, кажется, она начинает привыкать к внезапным сюрпризам судьбы.

Солнце катилось в темные воды Западного моря; Адари наблюдала, как последние струйки дыма тают над вершиной. Вряд ли ей удастся уговорить Нинка слетать туда еще раз. А вода в единственной фляге на исходе. И запас сушеной брекка-свеклы совсем невелик. Побег получился столь стремительным, что засунуть в походный рюкзак какую-нибудь еду, пополнив всегда имеющийся там небольшой запас, она не успела, да и не подумала об этом.

Сейчас, сидя на обрыве и любуясь закатом, рисуя пальцем на своей коленке прихотливо изогнутые очертания Кеша, Адари думала о том, как далеко ей придется улететь, чтобы найти уголок, где ничего не знали бы о ней. А ведь такого места может и не оказаться. Нештовар, объединив Кеш под своим началом, не только устанавливали законы и следили за их исполнением, но и

обеспечивали связь между самыми отдаленными селениями. Гонцы-наездники, скорее всего, уже распространили вести о ней по самым глухим деревушкам. Она сбежала, но свобода не означала спасения.

«Спасение».

Слово принес ветер. Даже не слово — ничего похожего она раньше не слышала. Странные, мелодичные сочетания звуков, почти музыка, не значащая ничего для ее уха. Но до ее разума дошел смысл: спасение.

Инстинктивно она оглянулась в сторону таинственной горы, уже погруженной в тень. Свет мелькнул во тьме у ее подножия. Огонь — не бесконтрольные пожары, которые, быть может, еще бушевали на вершине, а костры.

Адари вскочила на ноги, обронив флягу с водой, и остатки жизненно необходимой влаги исчезли в пене прибоя где-то далеко внизу. Но Адари едва заметила потерю. Нештовар! Они нашли ее, они охотятся за ней. Сейчас ночь, темно, и они разбили лагерь. А утром, когда рассветет, ее найдут! И никто не заинтересуется тем, что она видела на вершине. Особенно теперь, когда ко всем ее проступкам прибавился еще один: она — женщина — посмела оседлать увака.

Ветер с гор усилился. Прохладный, успокаивающий. *«Спасение»* — слово путалось в легких воздушных струях. И следом — щемящее чувство, яркое и непонятное: *«Мы — твое, а ты — наше».*

Адари сморгнула выступившие на глаза слезы и медленно двинулась к спящему уваку. И снова: слова-неслова в пении ветра.

«Иди к нам».

Нет, все-таки прийти сюда было ошибкой. Небо позвало ее, обещая спасение, но никакого спасения пока не наблюдалось.

А вот запах! Жуткое зловоние. В овраге невозможно было ничего разглядеть, но нос подсказывал, что недавно здесь жгли что-то мерзкое. Даже сернистые ямы на юге так не воняли. Она оглянулась на Нинка. Ящер разлегся среди деревьев и зевал во всю пасть. Никакого желания идти за ней он не проявлял. Мудрое животное.

Впереди, сквозь деревья на склоне, просвечивали отблески огня. Выбравшись из оврага, Адари всей грудью, с наслаждением, вдохнула. Ночной воздух был свеж и чист. Что бы ни горело в кострах, это явно не та мерзость, которую жгли в овраге.

Она увидела их на поляне, внизу: люди. Не меньше, чем на достопамятном собрании в Таве, только они не сидели все вместе, как на площади, а небольшими группками собрались вокруг

нескольких костров. Если это ищущие ее Нештовар, то отсутствие Нинка к лучшему. Адари, прислушиваясь к голосам и стараясь не шуметь, кралась к кострам. Один из голосов показался ей знакомым, но разобрать слова было невозможно. Она подобралась ближе и, внезапно запнувшись, врезалась грудью в дерево с такой силой, что весь воздух из легких выбило. Из тьмы почти бесшумно к ней бросились тени — легкие и быстрые. Развернувшись, Адари увидела их, освещенных не отблесками костров, а алым светом, исходящим от стержней в их руках. Она уже видела нечто подобное раньше, на горе. Попятившись, молодая женщина споткнулась о корень.

— Нет!

Она не упала, невидимая сила подхватила ее и пронесла сквозь лабиринт фигур. Адари вдруг очутилась перед самым большим костром на поляне. Она выпрямилась, развернулась спиной к огню и вгляделась в снующие вокруг тени. Люди, совсем не похожие на кешири. Лица не фиолетовые — светлые, почти белые и более темные — коричневые, красноватые. Кто они, что они? Но было и вовсе странное существо: на красных щеках шевелились тоненькие щупальца, тело громоздкое, широкое — раза в два больше остальных — обтянуто чешуйчатой, как у Нинка, кожей. Оно стояло дальше всех от костра, возвышаясь над головами людей и издавая хриплые гортанные звуки.

Адари что-то кричала, но ее никто не слушал. Мужчины, женщины, этот монстр — они окружили ее, оглушая какой-то тарабарщиной. Адари зажала уши руками, но это не помогло. Она слышала слова не ушами. Они врезались прямо в сознание.

Адари пошатнулась. Ее словно ножами кололи. Чужаки придвинулись еще ближе, и разум ее взорвала боль: чужая сила давила, искала, царапала изнутри. Картинки мелькали в голове бешеным калейдоскопом: ее дети, ее дом, ее народ — вся ее жизнь, весь ее мир. Она видела, как шевелятся губы, но в ее голове звуки сливались в дикий шум. Какофония, грохот, в котором и звуков отдельных не разобрать…

…и в котором вдруг проступили слова-образы, подобные тем, что принес с собой ветер на закате. Чужие слова, складывающиеся в понятные мысли.

«Ты здесь».

«Есть и другие. Есть и другие».

«Приведи их сюда».

«Отведи нас к ним».

«Приведи их сюда».

Адари почувствовала головокружение. Или кружится не ее голова, а Кеш вокруг нее? Люди, столпившиеся возле нее,

расступились, пропуская женщину с очень темным лицом. На руках она держала ребенка, туго спеленатого красной тканью. «Она тоже мать, — подумала Адари, — она велит им прекратить все это». Надежда на сострадание заставила боль чуть отступить.

«ПРИВЕДИ ИХ СЮДА ПРИВЕДИ ИХ СЮДА ПРИВЕДИ ИХ СЮДА!»

Адари закричала — невидимые когти раздирали ее разум. Все, кроме женщины с ребенком, попятились. Адари трясло. Ей показалось, что она увидела жилистые крылья Нинка, мелькнувшие и тут же исчезнувшие над головой.

Из-за плеча женщины появилась рука — и шум в голове Адари стих. Она подняла взгляд и увидела — Жари Вааля?

Когда ей удалось, сморгнув слезы, сфокусировать взгляд, Адари поняла — нет. Еще один чужак, просто невысокий и коренастый, как и ее муж. Она как-то, после похорон, пыталась представить себе Жари — как он лежит мертвый, придавленный толщей воды на дне моря, и насколько вытравили смерть и вода яркость из его лиловой кожи. Но этот человек был еще бледнее. Его волосы были темными, а карие, с красноватым отблеском, глаза смотрели уверенно и властно. Именно его Адари видела днем на горе. Именно его она слышала в закатном ветре.

— Корсин, — сказал человек, одновременно мысленно и вслух. Его голос был похож на голос ее деда. И это успокаивало. Он указал на себя: — Меня зовут Корсин.

Адари успела услышать только это — ее окутала тьма.

3

Заговорить Адари смогла только через три дня. Первые сутки она проспала, если можно так назвать забытье, перемежающееся кошмарами и бредом. Несколько раз ей удавалось открыть глаза и тут же зажмуриться, стоило увидеть вокруг чужаков. Но они больше не истязали ее, даже заботились о ней: на второе утро она проснулась хоть и на неровной земле, но под мягким и невероятно теплым одеялом. Для нее нашли сухое место, где она и спала под присмотром нескольких чужаков. Адари смогла выпить воду, которую ей предложили, но сказать ничего не сумела. В голове ее до сих пор звенело, разум так и не оправился от нападения. Она не могла вспомнить ни одного слова. Она забыла, как говорить.

Когда она все же вспомнила, рядом с ней сидел Корсин. Он тут же позвал Хестуса — человека с кожей цвета ржавчины, изуродованное лицо которого частично закрывала блестящая маска. Открытая часть его лица была изрыта оспинками — словно кусочки кожи сдирали. Увидев его, Адари вздрогнула от страха, но Хестус просто спокойно сидел рядом, наблюдая за попытками Корсина поговорить с ней. Как ни странно, у них получилось, пусть поначалу и нескладно. Хестус чуть посвистывал, повторяя за Адари слова кешири. Она была удивлена. Получалось у него здорово — он даже ее интонации воспроизводил почти идеально. Корсин потом объяснил, что у Хестуса очень тонкий, «особый» слух, что помогает быстро изучать новые языки.

Адари тоже была не прочь изучить язык чужаков. Но они учились быстрее. Ей удалось понять, что Корсин — глава всех этих людей и что они действительно пришли из серебряной раковины, которая каким-то образом упала с неба. Они явно обладали какими-то дивными силами, но выбраться из ловушки, окруженные бескрайними водами океана и непроходимыми горами, не могли. Корсин с интересом слушал ее рассказы о кешири, об уваках и селениях на плато. Однажды она упомянула Детей Небес и тут же смолкла, смутившись. Она не знала, что представляют собой чужаки, но получалось, что они пришли… сверху. Это вселяло тревогу.

Сейчас, на исходе третьего дня, общение с чужаками давалось Адари довольно легко — она даже запомнила несколько слов из их языка. Сами себя они называли «ситхами», а Корсин был «человеком». Она старательно повторяла слова.

— Ты умеешь слушать, — похвалил ее Корсин.

Он рассказал, что они что-то делали с ней во сне — но не

сказал что, — чтобы быстрее научиться ее языку. Благодаря этому им сейчас легче общаться. Но это не все. Благодаря этому Адари сейчас здорова, несмотря на причиненную ей боль.

— Нам необходимо, Адари Вааль, — сказал Корсин, высыпая ей в кружку порошок из блестящего мешочка, — выбраться на плато.

Разумеется, здесь не было ни укрытия, ни пищи для людей, а склон горы отвесно обрывался в море. Ее увак мог бы унести отсюда кого-нибудь. Но чужаки пугали Нинка, а мир диких гор был ему родным, и сейчас он, наверное, обосновался где-то на недостижимой высоте.

Прихлебывая бульон — довольно сытный и не сильно отличающийся по вкусу от стряпни ее матери, — Адари думала. Нинк должен прилететь на ее зов, если она будет одна и выйдет на открытое место. Можно долететь до селений на плато и вернуться с подмогой. «Хотя я никого не смогу взять с собой», — размышляла Адари. Нинк может и не прилететь, если заметит рядом с ней чужака, да и не настолько она хороший наездник, чтобы брать пассажиров.

— Я должна пойти одна, но я вернусь, как только смогу.

— Никуда она не пойдет!

Адари узнала голос еще до того, как подняла взгляд. Голос, что звучал тогда громче всех остальных в ее истерзанном разуме. Женщина — мать маленького ребенка — подкинула дрова в дымящийся костер.

— Она бросит нас!

Корсин встал и отвел женщину в сторону. Адари слышала их возбужденный разговор, на том — чужом, непонятном ей — языке. Но, отсылая женщину прочь, Корсин сказал слова, которые Адари поняла:

— Мы — ее спасение, а она — наше.

Адари проводила удаляющуюся женщину взглядом:

— Она не любит меня.

— Сиела? — Корсин пожал плечами. — Она беспокоится о своем супруге — он пропал где-то там, у корабля. Она беспокоится о ребенке, ей хочется уйти отсюда. — Он улыбнулся, помогая Адари встать. — Я уверен, как мать, ты понимаешь ее.

Адари сглотнула. Она не вспоминала о своих детях. Она поняла, что ни разу не подумала о них с тех пор, как попала к чужакам. Виновато покачав головой, она озвучила еще кое-какие сомнения: кешири могли и не послушать ее.

Корсин удивился, но не встревожился:

— Ты умная, Адари. Ты заставишь их слушать.

Он заботливо набросил на ее плечи голубое одеяло, то, под которым она спала все это время.

— Возьми это, — сказал он, — солнце скоро сядет. Наверху можно и замерзнуть.

Адари огляделась. Сиела застыла, тихо злясь. Остальные, те, кому Корсин рассказал, в чем дело, нервно смотрели на него; Равилан — тот, у кого на щеках были красные щупальца, — беспокойно переглянулся с Хестусом. Даже огромный неповоротливый Глойд, который, несмотря на устрашающую внешность, явно был самым большим сторонником Корсина здесь, неуютно поежился. Но никто не помешал ей покинуть лагерь.

Когда сильная рука остановила ее на краю поляны, она с удивлением поняла, что это рука Корсина.

— Насчет кешири. Ты рассказала нам о Таве, своем селении, и, судя по всему, оно довольно большое. Но сколько всего кешири? Я имею в виду — вообще?

Адари ответила мгновенно, не задумываясь:

— Мы бесчисленны.

— А, — сказал Корсин, расслабившись. — Ты имеешь в виду, что никто никогда не считал вас.

— Нет, — возразила Адари. — Я имею в виду, что у нас нет такого большого числа.

Корсин замер, сильнее сжав ее руку. Его темные глаза, небольшие по сравнению с глазами кешири, вглядывались куда-то в даль позади нее. Она никогда не видела его в страхе или унынии. Но если сейчас он и поддался этим чувствам, то длилось это меньше секунды, потом он шагнул назад.

— Перед тем как уйти, — он прислонился к дереву напротив, — расскажи мне о Детях Небес.

Корсин называл корабль, на котором он прилетел, «Знамением». Слово, не только существовавшее в языке кешири, но и давно любимое Нештовар. Глядя на то, что сейчас происходит в Круге Вечности, Адари почти не сомневалась — даже старейшины наездников должны прочувствовать иронию.

Она вернулась к Корсину спустя неделю и один день после того, как «Знамение» столкнулось с горой. И с ее жизнью. Найти наездников оказалось делом несложным. Заметив их с Нинком, патруль послушно преследовал их до самого Кетаджанского хребта. В последнее время это место видело много необычного и даже грандиозного, но ничто не могло сравниться с тем моментом, когда Нештовар обрушились на Адари, стоящую среди двухсот сорока пришедших сверху чужаков, почти у каждого из

которых в руках был светящийся рубиновым меч. У нее не было одного из этих странных устройств, но она вся светилась изнутри. Теперь она не Адари Вааль — собирательница камней и враг порядка, теперь она Адари Вааль — спасительница, первая ответившая на зов горы.

«К этому можно добавить „пророк“», — подумала она, входя вместе с дюжиной чужаков в Круг Вечности. Некоторые из них двигались с трудом, неуверенно, еще не оправившись после тяжелых испытаний, выпавших на их долю. Они прошли сквозь толпу кешири, глядящих на них открыв рот. Многие из тех, кто сейчас глупо таращился на чужаков, бранились у ее дверей неделю назад. В Круге присутствовали все Нештовар из ближайших мест, больше, чем она когда-либо видела. Для того чтобы перенести всех чужаков с горы, потребовалось три дня. За это время вести о них достигли самых глухих деревень.

Дети Небес пришли на Кеш.

Не меньшее удивление у собравшихся кешири вызвало поведение всадников, которые заняли не принадлежавшие им места в Круге Вечности, а послушно расселись на возвышающихся по внешней границе площади местах. Отсюда жители Тава наблюдали за судом над Адари; а сейчас Нештовар смотрели на нее же, идущую в Круге вслед за Корснном. Позади них чужаки выстроились в колонну, образовав что-то вроде живого щита. Из-за этого Нештовар приходилось вытягивать шеи, чтобы хоть что-то увидеть.

Изри Даж казался маленьким, стоя под служившей указателем солнечных часов колонной в три раза выше его. Хотя, как правило, колонна за спиной делала его внушительнее. Но не сегодня. Он прохромал вперед и напыщенно приветствовал Корсина и остальных, а потом обратился к народу. Ему пришлось, опираясь на трость, приподниматься на носках, чтобы видеть над головами чужаков. Торжественного пафоса в речи Изри было с избытком. Это — Дети Небес, объявил он, они пришли с той самой горы, с которой сошли их служители веками ранее, принеся Кешу закон и веру. Адари точно знала, что это была не та же самая гора, — возможно, позже священные тексты переправят. Но сейчас Изри не обращал внимания на такие детали. Чужаки доказали свою божественность Нештовар, сказал он.

— А когда они заставили летать твою трость, ты не поверил им, — не в силах сдержаться, прошептала Адари.

— Я поверил, когда они подняли в воздух меня, — хрипло выдохнул Изри; он развернулся, услышав аплодисменты, — но не ему и его речи, а Яру Корсику, верховному повелителю Детей Небес, который просто допрыгнул до вершины колонны.

Когда аплодисменты наконец стихли, Корсин заговорил словами кешири, которым научила его тем утром уважаемая Адари Вааль, Дочь Детей Небес и его друг.

— Мы пришли сверху, как вы это называете, — сказал он, и его глубокий голос донесся до каждого. — Мы пришли взглянуть на землю, которая была частью нас, и на людей этой земли. И Кеш радушно принял нас.

Снова аплодисменты.

— Мы собираемся основать… храм на вершине той горы, с которой мы сошли, — продолжил он. — Нам придется провести в тяжелых трудах не один месяц, мы должны позаботиться о корабле, который принес нас сюда, и мы будет обращаться к небесам. Нашим домом на Кеше станет это селение — Тав; мы будет жить рядом с нашими детьми — почитающими нас Нештовар, которые замечательно управляли нашей землей, пока мы отсутствовали. Наездники покинут нас сегодня, полетят во все уголки Кеша, чтобы рассказать о нашем прибытии и найти мастеров. — Корсин повысил голос, перекрикивая аплодисменты: — Мы — Дети Небес — и мы вернемся к звездам!

Окончание фразы потонуло в радостном гомоне толпы. Адари заметила своего младшего сына Тону: он вертелся, возбужденный царившим вокруг оживлением. Она увидела свою мать и Финна на почетном месте сразу за Кругом. Они выглядели счастливыми. Адари взглянула на Корсина и тяжело сглотнула.

Все это было так прекрасно.

И так неправильно.

4

Восторженное настроение не покидало кешири весь День пришествия. Детей Небес разместили в лучших домах Нештовар, а сами наездники отправились, как и говорил Корсин, распространять радостную весть. Когда Нештовар, один за другим, вернулись, все их гости единогласно заявили о своем желании остаться в их домах. После того как шестой по счету всадник обратился к Изри, старейшина объявил, что наездники должны найти себе и своим семьям более скромное жилье. И что Дети Небес оценят их преданность. Корсин и Сиела жили в доме самого Изри с самого первого дня.

Выселили всех, но не Адари. За ее службу Детям Небес она могла и дальше жить в доме Жари. Это обстоятельство крепко удерживало ее возле Корсина. Она иногда проводила с ним все дни напролет, исполняя роль посла и помощника. Корсина всегда окружали и другие Дети Небес: грубоватый, но дружелюбный Глойд, который еще назывался гоуком; Хестус, энергично составляющий словарь кешири; краснокожий Равилан — он казался потерянным. Детей Небес было очень мало по сравнению с кешири, подобных Равилану было очень мало по сравнению с ситхами. Меньшинство в меньшинстве. Сиелу Адари тоже видела. Та саму себя поселила вместе с Корсином в богатом доме Изри. Адари слышала, что ребенок Сиелы — племянник Корсина.

Сиела всегда одаривала Адари злобным взглядом, когда видела ее рядом с Корсином. И сегодня случилось так же. Адари стояла рядом с предводителем чужаков на краю Кетаджанского хребта — там, где она искала убежище месяц назад. Дети Небес нуждались в поддерживающих конструкциях, чтобы «Знамение» не скатилось в океан, но в первую очередь они нуждались в дороге на полуостров. И Дети Небес работали вместе с кешири. Их световые мечи легко разрубали огромные глыбы породы, над которыми рудокопам пришлось бы потеть не один час.

— Когда восстановим некоторые из лигнанских кристаллов, сможем добавить мощности мечам, — сказал Глойд.

Корсин протянул Адари кусок горной породы. Гранит. Конечно, землю разрывали не по ее прихоти. Возможность узнать, что же там, внизу, — просто приятное дополнение. Теперь она знала.

— Ты в конце концов оказалась права, — сказал Корсин, наблюдая за тем, как она изучает камень.

Адари не упоминала о своем конфликте с Нештовар, хотя было бы приятно поделиться своей тихой победой с кем-нибудь,

кто знал о происшедшем. И горы Кетаджанского хребта не были вулканами. Чужаки рассказали ей, что гранит формируется глубоко под землей в течение эпох, прежде чем выйти с магмой на поверхность. Вот почему гранитные скалы отличаются от огненных камней.

— Я не понимаю и половину из того, что говорят мне мои рудокопы, — пожаловался Корсин. — Но они уверены, что ты могла бы помочь им, если бы не помогала мне.

Корсин заговорил с Глойдом о шахтах — для ремонта «Знамения» требовались металлы. Адари только открыла рот, чтобы вставить в разговор свое замечание, как увидела проходившую мимо Сиелу. Адари вздрогнула, когда женщина скрылась из виду. Чем же она могла заслужить такую ненависть?

Внезапно Адари поняла: Сиела смотрела не на нее, Сиела смотрела на Корсина.

— Я видела тебя, — выпалила Адари.

— Что?

— Я видела тебя во второй раз на горе в тот день. Ты что-то кинул с обрыва.

Корсин оторвался от разговора. Он махнул рукой, и Глойд отошел в сторону.

— Я видела — ты что-то кинул, — повторила Адари, сглотнув. Она смотрела вниз, на разбивающиеся о скалы океанские волны. — Я не знала что, пока не полетела обратно за помощью.

Корсин осторожно шагнул к ней. Адари не могла остановиться и говорила, говорила:

— Я полетела туда, вниз, Корсин. И увидела его внизу, на камнях. Это был человек. Похожий на тебя.

— Похожий на меня? — фыркнул Корсин. — Есть… он все еще там?

Она покачала головой:

— Я перевернула его, чтобы посмотреть на его лицо. А потом тело смыло волной.

Корсин был с нее ростом, но Адари съежилась, и сейчас он казался выше.

— Ты видела это и все же привела Нештовар, чтобы спасти нас.

Адари застыла, не в силах выдавить ни слова. Она смотрела на скалы — одинаковые и сверху и снизу. Корсин снова потянулся к ней… и отступил. Его голос смягчился:

— Твой народ собирался тебя убить, они считали тебя угрозой. Ты и правда была так опасна?

Как он узнал? Адари бросила быстрый взгляд на Корсина.

Сейчас он был совсем не похож на Жари.

— Я думаю, они ошибались. — Корсин улыбнулся и взял ее за руку. — Мы привыкли к таким вещам. Этот человек, которого ты видела, — он был опасен для нас.

— Но он же был твоим братом.

Корсин сдавил ее руку. А потом отпустил.

— Ты хорошо умеешь слушать. — Он выпрямился. Слушать Адари и в самом деле умела. — Да, он был моим братом. Но он был опасен, а мы и без того оказались в отчаянной ситуации. — Корсин заглянул ей в глаза. — И я думаю, ты меня понимаешь. Тот же океан лишил и тебя кое-кого, верно?

Адари открыла рот. Как? Жари умер в океане, но Нештовар никогда не рассказали бы об этом Корсину.

О падениях не говорили, это было табу. Падение — это страшная кара Иных. Да никто и не видел, что случилось, кроме Нинка и всевидящих Детей Небес.

Корсин или читал мысли, или действительно сказал правду о себе в Круге Вечности.

Адари с трудом выдавила:

— Это… это не то же самое. Ты столкнул этого человека. Я ничего не сделала, чтобы погиб мой…

— Конечно нет. Несчастья случаются. Но его смерть не сильно тебя расстроила. Я вижу это, Адари. Он был бы опасен для тебя — для той, кем ты становишься. — Корсин поднял густые брови. — Ты рада, что его нет.

Адари закрыла глаза. Положив руку ей на плечо, Корсин развернул женщину к солнцу.

— Все в порядке, Адари. Ситхи не видят в этом ничего постыдного. Ты никогда не стала бы тем, кто ты есть, будь он рядом. Он мешал тебе, твоему росту. И ты никогда не станешь тем, кем ты можешь стать сейчас, если рядом будет Изри Даж. Он мешает тебе.

Услышав имя старейшины, Адари открыла глаза. Солнечный свет ослепил ее, но Корсин не позволил ей отвернуться.

— Ты боялась нас, — продолжал он. — И испугалась еще больше, когда увидела тело. Ты знала, что мы умрем на горе, если ты не вернешься. Но так или иначе, ты привела Нештовар, потому что думала, что мы поможем тебе разобраться с ними.

Он отпустил ее. Адари несколько мгновений бездумно моргала, глядя на солнце, прежде чем наконец отвернуться. Позади раздался голос Корсина — он говорил мягко, успокаивающе, как тогда, когда она впервые услышала его в ветре:

— Помоги нам с кешири не только ради нас, Адари. Ты

узнаешь столько о своем мире, сколько и представить себе не могла. — Он перевернул камень в ее руке. — Я не знаю, как долго мы пробудем здесь, но обещаю — ты узнаешь больше, чем могла бы узнать за всю свою жизнь. Больше, чем знает кто-либо из кешири.

Адари вздрогнула:

— Что… что тебе…

— Почти ничего. Забудь о том, что ты видела в тот день.

Корсин выполнил обещание. В первый же месяц Адари узнала от Детей Небес о своем мире больше, чем за все предыдущие годы. И еще кое-что она смогла узнать и о них самих: кто они, откуда пришли. Адари была прилежной ученицей. *Благодаря простым вещам мы познаем мир.*

Ситхи Корсина казались богами, как бы Адари ни сомневалась в их божественности. Но они точно не были богами из легенд кешири. Их возможности потрясали, и, разумеется, они вполне могли жить на звездах, но песка в их крови не было. И они были далеки от совершенства. Они ссорились. Они завидовали. Они убивали.

Ситхи могли читать мысли. Корсин использовал именно эту силу, когда звал ее на помощь. Но всеведением они не обладали. Она выяснила это, проведя простой опыт над Равиланом. Адари расхвалила ему большую таверну, располагающуюся в глубине одного из самых оживленных и запутанных кварталов Тава. Пытаясь отыскать таверну, Равилан заблудился так же, как почти всегда терялась в лабиринте запутанных улочек она сама. Проницательность ситхов поражала, но они знали далеко не все, особенно когда речь шла о точных сведениях.

Источником этих сведений и была Адари, посещавшая вместе с Корсином многочисленные рабочие площадки, где большей частью работали веселые, но не слишком знающие кеширские работяги. Дети Небес были совершенны для кешири. И достаточно совершенны для нее. Яру Корсин был настолько же умнее Жари, насколько она была умнее скал, и с тех пор, как Адари научилась не обращать внимания на взгляды Сиелы, она чувствовала себя с чужаками вполне комфортно. А ее жажда знаний росла.

Она узнавала все больше и больше, а Изри все больше и больше благоговел перед чужаками. Впрочем, ей ничего с его благоговения не перепадало, кроме редких, плохо завуалированных насмешек. Но никакого дела до мелкого человечишки, возомнившего себя кем-то великим, ей не было. Адари Вааль останется навсегда в истории кешири как

Спасительница — первая, кто встретил на Кеше Детей Небес. А Изри — Изри никто не запомнит.

Наблюдая за строительством очередного карьера, Адари задумалась о будущем. Ситхи еще не знают, что они застряли здесь надолго. Однажды она попробовала поговорить об этом с одним из мастеров-рудокопов, но он не стал слушать ее. Он считал, что она ничего не смыслит в горном деле.

Может, Адари и не сильна была в технике рытья шахт и карьеров, но кое-что она знала точно: металлов, которые так нужны ситхам, чтобы улететь, на Кеше нет. Ученые прочесали весь континент. И они описали все, что нашли. Если даже вещества, необходимые людям Корсина, и были на Кеше, то скрывались они глубоко под землей, и чтобы найти их, потребуется время — и немало.

Время ситхов.

И что теперь будет с кешири?

Соперники

1

4985 лет до Битвы при Явине.

Вода, льющаяся из мраморного желобка над головой Сиелы, была такой же теплой, как и всегда. Ситхи провели на Кеше уже пятнадцать стандартных лет, так и не обретя ни надежды вырваться отсюда, ни элементарного бытового комфорта. Но они научились жить с тем, что есть.

Талая вода ледника преодолела полконтинента, прежде чем омыть сверкающими каплями темную кожу Сиелы. Кеширские наездники перевозили ее в массивных бочонках, укрепленных на широких спинах уваков. Слуги на крыше нагревали воду и прогоняли ее через фильтры, очищая от плесени и грязи.

Сиела тщательно терла кожу пемзой, доставленной от подножия Сессала, за много километров отсюда. Кеширские мастера красиво обточили для нее камень — их больше интересовала форма, нежели функциональность. Что Сиеле и требовалось.

Напустив на себя обычный презрительный вид, она выглянула из душевой кабинки. Душ — невиданное для Кеша удобство — сконструировали для нее ситхи, как только она переехала к капитану Корсину. Но во многом остальном ее новое жилище больше напоминало храм, а не дом.

Невозможно заполучить все. По крайней мере, не здесь.

Пятнадцать лет… Как оказалось, кеширский календарь практически полностью соответствовал календарю ситхов. Кто бы мог подумать? Сиела вышла из душа, оставляя на полу лужицы воды. Время пролетело, словно провалилось, — незаметно. По крайней мере, на ее внешности годы сказались мало. Это подтвердило и ее отражение в огромном, во весь рост, зеркале — стекло кешири обрабатывали умело. Она выносила двоих детей, питалась пищей, пригодной более для домашних животных, но выглядела лучше, чем когда-либо. До сих пор ее внешность приносила ей только пользу. Впрочем, все это — пустое. Единственное, что важно для нее по-настоящему, — это время.

— Я знаю, что ты здесь, Тильден.

Тильден Каа — ее кеширский слуга, — как обычно, постарался остаться вне пределов зеркального отражения, забыв, что она может чувствовать его через Силу. Сейчас Тильден трясся у двери, старательно отводя в сторону взгляд огромных цвета опала глаз и держа в дрожащих руках халат.

«Надо же, и его эти годы не изменили», — фыркнула про себя

Сиела и схватила халат. Почему бы ему и не посмотреть? Эта их серовато-лиловая кожа — назвать ее лавандовой язык не повернется; эти белые, цвета старости и бесполезности, волосы… Если кешири и восторгались красотой отдельных представителей своего вида, то это было до того, как они увидели ситхов.

К тому же Тильден просто обязан благоговеть перед ней. Ведь он жрец той веры, что признала ситхов древними божествами. Так что смысл жизни Тильдена состоял в служении Сиеле и почитании Сиелы. Тем больше она наслаждалась, мучая его, как сейчас, — становясь кощунством, начинающим его день.

— Ваш сын вернется только вечером — он на охоте с наездниками, — докладывал между тем слуга. — А ваша дочь вместе с учителями в Таве.

— Хорошо, хорошо. — Сиела отбросила поданное им платье и выбрала другое — поярче. — Что важного?

— Госпожу ждут днем в Палатах для осмотра. — Тильден поднял голову, оторвавшись от своего пергамента. Сиела, уже одетая, стояла у высокого окна. Слуга растянул губы в вежливой улыбке. — Больше ничего.

— А верховный повелитель?

— Его высокопреосвященство, наш спаситель с небес, на встрече со своими советниками, родившимися, как и госпожа, на небесах. Его гигантский друг тоже там. — Тильден взглянул в свои записи. — Ах да! Красный человек просил об аудиенции.

— Красный человек? — Сиела всмотрелась в белую пену прибоя. — Равилан?

— Да, госпожа.

— Тогда мне пора. — Она потянулась и резко развернулась в поисках туфель. Они, разумеется, уже были в руках у Тильдена. Эта пара обуви — все, что осталось от ее гардероба после крушения «Знамения». А кешири так и не научились шить нормальные туфли. Так что она предпочитала свои.

— Я… я не желал, чтобы ваш рабочий день начался так рано. — Тильден заикался, помогая ей обуться. — Простите. Вы закончили с купанием? Я скажу, чтобы воду очистили.

— Успокойся, Тильден, мои обязанности мне в радость. — Сиела собрала свои темные волосы на затылке, скрепив их резной костяной заколкой — подарком какого-то туземного князька, чье лицо, как и имя, давно выветрилось из ее памяти. Она остановилась на секунду в проеме отполированных до блеска дверей. — Пусть привозят больше воды и пусть берут ее с дальнего конца хребта — так лучше для кожи.

Сиела зевнула. Солнце едва поднялось над горизонтом, а

ежедневное представление уже было в разгаре. Капитан Яру Корсин, для кешири — спаситель с небес, восседал в своем потрепанном кресле. Если не смотреть по сторонам, могло показаться, что время повернулось вспять и он все еще на командном мостике «Знамения». Но сейчас останки корабля лежали в бункере, а старое кресло нелепо торчало посреди мраморной колоннады, растянувшейся на сотни метров. Здесь, под высокими небесами Такарских гор, переименованных недавно в честь драгоценной матушки капитана, Корсин вел прием.

Месторасположение и архитектура не только впечатляли изредка пролетавших мимо туземцев, что от них и требовалось, но и легко вмещали всех приходивших сюда глупцов. Глупцы пытались что-то просить, а Корсин пытался выслушать каждого. Сейчас в первых рядах, как и всегда, возвышался «гигантский друг» капитана — стрелок Глойд.

Щеки крупноголового гоука тряслись от возбуждения, он взволнованно объяснял одну из последних своих сумасшедших идей. Глойд предлагал послать световой сигнал в космос с помощью одного из немногих сохранившихся буровых лазеров. Определение «буровой» моментально убило всякий интерес к идее как у Корсина, так и у Сиелы. Интересно, долго Глойд уже распинается?

— На этот раз сработает, — убеждал гоук, его пятнистую кожу покрывала испарина. — Достаточно привлечь внимание какого-нибудь проходящего мимо грузовика. Или случайной наблюдательной станции. Все равно.

Он суетливо протер лоб широкой ручищей.

Сиела всегда считала, что гоуки — злая насмешка природы. А сейчас бедный Глойд смотрелся и вовсе жалко: он сильно потел под жарким утренним солнцем и его кожа, казалось, стекала с бугристого черепа.

— Мощность луча будет падать обратно пропорционально квадрату расстояния от Кеша, — раздался из-за спины Корсина голос Парры. На «Знамении» он был помощником навигатора, а сейчас считался главным научным советником. Выступив вперед, Парра продолжил: — Сигнал практически не будет выделяться из фонового космического «шума». Вас вообще чему-нибудь учили?

«Вряд ли», — подумала Сиела. Глойд был отщепенцем еще до того, как прибился к экипажу «Знамения». Чужаки обычно избегали Стигийской Кальдеры, но Глойд и его головорезы решили, что за труднопроходимой туманностью прячется что-то занимательное. Собственно, кое-что занимательное в Кальдере действительно пряталось. И называлось сие чудо Империей ситхов. Мало кто из компаньонов Глойда пережил встречу с этим

«чудом». Но сам гоук был неплох в рукопашной и отлично стрелял. Кроме того, у него оказался большой опыт далеко не мирного общения с джедаями. Именно благодаря этому он показался сначала Наге Садоу, а затем и Корсину особенно полезным.

Но в настоящих обстоятельствах его полезность была под большим вопросом.

— Боюсь, это не сработает, мой старый друг. — Корсин, заметив притаившуюся в углу Сиелу, подмигнул ей. — А позволить себе терять оборудование мы не можем — каждая машина на счету. Ты знаешь.

Все знали. Несколько месяцев потребовалось, чтобы построить надежный каменный бункер для «Знамения». Но и после водворения останков корабля в укрытие экипаж продолжал выносить оборудование. Что-то они надеялись починить; исправное тут же шло в дело.

Вот это и оказалось серьезной ошибкой, потому как металлов на Кеше не было. Ситхи взрывали землю, буквально вгрызались в нее. Они растратили впустую бóльшую часть боеприпасов и угробили немало техники. С высоты Кеш смотрелся неплохо, но на поверку оказался просто шариком дерьма. Почти все машины, работающие от источника внутреннего питания, превратились в бесполезный металлолом. Но хуже всего было то, что электромагнитное поле Кеша искажало все — от радиоволн до генерации электричества. Световые мечи, спасибо за это лигнанским кристаллам, работали исправно, но остальное… Они потерпели кораблекрушение, и как ни выкручивайся, снимая детали с одних машин, чтобы починить другие, а восстановить все невозможно. У них здесь даже необходимых инструментов нет.

— Я понимаю. — Глойд сник. — Но ты же знаешь. Я — воин. И эта мирная райская тягомотина уже…

— Я готова отправить тебя в замечательный бой. — Сиела подошла к Корсину и обвила рукой его талию. Ее платье сияло и переливалось в солнечном свете. — В главном зале уже почти готова трапеза.

Корсин улыбнулся.

Глойд на секунду замер, уставившись на супругов, а после рассмеялся лязгающим смехом.

— Ну что тут скажешь? — Он развернулся, похлопав себя по животу. — Леди хорошо меня знает.

Корсин, проводив взглядом неуклюжего, массивного Глойда, посмотрел на краснокожую фигуру:

— Равилан? И каков следующий грандиозный план побега с

этого камня?

— Больше никаких планов касательно этого недоразумения. — «Красный человек», как назвал его Тильден, шагнул вперед и поклонился. — Не сегодня.

— Правда? Что ж, мы не молодеем. И забываем.

— Но не об этом, капитан. — Равилан погладил свой правый лицевой отросток — жест, означавший среди красных ситхов задумчивость.

Сиела почувствовала, как по спине побежали мурашки, и крепче прижалась к Корсину. Равилан был интендантом на «Знамении» и командиром массасси. «Знамение» теперь вряд ли полетит, а воинов-массасси Кеш убил в первые же дни после крушения. С тех пор красный ситх метался, неприкаянный, занимаясь то одним, то другим. Но, что опаснее всего, Равилан стал предводителем для «Пятидесяти семи» — тех из выживших членов экипажа, кто кровью был связан с красными ситхами, — а еще и для тех, кто, подобно Глойду, безмерно тяготился жизнью на Кеше, мечтая лишь об одном — покинуть его.

Равилану не везло. Его команда «Пятьдесят семь» уже давно не насчитывала столько. Он потерял не меньше дюжины из-за несчастных случаев или профессиональной некомпетентности. Более того, ни один ребенок красных ситхов не прожил здесь и дня. Оказавшись милостив к одним своим гостям, Кеш плохо принял других. Так что мотивов покинуть планету у Равилана было предостаточно.

Но сегодня он собирался говорить с Корсином не об этом.

— Кое-что беспокоит меня. — Равилан взглянул на Сиелу. — Сотрудники твоей… твоей жены пытаются составить родословные экипажа. И они становятся все настойчивее.

Красный ситх приподнял длинную бровь-отросток. Корсин, чувствуя, что Сиела вцепилась в него сильнее, поднялся:

— Это не коснется твоей команды, Рав. Только тех, кто биологически является человеком.

— Да, но во многих из нас есть хоть капля человеческой крови. — Равилан двинулся вслед за Корсином вдоль колоннады. Толпа расступилась перед ними, а Сиела осторожно пошла следом. — И во многих людях течет наша кровь. Мои… наши люди, Корсин, гордятся слиянием темных джедаев и моих ситхских предков. Придираться к происхождению…

Корсин шел неспешно, казалось беззаботно любуясь океаном. Седые нити в его волосах серебрились в солнечном свете.

— Это чужой мир, — отозвался он. — Мы не знаем, что убило твоих массасси, мы не знаем, что происходит… ну, ты понимаешь.

— Понимаю. — Равилан вглядывался в океан, вряд ли что-то видя перед собой. За годы, проведенные под ярким солнцем Кеша, кожа ситха потемнела, приобретя насыщенный багровый оттенок. Все эти его серьги и другие ситхские украшения служили, казалось, одной цели — заставить нижестоящего человека выглядеть более тускло. — Этот мир принесет нам только несчастье. Если бы ты позволил одному из моих людей поработать в качестве акушера в родильном отделении…

— Нет! — выкрикнула Сиела, вклиниваясь между ними. — Они не медики, Корсин, а в этих условиях нужен контроль.

Равилан потупился:

— Я не желал оскорбить тебя, Сиела. Твой персонал отлично работает с тех пор, как стали появляться дети. Ситхи процветают. — Его лицо, изрезанное от старости и волнений морщинами, разгладилось. — И так должно быть для всех нас.

Сиела обернулась к Корсину, но тот лишь пренебрежительно махнул рукой. «Прогоняет обоих», — удивилась она.

— Поговорим позже, — сказал капитан. — Что-нибудь еще?

Равилан выдержал паузу, прежде чем ответить:

— Да, я отправляюсь на озера Рагноса, как ты и просил.

Об этом Сиела знала: в это время кешири собирали какие-то флуоресцентные водоросли и Корсин попросил Равилана посмотреть, нельзя ли их использовать для освещения.

— Восемь селений на разных озерах и, соответственно, с разными видами водорослей.

— Многовато. Ты летишь один?

— Как ты и просил. Я начну с самого дальнего — Тетсубаля.

Сиела улыбнулась. Бессмысленная работа. Так и с ума сойти недолго.

— Возьми с собой всех своих. — Корсин хлопнул Равилана по плечу. За эти пятнадцать лет капитан не стал больше или сильнее, но вел он себя так, словно обладал габаритами Глойда. — Это важно, поэтому разделитесь, — так будет быстрее. Да и слегка поразмяться вам всем не помешает. Это же скука — безвылазно сидеть на горе. — Он притянул Равилана к себе и проговорил в его впалое ухо: — Смотри, в следующий раз Сиела может захотеть, чтобы ты называл меня верховным повелителем.

— Это просто термин для кешири.

— А разве здесь нет кешири? Это приказ, Рав. Удачного полета.

Сиела смотрела вслед Равилану. Красный ситх заметно хромал — не справился с уваком лет тринадцать назад. Это было одним из многих его поражений. И сейчас Сиела тоже не позволит ему выиграть. Она оттащила Корсина в сторону:

— Не смей направлять никого из его команды в мои Палаты!

— А ты мило выглядишь, так агрессивно защищая свое.

— Корсин!

Он пристально вгляделся в ее лицо:

— Ты не на Релге. Пора отпустить прошлое.

Сиела наградила мужа пылающим взглядом, но Корсин успешно его проигнорировал. Он ухмыльнулся, глянув ей за спину, и развернулся к ожидавшей его толпе:

— Прошу прощения у всех, но я вынужден вас покинуть — прибыл гость, которого я ждал к обеду.

Сиела обернулась.

На краю площади стояла Адари Вааль.

2

Империя ситхов во времена юности Сиелы была гнездом звездных систем, сплавленных воедино старыми традициями, жадностью и амбициями. Это была черная дыра, из которой мало кому удавалось сбежать.

Как ни странно, невезучим чужакам гораздо легче было проникнуть на территорию ситхов извне, чем самим владыкам прорваться сквозь Кальдеру во внешний космос. Те, кто попался в ловушку невозвращения, становились рабами того или иного властителя. Они сами и их дети переходили из рук в руки, часто меняя хозяев. В конце концов забывая о своей родине, они тоже становились ситхами.

Кое-кто из владык, подобно Наге Садоу, ценил работу потомков первых беженцев с Тапани. Краснокожие хозяева, ведущие свой род от первых ситхов, предпочитали магию. А народ Сиелы шел путем науки. Когда им разрешили применять свои знания на практике, они стали развивать промышленность и медицину. Их умения помогли улучшить процессы изготовления кристаллов и генерации Силы для световых мечей; подобные усовершенствования не были доступны даже джедаям Республики. Впрочем, их достижения не афишировались: жадность ситхских владык не позволяла им делиться новыми технологиями. Промахи повелители предпочитали не замечать, успех же становился их любимым, но тайным чадом.

В детстве, на Релге, служа вместе с остатками своей семьи Лудо Кресшу — главному противнику Садоу, Сиела справедливо считала свои успехи лишь собственной заслугой. В тринадцать она уже была отличным целителем, используя как Силу, так и знания предков. Преданность делу всегда приносит свои плоды.

«Мы совершенствуем свои знания и свои умения, — говорил ее отец. — И если ты хорошо делаешь свое дело, то получаешь награду. Залог нашего процветания, Сиела, в том, сколько пользы мы приносим. И это самое большее, чего могут добиться такие, как мы».

Она провинилась очень сильно, пытаясь вылечить ноги Лудо Кресша.

Тильден доложил, что они снова провели день вместе. Впрочем, шпионов у нее хватало и без Тильдена. Корсин с кеширской женщиной гуляли по дорожкам, пробитым на склоне, когда-то ставшем для них роковым. И говорили… о чем? Насколько она знала, беседы их проходили мирно.

Эти прогулки и роман Корсина с Сиелой начались примерно в одно время. Тогда Адари Вааль действительно была необходима. Ведь именно она первая наткнулась на ситхов и стала чем-то вроде посредника между ними и кешири. Но годы шли, нужда в посреднике давно отпала, а прогулки продолжались. После рождения Ниды — их с Корсином дочери — эти прогулки вообще стали ежедневными; они даже время от времени вместе летали на уваках.

Ее информаторы были достаточно компетентны и надежны, Сиела точно знала, что Корсин не изменяет ей — впрочем, измена не сильно расстроила бы ее, — но туземка в последнее время пыталась прихорашиваться. Она даже нанесла на лицо затейливый узор вор'шанди — украшение, немыслимое для кеширской вдовы наездника уваков. Но, как подтверждали шпионы Сиелы, содержание бесед осталось столь же бессмысленным.

«Где прячется солнце ночью, Корсин? Воздух — часть Силы, Корсин? Почему скалы несъедобны, Корсин?»

Если Вааль и шпионила, то пользы от нее в этом качестве не было. Вот только верховный повелитель посвящал ей массу своего времени. И даже больше.

— Она… действительно нечто, правда? — сорвалось однажды у Корсина с языка. Был вечер, и Адари только что улетела.

— Я думаю, что твои требования к качеству игрушек упали, — фыркнула Сиела.

— Как и мой корабль.

«Как и мой настоящий муж». Этого она, конечно, вслух не произнесла. Почему-то сейчас, за стенами дворца, ей вспомнился тот случай. Пятнадцать лет она живет с ненавистным ей деверем. Пятнадцать лет она живет с человеком, который осиротил ее сына. «Вот и пусть занимается своей лиловой идиоткой», — подумала Сиела. Чем меньше Яру Корсин появляется на людях, тем лучше.

Корсин затащил Сиелу в постель, едва она намекнула, что не намерена его убивать. Эти отношения были выгодны обоим. Она помогла ему управиться со своенравными шахтерами, занимавшимися переноской корабля; и, вероятно, ему был приятен сам факт обладания тем, что когда-то принадлежало нелюбимому брату. Она разрешила Корсину считать, что эти

отношения целиком и полностью его идея. Правда, молчание в первый год их брака стоило ей искусанных в кровь губ.

Но оно того действительно стоило. Сиела получила власть и влияние, предоставляющие широкие возможности — и удобный душ был лишь приятным бонусом к ним. Маленький Джериад рос в самых лучших на этой дикой планете условиях — и в Таве, и позже здесь, в их горной крепости.

И у нее было дело. Обустройство ситхами больничных Палат казалось никчемной синекурой для избалованных людей, особенно на фоне крепкого здоровья кешири. Мало кто хотел этим заниматься, ведь медицина — не война, и она вряд ли способна помочь им улететь отсюда. А пострадавшие ситхи все равно редко добирались до целителей живыми.

Зато Сиела знала все о живущих на Кеше ситхах. О любом из них она знала даже больше, чем ответственные за них офицеры. Она знала, кто, когда, у кого родился и, соответственно, каков баланс сил. Больше никто не обращал на это внимания. Все смотрели в небо, продолжая надеяться. Только Корсин, казалось, понимал, что выхода нет. Впрочем, он старательно создавал иллюзию прямо противоположного — для всех, кроме Сиелы. Почему она удостоилась его доверия в этом вопросе, оставалось неясным.

Может, Сиела, будучи женой Яру Корсина, не имела права на надежду? Впрочем, какая разница? Сейчас, проводя очередной осмотр в переполненном дворе позади Палат, она наблюдала будущее. Здесь собирались дети ситхов, чтобы увидеть ее. А точнее, чтобы она увидела их.

— Эбия Т'делл, дочь шахтера Нефиана и курсантки Каники. — Тонкая, как тростинка, помощница Сиелы Орленда остановилась позади названной девочки. Пунцовое лицо ребенка никакой радости по поводу встречи с госпожой Сиелой не выражало. Заглянув в свой пергамент, Орленда продолжила: — В следующем месяце ей, по нашему календарю, исполнится восемь. Она вполне здорова.

Сиела взяла лицо девочки в ладони, повертела голову ребенка вправо-влево, словно осматривала какую-нибудь домашнюю скотину, выставленную на продажу.

— Скулы высокие, — произнесла Сиела, вдавив указательный палец в розовую щечку. Девочка даже не вздрогнула. — Я знаю твоих родителей. Ты ведь послушная девочка?

— Да, госпожа Сиела.

— Это хорошо. И чего же ты хочешь?

— Стать как вы, госпожа.

— Неожиданный ответ, но не буду спорить. — Отпустив

ребенка, Сиела повернулась к Орленде. — Неровностей черепа не видно, но вот ее окрас… слишком насыщенный. Проверьте еще раз генеалогию. Если мы правильно сделаем выбор, она еще сможет завести семью.

Получив от Орленды шлепок пониже спины, восьмилетняя Эбия Т'делл вприпрыжку поскакала к игровой площадке, моментально уверившись, что ее жизнь — не бесплодный генетический тупик.

«Вот это важно», — думала Сиела, наблюдая за поединком детей на деревянных шестах. Каждый ребенок, находящийся здесь, родился уже после крушения. Популяция ситхов росла, не сильно изменившись качественно. В экипаже «Знамения» были представлены все виды рода человеческого; на Кеше, соответственно, все обстояло так же. Ни одна связь с кешири не принесла потомства, за что Сиела не раз благодарила темную сторону. Но вот ситхи Равилана представляли собой проблему. Число относительно чистокровных людей неуклонно росло. И сохранялся человеческий геном.

Сиела тщательно наблюдала за этим с полного одобрения Корсина. Такой контроль являлся разумной необходимостью. Ведь Кеш убил массасси. Но людей он пока щадил. И значит, ситхам нужно как можно больше носителей именно человеческих генов. Или приспособимся, или умрем — так сказал Корсин.

— В списке на этой неделе еще несколько детей, — сообщила Орленда. — Будешь смотреть их сегодня, Сиела?

— Я не в настроении. Что-нибудь еще?

Орленда свернула пергамент и разогнала оставшихся на площадке ребятишек.

— Ну… нам нужен кешири-носильщик.

— А что случилось с предыдущим, Орленда? Ты оказала ему любезность и наконец-то убила его? — усмехнулась Сиела.

— Нет. Он сам умер.

— Тот, большой… Госем?

— Горем, — вздохнув, поправила Орленда. — Он умер на прошлой неделе. Мы отправили его к команде Равилана. Они разбирали одну из палуб «Знамения» — искали хоть что-то пригодное. Горем был, ну, вы помните, довольно силен…

— За это его и выбрали.

— Он, видимо, ворочал плиты, а там, под крышей, жара невозможная. Он просто упал. Прямо возле корабля. — Орленда прищелкнула языком.

— Хм… — А Сиела считала, что кешири куда прочнее. Но это неплохой повод подшутить над впечатлительной коллегой. — Представляю, как ты рыдала у погребального костра.

— Никто не разжигал костра, они сбросили его с обрыва. — Орленда поправила свои льняные локоны. — В тот день был сильный ветер.

На закате Сиела нашла Корсина на площади. Кеширской женщины с ним уже не было. Корсин в одиночестве рассматривал самого себя, точнее, весьма скверную свою копию. Ремесленники из Тава только что доставили в горы четырехметровую статую своего спасителя, сделанную из огромных стеклянных плит. Прототип уродливая скульптура напоминала слабо.

— Это… Первый блин комом, — вздохнул Корсин, почувствовав ее присутствие.

— Ясно. — Сиела решила, что этакое чудо кеширского мастерства способно осквернить даже мертвые поля Ашас-Рии.

А вот ее туземный слуга счел статую как минимум изумительной:

— Это поистине великолепно, госпожа. Дар, действительно достойный Детей Небес… то есть Защитников, — быстро поправился он, бросив осторожный взгляд на верховного повелителя. Новое понятие, недавно добавленное в его родную веру, плохо приживалось в сознании.

Кузен Равилана — киборг Хестус вместе с другими лингвистами «Знамения» много лет изучал изустные истории кешири. Они искали любую зацепку, любой намек на то, что кто-то извне мог побывать на Кеше. Кто-то, кто мог вернуться сюда снова. И спасти их. Ничего толкового они не нашли. Нештовар, наездники уваков, заправлявшие до недавнего времени планетой, нарастили свою веру в Детей Небес и воюющих с ними Иных на более ранние легенды о, соответственно, Защитниках и Разрушителях. Последние периодически посещают Кеш, принося с собой всевозможные бедствия; роль Защитников — остановить их. Корсин, теперь уже в свете кеширских верований, заявил, что пришел момент откровения, и постановил вернуть старую терминологию.

Это тоже было идеей Сиелы. Нештовар называли себя Сынами Детей Небес. Но ни один кешири не мог претендовать на родство с основательно подзабытыми Защитниками. Какой бы статус отдельные туземцы ни имели среди своего народа ранее, сейчас они его потеряли. И вот кешири уже выказывали свое почтение ситхам — жуткой пучеглазой стекляшкой.

«Они определенно должны научиться лучше изображать наши лица перед тем, как оказать такое „почтение“ мне», — мысленно содрогнувшись, решила Сиела.

— Не то чтобы это совсем уж плохо, — сказала она, когда

Тильден ушел, — но здесь как-то не к месту.

— Снова думаешь о том, чтобы перебраться куда пониже, — улыбнулся Корсин. От улыбки по его лицу разбежались тонкие морщинки. — Боюсь, терпение кешири не безгранично, и мы исчерпали его еще в Таве.

— Это что-то меняет?

— Ничего. — Он взял ее за руку, немало удивив этим жестом. — Послушай, я правда очень ценю всю ту работу, что ты ведешь в Палатах. Я знаю, ты делаешь все, что можешь.

— Ох, вряд ли ты представляешь себе, что я могу.

Корсин, рассмеявшись, отвернулся:

— Давай не будем об этом. Как насчет ужина?

Его глаза сияли, и Сиеле был знаком этот взгляд. А возможных причин, вызвавших его, могло быть много.

Ответить Сиела не успела — сверху донесся крик. Корсин и Сиела одновременно повернулись в сторону наблюдательной вышки. Вряд ли им что-то угрожало: ситхи очистили хребет от хищников много лет назад. Часовые теперь медитировали, слушая через Силу ситхов, находящихся по разным делам в удаленных уголках Кеша.

— Это Равилан! — крикнул, свесившись вниз, краснокожий часовой — он был совсем ребенком, когда «Знамение» потерпело крушение. — В Тетсубале произошло что-то ужасное.

Корсин посмотрел вверх — он тоже почувствовал возмущение в Силе. Что-то размытое, хаотичное. Невозможно определить, чем это вызвано. Когда подобное случается, сразу становится ясно, почему не следовало разбирать на запчасти личные комлинки во время первых попыток покинуть Кеш.

Сиела тоже смотрела на башню. Беззвучно, одними губами, она спросила:

— Равилан… умирает?

— Нет, — ответил часовой. — Умирают все остальные.

3

Ситхи жили в постоянной погоне за славой. Ситхи жили, покоряя другие народы. И во дворце Лудо Кресша юная Сиела видела, что для ситхов такой образ жизни имеет смысл.

Но почему столь многие — включая ее собственную семью — приняли учение ситхов? Ведь никакой надежды на изменение статуса у них не было. Зачем становиться ситхом, чтобы жить как раб?

Это путь не для каждого. Империя ситхов — огромное, великое государство — много лет находилась в состоянии покоя и стабильности. Но состояло оно из множества маленьких миров. Находясь в команде Кресша, уже взрослая Сиела видела, как относится ее хозяин к рискованным начинаниям Наги Садоу. Несколько раз они встречались. Каждый раз все заканчивалось скандалом. Два лидера не смогли понять друг друга — слишком по-разному виделось им будущее Империи ситхов. И это противостояние началось задолго до того, как ситхи проложили себе путь в сердце Республики.

Садоу был дальновиден. Он понимал, что полная изоляция для Империи невозможна: слишком много систем, слишком много возможных гиперпространственных маршрутов. Стигийская Кальдера была не стеной — вуалью; и Нага Садоу смог взглянуть сквозь нее. В окружении Садоу было много людей и экзотов с весьма неопределенным статусом. Сиела даже видела однажды отца Яру Корсина.

Садоу любил все новое — и чужаки могли стать ситхами, как и любой, рожденный в Империи. Для Кресша, проводящего дни в битвах, а ночи — в трудах, надеясь создать абсолютную защиту для своего сына, сама мысль покинуть космическую колыбель ситхов казалась кощунством.

— Знаешь, почему я делаю это? — спросил Кресш однажды ночью. Он был пьян, и досталось всем, кто оказался в пределах его досягаемости, в том числе и Сиеле. — Я видел голокроны, и я знаю, что там, за Кальдерой. Мой сын похож на меня — и это будущее ситхов. Но только здесь. А там, — он сплюнул, сделав паузу между ударами, — там будущее выглядит как ты.

Адари Вааль сказала как-то Корсину, что у кешири нет достаточно большого числа для того, чтобы обозначить собственную численность. Экипаж «Знамения» пытался заняться подсчетами, но за новыми горизонтами их ждали новые селения — кешири действительно были многочисленны. Тетсубаль насчитывал около восемнадцати тысяч жителей и был одним из последних городов, где ситхи провели перепись. После они просто опустили руки.

И сейчас им вновь придется просто опустить руки — Тетсубаль был полон трупов, сосчитать их казалось невозможным. Они смотрели на город сверху, сидя на широких спинах крылатых ящеров. И видели мертвецов, разбросанных, как ветки деревьев после урагана, на грязных улочках города. Некоторые лежали прямо в дверях своих плетенных из хеджарбо хижин. Внутри жилищ картина была такой же.

И никого живого. Никого. Если кто-то из жителей и выжил, то спрятались они на славу. Впрочем, восемнадцать тысяч мертвецов — вполне достойная причина тому.

Что бы тут ни произошло, произошло это внезапно: молодая женщина упала, так и не выпустив из объятий младенца, несколько кешири утонули в окаймлявших улицы каналах; рядом плавали их деревянные ведра.

Единственным живым существом здесь был Равилан. Лязгали в тишине, цепляясь створами, запертые изнутри городские ворота. Равилан, просидевший в Тетсубале среди трупов весь вечер, выглядел отвратительно. Едва спешившись, Корсин кинулся к нему.

— Все началось внезапно, я как раз встречался со своим агентом, — рассказывал Равилан. — Люди просто стали падать. Везде — в тавернах, на рынках. Началась паника.

— А где был ты?

Равилан широким жестом обвел центральную площадь. В центре ее, как и в Таве, возвышалась колонна — площадь служила солнечными часами. Эта колонна была самым высоким сооружением в городе, если не считать приводимой уваками в движение блочной системы, питающей водопровод.

— Я потерял прибывшую со мной помощницу. Пытался найти ее и разобраться в том, что происходит.

— Разобраться! — зарычала Сиела. — Действительно!

Равилан сердито выдохнул:

— Да, я пытался разобраться. Кто знает, какая инфекция убила этих кешири? Я четыре часа наблюдал за тем, как они умирают. Я звал увака, но ящер тоже погиб.

— Привяжите наших уваков за стенами! — приказал Корсин.

На его взволнованном лице причудливо плясали тени от света факелов. Он оторвал кусок ткани от подола своей туники и закрыл нижнюю часть лица. Кажется, он не осознал, что сделал это одним из последних. Корсин посмотрел на Сиелу. — Биологический агент?

— Я… я не знаю, — ответила она. Она знала все о ситхах и ничего — о кешири. Болезни туземцев ей были неизвестны.

Корсин резко повернулся к Глойду:

— Моя дочь в Таве. Она должна немедленно вернуться в горы. Иди!

Гоук кинулся к уваку с нехарактерной для него поспешностью.

— Зараза может быть в воздухе. — Сиела медленно пошла вперед, ошеломленно разглядывая трупы. Инфекция в воздухе — это объясняло бы столь внезапную и массовую гибель. — Хотя мы еще живы.

Внезапно впереди раздался крик. Там, под трупом какого-то кешири, обнаружилось тело помощницы, которую тщетно разыскивал Равилан. Женщине было за сорок, как и Сиеле. Как и Сиела, она была человеком. Но в отличие от Сиелы она была мертва.

Живая пока Сиела вцепилась в марлю на лице. «Дура я дура. А если уже слишком поздно?!»

— О да, слишком поздно, — медленно произнес Равилан, ловя ее мысли, — в панике она не успела прикрыть разум. — Он развернулся к Корсину лицом к лицу, внимательно глядя ему в глаза. — Ты знаешь, что нужно делать.

Голос Корсина был ровен и холоден.

— Надо сжечь город. Разумеется, мы сожжем город.

— Этого недостаточно, капитан. Надо полностью отгородиться от них!

— Отгородиться от кого? — отрывисто спросила Сиела.

— От кешири! — Равилан указал на тела вокруг. — Что-то убивает их. И оно может убить и нас. Необходимо полностью прервать все контакты с ними!

Корсина эта тирада ошеломила.

Сиела схватила его за плечо:

— Не слушай его. Как мы сможем без них?

— Как ситхи! — выкрикнул Равилан. — Это не наш путь, Сиела. Ты… мы стали слишком зависимы от этих существ. Они — не ситхи.

— По стандартам твоего народа никто из нас не может быть ситхом.

— Политика тут ни при чем, — яростно возразил Равилан. —

Посмотри вокруг, Сиела! Что бы это ни было, оно вполне могло убить и нас. Но мы до сих пор живы. Это темная сторона предостерегает нас.

Хорошо, что ткань скрывала ее вытянувшееся от удивления лицо. Корсин встрепенулся:

— Подожди. — Он взял Равилана за руку. — Это надо обсудить…

Корсин и Равилан двинулись к воротам. Их открыли только сейчас, и, казалось, Тетсубаль выдохнул отравленный воздух сквозь распахнувшиеся створы. Сиела застыла среди трупов, завороженная этим царством смерти. Погибшие кешири казались близнецами — вывалившиеся синие языки, перекошенные агонией удушья фиолетовые лица.

Она наконец заставила себя шагнуть в сторону ворот, и тут ее взгляд наткнулся на помощницу Равилана. Как же ее звали? Юланна? Ильяна? Еще вчера Сиела могла бы по памяти рассказать всю родословную этой женщины. А сейчас не в силах вспомнить даже ее имя, глядя в восковое лицо, черный провал рта с раздутым синим языком…

Стоп.

Сиела опустилась на колени рядом с трупом и, стараясь ничего не задеть, достала свой шиккар — стеклянное лезвие сделали для нее кешири. Она осторожно открыла рот женщины — язык был странного зеленовато-голубого цвета, вся слизистая в ярких пятнах от лопнувших сосудов. Сиела видела подобное и раньше. Давным-давно…

Она вылетела из ворот маленьким смерчем:

— Мне срочно нужно в Палаты!

Корсин, дающий указания по поводу организации пожара, недоуменно посмотрел на нее:

— Сиела, даже если кто-то еще и выжил… забудь. Главное — мы живы. Сейчас вся надежда на нас.

Равилан, безуспешно пытающийся успокоить почуявших неладное уваков, тревожно оглянулся:

— Если ты собираешься занести эту заразу в нашу крепость…

— Нет, — перебила она. — Я полечу одна. Если мы уже заразились, то все бессмысленно. — Она выхватила уздечку из рук Равилана и одарила его ослепительной улыбкой. — Но если мы здоровы, то ты прав. Это предостережение.

Корсин пару секунд смотрел ей вслед, прежде чем вернуться к плану уничтожения Тетсубаля. Сиела на обреченный город и не оглянулась. Она летела сквозь ночь, подгоняя ящера. Времени было мало. Надо как можно скорее встретиться с медиками, работающими в Палатах, — самыми верными ее помощниками.

И надо как можно скорее встретиться с сыном.

Когда солнце взошло над Такарскими горами, Тильден Каа не нашел, по обыкновению, Сиелы в душе — а душ ей не помешал бы. Этой ночью Сиела не сомкнула глаз. Корсин и Равилан вернулись в глухой, предрассветный час. И горная крепость ситхов превратилась в кризисный центр.

Возникли серьезные проблемы с коммуникацией. Нельзя сказать, что массовая смерть кешири сильно обеспокоила ситхов: благополучие туземцев их не интересовало; а вот последствия подняли в умах столько смятения, что даже опытные связные с трудом передавали сообщения. Корсин осторожно призывал ситхов из кеширских селений. Ни в Таве, ни в других крупных городах до сих пор не знали о Тетсубальской катастрофе. Корсин не хотел вызвать подозрения у туземцев. Ситхи получили инструкции по возможности незаметно выбраться из селений и вернуться домой.

Никаких данных о повторении трагедии до сих пор не поступило — по крайней мере, из крупных селений. Но еще не все разведчики вернулись. Когда придут новости с озер Рагноса, все ситхи уже должны быть в своей крепости.

Этим утром Сиела лишь пару раз мимоходом видела Корсина. Он успел высказать пожелание о создании карантинной зоны для тех, кто возвращается в крепость извне. У ситхов, побывавших в Тетсубале, — сейчас от некогда крупного селения осталось лишь большое пожарище — никаких опасных симптомов не наблюдалось, но риск был велик. У Сиелы и своих проблем хватало; ее сотрудники фактически безвылазно провели все это время в Палатах.

— Мы работаем, — коротко сказала она Корсину.

В полдень Сиела нашла Корсина в компании Равилана. Они просматривали отчеты. Корсин выглядел невыспавшимся. И его маленькая лиловая вертихвостка не приедет сегодня на обед! А вот Равилан, несмотря на пережитое им вчера, казался помолодевшим; его лысый череп светился, словно красный фонарик.

— Все куда лучше, чем мы надеялись, Корсин, — говорил Равилан. И никаких титулов, заметила Сиела, — ни «верховного повелителя», ни даже «капитана».

Корсин хмыкнул:

— Твои все вернулись?

— Я знаю, что в загонах видели почти всех. Отсутствующих не так уж много. — Лицевые отростки Равилана слегка закрутились. — Но предстоит много работы… Учитывая новые

приоритеты.

Сиела посмотрела вверх. Что ж, вот и начало.

— Всадник!

Часовой почувствовал увака задолго до его появления на южном горизонте. Спикировав прямо над колоннадой, всадник посадил ящера и спрыгнул на каменный пол, приковав к себе внимание всех присутствующих. Всех, кроме Сиелы.

— Верховный повелитель, — пытаясь отдышаться, проговорил вновь прибывший. — Это… случилось снова… Раболоу!

Она слышала шумный вздох Корсина, но смотрела не отрываясь, как расширяются желтые глаза Равилана, — впрочем, всего секунда, и рулевой вернул себе хладнокровие:

— Раболоу?

— Это на озерах Рагноса? — Сиела чопорно улыбнулась Равилану. — Там, где вчера были твои люди, не так ли, Равилан? Деревни на озерах Рагноса.

Он кивнул. Все слышали о его поездке на озера. Равилан прочистил ставшее вдруг сухим горло:

— Я… мне нужно поговорить кое с кем из своих — он только что вернулся оттуда. — Равилан проковылял мимо Сиелы, повернулся и поклонился. — Я… я действительно должен встретиться с ним, капитан.

— Ну так иди, — сказала Сиела.

Корсин промолчал, осмысливая последние новости и странные совпадения. Он пристально смотрел вслед бредущему к загонам Равилану.

— Всадник!

Корсин, дернувшись, задрал голову. И Сиела поняла: он почти боится. Боится новостей, которые несет всадник.

И вновь известие о мертвом городе. Озерном городе… Третий всадник рассказал о третьем. И о четвертом. Сто тысяч мертвых кешири. Глаза Корсина стали огромными, в них прятался страх.

— Что-то с озерами? Это… Что это было? Водоросли Равилана?

Сиела скрестила руки на груди, глядя прямо в ставшие почти кеширских размеров глаза мужа. Он нагнулся к ней и стал казаться меньше. Сейчас их лица были на одном уровне. Как хотелось продлить этот момент…

…но предстояло слишком много работы. Она позвала Тильдена.

Обеспокоенный слуга появился со стороны Палат, он нес небольшой контейнер. Забрав контейнер у Тильдена, Сиела прогнала слугу.

— Знаешь, что это такое, Корсин?

Корсин повертел в руках пустую на вид пробирку:

— Циан силикат?

Этот яд был на «Знамении» — в ее медицинском отсеке, а также у Равилана. В твердом виде, объяснила Сиела, циан силикат используется целителями-массасси для прижигания. Его часто применяли, когда она служила у Лудо Кресша. Больше ничего не брало грубые шкуры массасси.

— Это вещество и в твердой форме небезопасно, — сказала она. — Но если добавить воду, начинается реакция — и яд становится сильнее в тысячу раз. Достаточно одной частицы на миллиард.

Корсин поднял брови:

— Что… как яд мог попасть в грунтовые воды? Или в водопровод?

Сиела крепко взяла его за руки и посмотрела прямо в глаза:

— Тетсубаль.

Не отпуская Корсина, она рассказала о великане Гореме — погибшем кешири из ее Палат. Он разбирал разрушенные отсеки «Знамения» вместе с отрядом Равилана. Яд из аптечного склада массасси мог попасть на пластины внутренней обшивки во время крушения, а оттуда — на руки Горема. Кешири умер, едва выйдя из корабля, видимо, сразу после того, как помыл руки. Его смерть была почти мгновенной.

Равилан это видел, видел смерть Горема. И понял, что у него есть оружие против кешири — яд, способный убивать тысячи разом. Оружие, которое заставит Корсина забыть об обустройстве жизни на Кеше и более активно искать способы покинуть планету.

Теперь каждое селение, которое вчера посетили члены «Пятидесяти семи», разделит участь Тетсубаля.

Корсин крутанулся, разбив о мраморную колонну свое капитанское кресло. Он не обратился к Силе. Ему это и не нужно было.

— Зачем? — Он схватил Сиелу за плечи. — Зачем они сделали это? Ведь ясно же, что их сразу разоблачат! Как глупо! Они, должно быть, в отчаянии.

— Да, — сказала Сиела, обняв его. — Они в отчаянии.

Корсин долго смотрел на солнце, обливающее гору ослепительным светом.

Потом, выпустив Сиелу из объятий, он обвел взглядом удивленные и одновременно выжидающие лица своих советников.

— Приведите их всех, — приказал он. — Скажите им — время пришло.

4

Сиела решила сбежать от Лудо Кресша еще до казни своей семьи. Произошло все банально: он повредил в бою лодыжку, а она не смогла остановить инфекцию. Ее отца он убил той же ночью, после совсем обессилев. Шанс появился несколько дней спустя, когда одна из шахтерских команд Садоу остановилась на Релге для дозаправки. Терять ей было нечего и некого.

Девор Корсин стал ее ключом к свободе. Она видела, что наряду с некоторой инфантильностью и отчаянным безрассудством у Девора есть и большой потенциал. И он так же, как и она, боролся против невидимых цепей, ограничивающих его амбиции. Он мог стать ее союзником. А на службе у Садоу была, по крайней мере, хоть какая-то надежда — до тех пор, пока Девор все не испортил.

А вот за сына его все-таки можно поблагодарить…

Световые мечи сверкали во тьме, окутывающей гору. Но на главной площади было темно. Сиела неторопливо прошла вдоль темной колоннады, украшенной привязанными к столбам головами красных ситхов из числа «Пятидесяти семи».

Здесь был и молодой часовой из вышки — его убили, заманив в ловушку. Ведь он никогда не покинул бы своего поста. Справа был Хестус, переводчик; Сиела лично участвовала в его… демонтаже. Корсин намеревался с утра вытащить из киборга все механические детали и импланты — вдруг пригодятся.

Корсин и его ближайшие помощники находились сейчас за внешней стеной — Сиела чувствовала их. Они вели остатки «Пятидесяти семи» по их последней дороге к тому обрыву, где погибло «Знамение». И пощады не будет; она видела, как Корсин швырял в море даже тех, кто пытался сдаться. В конце концов в этом деле опыт у него есть.

Каменная громада центрального загона выросла перед ней. Остальные стойла для уваков тянулись в разные стороны от этого высокого сооружения, где кешири мыли вонючих ящеров. Все слуги уже ушли, так что круглое помещение почти опустело. В центре, безвольно обмякнув, висел Равилан; он еще дышал. Наблюдавшего за ним охранника скрывала тень. Жесткие веревки из сотканных кешири волокон оплетали вывернутые, широко разведенные в стороны руки красного ситха, привязанного к

конструкции, призванной в нормальных обстоятельствах удерживать уваков под струей воды во время чистки. Теперь место увака занимал Равилан. Его ноги болтались в нескольких сантиметрах от земли. Сиела отступила назад, когда из отверстий в крыше загона полилась вода.

Пленник захрипел, захлебываясь.

Спустя минуту поток иссяк. Измученному Равилану потребовалось гораздо больше времени, чтобы немного прийти в себя и заметить Сиелу.

— Все мертвы, — с трудом, задыхаясь, выговорил он, — верно?

— Все мертвы, — подтвердила она, подойдя к нему. — Ты последний.

Равилана поймали быстро, его хромота подвела его в последний раз.

Он замотал головой:

— Мы отравили воду только раз! — Его голос срывался. — В Тетсубале. Насчет других городов я не знаю. Мы не планировали…

— Меня, — перебила Сиела. Все оказалось проще простого после того, как она поняла, что произошло в Тетсубале. Потребовалось лишь время.

Вернувшись в крепость, Сиела вызвала своих самых доверенных сотрудников из Палат. Едва минула полночь, ее люди уже были в воздухе. Они летели на юг, к приозерным селениям — тем, где побывали накануне ситхи Равилана. У нее оставался уцелевший в крушении запас циана силиката. Сейчас запас этот был в колодцах и в водопроводе городов на озерах Рагноса. И в телах погибших кешири. Самым главным было правильно рассчитать время. В одиночку она не успела бы, но ей повезло с помощником.

— Т-ты сделала это? — Равилан, откашлявшись, выдавил слабую усмешку. — Впервые тебе пришлась по вкусу моя идея.

— Все получилось.

Кривая усмешка исчезла с лица Равилана.

— Что получилось? Геноцид?

— Ты вдруг решил пожалеть кешири?

— Ты знаешь, о чем я! — Равилан выпрямился, насколько позволяли оковы. — Мои люди!

Сиела закатила глаза:

— Можно подумать, в Империи ничего такого не происходит. Ты прекрасно знаком с ее реалиями. Ты же помнишь, кому служил?

— Такого Нага Садоу точно не хотел, — прохрипел

Равилан. — Садоу ценил силу. Он ценил и новое и старое. Он ценил нас…

Она кивнула охраннику — и новый поток воды обрушился на Равилана. На сей раз ему потребовалось гораздо больше времени, чтобы прийти в себя.

— Все могло бы быть отлично. — Он закашлялся. — Мы могли бы работать… вместе, как ситхи и падшие джедаи в прошлом. Если бы только наши дети… мои дети жили… — Равилан, резко замолчав, поднял взгляд; вода лилась с его перекошенного лица. — Ты.

Сиела посмотрела вверх, на водоводы под потолком, из темных желобов все еще стекала тонкими струйками вода.

— Ты! — повторил он громче. — Что ты делала в родильном отделении? Ты и твои целители. — Его лицо исказилось в мучительном крике. У его народа уже давно не было будущего. — Что ты делала? Что ты делала с нами?

— Ничего такого, чего бы вы не делали с нами. — Она шагнула в тень, к охраннику. — Мы не твои ситхи. Мы нечто новое, и у нас есть шанс сделать все правильно. Новое племя.

— Дети, младенцы… — ослабев, простонал Равилан. — Какая же… какая же из тебя мать?

— Я мать детей человеческой расы, — ответила Сиела и обернулась к охраннику, все это время так и стоявшему в тени. — Пора, сын.

Охранник шагнул вперед — и Равилан увидел Джериада Корсина. На лице, как две капли воды схожем с лицом Девора Корсина — его отца, дикой яростью горели глаза под черной как смоль челкой. Юноша буквально набросился на пленника. Виброклинком он орудовал безжалостно. Смерть Равилан встретил в алой злой вспышке светового меча Джериада.

— Сегодня ты изменил мир. — Сиела положила руку на плечо своему сыну и сообщнику. Именно он играл ключевую роль в отлично проведенном вчера ночью гамбите, координируя действия всех исполнителей. Эту маленькую награду он заслужил по праву.

Джериад тяжело дышал, глядя вниз, на свою жертву:

— Не его я хотел убить.

— Будь терпеливым. — Сиела погладила его по волосам. — Как я.

Тильден Каа тихо пробирался по темным улицам Тава, недавно вымощенным камнями. Ситхи прогнали всех слуг рано утром, когда начались волнения; он ушел одним из последних. Сейчас на улицах, обычно многолюдных даже поздним вечером,

было пустынно и тревожно.

Ему встретился только средних лет нештовари, неподвижно стоящий на перекрестке; давно лишившийся своего увака, наездник выглядел тоскующим.

Тильден кивнул сторожу, пересек площадь и пошел вдоль одного из множества каналов. Широкие струи свежей горной воды длинными дугами лились из желобов, охлаждая жаркую ночь.

Добравшись до водопада, Тильден надел загодя прихваченный плащ, накинул капюшон и шагнул в поток.

Вернее, сквозь него.

Тильден шел вниз по темному проходу, вырубленному в камне. С его плаща тонкими ручейками стекала вода. Где-то впереди, во тьме, слышались тихие голоса. Там не было света — но была жизнь. Подойдя ближе, Тильден смог разобрать отдельные слова — с юга прибыли страшные вести, и шел отчаянный спор. Он оборвался, когда тихий голос заговорил о том, что трусливые темные кешири должны, вероятно, молча стерпеть весь этот кошмар, а виноваты во всем, верно, Разрушители.

— Это случилось, — сказал Тильден в темноту. — Сиела избавилась от «Пятидесяти семи» Детей Небес. Из людей, непохожих на них, остался только тот огромный, как гора. Глойд.

— Сиела не подозревает тебя? — донесся из темноты сиплый женский голос. — Она не читает твой разум?

— По ее мнению, я этого недостоин. Я говорю только о старых легендах. Она считает меня глупцом.

— Она не может отличить наших великих ученых от наших дураков, — раздался мужской голос.

— Никто из них не может, — заговорил кто-то третий.

— Хорошо, пусть так и будет. Сиела сделала нам одолжение, сократив их количество. Но она способна и на большее.

Вспыхнул свет, когда один из собравшихся — глубокий старик — зажег фонарь.

В маленьком гроте теснились несколько кешири, и смотрели они не на Тильдена, а на женщину, шагнувшую из темноты за его спиной. Тильден обернулся. Именно она первая заговорила с ним сейчас:

— Будь сильным, Тильден Каа. С твоей помощью — и с помощью всех нас — кешири покончат с этим. — В глазах Адари Вааль плескался гнев. — Я принесла эту беду. И я избавлю нас от нее.

Спаситель

1

4975 лет до Битвы при Явине.

— Дети Кеша! Ваши Защитники вернулись к вам. Вновь!

Корсин замолчал, ожидая, пока толпа не утихнет. Но радостный гомон все не смолкал. Капитан Яру Корсин, верховный повелитель Племени ситхов Кеша, безмятежно взирал с высоты мраморной платформы на лиловое море восторженных лиц. А позади него возвышались каменные колонны и своды его нового дома. Будучи некогда большим, но беспорядочно застроенным и неимоверно грязным туземным селением, Тав стал теперь великолепной столицей ситхов.

Выросли на месте старой городской площади — Круга Вечности — новые величественные дворцы. Сегодня, спустя четверть стандартного века после появления ситхов на Кеше, Корсин устраивал большой праздник в твердом намерении отметить эту дату торжеством, а не слезами. И на праздничной церемонии он объявил о своем новом решении: его народ отныне и навсегда будет жить бок о бок с кешири.

Уже не вызывало никаких сомнений, что восстановить «Знамение» не удастся, и забота о сохранности того, что осталось от корабля, — лишь бессмысленная суета. А помощи извне им не дождаться. Корсин ясно понял это, разглядывая расплавленное нутро передатчика. Чудесная планета Кеш блеклой искоркой затерялась среди бесконечности космоса джедай-его-знает-где в секторе том, не знаю каком. Иначе Нага Садоу давно уже разыскал бы и потерянный корабль, и свои ненаглядные кристаллы.

Корсин временами задумывался о судьбе капитана Сайеса и его «Предвестника». Им повезло больше? Смог ли пережить второй корабль столкновение, фактически убившее «Знамение»? И получил ли падший джедай должную принадлежать ситхам славу после победы на Праймус-Голууде? Или Нага Садоу уничтожил его, покарав за ошибку?

А жив ли сам Садоу?

Корсин знал, что эти вопросы так и останутся без ответа. Но он также знал, что ситхи Кеша все равно должны задаваться ими, пока жива память о том, кто они и откуда пришли. Это — залог стабильности.

Сложившаяся ситуация требовала от него определенной аккуратности, даже изящества действий. Их будущее — это Кеш. И за обладание властью над этим миром будет бороться каждый.

Еще не раз повторится их с Девором смертельный танец над бездной — в другое время, в других лицах, но с той же сутью. Он перевел взгляд на ситхов, вытянувшихся в караул по обе стороны сланцевой аспидно-черной лестницы, ведущей на платформу. Сколько людей, столько и амбиций. Поэтому ситхи должны верить в то, что аварийный радиобуй, прежде чем выйти из строя, успел послать сигнал. Надежда покинуть Кеш, вернуться на родину объединяла, а иллюзия возможного прибытия высшей карающей силы усмиряла.

Но, направляя мысли своего народа в небеса, Корсин не забывал и о делах земных, *настоящих* — превращении Кеша в мир ситхов. Печальная история людей Равилана произошла по его, Корсина, недосмотру. Впрочем, итогом он остался доволен. В отличие от жены Корсин относился к красным ситхам благодушно, но они подрывали и без того хрупкий порядок. Генетически однородная человеческая масса ситхов была более управляема.

Его жена. Этот брак был еще одним шагом к стабильности, еще одним узлом выстраиваемой им системы, связавшим экипаж «Знамения» и шахтерскую команду его пассажиров. Сиела, конечно же, находилась сейчас здесь. Стояла на противоположной стороне платформы, приветствуя жрецов — тех немногих из кешири, кто мог похвастаться весьма легким грузом игрушечной власти. Приветствовала, разумеется, никого из них так и не коснувшись. Корсин тоже больше не прикасался к ней. Досадно. Она была великолепна сейчас: смуглое лицо безупречно, локоны струятся искристой тьмой. Он не знал, какое черное волшебство творили ее эксперты, но выглядела она не старше тридцати пяти.

Идея покинуть гору принадлежала ей. Сиела ненавидела каменную громаду, холод и безжизненность высоты. Здесь, внизу, и воздух, и краски были гораздо теплее. Мастера-кешири и проектировщики ситхов многому научились друг у друга. Здесь тоже был камень, но по стенам взбирались яркие цветы колючей далсы. Широко раскинулись сады, а в блестящих желобках журчала вода, наполняя прозрачные пруды. Прекрасное место для жизни.

А ведь не все города кешири так же хороши, признал Корсин, кивая ковыляющим мимо старейшинам. Много лет назад он едва не потерял все. Но гибель жителей озерных городов удачно списали на недостаток в них веры в божественность Племени ситхов. А небольшое представление, разыгранное прямо на этом месте, тогда еще бывшем главной площадью, окончательно утвердило статус ситхов на Кеше. Спектакль получился грубым и прямолинейным: один из известных кеширских отступников,

горячо выступающий против «так называемых Защитников», упал замертво на середине своей пламенной речи, словно захлебнувшись собственными лживыми словами. Корсин смог убедительно изобразить и великодушие, и крайнее удивление. Но посыл был предельно ясен — мор, чума и прочие беды только и ждут какой-нибудь дерзости.

Глойд придумал этот трюк. Старый добрый Глойд… Теперь старости в нем куда больше, чем добра. Несгибаемый гоук стоял позади, обнажив оружие согласно своей роли церемониального телохранителя, но выглядел так, словно это ему требуется защита. Единственный экзот экипажа, оставшийся в живых. И он, как и все, не молодел.

— Дочь Детей Небес, Адари Вааль! — объявил Глойд.

Корсин моментально забыл обо всем — и о красоте архитектуры, и о старых добрых гоуках. Адари, маленькая отважная туземка, принесшая им спасение, мягко шагнула вперед и поклонилась.

Теплолюбивая Сиела поприветствовала ее весьма холодно. Было бы еще холоднее, не стой они на виду у доброй половины Кеша. Оказавшись рядом, они неизменно изумляли Корсина. Сравнивать там было нечего. Сиела поражала своей красотой, она прекрасно это знала — и никому не позволяла забывать об этом. Кеширы, по ее мнению, были отменно безобразны. И это еще раз доказывало то, что суждениям Сиелы доверять не стоит.

Адари — кеширы. Конечно, она была чем-то невероятно малым по сравнению с Сиелой. И в то же время чем-то гораздо бóльшим. Она не владела Силой, но ум ее был удивительно гибок и постигал предметы, лежащие далеко за пределами миропонимания ее народа. И она обладала волей ситха. Только дважды за все эти годы он видел, как ее сила изменила ей, — и в первый раз, самый важный, это случилось, когда она решила сохранить в тайне подробности смерти Девора. Сколь многое стало возможным благодаря этому — для них обоих.

Она подошла, пристально вглядываясь в его лицо. Пытливые умные глаза, прячущие в темной глубине столько загадок. Он взял ее за руку и улыбнулся. *Забудь о Сиеле.*

Двадцать пять лет. Он сохранил свой народ.

Сегодня чудесный день.

Ты читаешь мой разум. Ты же знаешь, насколько мне это неприятно. Или тебе все равно?

Адари вывернула свою руку из ладони Корсина, с трудом растянув губы в улыбке. «Дружелюбие» Сиелы вызывало у нее лишь легкий озноб. Но Яру Корсин смотрел так… словно она —

повозка на базаре, которую он примерился купить за полцены.

Она отступила назад. Хотелось сбежать с платформы и раствориться в толпе. Но Корсин удержал ее:

— Это и твой день, Адари. Твое место здесь, рядом с нами.

«Замечательно», — подумала она. Адари постаралась расположиться вне прямой видимости Сиелы. Кто знает, тело Корсина может оказаться не таким уж прочным щитом. Впрочем, ежедневные тренировки приучили ее переносить Сиелу относительно безболезненно. А вот к подобным публичным смотринам ей никогда не привыкнуть.

Не так уж много их было. И все закончились для нее благополучно. Именно здесь ее обвиняли в отступничестве. Именно здесь, спустя лишь несколько дней, ее чествовали как героя — а ведь она принесла своему народу страшную беду по имени ситхи. И сейчас, когда старая площадь исчезла под каменной мощью новых дворцов, она снова стоит здесь перед толпой глупцов и невежд. Кешири беспечно праздновали свое собственное порабощение, позабыв о своих несчастных братьях и сестрах, погибших с тех пор, как явились ситхи. Многие тысячи погибли в озерных городах, но больше, гораздо больше жизней сожрали тяжелые работы в попытке угодить небесным гостям. А ситхи вывернули верования кешири так, что жертвы, казалось, не имели значения. И все свои надежды и чаяния — от самых незначительных до судьбоносных — кешири возложили на ситхов.

Это коснулось даже семьи Адари. Она вспомнила своего бедного Финна, окровавленного и изломанного. Едва возмужав, он стал рваться в рабочие отряды. Ее называли Дочерью Детей Небес, и ее детям не было нужды работать. Но кровь Жари Вааля дала о себе знать — Финн попросту сбежал.

А потом… Возведенные в спешке, плохо укрепленные строительные леса рухнули. Адари не удалось в тот день долететь до храма ситхов и принести своего разбитого, умирающего ребенка к ногам Корсина. Верховный повелитель пришел сам. Он делал что-то, колдовал по-своему. И на мгновение ей показалось, что Корсин сможет совершить невозможное, сможет вернуть жизнь ее сыну. Но он, конечно, не смог.

Ведь тогда она уже знала, что они — не боги.

В тот день Корсин поругался с Сиелой — целительство было ее епархией. Но Адари и не думала обращаться к ситхским медикам. Сами по себе кешири их мало интересовали. Им вполне достаточно было знания того, что ситхи не болеют кеширскими болезнями и что общих детей у двух рас быть не может. Возможно, поэтому Сиела и закрывала глаза на их встречи с

Корсином.

После того случая что-то между ними разладилось. Адари все так же старательно внимала рассказам Корсина, но смерть сына пробудила в ней чувство вины. До того дня она была для своего народа лишь Дочерью Детей Небес. А после — стала во главе тех, кто еще не был безнадежно обманут ситхами.

И теперь они наконец-то готовы действовать.

С юга донесся гневный гул — Сессал в последнее время оживился, словно почувствовав себя юным. Поводов для беспокойства не было — слишком далеко отсюда находился вулкан. Но его грозный голос внес смятение в доселе ровный строй уваков, парящих над процессией.

Оторвавшись от суматохи в небе, Адари перевела тяжелый взгляд на Корсина, пряди волос которого уже давно выцвели до грифельно-серого. Она научилась прятать от него свои мысли, укрывая разум щитом равнодушия и бесстрастности. Сейчас от этого зависело очень многое.

Адари выдавила улыбку. Много лет назад Корсин обещал спасение ей. Но вот совсем скоро она станет спасителем для своего народа.

Вы ошибаетесь, считая, что купили задешево меня и весь Кеш.

Сиела мысленно поморщилась, наблюдая, как наездники, пытаясь не мешать друг другу, опускают ящеров на специально расчищенную площадку. Более неуклюжую посадку трудно было представить. Конечно, эпизод слишком незначителен, чтобы испортить церемонию, но идеальное торжество таковым быть перестало. Впрочем, предводительницу наездников, поднимающуюся сейчас по черной лестнице, это явно не волновало. Небесных Всадников — нелепую причуду — Корсин подарил своей дочери на ее двадцатый день рождения. Это был некий клуб любителей полетов, пригодный лишь для простеньких шоу. Малопригодный — Нида Корсин это только что доказала.

То, что Нида и ее дочь тоже, — просто строчка в родословной. Внешний вид девушки оставлял желать лучшего. Сиела подумала было, что жилет из кожи увака и чапсы способны придать этому недоразумению чуть более внушительный вид, но Нида выглядела комично. Скулы, глаза — вот почти и все, что досталось Ниде от матери. Даже если девушка и унаследовала частичку красоты Сиелы, то короткие волосы и ярко раскрашенное лицо надежно это скрывали. Нида никогда не прошла бы одну из печально известных инспекций Сиелы.

— И это дочь верховного повелителя, — прошипела Сиела Корсину, когда Нида ступила на платформу. — Что подумают

кешири?

— Когда тебя это волновало?

Кивком сымитировав поклон отцу, Нида, шаркая, отошла. Ну что ж, пришло время для настоящего шоу.

В толпе раздались крики — удивленные, затем радостные. Откуда-то из дальних рядов десятка два фигур в церемониальных масках кешири взвились в воздух. Они легко расчистили себе место, используя Силу, и приземлились, уже сорвав маски. Одетые в черное акробаты — новая сила и гордость Племени — Мечники. Алые клинки с волшебной легкостью плели замысловатую вязь узоров, красиво и смертельно опасно. Кешири просто взорвались восторженными возгласами. Глойд объявил:

— Высший повелитель Джериад из рода Корсина.

Сопровождаемый восхищенным шепотом, глава Мечников поднялся на платформу. Волосы и борода идеально причесаны, в каждом движении — красота и сила. Сын Девора Корсина и Сиелы вырос. Джериад остановился перед Яру Корсином, так и не убрав меча. И ни от кого не укрылось, что племянник и пасынок верховного повелителя выше последнего почти на треть метра.

Они обменялись ледяными взглядами. Пауза чуть затянулась, но вот Джериад опустился на колени, удерживая меч в каких-то сантиметрах от загорелой шеи:

— Моя жизнь и моя смерть принадлежат вам, верховный повелитель Корсин.

— Поднимись, высший повелитель Корсин.

Сиела облегченно выдохнула, когда Корсин тепло обнял ее сына. По толпе пронесся вздох умиления. Несмотря на титулы и кровное родство, ни Джериад, ни Сиела не являлись прямыми наследниками Корсина. А верховный повелитель о своих планах на этот счет не распространялся. Семь назначенных им высших повелителей были лишь советниками. Но Сиела понимала, что, если Джериад будет явным фаворитом, ни ситхи, ни кешири не оспорят его право на власть. Она была довольна — Джериад действовал так, как она ему и советовала. Джериад имел право ненавидеть Яру Корсина, но сейчас был не лучший момент показывать это.

Джериад поприветствовал остальных, заострив внимание на Адари. Кешири моментально опустила взгляд, попятившись. И скромность тут ни при чем, хотя скромность Адари Вааль и не помешала бы. С тех пор как Джериад вырос, став точной копией отца, Сиела часто ловила отголоски непонятных мыслей Адари о нем. Это вызывало удивление. Неужели Корсин похвастался своей шлюхе убийством Девора? Оттого столь бурная реакция?

Наконец Сиела нашла ответ — в своей собственной памяти.

Она ведь читала разум Адари той ночью, когда они впервые встретились. Тогда Сиела искала лишь намек на спасение. Но, вернувшись к этому воспоминанию позже, Сиела, помимо камней и лиловых физиономий, разглядела в примитивном разуме и кое-что еще. Нечто, что кешири видела совсем недавно. Видела мельком, но сильно испугалась — тело, летящее с обрыва в бушующее море.

Адари Вааль видела, как Яру Корсин убил Девора.

И через нее это увидела и Сиела.

Джериад встал рядом с матерью, послав ей сочувственно-понимающий взгляд.

— Скоро, — прошептала она одними губами.

Нужно соблюдать осторожность. У Корсина много сторонников — бóльшая часть экипажа «Знамения», на самом деле. Но живы еще и союзники Девора. А слухи о том, что капитан утаивает информацию об истинном положении вещей, многих перетянули на их сторону. И каждый окажется в нужном месте в нужное время — она проследит за этим.

Толпа радостно взревела, когда Корсин, взяв ее за руку, двинулся к ступеням, ведущим в их новый дом.

Двадцать пять лет. И ее ненависть не утихла с годами.

Конец близок.

2

Этот звук Корсин не спутал бы ни с каким другим — в центральной галерее, прямо перед его кабинетом, столкнулись световые мечи.

Скользя по глянцевому полу, Джериад отражал атаки трех Мечников, закутанных в свои черные одежды. И это была не безобидная, не зрелищная демонстрация мастерства, а настоящий бой. Атака противников Джериада захлебнулась. Он отбросил всех троих яростными ударами: первый из нападавших сбил статую, второй вылетел сквозь совсем новое дымчатое стекло, а третий, сжав зубы, смотрел, как катится по полу его световой меч, еще зажатый в отрубленной руке.

Корсин вышел в галерею и поднял мертвую кисть с оружием:

— Ты уверен, что хочешь называть свой отряд Мечниками? Они ведь так легко теряют свои мечи.

Джериад деактивировал оружие и вздохнул:

— Я хотел, чтобы вы увидели это, верховный повелитель. Слишком легко их обезоружить.

— Не стоит понимать все буквально, сын, — сказал Корсин, кинув на пол, рядом с дрожащим ситхом, его отрубленную конечность. — У нас нет нормального медбокса.

— Слабость не заслуживает пощады.

— Это тренировка, Джериад, а не Великий раскол. Успокойся и ступай.

Корсин вздохнул. Он не любил своего брата, но старался стать хорошим наставником для его сына. Получалось неважно. В Джериаде было много того безудержного эгоизма, что погубил Девора. Он либо ничего не делал, либо сильно перебарщивал. «Хорошо, что на Кеше нет наркотиков, — подумал Корсин, — Джериад легко последовал бы по стопам отца».

Капитан вышел в темно-золотые лучи закатного солнца. Снова послышался грохот вулкана — последние дни он раздавался все чаще. Сбоку материализовался кеширский слуга, нагруженный подносом с закусками.

— Ситуация плачевна. — Это снова Джериад. — В городе слишком много отвлекающих факторов.

— А они и рады отвлекаться. — Корсин окинул взглядом внутренний двор и улыбнулся, заметив Адари Вааль.

Джериад ее появление проигнорировал.

— Верховный повелитель, позволь мне забрать Мечников в северные пределы для тренировок. Там они смогут сконцентрироваться.

— А? — Корсин повернулся к племяннику. — Да, конечно. — Он подхватил с подноса вторую чашку. — Извини.

Корсин думал, что все это время Адари наблюдала за ним. Но, спустившись в сад, обнаружил, что она разглядывает барельеф, высеченный на треугольном фронтоне дворца.

— Что… что это? — спросила она.

Корсин прищурился:

— Если не ошибаюсь, мое рождение. — Он сделал глоток. — Не знаю, при чем тут солнце и звезды.

В этом дворце везде, где только можно, кешири изобразили картины, отражающие его божественность. Он усмехнулся про себя. *Мы отлично поработали над своим статусом.*

— Я не ждал тебя сегодня.

— Мы теперь соседи. — Она автоматически приняла предложенный стакан.

— Ну, это место такого размера, что половину Кеша можно смело записать в соседи.

— А вторая половина моет полы во дворце. — Адари резко остановилась и вгляделась в него. Как и всегда, случись ей высказаться на грани уважения. Довольно часто, кстати.

Корсин от души расхохотался. Ей довольно часто удавалось по-настоящему его рассмешить.

Над головой зашуршали кожистые крылья. А вот и истинная причина визита Адари. Тона, ее теперь единственный сын, выбежал из богато украшенного здания. Он ловко поймал поводья приземлившегося увака. Нида Корсин вернулась из своего утреннего полета.

Корсин, создав для Ниды ее Небесных Всадников, назначил Тону главным смотрителем их передвижных загонов. Молодой человек был достаточно любезен, лишь изредка позволяя себе остроты. И он нравился Ниде. Адари отвела сына в сторону, говорили они слишком тихо, чтобы разобрать хоть слово.

Вернувшись к Корсину, она извинилась:

— Мне пора, у меня дела в городе.

— Я тебя еще увижу?

— Что? Сегодня?

— О, конечно же, я имел в виду вообще когда-нибудь. — Корсин снова рассмеялся. «Она встревожена, — подумал он. — И в чем причина?» — Разумеется, сегодня. Мы же теперь соседи, верно?

Адари перевела взгляд на дворец, величественной громадой поднимающийся за его спиной:

— Многовато усилий лишь для того, чтобы поселиться по соседству со мной. — Она натянуто улыбнулась.

— Завтра меня не будет. Сюда перевозят медцентр Сиелы. Я должен там оглядеться, прежде чем спускать все вниз. Это не займет больше одного дня.

Выслушав, Адари коснулась его руки:

— Мне пора.

Она шагнула назад, и Корсин повернулся к дочери. Та стояла на другой стороне двора, наблюдая за нарочито торжественным отлетом Мечников Джериада.

А Тона в то же время наблюдал за ней.

— Твоему сыну, Адари, надо быть осторожнее. Он много времени проводит с Нидой. — Корсин самодовольно ухмыльнулся. — Очарование Корсинов крепко удерживает возле нас семью Вааль.

— Но не сегодня, верховный повелитель. — Адари указала на походящего к ним Тону. — Тона пойдет со мной. Семейные дела.

— Понимаю. — Глядя вслед удаляющемуся на север Джериаду, Корсин пожелал себе поменьше семейных дел.

Много лет назад Изри Даж заклеймил ее как отступницу, оскверняющую легенды о создании Кеша и Детях Небес — высоких богах этого мира.

Даж давно мертв. Сейчас, в едва освещенной пламенем свечей гостиной Дажа, сидят напротив Адари его сыновья и внуки. Где заговорщики только не собирались в течение всех этих лет — от тоннелей под водопроводом до задворок уваксих стойл Тоны, перемещенных недавно в Тав. Но в такой роскоши — по меркам старого, доситхского мира — встреча проходила впервые. В доме, где некогда останавливался сам верховный повелитель Корсин, Нештовар и осквернительница их веры решали судьбу кеширского народа.

— У нас получится, — твердо заявила Адари. — Если то, что вы рассказали мне про уваков, — правда, если ваши люди все сделают правильно… У нас получится.

— Это лучшее, что можно придумать. — Голос у самого старшего из мужчин был низкий и грубый. — Мы идем на большие жертвы.

— Вы уже многим пожертвовали. Это единственный шанс.

Адари была уверена, что не проиграет, вовлекая в свой заговор Нештовар. Пока старейшины помнили, что принесли им ситхи; пока помнили старый уклад и то, сколько бед посыпалось на Нештовар с приходом новоявленных богов, бывшие правители Кеша готовы были бороться вместе с Адари.

Адари задумалась об уваках не так давно. Ситхи были сильны. Даже один из них мог справиться со множеством кешири, может быть, даже с целым селением. Но до селения прежде надо

добраться. А Кеш огромен.

Количество ситхов увеличилось почти вдвое с тех пор, как они прибыли. Сейчас их около шести сотен. Но деревень и городов на Кеше гораздо больше. Ситхам для поддержания порядка необходим личный контроль. А быстро перемещаться можно только одним способом — оседлав увака. Именно с помощью ящеров наездники в свое время объединили континент, легко преодолев по воздуху непроходимые природные препятствия. Ситхи использовали ту же схему управления, посылая уже собственных наездников-гонцов к местным главам, большинство из которых были из Нештовар. Гонцы передавали приказы и контролировали исполнение воли ситхов.

И Нештовар оказались безнадежно привязаны к своей земле, уступив власть над ней ситхам. Ситхи забрали себе лучших уваков, но у кешири оставались еще тысячи одомашненных ящеров. Большинство из них использовали на тяжелых работах, и Нештовар разрешалось также летать на уваках в горную крепость ситхов, если возникнет такая необходимость.

После катастрофы на озерах это прекратилось. Наездники традиционно разносили по континенту новости, но ситхи решили оставить такую возможность только себе. В итоге бывшие наездники — те из них, кто не работал в полицейских отрядах, — занимались выращиванием и дрессировкой уваков, которых им никогда не позволят оседлать. Их уваки еще в материнских утробах являлись собственностью ситхов. Единственным исключением стала Адари — ей позволили оставить Нинка, чтобы она могла навещать Корсина.

— Корсин завтра улетит в горный храм, — сообщила она. — Сиела уже там, а Джериад отправился на север.

Нештовар кивнули друг другу.

— Отлично, — пророкотал старший. — У нас достаточно людей, если ваши расчеты верны.

— Они верны.

В число заговорщиков входило много кешири, приближенных к ситхской элите: Тильден Каа был личным слугой Сиелы, среди прислужников Корсина и Джериада также были ее люди, а Тона, ее сын, следил за полетами Ниды и Небесных Всадников.

— Завтра, в полдень. Все получится.

Она думала о Корсине, сворачивая в освещенный факелами проулок за домом. В храм он собирается, вероятно, по просьбе Сиелы. Но он не полетит один, как бы незначительна, на его взгляд, ни была проблема. Она перепроверила цифры, написанные на руке. Для завершения дела в Таве достаточно даже работников загонов.

Из темноты вынырнул Тона:

— Я заждался.

— Прости. — Адари взглянула вверх. — Они захотели все перепроверить.

Тона вошел в круг красноватого света факелов. Он недовольно хмурился. Адари всегда казалось, что ее сыновья пошли в отца. Но сейчас Тона стал очень похож на нее.

— Я должен быть рядом с тобой, мама. Я из рода Нештовар.

— Ты должен быть здесь. Мы встретимся, когда все закончится. — Она погладила его по щеке. — Тебе нельзя надолго оставлять Ниду и ее всадников. Завтра будет трудный день. Тебе надо выспаться.

Адари смотрела, как растворяется в ночи фигура ее сына. Славный простой Тона. Она ведь не все ему рассказала. Но как бы она смогла? Покойная мать Адари так никогда и не приняла ни отступничества дочери, ни последующего объявления ее святой. Как сможет ее сын принять мученичество своей матери?

«Вот и начало золотого века», — подумала Сиела, обводя взглядом пустую палату. И все благодаря ей.

Они проделали огромную работу за те годы, что она отвечала за медицинское обеспечение Племени. Всевозможные местные болезни были изучены и взяты под контроль. С помощью кешири ее биологи ознакомились с местными растениями, которые могли бы пригодиться ситхам. Ее помощники совершенствовали свое мастерство, исследуя исцеляющие возможности Силы, а показатели выживаемости их пациентов росли.

И кровь Племени становилась все чище благодаря ее вниманию к евгенике. Конечно, сменится не одно поколение, прежде чем ситхи Кеша станут чистокровными людьми. Жаль, ей не дожить до этого.

Или все же?.. Приятная мысль.

Но уже сейчас ситхи Кеша радовали глаз. Она смогла привить детям уважение к своим телам и тягу к физическому совершенству. Повелители ситхов, оставленные в прошлом, были ужасны — варварские украшения, жуткая боевая раскраска. В Племени Сиелы не было места подобному. Татуировки считались рабскими ярлыками. Ситхи Кеша рождались уже совершенными.

Чистка существенно снизила численность Племени, но в последние годы рождаемость неуклонно росла. Обещание теплого уютного жилища на высоте лишь нескольких метров над уровнем моря многих заставило задуматься о семье. Только что на улице Сиела видела Орленду. Никто в Племени не любил одиночество и независимость так, как она. И вот Орленде уже совсем скоро

рожать. Чудеса, да и только.

— Это все, — напомнила о себе помощница, опершись на груженную доверху повозку, готовую к отправке в Тав. Молодая женщина тревожно смотрела вниз; с минуты на минуту должен был прибыть Корсин. — Я… я тебе еще нужна? Верхом мне нельзя, так что я могла бы спуститься в этой телеге — здесь хрупкие вещи.

Сиела закусила губу. Если Орленда будет здесь, Корсин точно не насторожится. Но если что-то пойдет не так, Орленда станет гарантией того, что дело Сиелы будет жить.

— Иди, — наконец сказала она и вздохнула. — Поторопись. Они уже подлетают.

Орленда, тяжело ступая, двинулась вслед за кеширским носильщиком. Уваки были воздушным грузовым транспортом, а кеширские носильщики — сухопутным.

Время пришло. Сиела быстрым шагом направилась к площади, окаймленной высокой стеной склепа «Знамения» и жилыми домами. На дальнем конце уже приземлялись уваки. Корсин для разнообразия не опоздал. С ним прилетели Глойд и еще четыре телохранителя, которые, едва спешившись, заняли оборонительную позицию. Пока кеширские слуги уводили ящеров — их стойла закроют последними, — Корсин оглядывал площадь.

— А, Сиела. Вот и ты. — Он шагнул к ней. Оставив позади телохранителей, открываясь.

— Да. Вот и ты. — Сиела закрыла глаза, концентрируясь. *Пора, Джериад!*

3

Корсин удивился не столько количеству нападавших, сколько тому, откуда они появились. Ситхи в черных одеждах высыпали на площадь из домов — дверных и оконных проемов, с крыш — и с бастионов многоярусного склепа «Знамения». Корсин активировал свой меч, не сдвинувшись ни на шаг, пока противники приближались. Это были Мечники Джериада. Он видел их вчера утром.

Корсин переглянулся с Глойдом. Телохранители окружили их, активировав мечи. Четверо на одного.

— Держимся вместе.

Корсин смотрел на Джериада — тот твердым шагом пересекал площадь, его меч сиял алым.

— Это место мало напоминает мне северные пределы, Джериад.

Джериад промолчал. У него снова был этот дикий взгляд. Взгляд Девора.

— Я согласился на существование вашего отряда, чтобы избавить вас от скуки! — крикнул Корсин, обращаясь к угрюмым Мечникам. — Постыдились бы. Возвращайтесь в Тав.

— Я не Нида. — Джериад не остановился. — Мне не до развлечений. Я и так потерял много времени. — Он обогнул своих бойцов, взявших в круг Корсина и его людей. — Пришло время расплаты, капитан Корсин. Вы сами объявили об этом. Пришла новая эра. Эра правления воинов. Это что касается власти и того, кто будет лучшим вождем для Племени.

— Кто? Ты? — Корсин поднял брови, изображая крайнюю степень удивления. И усмехнулся. — Ох, Джериад, ну какой из тебя вождь? Иди домой.

Джериад замер. Он прекрасно осознавал, что внимательнее всего на него сейчас смотрят его же Мечники. Глойд, подхватив мысль Корсина, загоготал:

— Капитан, да я даже чистку стойл ему не доверил бы.

— Я — будущее! — взорвался Джериад. — Я самый молодой из Детей Небес. А все, кто моложе, родились уже на Кеше. — Он поднял меч. — Вождь ситхов должен быть особенным.

Глаза Корсина сверкнули, ответ он прорычал:

— Ты — не особенный! Я уже видел таких раньше.

— Так расскажи ему об этом! — раздался женский голос. Сиела. Он позабыл о ней. Она стояла на другом конце площади в окружении нескольких вооруженных слуг. — Расскажи ему о том, как умер его отец, Яру. О том, как ты убил его и бросил его тело в

море, чтобы сохранить власть!

Корсин начал отвечать, но Джериад отступил назад, а его Мечники, наоборот, подались вперед. Очевидно, Джериад решил подставить их под первые удары, чтобы после легче было убивать измотанного противника. Корсин собрался и поднял взгляд к облакам. Полдень.

Внезапно по площади заскользили огромные тени — пять, десять… дюжины ящеров взлетали в небо. Уваки.

Их уваки.

— Что это? — Джериад взглянул на мать.

Но Сиела была удивлена не меньше его.

С лестницы, задыхаясь, сбежал один из людей Сиелы.

— Кеширские слуги! Они крадут наших уваков! — ответил он на вопрос Джериада.

Несколько Мечников ошеломленно посмотрели вверх. Корсин воспользовался заминкой. Они с Глойдом метнулись к зазевавшимся противникам, прорываясь в ближайшее здание. Телохранители прикрывали тыл.

Корсин и Глойд ворвались внутрь, слыша позади топот преследователей. Корсин свернул к лестнице, махнув Глойду, чтобы шел за ним.

— Отличный трюк, капитан, — весело фыркнул Глойд. — Мы могли бы и больше.

— Это не мой трюк. — Корсин добрался до окна. — Но ты прав!

Он всматривался в небо, одновременно прощупывая пространство Силой. Безрезультатно. Много-много лет назад его вызволили из плена этой горы. Но сейчас его спаситель очень далеко.

Она теперь держалась в седле куда лучше, чем во время своего первого отчаянного полета. Адари уверенно правила Нинком, под брюхом которого причудливо изгибался пустынный берег. А за ними летело более сотни уваков — все ящеры, что были в загонах горного храма. Ими управляли кешири, работавшие в тех самых загонах. Все они принадлежали к подпольному движению Адари и оказались там неслучайно. Вряд ли в храме на горе еще остались уваки. По крайней мере, погони не было.

Ее стая летела с востока. Другие прилетят с запада, с севера, с юга — со всех уголков Кеша. Заговорщики-нештовари не будут сегодня просто пасти своих уваков — они оседлают ящеров и улетят. Наездников, разумеется, слишком мало, но эту проблему они решили. Уваки не были стадными животными, но даже неприрученные ящеры слушались рева старших самцов — как и

сами Нештовар. Истории переходили из уст в уста сквозь века — о воздушных облавах, о наездниках, ведущих по небу тысячи ящеров. Стая Адари грозовой тучей катилась по небу, росла, вбирая в себя все новых и новых уваков с земель, над которыми они пролетали. И все они направлялись к пику Сессал, величаво вздымающемуся впереди в облаке пепла.

Здесь, на безопасном от кратера расстоянии, ведущие наездники могли посадить своих уваков, чтобы спешиться. А Адари, оставшись в воздухе, прикажет Нинку дать специальный сигнал — зычный крик, побуждающий всех ящеров в пределах слышимости следовать ему. Избалованный Нинк прожил уже более четырех десятков лет — самый старый увак на памяти кешири. И остальные ящеры слепо ему подчинятся. Все должно случиться быстро. Хотя Адари думала, что для нее это займет вечность: воспарить в облака, клубящиеся высоко над кратером, — и исчезнуть.

Это будет не самоубийством. Это будет спасением.

Ситхи легко оседлали уваков, летали на них над всем Кешем, но наследниками знаний о ветрах этого неба были Нештовар. И они знали: когда пик Сессал пыхтит и капризничает, воздушные потоки над ним непобедимы. Наездники, поднявшись на нужную высоту, просто исчезали за утренним горизонтом, где-то далеко над Восточным морем. Адари достаточно взлететь повыше — и ветер заберет ее вместе с уваками. Она никогда не любила крылатых ящеров, но вздрогнула, представив, что будет дальше. Стая, конечно, будет бороться с вихрем, но на такой высоте третьей силой станет и сам Кеш. Возможно, именно этот феномен покалечил корабль ситхов; этого Адари не знала. Ветер постепенно будет слабеть, и могилой для нее и уваков станет океан. «Как и для моего мужа», — подумала она.

Ее сообщники любили своих уваков, но ситхов они ненавидели больше. Они часто обсуждали, что же случится после. Вожди ситхов, конечно, спустятся с горы — по той дороге, что проторили для них кешири, но этот путь потребует времени. Союзники Адари успеют справиться со всеми ситхскими прихлебателями в каждом селении. Никакой драки при свете дня — только лезвия шиккаров в ночи. Ситхи могли бы гордиться своей школой.

Но гордиться они, разумеется, не будут. Они будут бороться. И Тав, несомненно, ощутит всю силу их гнева. Только вот ситхам придется воевать пешком. Их транспорт исчезнет — буквально. А кешири легче будет перебить оставшихся уваков, чем ситхов.

У пришельцев сейчас есть дети. Много детей, которым требуется защита. Ситхи могут просто застолбить себе кусок

Кеша и оставить все как есть. А еще лучше — запереться навсегда в своей горной крепости. Многие кешири все еще благоговели перед новоявленными Защитниками, но некоторые были готовы и отравить своих «богов». Так что чувствовать себя в безопасности рядом с кешири ситхи не смогут.

Можно вообще отравить всех ситхов. Адари не особенно разделяла энтузиазм своих сообщников. Она хорошо знала, на что способны ситхи. Жизнь одного из них вполне могла стоить жизней тысячи кешири. Да и достанется ли им победа даже такой ценой? Сейчас удача на стороне кешири. Но так будет не всегда. «Вот почему надо действовать сейчас», — подумала она.

На Кеше было много жизни. То, что один из видов заплатит существованием за собственную ценность, ужасно. Но кешири уже заплатили немалую цену ситхам за то, что помогли им выжить — и хорошо жить. Конец этого близок.

В ее стаю влилась еще одна, прилетевшая с востока. Адари развернула Нинка и посмотрела в направлении Тава. Скоро небо с той стороны потемнеет от тысячи ящеров.

Когда они прилетят.

Где же они?

Сиела бегом пересекла крышу дома, в котором когда-то жила. Полжизни своей она, просыпаясь, видела море, которое поглотило Девора. Сейчас, глядя вниз, она видела убийцу своего мужа, окруженного на краю обрыва ее людьми.

Она не знала как, но Корсин и Глойд разделились. И неуклюжий гоук все еще жив — его загнали в другую часть здания. Однако значение имел лишь Корсин. Его телохранители оказались хороши в бою — двое были еще живы и, несмотря на раны, отлично оборонялись.

А Мечники Джериада тем временем демонстрировали на практике все недостатки формального обучения. Джериад, их единственный наставник, был требователен, но серьезную боевую подготовку они начали лишь недавно, после того как Сиела приняла окончательное решение нанести удар. С каждым днем Джериад все больше и больше походил на отца. Все в нем напоминало Девора Корсина.

Кража уваков стала неприятной неожиданностью. Впрочем, шансов на побег не осталось ни у кого. Кешири забрали всех ящеров. Мог ли за этим стоять Джериад? Не предупредив ее? Вряд ли. Но это, кажется, вселило в Корсина надежду. Там, внизу, на крутом склоне позади склепа «Знамения», он продолжал вглядываться в небо. И Сиела была уверена, что не ее он искал взглядом.

Она же просто наслаждалась зрелищем. Сейчас Джериад был настоящим Корсином. Хорошо или плохо обученные, его Мечники имели численное превосходство. Когда телохранители повелителя наконец были повержены, Корсин попятился к пропасти. В такой же нашел когда-то свой конец Девор. Джериаду понравится. Ее сын, безостановочно атакуя, смаковал каждое мгновение. Его клинок часто пересекал свой собственный след, еще не успевший угаснуть. Корсин был ранен — и серьезно, судя по обильному кровотечению. Джериад наступал, тесня дядюшку к обрыву, — все ближе и ближе неровная кромка…

А Корсин продолжал бросать взгляды в небо.

Чего он ждет?

За ее спиной раздался треск.

Тело одного из ее бойцов безвольной куклой вылетело из люка в крыше и укатилось за карниз. А вот и Глойд. И ему совсем необязательно видеть то, что происходит сейчас внизу.

Разозлившись — ее оторвали от созерцания столь долгожданной развязки, — она повернулась к выбитому люку… и тут же была сбита с ног крыльями взлетевшей на крышу твари. Сиела быстро откатилась в сторону, увернувшись от ударов когтистых лап. Уваки вернулись!

Скатившись в зияющую на крыше дыру, Сиела ударилась коленями о каменный пол. Где-то за стеной слышались шум борьбы и зычные крики Глойда, но Сиела бросилась к окну. Что произошло? Кешири вернулись с уваками? Или это кто-то другой, кого она упустила в своих расчетах? Сиела выглянула в окно и увидела…

Нида.

4

Корсин разыграл свой козырь.

Он знал, что для Сиелы Нида — всего лишь еще одна ниточка, удерживающая саму Сиелу и Джериада возле его трона. Сиела «заботливо» выбирала кеширских нянек и воспитателей для ребенка, переводя девочку из одного селения в другое. Это был широкий жест доверия ситхов к кешири. Официально. А на самом деле такое отношение к дочери лишь отражало ту бездну, что таилась — он чувствовал это — в сердце его жены.

И Сиела не просто пыталась убрать Ниду с дороги; он знал, что его жена позволяла дочери лишь поверхностно учиться пути ситхов. Сиела отслеживала все перемещения ситхов на Кеше; и она точно знала, где и когда будут те, кто может стать наставником для Ниды.

Но и у Корсина были люди, готовые верно служить ему, исполнять любые его приказы. С помощью Глойда Корсин инсценировал гибель нескольких ситхов в отдаленных областях континента, надежно спрятав их ото всех. И долгими ночами своего кажущегося изгнания девушка изучала темную сторону; днем же она завоевывала сердца кешири, выстраивая обширную сеть информаторов. Под прикрытием своей бесполезной роли воздушного посла ситхов Нида могла свободно передвигаться по всему Кешу, не вызывая ничьих подозрений.

И пока Сиела лепила из себя совершенного ситха, Корсин растил идеального властителя — вождя, умеющего и воевать, и повелевать. Своего наследника, а сегодня — спасителя.

Прошлой ночью один из кеширских друзей Ниды раскрыл заговор кражи уваков. Кешири намеревались лишить ситхов транспорта, пока ситхские вожаки будут далеко в горах. Так что начало дня Нида провела, стараясь свести к минимуму вред от кеширского заговора. И сейчас вместе со своими Небесными Всадниками и несколькими сторонниками Корсина она наконец добралась до отца. Их было меньше, чем хотелось бы, но вполне достаточно. Они чуть не опоздали, но все-таки пришли не слишком поздно. И их появление здорово удивило его врагов. Сюрприз получился на славу.

Нида активировала меч еще до приземления. Одного из Мечников она пронзила, спрыгивая на землю. Еще двое тут же метнулись к ней. Девушка быстро вполовину сократила число противников. Оставшегося Нида швырнула за спину — в стену храма. Поединок занял считаные секунды — и Нида, даже не вступив толком в схватку, вышла из нее победительницей.

Джериад, оторвавшись от увлекательного процесса уничтожения Корсина, бросился на помощь своим Мечникам.

Сверху послышался глухой взрыв. Корсин знал: это Глойд. Стиснув зубы, капитан коснулся глубокой раны на груди. Он понимал — сегодня его последний день. Земля содрогнулась под ним. Осталось недолго.

Корсин снова посмотрел на Ниду.

Очень, очень сильная. Вот его будущее схватилось с будущим Сиелы. И его будущее побеждает.

Скривившись от боли, Корсин пополз прочь от обрыва — к сражающимся. Раненый Джериад, из последних сил отбивающий атаки сестры, удивленно оглянулся.

— Ты прав, Джериад. — В горле клокотала кровь, мешая говорить. — Пришло мое время. Но кое-что я еще сделать успею. Уже давно пора.

Адари должна была удивиться сильнее. С наступлением темноты у подножия Сессала собралось более тысячи кешири. Уваков было раз в пять больше. Высоко в небе ящеры мрачным ореолом окружили огненную гору, когда-то создавшую для них землю. Это было красиво — и очень печально: все эти ящеры едва бы заполнили загоны в южных предгорьях.

Адари первой перестала всматриваться в горизонт. А ее соотечественники еще долго глядели в сторону Тава. В полночь оттуда прибыл одинокий наездник, задыхающийся и испуганный. Он подтвердил то, что она уже подозревала, — Тона не смог сопротивляться колдовству Ниды и рассказал все.

Вся затея теперь казалась изначально безнадежной. Кто-нибудь все равно проговорился бы. Тона просто оказался самым слабым. Адари ушла до того, как услышала, наградили ее сына или убили. Теперь это не имело значения.

А вот то, что произошло позже, стало для Адари настоящим сюрпризом. Она ожидала, что кешири разбегутся. Улетят прочь, забрав уваков, поспешат обратно до того, как ситхи доберутся до них. Но, взлетев в небо, к темному потоку, она поняла, что остальные следуют за ней.

Адари провалилась в сон с мыслями о том, что Нинк вот-вот сдастся притяжению Кеша. Многие уже упали. Придет и ее черед.

Но проснулась она по другой причине.

Сверху острова казались тонким швом в сине-зеленых складках океана. Пенилась цепочка рифов, примыкающих к клочку грязной суши, едва ли больше того старого района в Таве, где она жила. Ничего привлекательного. Но дикий ветер выдохся — и Нинк тоже. Их осталось не более трехсот из всех тех, кто

начал свой путь у Сессала. У них не было выбора — или этот остров, или ничего.

«И это почти ничего», — думала Адари, плетясь по соленой грязи пляжа. На материке кешири процветали — там было все, даже в избытке. Здесь же приходилось с трудом выцарапывать самое необходимое. Редкие дожди наполняли впадины рифов пресной водой. Уваков, бесполезных уже, едва дышащих, убивали, чтобы дать хоть какой-то шанс вырасти скудной растительности. Мясо ящеров было практически несъедобно, и мертвые уваки шли на строительный материал.

Изучать на острове ей было нечего. Однотипный вулканический щебень — от побережья до вершины. Она провела много лет, мучаясь последствиями собственных решений. Но этого оказалось недостаточно — теперь Адари должна умереть со скуки. Все, что она нашла, — древний труп кешири, одинокой жертвы странных ветров.

«Почему ситхи не могли упасть сюда?»

Но ведь ситхи оказались в настолько же безвыходной ситуации. И спасла их она, спасая саму себя и от них, и от старейшин. Корсин оказался прав. «Мы все делаем то, что до́лжно».

Вот они сейчас и делали то, что до́лжно. Адари смотрела на Нинка. Ящер умирал от истощения. Раздвоенные лапы чуть дергались, когда их нежно касался прибой. Она не сможет просто похоронить его — им нужен труп. Уваки были вещью, необходимой для выживания. Иногда одноразовой.

Кешири стали для ситхов тем же.

Адари наблюдала за людьми, молча трудящимися на проклятом острове. Они не надеялись протянуть и года. А если их разыщут, то не для того, чтобы спасти.

Может, ситхи Корсина думают о том же. Может, сказки оказались правдой. Может, настоящие Дети Небес, истинные Защитники из легенд, охотятся где-то там на ситхов.

Она не верила в это.

Она уже вообще ни во что не верила.

Сиела очнулась на плите в одной из своих старых больничных палат. Здесь правил холодный мрамор — и для трупов в морге, и для пациентов в палатах.

Она попробовала сдвинуться с места. Все было в порядке, кроме ног. Ей понадобилось меньше минуты, чтобы прийти в себя и вспомнить о том, что произошло. Промелькнули какие-то секунды после того, как она увидела Ниду и в комнату ворвался Глойд. Гоук часто хвастался, что его убийца вряд ли сможет

отпраздновать свою победу. И это, как оказалось, было не простым бахвальством. Загнанный Сиелой и ее бойцами в угол, Глойд активировал протонный детонатор. Где он прятал его все эти годы, осталось загадкой. В рукаве носил? Маленькая страховка гоука обрушила на них потолок.

С помощью Силы Сиела смогла выбраться из-под завала, придавившего ее голени. Но ничто теперь не сможет поставить ее на ноги. И необязательно иметь обширные познания в целительстве, чтобы понять это. Жаль. Ведь она неустанно работала, становясь совершенством, безупречным образцом для своего Племени. Столько трудов… Сиела медленно села и осмотрела себя; надежды на полное выздоровление растаяли, толком не оформившись.

— Проснулась, — донесся до нее мягкий женский голос. — Хорошо.

Сиела подняла голову и увидела в дверном проеме свою дочь, одетую в те же жакет и чапсы, что были на ней в День посвящения. Нида так и стояла на месте, и Сиела развернулась, опираясь на ноющие руки.

— Тебе придется многое делать. — Нида зашла наконец-то и опустила чашку в широкую бадью. Напившись, девушка выдохнула. — А, да… Здесь вода, если понадобится. — Нида отвела взгляд в сторону.

А потом рассказала о том, как узнала от Тоны Вааля о краже уваков, планируемой на тот день, когда Сиела с Корсином будут в горном храме. О том, что наведение порядка в Таве потребовало больше времени, чем она планировала. О том, как она спешила к отцу.

— Ты ведь чувствуешь это? Он ушел.

Сиела облизала губы. Вкус собственной крови был неприятен.

— Да. Джериад?

— Папа пытался сбросить его со скалы. Силой. Он пытался… но не смог. Тогда это сделала я.

Сиела уставилась на дочь, с трудом осмысливая сказанное.

— Было противно так использовать бедного Тону. Но он сам подумал о том, что мне нужно. — Нида сделала еще глоток и уронила чашку. — Знаешь, у нас с ним было кое-что общее. Наши матери совсем не подходили нашим отцам.

Тона рассказал ей, что уваков собирают у пика Сессал, но больше он ничего не знал.

— Там было пусто, — продолжила Нида. — Мы думаем, что они нырнули в лаву. Из-за страха. Или несмотря на него. Это не так уж и важно. Ситхи, кешири — Кеш теперь един. Удачный день выдался. А здесь я из-за завещания отца.

Так оно все-таки существует. И несомненно, в пользу Ниды.

— В завещании он передает власть мне — и три выживших высших повелителя это утвердили. Понимаешь? Ты — мать нового верховного повелителя. Поздравляю. — Нида просто сияла. Разумеется, она еще очень молода, она сможет править не один десяток лет. — Или пока ситхи не придут за нами, — добавила Нида, уловив размышления матери.

— Ты — глупый ребенок, — усмехнулась Сиела. Она соскользнула с плиты, пытаясь смягчить удар руками, — ноги ее оставались недвижны. — Никто не придет за нами. Твой отец знал это.

— Он рассказывал, но это не важно.

— Важно. — Сиела попыталась выпрямиться. — Если я скажу остальным, тем, кто снаружи…

Нида подхватила чашку и отошла к двери:

— Здесь никого нет. Тебе надо дослушать завещание.

Корсин повелел, чтобы с этого момента после кончины верховного повелителя его супруг или супруга и домашние слуги приносились в жертву.

— Во славу верховного повелителя, конечно. Но мыто понимаем, в чем дело, верно? — Нида пригладила волосы рукой, затянутой в перчатку. — Боюсь, это может сильно помешать моей личной жизни, но я как-нибудь справлюсь.

— Ты… имеешь в виду?..

— Не беспокойся. *С этого момента.* Я приказала всем ситхам покинуть гору в знак уважения к отцу. Пока я жива, никто сюда не придет. Это теперь твой новый старый дом. — И Нида вышла.

Волочить собственное искалеченное тело по каменному полу было больно. Нида уже ступила в стремя. Ее окружали корзины, плетенные из хеджарбо, полные фруктов и овощей. Еду будут регулярно сбрасывать пролетающие уваки, сказала Нида; уваки, дикие или приручeнные, были единственными существами, которым разрешалось приближаться к храму. Дорога к могиле «Знамения» также была отрезана. Внизу еще продолжались работы по уничтожению некогда тщательно проложенного пути. Все, что здесь осталось, — холодный храм, в который Сиела некогда пришла, презирая живущих в нем. Дом для высокой богини — навечно. В одиночестве.

— Нида. — Сиела закашлялась, а ее дочь уже была готова взлететь. — Нида, я дала тебе жизнь.

— Да, мне рассказывали. До свидания.

Чистилище

1

3960 лет до Битвы при Явине.

День их начался обыденно. Неторопливо опускаясь, грабли рыхлили черную землю ровными рядками. После размеренно поднимались вновь, чтобы, опустившись опять, оставить за собой аккуратные борозды.

Ори Китай наблюдала за молодым фермером из-за живой изгороди. Работал он медленно. Грабли, изготовленные из веток хеджарбо и осколков кремня, несмотря на свой хлипкий вид, легко справлялись с мягкой плодородной почвой. Только вот Джелф с Марисоты никуда не спешил.

«Как это, должно быть, скучно», — подумала Ори. Целыми днями человек в соломенной шляпе копался в земле. Он никуда не ходил, ни с кем не общался. Да и поговорить здесь было не с кем — по соседству никто не жил. Ферма одиноко стояла в излучине Марисоты, и до оживленных ситхских городов было далеко. Выше по течению дымились заросшие джунглями вулканы; ниже — стояли в безмолвии города-призраки озер Рагноса. Далеко не самое удачное место для жизни.

— Леди Ориэль. — Джелф заметил ее и снял шляпу. Длинные песочного цвета волосы, заплетенные в косу, свесились поверх воротника его мокрой от пота рубахи.

— Просто Ори. Я тебе уже раз десять говорила.

— Значит, и навещали вы меня десять раз. — У него был странный акцент. — Это большая честь для меня.

Стройная девушка с копной темно-рыжих волос медленно побрела вдоль изгороди, искоса поглядывая поверх зеленых кустов на прервавшего свою работу фермера. Ей не требовалось скрывать причины своих визитов сюда. Статус семьи Китай был высок, и Ори ожидало блестящее будущее. Так что она могла делать все, что ей вздумается. Но, пройдя сквозь брешь в густых кустах и ступив на посыпанную гравием дорожку, она вдруг смутилась, словно глупая пятнадцатилетняя девчонка. А ведь ей уже двадцать пять, и она — мечник Племени ситхов.

Прикрыв ресницами глаза теплого карего цвета, старательно рассматривая землю под ногами, девушка мысленно фыркнула. Не ей здесь смущаться. Ори носила черную униформу, а Джелф был одет в какие-то лохмотья. Она училась во дворце, по великолепным залам которого ходил более тысячи лет назад сам верховный повелитель Корсин. Дом Джелфа представлял собой жалкую лачугу — его ферма была даже меньше, чем амбары для

плодородной почвы, которую он доставлял городским садовникам.

Но все же такие люди ей никогда раньше не попадались: в Джелфе не было ни капли корысти, горделивости или алчности. В Таве Ори ни в ком не встречала настоящей искренности. Общаясь с ней, люди так или иначе подспудно думали о своей выгоде, просчитывали, чем и как может быть полезна им ее мать. Джелф же ни о какой выгоде не думал.

Да и что есть выгода для раба?

Опустив грабли, фермер вылез из грязи и снял с пояса полотенце.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он, вытирая руки. — Но не знаю, почему именно сегодня. Какое важное дело привело вас сюда на этот раз?

— Донелланов день.

Взгляд Джелфа остался безучастным.

— Это один из ваших ситхских праздников?

Ори повернула голову, провожая взглядом огибающего хижину фермера:

— Твои предки тоже были ситхами, знаешь ли.

— Мне что-то говорили. — Он не глядя отбросил полотенце, точно попав в стоящее на земле ведро. — Но боюсь, здесь, в глубинке, мы не особо культивируем семейные предания.

Ори улыбнулась. Она изучила его до мелочей. Джелф культивировал прекрасные растения, но с тропы, возле которой она оставила пастись своего увака, цветник видно не было. За домом, за глиняными речными откосами, где фермер торговал с кешири, стояло шесть шпалер с самыми красивыми цветами далсы, какие Ори когда-либо видела. Как и грабли с хижиной, шпалеры представляли собой хлипкую конструкцию из переплетенных веток хеджарбо. Но, несмотря на свой непрезентабельный вид, сделаны они были все же напоказ и вполне могли соперничать с садоводческими чудесами дворца. Такое великолепие, и где? Позади рабских халуп, в безымянном захолустье.

Взяв предложенное Ори хрустальное лезвие, темноглазый фермер стал срезать выбранные ею цветы. По праздникам они обычно украшали вазы в ложе ее матери.

— Итак, у вас праздник. Расскажите о нем. — Он замолчал, взглянув на нее сверху вниз. — Если хотите.

— Завтра исполнится тысяча лет со дня рождения первенца Ниды Корсин.

— А, — отозвался Джелф, обрезая стебли. — Он стал верховным повелителем или что-то вроде?

— О нет, — усмехнулась Ори.

С правления Ниды Корсин началась великая и нерушимая эра ситхов, принялась рассказывать девушка. Донеллан знал, что его отец, правитель-консорт, будет предан смерти вместе со своей женой. Такова была воля Яру Корсина. Но сын Ниды не дождался своего трона. Донеллан умер стариком, так и не став верховным повелителем. Это положило конец династической системе: после смерти сына не имеющая наследников Нида постановила, что власть перейдет к более достойному, без учета родословной.

— Так этот парень неудачник, но у него есть свой собственный день?

Ори объяснила, что больше всего в этой истории ситхам понравилась развязка. Честолюбие и амбициозность у них в крови, а после смерти Донеллана у каждого появилась возможность заполучить трон.

— Донелланов день называется также Днем лишенных. Подумай об этом, — добавила Ори, любуясь мускулистыми руками Джелфа, проглядывающими сквозь разрезы рукавов. — Да и нужен ли Племени повод для праздника?

Он коротко хохотнул. Хриплый смешок заставил Ори тоже улыбнуться.

— Нет. Думаю, нет, — ответил фермер. — Во всяком случае, все эти празднества дают подзаработать таким, как я.

Это точно. Семь высших повелителей, не оглядываясь на траты, старались превзойти друг друга в украшении своих лож на играх. Около восьми месяцев назад Ори взялась за декорирование ложи своей матери. О Джелфе и о его секретном цветнике она узнала от одного кеширского цветочника в Таве. Скорее даже, вызнала — слишком явно чувствовалась ложь в заверениях торговца, будто он сам выращивает продаваемые им цветы. Однажды, оседлав увака, она просто проследила за ним. Кешири было запрещено летать на ящерах, и цветочник пешком потащился встречать караван телег, везущих с Марисоты удобрения. Так она встретила Джелфа, и с тех пор их встречи стали регулярными. Исключение составил лишь тот небольшой отрезок времени, когда фермер уплыл на своем плоту вверх по реке, в джунгли.

Джунгли. Ори посмотрела поверх шпалер на зеленые холмы, обрамляющие дымящиеся далеко на востоке пики. Даже ситхи Племени не рисковали соваться в этот спутанный, непроходимый клубок из плотного подлеска и нависающей листвы. «Никто в здравом уме туда не полезет», — говорил Джелф. Но то, что он привозил оттуда на своей маленькой лодке, было секретом его садоводческих достижений — и удачи его покупателей. «К этому

времени стоки уходят вниз по течению, — однажды объяснил он, зарывшись руками в привезенную землю. — И уносят с собой почти все полезные вещества». Ори ночами лежала без сна — она представляла Джелфа. То, как он стоит по пояс в темной воде горного потока и набирает в свою плоскую лодочку драгоценную почву.

Глупости. Это от безделья. Но ведь она ситх, не так ли? Не ей ли должны угождать?

Встав на колени, фермер стал осторожно заворачивать срезанные цветы в разостланный на земле широкий лоскут ткани. Его испачканные в грязи грубые руки удивительно осторожно и деликатно перебирали цветы, срывая помятые бутоны. Закончив, Джелф внимательно посмотрел на Ори:

— Знаете, я могу назвать вам имена моих покупателей, живущих в окрестностях Тава. Они выращивают растения в такой же почве.

— Твои лучше, — возразила Ори. И это было правдой. Может, цветы просто чувствовали себя комфортнее вблизи от родины. А может, кешири не могут сравниться в мастерстве с человеком.

Или дело именно в этом человеке. Когда она только познакомилась с ним, то решила, что Джелф стал рабом недавно. Никто из встречавшихся ей ранее людей низшего сословия или кешири не обладал такой грамотной речью. Он определенно был кем-то прежде, в ситхских городах. Но на ее вопрос Джелф без малейшей запинки ответил: «Я — никто. Я даже никого из ситхов не знал до вас». Он родился рабом, он им и останется. Он сам и все его дети, если они у него когда-нибудь будут.

Люди-рабы появились вскоре после того, как закончилось правление Корсинов. Многие из потомков экипажа и пассажиров «Знамения» были чувствительны к Силе. Те же, кто не был, постепенно выделились в отдельный класс, подчиняющийся окружению верховного повелителя. Будучи свободными гражданами, частью Племени, такие землевладельцы эффективно управляли кешири, стоящими в самом низу социальной лестницы. Но когда любой ситхский гражданин смог претендовать на трон верховного повелителя, свобода по праву рождения была потеряна навсегда. У Джелфа с Марисоты не было фамилии, его отец не смог ему ее дать. Он стоял выше, чем кешири, — Ори никогда не позволила бы никому из лиловокожих рабов называть ее по имени, — но только потому, что был человеком, а не потому, что был ситхом.

Джелф обязан был хранить верность ситхам и служить им, если кто-либо из них того пожелает. Но пожелала пока только Ори.

«Какое расточительство», — думала она, любуясь как работником, так и его работой.

— Ты знаешь, моя мать — высший повелитель.

— Вы упоминали об этом.

— Она многое может, но традиции сильнее. Это позор, что для тебя нет пути назад.

— Я никогда не был где-то еще, чтобы куда-то возвращаться. Да и что мне делать в Таве? Вряд ли я впишусь в ваше изысканное общество. — Он подмигнул ей.

В ярком солнечном свете хорошо был виден длинный красноватый шрам, тянущийся через его правую щеку на шею. Она иногда представляла, что этот шрам — последствие какого-то грандиозного сражения, а не несчастного случая на ферме. Но Джелф был прав. Даже будь у него имя, из-за своего увечья в Племя он не вписался бы.

Джелф резко выпрямился.

— Ты их завернешь? — спросила Ори, переведя взгляд с него на цветы.

— Вообще-то, у меня есть для вас подарок. — Мужчина указал пальцем себе за спину. — В честь вашего Дня лишения.

— Дня лишенных.

— Прошу прощения.

Он повел ее на задворки фермы, куда она никогда не заходила, мимо земляных валов к постройке, которую она раньше видела только с неба. Сарай, расположенный на берегу реки, был раза в два больше и выше хижины Джелфа.

Ори побледнела:

— Что там? Воняет ужасно!

— Навоз обычно воняет. Производящие его уваки, конечно, симпатичнее. — Джелф подошел к запертой двери. Служивший стойлом для предыдущего обитателя — увака, сарай сейчас предоставлял фермеру массу пустого места для хранения навоза и смешивания почв. — Думаю, вам лучше остаться снаружи, пока я буду грузить корзины. — Джелф открыл дверь.

— Надеюсь, это — не твой подарок. — Ори недовольно поморщилась и зажала нос.

— Конечно нет. — Остановившись в дверном проеме, мужчина выудил откуда-то странного вида хомут. — Это один из моих рабочих инструментов. Я удлинил бурдюки для воды и прикрепил их к уакской сбруе. — Регулируя центральные ремни, Джелф продемонстрировал ей, как длинные карманы должны свешиваться с обеих сторон. — Вам приходится перевозить далсы по воздуху во влажной ткани. А при помощи этого вы сможете нести их прямо с водой и не намокнуть.

Джелф закрыл дверь вонючего сарая, а Ори широко распахнула глаза:

— Ты сделал это для меня?

Джелф огляделся:

— Хм. Сегодня я не вижу тут верховного повелителя, так что… уверен, что да. Думаю, это для вас.

Они пошли назад вдоль берега реки, мимо небольшой плоской лодки, привязанной к берегу. Возвращавшийся со своего пастбища Шин — увак Ори — спикировал сверху и приземлился на небольшой полянке. Джелф уверенно подошел к ящеру, пристроил свой хомут на его кожаную упряжь. Подошло идеально. Шин, обычно никого не подпускавший к себе, лишь покорно склонился.

«Вот почему я здесь», — подумала Ори. Жизнь при дворе жестока, а последний месяц выдался особенно трудным. И по большей части не из-за жажды власти, а из-за страха потерять ее. Этот же человек ничего не имел и ничего не боялся.

Ее мать называла это бесстрашием безысходности.

Джелф налил в бурдюки немного воды, а затем разместил внутри обрезанные цветы. Шин выглядел сейчас очень празднично — украшенный цветами, точно на парад. А неплохая идея, решила Ори. Не для завтрашнего дня, разумеется, а так… на будущее. Она смотрела, как Джелф закрепляет верхние клапаны, защищающие нежные бутоны.

— Все. Вполне достойно даже верховного повелителя. — Он помог ей забраться на увака.

— Джелф, — Ори посмотрела вниз, — с твоими талантами тебе следовало бы учить кешири цветоводству, а не продавать им грязь.

— Осторожнее. — Он кивнул на сарай с компостом. — Эта грязь — моя жизнь.

Он потрепал Шина по длинной морде и повернулся к своей плоскодонке, качающейся на речных волнах:

— Я не часть Племени, но у меня есть корабль. — Мужчина рассмеялся. — Какой бы он ни был!

2

Ори знала — у ситхов тоже был корабль. Правда, она никогда его не видела. Никто не видел. Одним из последних деяний Яру Корсина стало возвращение ситхов в Тав, дабы Племя множилось и процветало. Запретный Храм видели сверху лишь воздушные часовые, постоянно защищавшие священное место от возможных нарушителей. Но гора всегда видна была над теперь уже ненужными защитными стенами столицы ситхов, напоминая об их звездном происхождении.

Из новой роскошной ложи ее матери в Корсинате далекий пик просматривался отлично. Многоярусные трибуны стадиона возвышались над пятиугольным игровым полем, и выше всех — ложа верховного повелителя. В это утро мать Ори получила награду — давно желанное место рядом с ложей верховного повелителя, чей балкон всегда был развернут к Храму.

«Еще ближе к звездам», — пробормотала Ори себе под нос. *Мы возвышаемся.*

Она рассматривала горизонт. Там, за много километров отсюда, «Знамение» покоилось в своем неприступном бункере, ожидая дня, когда ситхи придут за своими потерянными сородичами. Но никто не приходил, и существовало несколько довольно привлекательных объяснений почему. Легендарный владыка ситхов Нага Садоу уже давно нашел бы их, выиграй он свою войну. А если ситхи и джедаи уничтожили друг друга, то, возможно, никто никогда и не придет.

А если победили джедаи? Ори побледнела — как тогда, на ферме, — подумав об этом. Она знала о джедаях только от своих учителей — хранителей истории. Но этого было достаточно, чтобы ненавидеть их и все, что они олицетворяли. Слабость. Сострадание. Самоотречение. Следовать пути джедаев — страшная судьба на самом деле.

Но самым худшим, как выяснилось со временем, оказалось то, что в своих попытках покинуть этот мир легендарные пионеры столетия назад растратили бóльшую часть ресурсов, которые очень пригодились бы Племени сейчас. Лигнанских кристаллов на «Знамении» было предостаточно, но они годились лишь для световых мечей и еще кое-каких мелочей. А знания о том, как функционировало «Знамение», постепенно утрачивались; сейчас хоть что-то об этом знали лишь ученые, но доступа к кораблю у них уже не было. Только верховный повелитель мог бы отменить запрет Корсина и обратить взоры Племени к звездам.

Но нынешний верховный повелитель — самый ничтожный из

всех — не способна на это. Ори жутко рассердилась, заметив высохший бутончик в своей богато украшенной ложе. А Лиллия Венн тряслась, утопая в своем троне. Ее парализованная рука дергалась, абсолютно не попадая в такт раздающейся снизу музыке. Верховный повелитель Венн была выбрана годом ранее, став компромиссным решением для остальных шести высших повелителей, так и не сумевших договориться. Будучи к тому времени уже более двадцати лет высшим повелителем — старейшим из всех, — Венн не представлялась помехой. Все были уверены, что долго она не протянет. И две соперничающие политические партии — «Красные» и «Золотые», носящие, соответственно, красные и золотые ленты, — присягнули на верность старухе, продолжив свою борьбу за власть. Этот верховный повелитель считался, собственно, уже трупом.

— Не забывай о приветствиях, дорогая.

Ори оглянулась и встретилась взглядом с темными глазами Чандры Китай. Очень энергичная в свои пятьдесят, самая молодая из высших повелителей подошла к перилам, чопорно повернулась к правительственной ложе и поклонилась. Верховный повелитель не ответила, и лицо Чандры застыло так, что Ори испугалась, как бы оно не потрескалось.

— Полегче, мам, — осторожно произнесла она. — Ты ведь сама говорила мне — это наш большой день.

Месяцем ранее мать Ори заняла место Венн среди семи высших повелителей, став вторым по значимости человеком в Племени. Чандра не отдавала предпочтения ни одной из противоборствующих партий, и ее голос на выборах нового верховного повелителя стал бы решающим.

Признавая важность Чандры, Венн выделила ей ложу поблизости, в пределах видимости даже своих слабых глаз. Если хорошенько подумать, Чандра могла держать остальных высших повелителей в неопределенности бесконечно, парируя все вызовы.

А потом? «Кто знает, — подумала Ори, — следующий Донелланов день мы можем отмечать и в главной ложе».

Ее собственные соперники среди командования Мечников — братья Лузо стояли по обе стороны верховного повелителя. Выпятив грудь, парочка косилась на Ори с едва прикрытым презрением. Злятся — решила Ори. Сейчас навредить ей они не в состоянии. А ведь братья пристально наблюдали за девушкой уже много месяцев, пытаясь не упустить своей выгоды при малейшей ее ошибке. Если повезет, конец Венн станет и концом Лузо.

— Полегче, дорогая, — толкнула ее Чандра, уловив мысли дочери. — Сегодня мы все друзья.

И Чандра Китай, развернувшись, поприветствовала поочередно лидеров обеих партий, сидящих в своих, разумеется выдержанных в красных и золотых тонах, ложах. Высшие повелители Дернас и Паллима имели для Чандры значение не меньшее, чем верховный повелитель. Как и Чандра для них.

— Верно. Друзья… — Ори закатила глаза.

— Наша ложа великолепна. Отличная работа.

Мать напомнила ей о далекой ферме, и Ори с радостью перевела взгляд на свежие яркие цветы далсы. Джелф с Марисоты никогда не появится здесь, но часть его Ори доставила в Корсинату.

Снизу донесся грохот. Ори бросила взгляд на арену, куда выходили наездники, одетые в древнюю форму Небесных Всадников Ниды Корсин, со своими покалеченными уваками. Самые кровавые из всех жестоких игр Кеша, Дикие скачки и начинались с крови: крылья едва вылупившихся уваков подрезали, ограничивая дальность и высоту их полета. Сейчас по арене шествовали взрослые чудовища с вживленными в жесткие края крыльев стеклянными зубцами, превращавшими их в грозное оружие.

Прищурившись, Ори старалась разглядеть всадников. Там были как фавориты Дернаса и его «Красных», так и фавориты Паллимы и его «Золотых». У Венн было два представителя, выдвинутые братьями Лузо. Тот, кого высматривала Ори, вышел на поле одним из последних: Кампион Дей, всадник из южных земель, фаворит Чандры. Дей отсалютовал Ори и ее матери.

— Думаю, он неплохо себя покажет, — заметила Ори.

— Он умрет, — возразила Чандра.

Ори удивленно оглянулась. Чандра устроилась в своем комфортном кресле, равнодушно внимая доносящемуся снизу барабанному бою. Ори вгляделась в лицо матери и поняла: эти спортивные состязания служат лишь олицетворением другой борьбы, так как за спиной выходящих на арену всадников всегда стоит кто-то еще. Противоборствующие партии могут пытаться завоевать благосклонность Чандры, позволив выиграть ее фавориту. Но только что получившая титул высшего повелителя женщина не собиралась хоть как-то провоцировать верховного повелителя Венн. Не сегодня.

— Мы вообще когда-нибудь выигрывать собираемся? — проворчала Ори.

— Не сегодня, — ответила Чандра. Кампион Дей был хорошим всадником. И фактически мертвым.

Зазвучал рог, изготовленный из раковины моллюска. Поле мгновенно исчезло в облаке пыли и крови. Участники Диких

скачек не утруждали себя какой бы то ни было стратегией или системой. Световые мечи были у всех всадников, но способностей большинства хватало лишь на то, чтобы удержать поводья. Как и все Мечники, Ори любила хороший бой, но это была просто бойня с участием животных. Чудовища рвали друг друга, бросаясь из стороны в сторону.

А фаворит ее семьи просто занимал место на арене, как и цветы в…

— Смотри!

Все взгляды обратились к Кампиону Дею, чей увак внезапно присел на своих когтистых лапах, чуть попятившись. Потом ящер вдруг бросился вперед, расправляя оснащенные бритвами крылья. Но вместо того чтобы напасть на противника, злополучно запнувшегося перед ним, чудище подпрыгнуло…

…и *полетело*. Подрезанные крылья не могли полностью расправиться — увак и его всадник достигли только нижних трибун.

Дей, встав в седле, поднял свой световой меч и что-то закричал — Ори не расслышала. Но все под контролем, все в порядке. Активировав собственное оружие, Ори вскочила на перила, готовая драться, если придется. Чудовище тем временем с грохотом подалось влево, неуклюже процарапывая себе путь сквозь паникующую толпу наверх, к роскошной ложе верховного повелителя.

Ори видела Лиллию Венн. Старуха твердо стояла у трона, наблюдая за уваком, карабкающимся к ней по каменным трибунам. И когда расстояние между ними сократилось, верховный повелитель высвободила энергию темной стороны, высоко подняв трясущиеся руки. Голубой огонь, потрескивая, охватил изувеченные крылья; ошарашенное животное опрокинулось на нижние сиденья, сбросив своего всадника. Из главной ложи выпрыгнули Лузо, их оружие превратилось в размытые красные пятна, когда они нырнули вниз, к потенциальному убийце.

— Мама, назад! — завопила Ори.

Напротив, в ложе верховного повелителя, кеширский слуга закрывал ставни. Ори сделала то же, опрокинув большие вазы с цветами Джелфа. Она повернулась к матери, ошеломленная происшедшим:

— Что происходит, мама?

Они давно знали Кампиона. Знали много лет, помогали ему тренироваться. Почему он творит это безумие?

Чандра только покачала головой. Она была бледна и словно постарела на несколько лет за прошедшие мгновения.

— Ты… тебе лучше идти, Ори.

— Там достаточно Мечников. Они расправятся с Деем, — сказала Ори и перекрыла вход в их ложу.

— Я не об этом.

Ори потрясенно посмотрела на мать:

— Мы не делали этого. Нам не о чем волноваться, верно? — Она взяла женщину за руку. — Верно, мам?

Собравшись с силами, Чандра выпрямилась:

— Я не знаю, что только что произошло. Но так или иначе узнаю.

Она прошла мимо дочери и открыла дверь. Снаружи ситхи и кешири бездумно громили нижние трибуны Корсинаты.

— Мама!

Чандра обернулась, ее взгляд был печальным.

— Я не могу говорить сейчас, Ори. Просто доберись до поместья. Скажи слугам, что сегодня я домой не вернусь.

И она исчезла в толпе.

Звезда просто упала с неба. Приземлившись на холме, она превратила ночь в яркий день, и сады Кеша расцвели так, как никогда ранее.

До тех пор, пока они не вырастут снова, будет только огонь. Каменный дом Ори рассыпался в пыль еще до того, как горячий ветер отправил в ад ее саму. Обугленная и умирающая, она преследовала звезду в джунглях, чтобы спросить, почему та уничтожила ее мир. Звезда ответила: «Потому что ты считала меня другом».

Это видение было послано ей, едва она встала на самую нижнюю ступень в иерархии Племени — стала неофитом. Ори никогда не придавала ему значения. Но сейчас, подлетая к Звездопаду — поместью ее матери к югу от Тава, — она вспомнила о видении. Был повод. Слуги-кешири непрерывным потоком выходили из мраморного особняка, кидая вещи в огромный костер, разожженный на лужайке.

Ее слуги. *Ее* вещи.

Оставив Шина у колонн, обрамлявших центральную аллею, Ори побежала к костру. Достав световой меч, она набросилась на тощего фиолетового старичка, руководившего сожжением, — смотрителя поместья.

— Что происходит? — Ори схватила мужчину. — Кто приказал тебе делать это?

Узнав хозяйскую дочь, кешири украдкой оглянулся и, крепко обхватив ее запястье, тихо прошептал:

— Это личный приказ верховного повелителя, госпожа. Все

началось часа два назад.

Два часа назад? Ори мотнула головой. С момента покушения прошло не больше четырех часов. Как это возможно?

Смотритель указал на главный вход. В центральных дверях маячила пара стажеров братьев Лузо. Они наблюдали за проходящими мимо слугами, груженными мебелью. Ее еще не заметили, но Ори, решив это упущение исправить, шагнула к дому.

Старик-смотритель дернул девушку назад:

— В доме их полно. — Он потянул ее за собой, на другую сторону костра, прячась за высоким пламенем. — Они роются в вещах вашей матери.

— Она все еще высший повелитель? — спросила Ори.

Смотритель потупился.

И тут ее остро кольнула другая мысль: «А я все еще мечник?»

Внезапно почувствовав тошноту, Ори качнулась к огню, пытаясь вспомнить, что она видела и слышала, когда покидала Корсинату.

Там царил хаос. Кампиона Дея убили спустя какие-то секунды после его провальной атаки, а слухи о случившемся быстро расползались. Партия «Красных» утверждала, что ее мать заключила ужасный договор с «Золотыми», которые, в свою очередь, заявляли то же с точностью до наоборот. Некоторые уверяли, что Венн умерла в своей ложе, слишком много сил вложив в свою контратаку; другие говорили, что видели, как убили высших повелителей Дернаса и Паллиму прямо на их балконах. Все это казалось бредом.

Но в одном слухи были единогласны: убийцу на стадион подослала семья Китай.

Нужно вернуться в Тав, поговорить с верными учениками, имеющими доступ в Верховный совет. Они — защитники ее семьи и должны знать, что происходит. Важно не поддаться гневу сейчас — из-за этого костра. Слишком очевидная провокация. В лагере верховного повелителя наверняка ждут бурной реакции, чтобы была причина обвинить Китай в предательстве.

Бросив взгляд на особняк, Ори усмехнулась. Чандра Китай была опытным и искусным политиком, не имеющим себе равных. Она наверняка уже разобралась со всеми обвинениями в свой адрес. И поняла, на кого ставить. Когда Ори доберется до Тава, Чандра будет сидеть по правую руку от победителя, кто бы это ни был. Сейчас не время попадаться в дешевые ловушки, расставленные Лузо.

— Все будет в порядке, — сказала она смотрителю, разворачиваясь к уваку.

— До свидания, Ори.

Забравшись на Шина, Ори взяла поводья. И остановилась, только сейчас осознав, что сказал старик.

— Подожди. Ты назвал меня Ори! — крикнула она ему вслед.

Кешири, не ответив, опустил голову и побрел прочь.

«Темная сторона! — подумала она. — Только не это».

Джелф опрокинул шаткую тачку и высыпал в корыто еще одну порцию почвы. Пришло лето, и насыпи стали сохнуть, земля становилась все кислее; чтобы сохранить плодородие почвы, требовался щелочной полив. Его кеширские клиенты ничего не знали об ионах водорода, но их разборчивость от этого не страдала.

Услышав шум, Джелф бросил лопату и обогнул хижину. Там, в мутноватом вечернем свете, едва не уткнувшись лицом в грубую шкуру увака и отчаянно стиснув поводья, стояла его вчерашняя посетительница.

— Я удивлен вашим визитом, — сказал Джелф, подходя к ней сзади. — Я надеюсь, с далсами все в порядке.

Повернувшись, девушка выпустила поводья. Ее блестящие темные глаза были полны боли и гнева.

— Меня осудили, — сказала Ори из Тава. — Теперь я рабыня.

3

Джелф подбавил в ее миску невзрачного на первый взгляд месива. Но блюдо кеширских бедняков — простая безвкусная каша, — приготовленное им, оказалось чем-то особенным. Там были приправы с его огорода и крошечные кусочки соленого мяса. Ори понятия не имела, чье это мясо, но поглощала еду с жадностью. Два дня она гордо сдерживалась, и этого оказалось более чем достаточно.

Непривычно было видеть Джелфа не в поле. Каждый из прошедших двух дней он вставал еще до рассвета и начинал свою рутинную работу, чтобы успеть больше времени уделить ей. Умывался он в реке еще до того, как она просыпалась. Когда наступала ее очередь, он, отдавая дань ее скромности, уходил в служивший кухней угол хижины. Ори не считала себя скромной, но его странное смирение льстило. Ведь Джелф был не каким-то там кешири. Он был человеком, пусть и рабом.

Как и она.

Почему-то Ори ничего не рассказала в первый вечер. Джелф все равно не смог бы ничем помочь. Все это было далеко за пределами его возможностей. Она молча сидела в дверях, уставившись в одну точку, до тех пор, пока не потеряла сознание. Проснулась Ори следующим утром уже в доме, на подстилке из соломы, которая служила Джелфу кроватью. Где спал он сам, да и спал ли вообще, Ори не знала.

Этим вечером, так и не притронувшись к ужину, она взахлеб говорила о том, что произошло, о том, что она узнала в Таве. Сделав когда-то Венн «игрушечным властелином», оба противоборствующих лидера теперь действительно пали к ее ногам. Покушение на играх дало основание слугам верховного повелителя обезглавить — в буквальном смысле — руководство «Красных» и «Золотых».

Источники Ори уверяли, что ее мать пока жива и находится в плену у мстительной Венн. Чандре поздно было спасать свою карьеру, но, сказав то, что надо и о ком надо, она еще могла сохранить себе жизнь. Подобно Донеллану, Чандра слишком долго тянула с выбором стороны, с выдвижением себя в преемники. Она всего год как стала высшим повелителем — это казалось небольшим сроком. Но Венн, каждый вдох которой почитался за чудо, было необходимо пережить своих соперников.

Узнав о своем приговоре — рабстве, Ори бросилась к уваку и полетела в единственное место, которое ее растерянный ум счел безопасным. Джелф, поколебавшись, весьма радушно принял ее,

но вот что делать с Шином, он не знал. Рабы не имели права владеть уваками. Вспомнив о сарае для компоста, служившем когда-то стойлом, Ори убедила фермера спрятать увака там — позади лотков для хранения навоза. Джелф в конце концов уступил ей. Едва открылась дверь в это гадкое место, Ори, уже несколько часов чувствующую себя больной, стошнило. А на вторую ночь ее вырвало снова — после завершения рассказа о таком незначительном в масштабах вселенной и таком глобальном для нее самой крахе семьи Китай.

Джелф был предупредителен и заботлив. Он носил ей прохладную речную воду, дал чудесные мягкие полотенца. Но сейчас, в сумерках, на исходе третьего дня своего пребывания на Марисоте, Ори всерьез испытывала пределы его гостеприимства. Сегодня она почувствовала себя лучше и весь день провела на улице. Бесцельно бродя в окрестностях фермы, Ори перебирала в уме прошедшие события, размышляя о том, как вернуть своей семье былое положение. Несмотря на то, что семьей сейчас была только она. И за ужином все эти раздумья вылились в настоящую проверку знаний и терпения фермера.

— Я не понимаю, — произнес Джелф, скобля дно миски, сделанной из раковины орьо. — Я думал, в Племени это нормально — что люди карабкаются наверх по головам других.

— Да, да, — ответила Ори, скрестив ноги. — Но мы убиваем не для того, чтобы достичь власти. Мы убиваем, чтобы сохранить ее.

— Есть разница?

Ори кинула пустую миску на пол хижины. «Какой-никакой, а обеденный стол», — подумала она.

— Ты действительно совсем ничего не знаешь о своем народе, да? Племя — это меритократия. Тот, кто достойнее, кто сильнее, тот получит больше власти — при условии, что будет сделан публичный вызов. Дернас никогда не бросил бы вызов верховному повелителю. Как и Паллима.

— Как и ваша мать, — сказал Джелф и опустился на колени, чтобы поднять ее миску. Он выглядел слегка испуганным, когда Ори с помощью Силы перенесла ее в его руки. — Спасибо.

— Смотри, это действительно просто. — Ори встала и попыталась счистить грязь со своей униформы. Безрезультатно. — Если тебе попадутся слабые соперники, ты можешь сделать с ними все, что угодно, даже убить.

Он нахмурился, посмотрев на нее снизу вверх:

— Звучит как кровавая резня.

— Все обычно происходит тихо, чтобы не было явного нарушения закона. Отравления. Лезвие шиккара в живот.

— Чтобы не нарушить закон.

Она остановилась в дверях и сердито посмотрела на него:

— Ты собираешься критикой заниматься или мне помогать?

— Извините, — произнес Джелф, поднимаясь. — Я не хотел вас огорчать. — Он покачал головой. — Просто то, что у таких вещей есть правила, кажется, ну… странным. Правила того, как нарушать правила.

Ори вышла на берег и посмотрела на запад. Солнце, казалось, опускалось прямо в реку, и вода пылала оранжевым. Это было прекрасное место, и когда-то она фантазировала об украденных здесь ночах. Но сейчас Ори не могла представить себе что-то подобное. Она так и не придумала, как вырваться отсюда. И ей нужна помощь. Помощь кого-то более влиятельного, чем раб, как бы силен и крепок он ни был.

— Я должна вернуться, — заявила девушка. — Мою мать обвинили ложно. И кто бы это ни сделал, он заплатит. Я должна вернуть себе имя.

Она оглянулась на Джелфа. Мужчина преспокойно грыз какую-то травинку.

— Я должна вернуться!

— А я бы не стал этого делать. — Он вышел к ней на берег реки. — Я подозреваю, что все это дело рук вашего верховного повелителя.

Ори пораженно посмотрела на него:

— Что ты можешь знать об этом?

— Не так много, как вам могло бы представиться. — Джелф продолжал жевать стебелек. — Но если ваша мать была ключом к выбору того, кто заменит Венн, легко представить, как сильно старуха хотела убрать ее с дороги.

Ори недоверчиво хмурилась, всматриваясь в растущие тени:

— Рассуждай-ка лучше об удобрениях, Джелф.

— Посмотрите на это таким образом. — Джелф тихонько придвинулся так, что оказался прямо перед ней. — Если бы Венн действительно не была причастна к покушению и действительно подозревала бы в нем вашу мать, вас не приговорили бы к рабству. Вас казнили бы. Но верховный повелитель не собирается убивать вас, потому что знает, что вы ни в чем не виновны. Вы гораздо полезнее для нее в качестве примера. — Он выбросил стебелек в реку. — Сделав рабами высшего повелителя и членов ее семьи, Венн получила очень эффективный сдерживающий фактор — живой, дышащий и, главное, наглядный — до тех пор, пока вы существуете.

Ори потрясенно смотрела на него. Дернас и Паллима были убиты тайно, никто и не видел. Костер в поместье привлек

внимание и людей, и кешири. Останься она в Таве, возможно, уже гнула бы спину на каторжных работах. Наглядно.

— Так что же мне делать?

Он чуть улыбнулся, сейчас его шрам был совсем не виден.

— Ну, я не знаю. Но мне кажется, что, пока вы не чувствуете через вашу Силу страдания своей матери, разрушить планы Венн можно только… не став примером.

Больше он не произнес ничего, но она поняла недосказанное. *Не стать примером — значит уйти отсюда*. Она подняла голову, посмотрела в его глаза, отражающие искрящийся в воде звездный свет.

— Как может фермер разбираться в таких вещах?

— Вы видели мою работу, — ответил он, положив руку ей на плечо. — Бóльшая часть вещей, с которыми я имею дело, воняет.

Она рассмеялась, хотя ей было невесело; она смеялась впервые с тех пор, как оказалась на ферме. Когда Ори шагнула прочь от реки в темноту, ноги ее утонули в мягкой земле. Девушка упала бы, но Джелф успел поймать ее. А Ори позволила ему это.

Миновала полночь. Джелф стоял в дверях хижины и смотрел на Ори, спящую на соломенной подстилке. Нельзя было оставлять ее здесь, думал он. И разумеется, нельзя было заходить настолько далеко, насколько он позволил себе зайти в последние девять дней. Но раз так, нельзя было с самого начала поощрять ее визиты.

Он вышел на улицу, натянув рваную рубаху. Жара, стоявшая уже много дней, сегодня внезапно сменилась не по сезону сильным похолоданием. Впрочем, почти осенняя прохлада вполне соответствовала его настроению. Ори даже представить себе не может то, угрозой чему стало ее присутствие. На карту поставлено гораздо больше, чем судьба одной ситхской семьи.

И все же он принял ее. Ведь та Ори, что пришла к нему тем вечером, казалась совсем другой. И он не смог ей противостоять. Она выглядела такой гордой во время своих первых визитов, она была полна нездоровой веры в абсолютное превосходство своего народа. И это определяло и ее статус, и ее саму. Потеряв первое, она потеряла и второе. Он увидел человека сломленного, не уверенного ни в чем, растерянного. В ней был не только гнев. Она потеряла саму себя, и ей было больно и тоскливо. Пусть все, чем она себя считала ранее, представляло собой лишь глупую иллюзию, но больше ведь у нее ничего не было. В последнее время тоска побеждала злость, и Ори бесцельно бродила вокруг хижины или в саду, погруженная в печаль.

Смирение ситха. Он стал свидетелем чего-то поистине удивительного, почти невозможного. Ее броня плавилась, примеси выкипали. Возможно ли, что не каждый ситх на Кеше алчен с самого рождения? Ее гнев, вызванный потерей поместья и состояния, оказался… обычным. Он будет злиться — и злился, не меньше ее в подобной ситуации. Это была не та бешеная ярость, что разрушала цивилизации просто из интереса. Это было не по-ситхски.

То, что, потеряв все, Ори стала только привлекательнее для него, казалось Джелфу неправильным. После той ночи на берегу реки вся сдержанность, которую он так долго совершенствовал, изменила ему. Ори нуждалась в нем. И так много времени прошло с тех пор, как у него кто-то был. В диких дебрях, да и не только там, спрос на таких, как он, невелик. Но опасность всегда была рядом, отравляя нечаянное счастье.

Джелф посмотрел на север. Между облаками и холмами виднелась тонкая полоса света. Сияние начинается вновь, и в течение нескольких ночей северное небо будет охвачено огнем. Время подходит.

Он бросил взгляд на склад, подсчитывая, как долго его не будет на ферме. Опасно оставлять Ори бродить тут одной. Она должна уйти.

Но он не мог ее отпустить.

4

Он уехал на рассвете, длинным шестом из хеджарбо направив свое суденышко вверх по реке. Ее шаткое душевное равновесие рухнуло в один миг, и она отчаянно протестовала. Какое значение имеет, что там надо его клиентам для осеннего вегетационного периода? Чем он обязан этим людям? Все, что он получает за свою работу, — это несколько жалких вещей, которые невозможно вырастить на земле.

Но Джелф смотрел не на нее, а на заросшие джунглями горы и на небо. Он сказал, что она просто не знает обо всех его обязательствах. Ори ответила куда громче и язвительнее, чем собиралась. И она с беспокойством вспоминала об этом теперь, собирая ловушки, которые Джелф ставил на грызунов у границы леса. Он не разозлился. Но он ушел, несмотря на все ее мольбы.

И это Ори очень не понравилось. Она нуждалась в нем. Он стал лекарством, заставляющим утихнуть ее страдания. Она всю свою жизнь была настолько зависима от положения матери, что оказалось соблазнительно легко отдать свое существование в его руки. Но Джелф ушел. И это заставило Ори задуматься о том, что ее могут просто отвергнуть. Теперь никакой власти у нее нет.

А она не могла жить без него. Джелф — единственное, что у нее осталось.

И еще Шин. Ори уже видела заднюю дверь компостного сарая, приоткрытую для вентиляции. Даже увак не должен жить в таком месте, пусть больше всего здесь воняет он сам. Она подошла ближе, предварительно глубоко вдохнув. Почти весь день она проверяла капканы, попадались в которые большей частью грызуны — небольшая добавка к скудному рациону Джелфа. *Бедняга.* По крайней мере, увак напоминал ей, что у нее еще есть какая-то свобода, шанс на…

Ори прищурилась, уловив колебания в Силе. Бросив капканы, девушка кинулась к сараю и рванула расшатанные двери.

Шин был мертв.

Огромное животное лежало на грязном, залитом кровью полу, а на его золотистой шее зияли глубокие раны с обугленными краями. Ори, мгновенно сообразив, чем убили Шина, активировала свой меч и оглядела сарай:

— Джелф! Джелф, ты здесь?

Но за исключением нескольких инструментов, развешенных по стенам, да огромной кучи навоза у входа, в сарае ничего не было.

— Я же говорил, что она здесь, — послышался снаружи

молодой мужской голос. — Надо просто идти туда, откуда смердит.

Ори вышла, высоко подняв меч. Братья Лузо, ее вечные соперники среди Мечников, стояли рядом со своими оседланными уваками. Флен, старший, ухмыльнулся:

— Ты имел в виду — откуда воняет неудачником.

— Ищете смерти, Лузо? — Ори бесстрашно шагнула вперед.

Парочка не шевельнулась. Содж, младший из братьев, презрительно фыркнул:

— Мы расправились с двумя высшими повелителями на этой неделе и не собираемся пачкать руки о рабыню.

— Вы убили моего увака!

— Это другое дело, — возразил Содж. — Может, ты и не в курсе, но Мечники призваны поддерживать порядок. Раб не может владеть уваком!

Разъяренная Ори шагнула вперед, готовясь к атаке, едва Флен Лузо, повернувшись к своему уваку, открыл ей спину.

— Торговцы рассказали нам, что ты частенько наведывалась сюда, — сообщил он, роясь в седельной сумке. — Мы здесь, чтобы предложить тебе сделку.

Флен бросил к ее ногам два свитка. Опустившись на колени, Ори разглядела восковую печать. Это была печать ее матери, рисунок был известен только ей и ближайшим членам семьи. Такими печатями обычно утверждали завещания. Развернув свиток, Ори поняла, что это и есть в некотором роде завещание.

— Здесь говорится, что Китай сговорилась с Дернасом и «Красными», чтобы убить верховного повелителя!

— А в другом — что она была в сговоре с Паллимой и его людьми, — сказал Флен, скаля зубы. — Как видишь, она подписала оба признания.

— Вы могли заставить ее подписать что угодно под давлением!

— Да, — просто подтвердил Флен.

Ори просмотрела документ. Чандра Китай клялась в вечной верности верховному повелителю Венн, которая сохранит ей жизнь в качестве рабыни. Венн сама назначит трех новых высших повелителей, поведал Флен, что эффективно сведет на нет все действия, какие только могут предпринять ее конкуренты. По тому, как он это говорил, Ори догадалась, что братья наверняка получат повышение в награду за преданность.

— Повторяю, — продолжил Флен. — Мы приехали заключить сделку. Твой световой меч, пожалуйста.

Ори бросила свитки в грязь:

— Вам придется самим его взять!

Лузо скрестил руки на груди:

— Твоя мать сказала, что ты готова сотрудничать. Уверен, ты не хочешь, чтобы она страдала.

— Она уже страдает! — Ори сделала к ним еще один шаг.

— Ну, тогда наши Мечники уничтожат эту маленькую ферму. И твоего фермера, — сказал Флен, злобно сверкнув глазами. — У них уже есть приказ на случай, если я не принесу твой меч.

Ори застыла. Она совсем забыла о Джелфе. Девушка бросила отчаянный взгляд в сторону реки. Ведь он совсем скоро должен вернуться.

— Меня не волнует, чем там занимается рабыня, — изобразил понимание Флен Лузо. — И с кем. Но ты не рабыня, пока твое оружие при тебе.

Братья одновременно активировали свои мечи.

— Ну так что?

Ори закрыла глаза. Она не заслужила этого. Но и Джелф такого не заслуживает. И он теперь уже точно все, что у нее осталось.

Нажав кнопку, она деактивировала меч и бросила его на землю.

— Правильный выбор, — отметил Содж Лузо, опустил свое оружие и поднял с земли чужое.

Оба брата отступили назад, к своим увакам, и взобрались в седла.

— Ах да, — спохватился Флен, вытягивая нечто, притороченное к седлу его ящера. — У нас же есть подарок от верховного повелителя — для начала твоей новой жизни. — И он бросил продолговатый предмет, со стуком упавший к ногам Ори.

Это была лопата.

Металлический совок превращал незатейливый предмет в настоящее сокровище: металл, из которого его выковали, был когда-то частью «Знамения» — тех осколков, что остались после крушения. Этот материал много раз переплавляли в течение столетий, с тех пор как стало ясно, что на Кеше металлов нет. Последняя награда за ее прежнюю жизнь. Держа лопату в руках, она услышала смех Лузо — они взлетели и развернулись к северу.

Ори огляделась вокруг — на то, что она должна покинуть. Хижина. Сарай. Его грязь — куча за кучей. И шпалеры — обитель далсы, которая и привела ее сюда…

— НЕТ!

Внутри все вскипело от гнева, она набросилась на хрупкие шпалеры, круша их лопатой. Хватило одного сильного удара — и цветы посыпались на землю. Остатки тонких веток разметало в щепки силой ее разума.

Разъяренная, она понеслась дальше, оставив от попавшейся на пути тачки лишь жалкие ошметки. Злости было много, а достойных объектов для уничтожения — мало. Ори резко развернулась, взгляд девушки остановился на компостном сарае — символе всех ее лишений. Размахнувшись, она сбила с петель дверь и ворвалась внутрь. Выплескивая свой гнев через Силу, Ори сдернула со стен инструменты, закручивая их в яростном вихре. И эта огромная мерзкая куча навоза! Широко замахнувшись, Ори обрушила на нее лопату…

Звяк! Совок лопаты наткнулся на что-то твердое под навозом. Презренный инструмент вырвался из рук Ори, а сама она рухнула в зловонную кучу.

И сразу успокоилась. Поднявшись на ноги, Ори в изумлении смотрела на кучу. Там, под вонючим месивом, виднелось что-то большое, накрытое грязной тканью.

Что-то металлическое.

Отыскав лопату, Ори принялась копать.

Он чувствовал ужасную вину за то, что с этими капканами загрузил Ори работой на весь день. Но здесь, в буйных зарослях, под густым пологом листвы, у Джелфа были свои особенные ловушки. Месяцами они могли оставаться пустыми, но его лучший улов, кажется, всегда совпадал с сиянием. На этот раз Джелф нашел свое сокровище возле укромного пригорка, под гигантскими листьями. Его дыхание участилось от предвкушения. В последнее время — а выдалось оно одновременно беспокойным и безмятежным — у него было чувство, что что-то грядет. Может, это тот самый день, которого он так долго ждал…

Джелф остановился. Что-то случилось, но не здесь. Посмотрев сквозь листву на запад, он снова это почувствовал. Что-то происходит на ферме прямо сейчас.

Джелф бросился к лодке.

Ори нашла под навозом странную вещь, накрытую брезентом. На самом деле сверху было навалено не так уж много мерзкой грязи, только чтобы создать видимость того, что куча навоза — это просто куча навоза.

Штука была большой — в длину не меньше двух уваков. Огромный металлический нож, окрашенный красным и серебряным, со странным черным пузырем на дальнем конце. И с отогнутыми назад крыловидными выступами с шевронами, на конце каждого — два длинных копья, напоминающие световые мечи.

Ори позабыла о вони. Сейчас она дышала очень быстро,

пробегая рукой по поверхности металлической загадки. Последняя была холодной и неровной, с вмятинами, следами ожогов по всей длине. Но самое удивительное ждало ее впереди. Добравшись до круглого отделения сзади, она прижалась лицом к тому, что казалось черным стеклом. Внутри в удивительно малое пространство было втиснуто кресло. Гравированные пластины сидели точно за подголовником, неся символы, похожие на те, что она учила под руководством своих наставников.

Тактический штурмовой истребитель типа «Аурек»
«Флотские системы Республики»
Модель X4A — серия 35-C

Глаза Ори расширились. Она наконец поняла, что это. *Путь назад*.

Всю свою жизнь Джелф Марриан боялся ситхов. Великая война с ситхами закончилась еще до его рождения. Но разрушения, нанесенные его родному миру Топраве, были настолько сильны, что подвигли его посвятить себя предотвращению чего-либо подобного.

В конце концов он слишком отдалился от консерваторов, руководящих Орденом джедаев. И, будучи изгнан из Ордена, Джелф продолжил свое служение, вступив в подпольное движение рыцарей-джедаев, стремящихся предотвратить возвращение ситхов. Четыре года он работал в темных секторах Галактики, убеждаясь, что мастера зла стали лишь недоброй памятью.

Но все снова пошло не так. Три года назад на задании в отдаленном секторе он узнал о распаде Завета джедаев. Страшась возвращения, Джелф отправился в неисследованные районы Галактики, уверенный, что не сможет вернуть себе имя и место в Ордене.

На Кеше он нашел то, что могло претворить в жизнь его худшие ночные кошмары. Его корабль угодил в один из мощных метеоритных дождей и еще одной звездой упал далеко в джунглях Кеша. Не сумев пробиться сквозь странные магнитные поля планеты и позвать на помощь, Джелф рискнул спуститься ближе к огням на горизонте.

Это был свет цивилизации, погруженной во тьму.

Джелф выпрыгнул из лодки, еще не причалив:

— Ори! Ори, я вернулся! Ты…

Он замолчал, увидев сломанные шпалеры. И, оценив ущерб, бросился к сараю.

Дверь была открыта. Внутри, в слабом свете сумерек, стоял его поврежденный истребитель, кропотливо вывозимый им по кусочку из джунглей. А рядом валялась металлическая лопата.

— Ори?

Шагнув в темноту, вглубь сарая, он увидел труп увака — славная пища для маленьких птиц-падальщиц. Позади сарая Джелф нашел брошенные капканы, которые Ори должна была проверить. Значит, она была здесь — и ушла.

Перед хижиной осталось много следов. Широкие ситхские сапоги, отпечатки увакских лап. И маленькие следы Ори. Они шли мимо живой изгороди, через перегородившую путь тачку, а затем — по тропе, ведущей в сторону Тава.

Джелф сунул руку внутрь своей безрукавки и выудил сверток, который всегда носил с собой. Синий свет вспыхнул в его руке. Сейчас Джелф был одиноким джедаем на планете, битком набитой ситхами. Его существование представляло угрозу для них, но их существование представляло угрозу для всех. Он должен остановить Ори.

Не важно как.

Он бросился вверх по тропе, во тьму.

Страж

1

3960 лет до Битвы при Явине.

— Кажется… моя жизнь разрушена.

— Похоже, тут замешана женщина, — отозвался сиреневый трактирщик, наполняя стакан. — Оставить бутылку?

«С удовольствием разобью ее о собственную голову», — мрачно подумал Джелф Марриан. Все равно наполняющий сосуд слабенький напиток не поможет ему забыться. Откинув с лица спутанные и мокрые от пота светлые волосы, Джелф залпом выпил содержимое стакана. Пустой сосуд засверкал, в фигурных гранях отражался свет очага. Джелф бездумно повертел стакан в руках. С тех пор как он оказался на Кеше, пить ему доводилось только из раковин орьо. А кешири, оказывается, делают из стекла чудесные вещи — даже для дешевых придорожных трактиров.

Трактирщик тем временем подал ему миску с кашей:

— Выглядишь ты, друг, так, словно от Южного Тальбуса бежал.

— Еще дальше.

Уточнять, что бежал он, практически не останавливаясь, со вчерашнего вечера, Джелф не стал. Сейчас, когда солнце вновь склонилось к горизонту, он наконец остановился, проголодавшийся и измученный жаждой, в маленьком трактире, прячущемся в удлиняющихся тенях столичных стен. Джелф просто кивнул славному старику-кешири и ретировался со своей едой в самый дальний угол. Кешири с людьми-рабами общались куда более непринужденно, чем с ситхами. И отличить одних от других несложно, решил Джелф: его грязные, потрепанные лохмотья яснее ясного говорили о низком происхождении их владельца.

А ведь фактически Джелф был на Кеше единственным смертным, родившимся «в небесах». Он пришел из космоса, пусть и не называл домом ни одну из планет Галактики. Три года, которые бывший рыцарь-джедай провел на своей маленькой ферме у Марисоты, стали самым долгим периодом за последнее время, что он прожил на одном месте. С фермой ему повезло. Джелф наткнулся на заброшенную усадьбу спустя несколько дней после крушения его истребителя в горных джунглях, когда голод придал ему достаточно смелости, чтобы исследовать окрестности. Бывший хозяин фермы забросил ее давным-давно, испугавшись, должно быть, историй о проклятье Марисоты. Джелф, ясно ощущавший вокруг темную сторону Силы, мог бы согласиться с

этим — до тех пор, пока не рискнул отправиться на север и не понял, что проклята вся планета. Кеш принадлежал ситхам.

Всю свою сознательную жизнь Джелф провел, стараясь предотвратить саму возможность появления в Галактике ситхов. Война джедаев с Экзаром Куном опустошила Топраву; Джелф родился в мире, лишенном всякой надежды. Отца у него не было, а мать бесконечно повторяла рассказы об ужасах ситхской оккупации. После того как однажды утром она исчезла навсегда, маленький Джелф тоже потерял бы надежду, если б не разведчики-джедаи. Женщина, с которой он встретился благодаря им, спасла ему жизнь.

Кринда Дрей потеряла на Топраве своего мужа-джедая. Именно она собрала Завет, в который вошли джедаи, готовые на все, чтобы предотвратить возвращение ситхов. Ее бдительным провидцам помогали джедаи-тени. Агенты подчинялись непосредственно ее сыну — джедаю с мощным даром предвидения. Мастер Люсьен смог каким-то образом стереть Джелфа из списков Ордена, обеспечив молодому человеку полную свободу передвижений. И Джелф стал отличным тайным агентом. Он странствовал по Внешнему Кольцу, отслеживая угрозу появления ситхов, пока сам Орден занимался куда менее значительными вопросами. И он радовался своим достижениям…

…но война Республики с бронированными мандалорцами все изменила. Джелф так никогда и не узнал, что в точности произошло. Но обезглавивший Завет раскол выдал Ордену и существование Джелфа. Став для джедаев преступником, он увидел для себя только один выход — улететь. Какая ирония судьбы — на Кеше, ставшем ему поневоле убежищем, он нашел именно то, что поклялся истребить.

Джелф доел и потер глаза. До сих пор он все делал правильно. С его опытом джедая-тени спрятаться от ситхов на Кеше труда не составило. Он умел скрывать свое присутствие в Силе. Наличие низшего человеческого сословия облегчало ему задачу. Он легко смешался с рабами, поселившись в глубинке и сведя контакты с окружающим миром к минимуму. Он быстро освоил местный диалект и получил возможность приобрести предметы первой необходимости. Днем он работал на ферме, а по ночам занимался восстановлением своего разбитого истребителя.

Истребитель. Джелф устранил б***о***льшую часть повреждений, нанесенных «Ауреку» метеоритами; осталось только переустановить консоль связи — и можно отправляться. Он хотел стать настоящим стражем, исполнить свое предназначение, предупредив Республику и джедаев о ситхах. Оправдать свое имя.

Но встретил *ее*. Ори Китай была ситхом, а он позволил себе

сблизиться с ней, предав все свои убеждения. Из-за нее он почти забыл о своей миссии. Он пустил ее в свой дом. А потом она нашла истребитель — и ушла, чтобы рассказать об этом ситхам.

Или нет?

Покидал он ферму в спешке. Выбора не было. Запускать истребитель без налаженной системы связи опасно, а переустановка заняла бы не меньше недели. Сначала следовало все-таки поймать Ори — попытаться, по крайней мере. Но сейчас Джелф ругал себя за то, что не изучил следы как следует. Да, кто-то был в сарае: убил увака, раскопал истребитель. Но кто и что сделал, оставалось неясным. Да, Ори отсутствовала, а следы ее уходили вверх по тропе. Но на ферме побывали и другие люди, прилетевшие и улетевшие на уваках. Только свободные ситхи могли передвигаться таким образом, но все они теперь враги Ори. Ведь она стала рабыней. Или расклад изменился? Так или иначе, ушла она не с ними.

Он все же рассчитывал, что Племя пока не узнало о его секрете. Если бы корабль нашли ситхские всадники, они наверняка оставили бы охрану. Значит, это все-таки Ори. В тот день, в джунглях, он почувствовал сквозь Силу ее боль от предательства. Он видел руины, в которые она превратила его маленькую ферму. А потом она пошла в столицу, зная то, что может ввергнуть Галактику в хаос.

Должна была пойти. Следы Ори пропали еще до развилки, но Джелф был уверен, что Ори свернула в сторону Тава. На востоке простирались непроходимые джунгли, а в заброшенных городах озер Рагноса ниже по течению не с кем делиться историями. Обильные муссоны напоили Марисоту, ведущая к южным городам переправа стала временно недоступна. Оставалась столица — город, в котором он никогда не бывал. Средоточие зла на Кеше, дом верховного повелителя Лиллии Венн и всего ее мерзкого Племени.

Он рассматривал сквозь окно давно уже ненужные стены, защищающие столицу. Где ему искать Ори? Куда она могла пойти?

— Счастливым ты не выглядишь, мой друг, — посочувствовал старый кешири, забирая пустую бутылку. — Я стараюсь хоть что-то держать для бедняков. Прости, ничего лучше нет.

— Дело не в этом, — вздохнул Джелф, очнувшись от раздумий.

— А. Женщина. — Старик вернулся к прилавку. — Я, конечно, не вашего племени, молодой человек, но могу сказать вам то, что одинаково для всех. Если уж пустил женщину в свою жизнь — жди сюрпризов.

Джелф, уже шагнувший к двери, обернулся и кивнул:

— Это-то меня и пугает.

Последние посетители покидали зоопарк. Ори всегда называла это место именно так. Настоящее его наименование было сложнее. Сначала парк назвали в честь Ниды Корсин и ее Небесных Всадников, потом присоединили имена еще двух или трех верховных повелителей — Ори считала это сомнительной привилегией. Когда-то здесь держали диких зверей — особей вымирающих хищных видов. Но ситхи давно уже перебили их на играх.

Теперь парк служил пристанищем для огромных уваков, участвующих в Диких скачках, — тех немногих, кто каким-то образом смог выжить в этой жестокой игре. Ситхи и кешири приходили подивиться на могучих ящеров, которых откармливали, баловали и готовили к очередным играм в соседней Корсинате.

А недавно в парке появилось и еще кое-что занимательное. Вернее, кое-кто.

Ори не удивилась, увидев мать, вычищающую навоз из уваксих стойл, — она ожидала чего-то подобного. Джелф оказался прав: наказывая Чандру Китай, верховный повелитель Венн устроила настоящий спектакль. Весь день свергнутый высший повелитель копалась в грязи на потеху праздной публике. И все еще продолжала работу под бдительным оком дородного ночного сторожа. До сих пор одетая в торжественный наряд с Донелланова дня, грязный и рваный теперь, Чандра, стоя на носках, аккуратно соскребала навоз большой лопатой.

Устроившись на крыше загона, Ори выждала момент, когда охранник оказался прямо под ней, и, прыгнув вниз, оглушила мужчину. Забрав световой меч, Ори затащила сторожа в стойло и бросила его позади лежащего увака.

Чандра смотрела на дочь. Взгляд ее был усталым, а глаза слезились от стоявшей вокруг вони.

— Ты пришла.

— Да.

— Прошло много времени.

— Больше двух недель, — кивнула Ори, рассматривая мать.

За короткое время, прошедшее с праздника, Чандра изменилась до неузнаваемости. Седина, которую так тщательно закрашивали кеширские парикмахеры, проступила сейчас грязно-серыми прядями. От Чандры жутко пахло — последствие постоянной возни с навозом. Но на руках мозолей не было. Ори поняла почему, увидев, как осторожно держит лопату Чандра,

автоматически продолжившая работу, и как медленно она продвигается.

— Они кормят их всякими отбросами, и звери болеют, — пожаловалась Чандра. — Я точно знаю — они это специально делают.

— Ты неправильно держишь лопату, ты так никогда не закончишь! — Ори, не выдержав, выхватила инструмент у матери. Но, взглянув на презренное орудие, вдруг вспомнила, что она не какая-то крестьянка, и отбросила лопату прочь. — Ты все это время была здесь?

Чандра слабо махнула рукой, указав на пустое стойло напротив:

— Они позволяют мне там спать. Иногда. — Она с грустью посмотрела на Ори. — Ты выглядишь уставшей, дорогая. Ты давно отдыхала?

Ори фыркнула. Раскопав тайну Джелфа, она бежала прочь от фермы без остановки весь день и всю ночь. До Тава она добралась около часа назад. И вот наконец она здесь — и не с пустыми руками. Кто он? Откуда? Старая надпись гласила: «Флотские системы Республики». Насколько она помнила со времен учебы, в Республике заправляли джедаи. Игрушечное государство, созданное рыцарями светлой стороны Силы для управления слабовольной Галактикой.

Имеющаяся у нее информация определенно чего-то стоила. Только вот кому выгоднее ее предложить?

— Я вызволю тебя отсюда, — твердо сказала Ори матери.

— Я не могу просто уйти. Куда бы мы ни пошли, нас найдут. И мы снова окажемся здесь, только на этот раз вдвоем.

Быстро оглядевшись, Ори затащила женщину в густую тень:

— Я вызволю тебя. Я… нашла кое-что. Это поможет нам. Поможет тебе. Мне надо встретиться с высшими повелителями.

Чандра долго смотрела на нее непонимающим взглядом, а потом виновато покосилась на брошенную лопату:

— Я лучше продолжу работу. Пока кто-нибудь не пришел с поверкой…

Ори схватила мать за руки:

— Скажи мне, к кому я могу обратиться!

Чандра отворачивалась, избегая пристального взгляда дочери:

— Нет, Ори. Не знаю, что ты там нашла, да это и не важно. Нас уже ничто не спасет.

— Это важно! — В этом Ори не сомневалась. И стала быстро, сбивчиво объяснять. На Кеше, кроме «Знамения», есть еще один звездный корабль. Он спрятан на ферме у Марисоты.

Возбужденный шепот Ори становился все громче. — Это не только наш шанс. Это надежда всего Племени на воссоединение с ситхами!

Чандра недоверчиво уставилась на дочь:

— Ты сошла с ума. Выдумала дурацкую историю, чтобы попытаться вернуть…

Сзади послышался шорох — сторож начинал приходить в себя. Ори в отчаянии смотрела на мать:

— Ты разбираешься в политике, всех знаешь. Скажи, что мне делать? К кому пойти?

При слове «политика» взгляд Чандры, казалось, прояснился. Оглянувшись и мрачно покосившись на лопату, она тихо заговорила. Три вновь назначенных высших повелителя — люди верховного повелителя, сказала она. Но оставались еще четверо: двое из партии «Золотых» и двое — из «Красных». Они имели определенный вес и вполне могли отблагодарить семью Китай за то, что получат эту информацию первыми.

— Если твоя история правдива, они должны будут убедиться в этом лично, — продолжила Чандра. — Сообщение можно послать через Джадина Бадолфу, архитектора. Он со всеми знаком, и я все еще доверяю ему. Не рассказывай ему о том, что конкретно ты нашла, чтобы никого не скомпрометировать.

Ори задумалась. Бадолфа действительно хорошо подходил для этой роли. Он занимал высокое положение в обществе, не имея при этом отношения к политической власти. Повелители, конечно, могут не поверить сообщению, переданному даже через такого доверенного друга семьи, как Бадолфа. Но особого выбора не было.

Ори выволокла из стойла бесчувственного сторожа. Она уже приметила корыто, которое послужит ему отличным временным пристанищем: остальные охранники наверняка решат, что он здорово надрался на ночном дежурстве. Но световой меч девушка оставила себе. Едва минул день с тех пор, как братья Лузо забрали ее оружие, но, только вновь взяв в руки меч, она поняла, как плохо чувствовала себя без него.

— Мама, ты уверена? Ты не пойдешь со мной?

Чандра оперлась на ручку лопаты, одарив дочь долгим, тяжелым взглядом:

— Мне лучше остаться здесь. Я только помешаю. — Она уставилась на грязный пол и поморщилась. — Если твой план не сработает — не беспокойся обо мне. Надолго я здесь не задержусь.

2

Ненависть — незамутненная, гнетущая. Тав был ее оплотом. Джелф ощущал это в каждом переулке, на каждом перекрестке. Этот город был пропитан темной стороной; такого он нигде не встречал.

В детстве, на Топраве, Джелф не раз думал, что сходит с ума. Его постоянно преследовала головная боль. Она утихала лишь во сне. Позже он понял, что это была реакция его растущей чувствительности к Силе на ущерб, причиненный Топраве Экзаром Куном.

Но то было лишь эхо зла, случившегося в прошлом. Духовный яд струился по улицам Тава прямо сейчас. Он был везде. Джелф чувствовал ярость немолодого ситха — хозяина дома, напротив которого Джелф спрятался, — избивающего своего кеширского слугу. А молодая приятная пара в окне напротив планировала убийство соседей. Мимо прошел часовой, и память его была полна вещей, хуже которых Джелф не смог бы придумать.

Он пытался отгородиться от этого темного потока, не раскрыв своего присутствия в Силе, что было почти невозможно. Ситхи настолько сильно излучали гнев и ненависть, будто они не разумные существа, знающие о контроле, а дикие животные, что в ярости рычат на звезды.

Джелф прижался к стене, согнувшись пополам. Есть перед прогулкой по Таву не стоило. Он с трудом выпрямился, хватая ртом воздух, стер выступивший на лбу пот. Сколько же ситхов здесь, в Таве? А сколько их на всем Кеше? Джелф так и не смог узнать этого, даже приблизительно. А ведь он — разведчик джедаев, пусть и не совсем официально; хотелось бы представить как можно более полный отчет. Но стоило Джелфу приблизиться к любому относительно крупному городу, и он чувствовал себя смертельно больным. Вот и сейчас, когда ему так нужны все его силы, он едва дышит.

Джелф постарался сосредоточиться. *Ори*. Необходимо найти Ори. Ее имя, ее лицо — спасательный круг в засасывающем его омуте ситхской ненависти. Он пришел сюда из-за нее и из-за нее же не может уйти просто так.

Джелф уже легко различал Ори через Силу, но найти ее сейчас, в затопившем город океане зла, ненависти и гнева, он не мог. Джелф вообще не понимал, как Ори умудрялась жить здесь. Она была ситхом, но ее присутствие никогда не причиняло ему боли, как бы она себя ни вела. Ори была горда, но не корыстна; иногда ее переполняло негодование, но никогда — ненависть. В

ином случае он вообще не смог бы к ней прикоснуться. Он был прав насчет нее.

А если нет? И здесь ли она?

Джелф почти поддался охватившему его отчаянию, когда увидел кое-что, напомнившее ему один давний разговор, состоявшийся в одну из их первых встреч. Ори похвасталась, что лучше любого другого мечника знает сложную систему водопровода столицы. Она патрулировала его вместе со своими учениками. Джелф поднял голову, внимательно рассматривая одну из каменных башен, что возвышались по всему городу, неся воду с гор в долину. Система была придумана кешири. После ситхи усовершенствовали ее и построили высоко над землей огромные водохранилища. Ори была права: оттуда, сверху, видна вся столица. «А вся эта эмоциональная грязь туда не добирается — высоковато», — с надеждой подумал Джелф.

Он нырнул в тень массивной опоры акведука, занимающей площадь чуть ли не с целый городской квартал. Ощущение темной стороны ослабло. Джелф взобрался по колонне, стараясь держаться в тени.

Широкие уступы обрамляли каменный канал размером с городскую улицу, по которому струилась вода. Джелф, устроившись на самом краешке, с удивлением размышлял о том, что кешири смогли поднять над землей реку задолго до появления ситхов. А чего они смогли бы достичь, не поработи их чужая раса? Покачав головой, он стянул с плеч рюкзак и достал макробинокль.

Окуляры приблизили горную гряду, закрывающую часть небосвода на западе. Джелф вздрогнул. Он слышал, что где-то там, в горном храме, находится разбитый звездолет ситхов. Они сохранили его. Смогут ли они починить свой корабль, если у них появится возможность покопаться в его истребителе? Или кто-то из ситхов улетит на «Ауреке», планируя потом вернуться за остальными? В любом случае самое важное сейчас — это найти Ори. Он опустил бинокль вниз, к городским улицам, переведя визор в ночной режим. Особое внимание Джелф уделял тем улицам, что вели к большому дворцу. Пошла бы Ори туда, несмотря на то что верховный повелитель Венн фактически уничтожила ее семью? Он приподнялся, чтобы разглядеть больше, даже осмелился встать. *Где же ты, Ори?*

Внезапно невидимая рука толкнула его сзади — прямо в воду. Джелф уронил макробинокль, и, подпрыгнув разок на карнизе, тот грохнулся на мраморную крышу где-то далеко внизу. Канал оказался неглубок — метр, может, чуть больше, — и, едва коснувшись дна, Джелф оттолкнулся грубыми рабочими

ботинками от скользкого каменного пола и подпрыгнул. Но тут же был отброшен назад Силой. Выпрямиться он не успел и покатился вниз по желобу, увлекаемый водным потоком.

В накопительном бассейне, находившемся ниже канала, но все же гораздо выше городских крыш, течение стихло. Джелф выплыл на мелководье, вытянул из-за пояса световой меч и тут же активировал его. Синее лезвие сверкнуло в темноте. Джелф завертелся, плещась по пояс в воде и высматривая нежданного противника.

— Лжец!

Крик раздался сверху. Джелф успел рассмотреть тонкий силуэт, высвеченный алым светом. Перехватив меч двумя руками, он блокировал первый — довольно мощный — удар, позволив инерции размаха увлечь его противника вниз, в бассейн. Но атаковавшая его девушка, быстро восстановив равновесие, вновь ринулась в бой.

— Лжец! — снова выкрикнула Ори. В ее обычно карих глаза сейчас горел красноватый огонек бешенства.

— Ты нашла его, — произнес Джелф, не сумев придумать ничего лучше.

Их мечи с треском скрестились.

Прорычав что-то в ответ, Ори попыталась пнуть его под водой. Джелф дернулся, уклоняясь от удара, и они вдвоем рухнули в воду. Меч Ори исчез в глубине.

Джелф отступил, позволив девушке вволю поплескаться в поисках оружия. Он деактивировал меч и повторил:

— Ты нашла его. Нашла и разгромила мой сад. Я не виню тебя за это.

— Зато я тебя виню. — Поднявшись на ноги, Ори безрезультатно шарила руками под водой. — Ты — лжец! И ты — джедай!

— Был, — честно признался Джелф. Отрицать смысла не было. — Ты нашла мой корабль. Слава Силе, не пыталась забраться внутрь…

— Что? Думаешь, я настолько глупа? — Она зло взглянула на него, с волос капала вода. — Ты считаешь меня тупой дикаркой, ничем не лучше кешири?

— Нет, вовсе нет!

— Ты знаешь, мы пришли со звезд. И мы туда вернемся! Этого ты боишься?

— И этого тоже. — Джелф внезапно вспомнил, где находится, и нервно задрал голову. Снизу их точно не услышат: резервуар расположен слишком высоко, но он успел заметить воздушных часовых над городом. По крайней мере, он нашел Ори. — А что…

что ты здесь делаешь?

Ори все еще шарила в воде, надеясь найти меч:

— Я пришла в Тав, чтобы рассказать им о тебе! Предупредить!

— Здесь, наверху?

Джелф решил, что, возможно, помешал важной встрече. Он внимательно смотрел на Ори, пока девушка старалась хоть немного просушить волосы.

— Подожди. Кое с кем ты уже точно встретилась. С матерью.

Ори кинула на него сердитый взгляд.

— Я думал, положение твоей матери сейчас довольно шаткое…

— Это изменится! — Лицо Ори запылало от ярости. — Теперь я знаю то, что поможет ей все вернуть! И мне!

Джелф отшатнулся. Ярость Ори словно толкнула его.

— Ты сейчас сама на себя не похожа. Та, что была эти дни со мной, не беспокоилась о таком. Та девушка…

— Эта неудачница — это была не *я*! — сплюнула Ори.

— Но мне нравилась именно она, как бы ты ее ни называла. И она — тоже часть тебя.

— Она не была ситхом! — Ори махнула на звезды, что зажглись над их головами. — Они принадлежат нам. И я говорю не только о себе. Мы тысячи лет ждали возвращения. Возвращения в мир, который принадлежит нам!

Джелф начал было отвечать, но оборвал себя на полуслове.

— Ну конечно, — прошептал он, разобравшись наконец в ситуации.

Племя Кеша затерялось во время Великой гиперпространственной войны. С ее окончания прошло больше тысячи лет. Ори просто не могла знать о том, что происходило после. А он знал. И история — это отличное оружие.

— Ситхов больше нет, — произнес Джелф.

— Что?

— Ситхов больше нет, — терпеливо повторил он. — Их уничтожили.

— Ты лжешь. — Ори двинулась к краю. — Тот корабль, что ты прятал, — военный! Те большие… *зубцы* по бокам. Хочешь сказать, это для красоты?

Джелф покачал головой:

— Да, враги у нас есть. И не так давно мы воевали с ситхами — еще живы те, кто непосредственно помнит эту войну. Джедай Экзар Кун перешел на темную сторону и попытался возродить ситхов. Но их уничтожили. Всех. — Он осторожно, бочком, подбирался к Ори. — Насколько я знаю, единственные

оставшиеся в Галактике ситхи — это вы. Почувствуй мои мысли. Ты знаешь, что я говорю правду.

Ори смотрела на него, тяжело дыша. Но гнев ее утих. Девушка взобралась на край бассейна, сняла ботинок и вылила из него воду.

— Наша численность будет расти, — уже спокойно проговорила она. — Это большая разница — один ситх или миллион ситхов против одного джедая. Мы свой шанс не упустим.

— Шансов против джедаев у вас нет.

— А кто-нибудь вообще знает о нас? Если уж ситхи нас не ищут, то джедаи — тем более.

— Джедаи ищут меня. И поверь, вас тоже.

Он не знал, существует ли еще Завет, но был уверен, что, пока жив Люсьен Дрей, ситхи не проникнут в Галактику незамеченными.

Ори раздраженно потерла лоб:

— Я не могу спасти свою семью, не могу спасти свой народ. И что же мне тогда делать?

— Что тебе делать? — рассмеялся Джелф. — Разве не ты говорила, что надо прокладывать свой собственный путь? — Он подобрался ближе. — Реши, чего ты сама хочешь.

Джелф стоял перед Ори в воде, сияющей звездным светом, и она долго и пристально смотрела на него. Наконец, закрыв глаза, девушка покачала головой:

— Мы никогда не сможем полностью доверять друг другу.

Джелф испытующе посмотрел на нее. Почувствовав его взгляд, Ори открыла глаза:

— Я чувствую твои мысли. Ты считаешь меня красивой. Думаешь, что желаешь меня. И ты хочешь мне верить. Но перепроверяешь каждое мое слово, ищешь недосказанность, пытаешься подловить. Потому что я — это я.

Джелф опустил взгляд. Он до сих пор так и не понял, зачем, отчаянно рискуя, проделал весь этот путь.

— Я знаю, кто ты, Ори. — Он смело шагнул вперед и коснулся ее плеча.

Ори сжалась.

— Джелф, — она положила свою руку поверх его, но не оттолкнула, — я не могу быть такой же, какой пришла тогда на ферму. Если, чтобы быть с тобой, нужно стать слабой — я не смогу.

— Ты можешь быть сильной. — Джелф потянул Ори к себе, в воду. Почувствовав под ногами дно, девушка подняла взгляд. — Ситхи сильны. Но править Галактикой они не должны.

Ори отвернулась:

— Но ведь это наше предназначение — править Галактикой.

— Тогда все Племя живет во лжи. Вся ваша жизнь — обман. Каждый из вас борется за то, что может принадлежать только одному. Одному. То есть подавляющее большинство ситхов — неудачники. Почти все обречены на провал изначально, еще даже не приступив к борьбе. — Джелф фыркнул. — Ну что это за философия? — Подняв ее лицо, он посмотрел ей прямо в глаза. Злые красные огоньки исчезли без следа. — Не обманывай саму себя. Ты ничего не потеряешь, если останешься вне игры.

Он поцеловал ее. Воздушные часовые сейчас не беспокоили Джелфа. Ори прижалась к нему, но тут же отпрянула:

— Подожди. Игра началась, и мы уже участвуем в ней. Все закрутилось, и остановить это я не могу.

— То есть?

Ори, нахмурившись, пересказала свой разговор с матерью.

— Я уже отправила послание высшим повелителям. Они готовы встретиться со мной на ферме, чтобы увидеть звездолет.

Джелф отпустил ее:

— Что… что ты им сказала? — Он выбрался из бассейна, пытаясь осмыслить происходящее.

Ори, отвечая, полезла следом. Для передачи особой, способной повлиять на жизнь всего Кеша информации в маленьком сообществе высших повелителей имелся свой код. Мать сообщила его Ори.

— Конкретно о звездолете я не говорила, но они знают, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Мы должны встретиться завтра, на закате.

— Закат! — У Джелфа подкосились ноги. — Я бежал сюда весь день и всю ночь. Как ты собиралась успеть вовремя?

— Я думала украсть увака. — Ори взобралась на самый край выступа и указала на темный силуэт в ночном небе. — Вот зачем я здесь. Я отлично знаю водопровод и легко смогу заманить сюда какого-нибудь часового на ящере. — Она поморщилась, покосившись на Джелфа. — Когда я это планировала, меч, разумеется, был еще при мне.

— Тебе безмерно повезло натолкнуться на друга. — Он встал рядом, всматриваясь в зависшего в воздухе часового, и улыбнулся. — Знаешь, а ведь ты — первый ситх, с которым мне довелось драться.

— Пожалуй, на этот раз тебе придется попотеть. — Ори наблюдала, как Джелф активировал меч. — Не всех ситхов так легко очаровать.

3

Было здорово снова подняться в воздух. Ори смотрела вниз, на спящие деревни, проплывающие под мощными крыльями увака. Временами девушка оборачивалась на Джелфа — мужчина цеплялся за Ори всякий раз, как она натягивала поводья. Но улыбался при этом. Полет не был для него чем-то необычным, но Джелф три года смотрел с земли на парящих в воздухе ситхов. Пожалуй, приятно было наконец-то попробовать самому оседлать увака.

Ори гадала, на что же похож полет на космическом корабле. Она знала теперь, почему Джелф не смог улететь раньше. А сейчас, раз они нашли друг друга, нет нужды дольше необходимого оставаться на Кеше. Но уместиться вдвоем в одно кресло сложно, да и Джелф перед полетом хотел переустановить что-то из коммуникационной системы. Они не говорили об этом, но Ори всей душой надеялась, что побег удастся.

На что же будет похожа жизнь человека, воспитанного Племенем ситхов, в Галактике, принадлежащей джедаям? Как сам Джелф чувствовал себя на Кеше? Ори задумалась. Для ситхов эмпатия была лишь инструментом, позволяющим лучше узнать врага; никакой иной практической пользы они в ней не видели. Но взгляд Ори на многие вещи уже начинал меняться.

Например, Чандра. Ори и раньше хотела помочь матери по множеству причин. Но все они так или иначе проистекали из гордости, желания отомстить и стыда за унижение. Но сейчас ей хотелось вызволить мать из лап Венн просто для того, чтобы облегчить Чандре нынешнее тяжелое существование. И Джадин Бадолфа заверил ее, что четверо высших повелителей вполне способны исправить ситуацию. Конечно, их помощь потребует оплаты. Но звездолет, разумеется, они не получат. Джелф предложил отдать повелителям четыре бластера, спрятанные на ферме; она может соврать, что случайно нашла их в заброшенной могиле. Ресурс бывшего на «Знамении» оружия уже давно исчерпан. Политические игры ситхи вели с позиции силы, и четыре вполне исправных бластера могли стать серьезным аргументом.

— Мы не опоздаем? — спросил Джелф. Уваку его странные всадники не нравились, и ящер всю дорогу сопротивлялся им как мог. — Что это там?

Ори взглянула в указанную Джелфом сторону и увидела летящий высоко над ними клин: ведущий увак — впереди, а позади, по обе стороны от него, еще три ящера.

— Пропади оно все пропадом! — Ори сообразила, что всадники удачно попали в один из стремительных воздушных потоков. — Они точно доберутся первыми!

— Успокойся. — Джелф прижал ее к себе. — Но подгони увака.

Перед приземлением Джелф спрыгнул в укромной лощине, не заметной с фермы. Ори видела, как легко он приземлился в грязь, тут же откатившись под укрытие пышной растительности. Она удивилась — он двигался так же быстро и ловко, как и хорошо тренированный мечник. И прятался не хуже. Всадники, уже приземлившиеся за фермой, точно не обратили на него внимания.

Глубоко вздохнув, Ори спешилась. Мешок с бластерами оказался там, где и говорил Джелф: под корытом для навоза. Бластеры были похожи на те, что она видела когда-то в музее. Ори очень надеялась, что этих железок будет достаточно, чтобы выкупить свободу матери. И чтобы гости, получив желаемое, отправились восвояси.

Ори старалась дышать размеренно, прокручивая в голове предстоящий разговор. Она прошла мимо разрушенных шпалер, обогнула дом. Девушка знала, чего ожидать от высших повелителей. Ощущение присутствия ситхов в Силе было давно знакомо. Ори громко проговорила:

— Господа, у меня есть то, что вы ищете…

— О да! Я в этом уверена.

Ори посерела, услышав хрипло каркающий голос. *Верховный повелитель!*

Бледная морщинистая старуха Лиллия Венн появилась из-за угла сарая. Она с трудом подняла покрытую старческими коричневыми пятнами руку, но хватка направляемой ею Силы была достаточно крепка, чтобы полностью обездвижить Ори. Следом вынырнули четверо ее стражей и тут же сцапали девушку. Верховный повелитель ситхов обернулась и позвала:

— Повелители Лузо!

У Ори подкосились ноги, когда Флен и Содж Лузо распахнули двери сарая. Холодно блеснула внутри металлическая туша «Аурека». Бадолфа рассказал ей, что Лузо получили за верность титулы высших повелителей. Теперь алчные братья вернулись на ферму и притащили с собой злейшего врага Ори.

— Как вы узнали? — Ори дернулась в бесплодной попытке вырваться. — Меня предал Бадолфа?

— О нет! Бадолфа благополучно передал твое сообщение. — Визгливо-скрипучий голос Соджа Лузо был полон восторга. — А твоя мать заключила еще одну сделку.

— Что?!

— Да, — подтвердила Венн. — Чандра решила, что ты все выдумала. И что высшие повелители придут к такому же выводу и предпринимать ничего не станут. Она нашла необходимым рассказать обо всем нам. Весьма разумно с ее стороны.

Ори с ужасом смотрела на Венн:

— В обмен на что?

Венн облизнула свои сморщенные сухие губы:

— Ну, это можно назвать… улучшением условий труда. Появись здесь кто-нибудь из высших повелителей, я обвинила бы их в измене. Но, — она махнула рукой в сторону корабля, — этот приз намного лучше.

Ори вновь дернулась в руках стражей, одновременно стараясь осмотреться.

Джелф где-то здесь, но противников слишком много.

Старший Лузо тем временем помог верховному повелителю пробраться к кораблю сквозь наспех расчищенные завалы навоза.

— Я сделала это! — триумфально заявила Венн. — Я дожила до этого дня. — Она, оттолкнув руку Лузо, коснулась корабля. — Жизнь любит жестоко подшутить, повелитель Лузо. Ты тратишь лучшие годы, борясь за власть, наконец достигаешь вершины, но к тому времени все вокруг уже считают, что ты одной ногой в могиле.

— Но не мы, верховный повелитель.

— Заткнись! — Венн погладила холодный металл. — Жизнь Лиллии Венн еще не окончена. Есть еще впереди непокоренные вершины. И я вновь начну восхождение там, на звездах. — Услышав движение своих слуг позади, она небрежно добавила: — Вас всех, конечно, я возьму с собой.

— Да, верховный повелитель.

Двое охранников — один из этих мечников был когдато соратником Ори — отошли к сараю, заинтересовавшись происходящим внутри. А парочка, оставшаяся с девушкой снаружи, не заметила, как небрежно брошенный позади них мешок тихонько приподнялся и поплыл к густым кустам, росшим позади дома. Но Ори заметила и стала двигаться, еще не услышав мысленного окрика Джелфа: *«Ори! Ложись!»*

Ори бросилась на землю, немало удивив этим охранников: они ожидали, что она попытается вырваться и убежать. Джелф не заставил себя ждать — светящиеся лучи, не виденные на Кеше с первого века оккупации, ударили стражей в спину. Оставшиеся мечники развернулись, еще не сообразив, что происходит.

Старуха Венн внутри сарая всполошилась.

— Охраняйте сарай! — бросила она свежеиспеченным

высшим повелителям, сверкнув глазами.

Джелф снова открыл стрельбу. Никогда не сталкивавшиеся с бластерами мечники беспорядочно метались по двору, уклоняясь от смертоносных лучей. Ори ползала по земле, пытаясь отыскать какой-нибудь меч. Краем глаза она увидела перекрывших вход в сарай Лузо, позади них — Венн, каким-то чудом вскарабкавшуюся на истребитель.

А буквально спустя мгновение Венн оказалась внутри корабля.

Внутри.

Ори огляделась, ища Джелфа, но он уже был рядом. И тоже увидел Венн. На секунду он замер, прекратив стрельбу. Старуха наконец забралась в свой драгоценный звездолет. Джелф схватил Ори за руку, помогая ей подняться.

Вновь открыв огонь, он потащил девушку прочь:

— Идем, Ори!

Ори уперлась, оглянулась на сарай. Она ничего не понимала:

— Джелф, что ты делаешь? Там верховный повелитель!

Вместо ответа Джелф толкнул ее к реке.

А в сарае старуха запустила двигатели. Чуть дребезжащий голос наполнил кабину: «Автоматическая навигационная система активирована. Включен режим наведения». Глаза Венн расширились — корабль стал подниматься.

Снаружи братья Лузо приказали оставшимся в живых мечникам охранять вход от Ори и ее неизвестного соратника, а задние двери сарая перекрыл увак, широко раскинувший крылья; ничто не могло помешать взлету парящего истребителя.

— Такая мощь! — восхитился Содж Лузо, наблюдая за поднимающимся металлическим монстром. — Даже якоря не обязательно отцеплять — все равно не удержат.

— Якоря? — Флен заглянул под корабль.

К посадочным стойкам тянулись два тонких шнура из моноволокна, едва различимые в ярком свете. Шнуры натянулись, и взгляды желтых глаз молодых повелителей опустились к куче навоза, укрывавшей противоположные концы шнуров.

Щелчки спрятанных в земле крошечных штифтов возвестили о крушении всех надежд темного повелителя.

Джелф сконструировал защиту перед тем, как принести из джунглей самую первую деталь своего истребителя. Под закопанным в навоз «Ауреком» нашлось место для двух протонных торпед, окруженных килограммами взрывчатки на основе аммиачной селитры. Преобразование удобрений в достойную противоугонную систему потребовало большого терпения и внимательности, но для Джелфа это стало

возможностью сделать хоть что-то полезное в рамках своей давно номинальной миссии.

Защита сработала отлично. Шнуры дернулись вверх, активировав спусковой механизм в торпедных боеголовках. Взорвавшись, торпеды воспламенили окружающую взрывчатку.

С оглушающим грохотом ферма превратилась в громадный огненный шар, словно выросший прямо из глинистой почвы. Огонь меньше чем за секунду поглотил стойло и всех, кто в нем находился. Обхвативший Ори Джелф нырнул в воду за мгновение до того, как ударная волна обрушилась на речной берег.

На волне пламени и энергии взрыва истребитель рванул вверх, сквозь разваливающуюся крышу. Несколько секунд старуха в корабле ликовала, чувствуя, что взлетает, и решив, что взрыв — это демонстрация мощи звездолета. Но торжество ее длилось недолго: вышли из строя корабельные щиты и четыре оставшиеся торпеды разорвались прямо в своих гнездах. Даже в Таве ночные рабочие увидели новую комету. Она ярко вспыхнула, омыв небеса жутковатым светом, и тут же угасла.

Лиллия Венн все же нашла свой путь в небеса.

4

Маленькая хижина постепенно приобретала форму. Она угнездилась под плотным пологом листвы, куда не проникнуть взгляду ни одного воздушного стража, на вершине небольшого сухого островка в самом сердце непроходимой чащи. Здесь, в джунглях, поросль хеджарбо была выше и толще; без светового меча Джелфа Ори ни за что не смогла бы очистить даже этот маленький участок.

Взрыв уничтожил ферму восемь недель назад. Джелф с Ори спустились туда из джунглей лишь однажды, под покровом ночи, — осмотреть то, что осталось. Но осматривать было нечего. Весь берег обвалился в Марисоту. В воронке от взрыва бурлила темная вода. Все, что осталось, — обрывающаяся у реки дорожка, уже заросшая сорняками. Они вернулись в джунгли в полной уверенности, что никто и никогда не узнает о том, что на Кеше был «Аурек». Ори тогда рассмеялась впервые за последние дни, цитируя свою мать.

Бесстрашие безысходности.

После той вылазки они полностью сконцентрировались на обустройстве своего убежища. Ори знала, что не вернется. Не только из-за предательства матери. Смерть Венн, конечно же, отозвалась в Силе — и высшие повелители наверняка уже затеяли новую свару. Игра началась вновь, и, возможно, Чандра принимает в ней участие. Но Ори не хотела иметь к этому никакого отношения. Все это осталось в прошлом.

Никто, видимо, не скорбел по Лиллии Венн. Так или иначе, Ори с Джелфом не искали. К тому же, как заметили они оба, в окрестностях поубавилось народу — как ситхов, так и кешири. Вероятно, из-за таинственного исчезновения верховного повелителя именно в тех местах, что считались проклятыми со времен трагедии на озерах Рагноса.

Ори этому только радовалась. Она многое переосмыслила теперь — даже старые истории, знакомые с детства. Одна из кеширских легенд рассказывала о том, что вскоре после воцарения на Кеше ситхов часть аборигенов бежала за океан. Они предпочли путь без возврата и наверняка смерть служению Племени ситхов. Современные кешири, более преданные своим хозяевам, считали эту историю поучительной — выбор судьбы был роскошью, позволительной только Защитникам, но не их слугам. Цена подобной самонадеянности для раба — полное одиночество.

Но Ори считала иначе. Если легенда правдива, тот, кто повел

рабов за собой, может считаться величайшим из всех кешири. Их обрекли на незавидную участь, но они бросили судьбе вызов. Джелф был прав. Выиграть можно и не взбираясь на вершину изменчивой власти — только чтобы получить удар шиккара или яд от лживого союзника. Была ли счастлива Венн, приговоренная к смерти уже в момент своего триумфа? Получается, что ситхи Племени связаны судьбой так же, как и рабы-кешири. И они считают себя умнее?

Ори взглянула на исчезающее за деревьями солнце. Она рубила небольшие ветки хеджарбо для внутренней стороны двери. Казалось странным держать в руках джедайское оружие. Все световые мечи на Кеше были алыми. Но у первых ситхов, тех, что потерпели крушение, хранились трофейные джедайские мечи. Ори видела один, зеленый, в музее Корсина. Цвет светового меча Джелфа был необычным, но очень красивым — искрящийся синий. В природе такого не встретишь. Это единственная вещь инопланетного происхождения, которая осталась у Джелфа.

«Нет, не только», — подумала Ори, деактивируя оружие.

И она точно знала, где он сейчас. Джелф, как обычно, встал на рассвете, чтобы поймать что-нибудь на завтрак и собрать фрукты. Таких условий для садоводства и огородничества, как в долинах, джунгли предложить не могли. Но здесь было полно других возможностей найти пропитание. Ори сомневалась, что заметит в этих широтах наступление зимы. В последние дни Джелф занимался строительством хижины, а в сумерках дежурил у небольшого устройства — эту часть своего звездолета он так и не принес на ферму. И сейчас Ори шла именно туда, на полянку среди деревьев, где Джелф часами просиживал на пне, уставившись на темный металлический корпус или возясь с его оснащением.

Он ничего от нее не скрывал, хотя для ситхов передатчик — так называл прибор Джелф — стал бы не менее значимой находкой, чем истребитель. Джелф хранил его, надеясь, что передатчик поможет ему выбраться с планеты. Отправить сообщение он не мог, этому мешали магнитные поля Кеша. Но поля могут и измениться — правда, для перемен, вполне возможно, потребуются столетия. Ори тогда поинтересовалась, какие же магнитные поля помешали столетия назад потерпевшим крушение ситхам. Все, чего Джелф смог добиться от устройства, — сканирование эфира и запись пойманных сигналов. Если кто-нибудь окажется достаточно близко, то, возможно, Джелф сможет отправить им сообщение. Теперь Ори знала, зачем он отправлялся вверх по реке: чтобы прослушать записи, которые сделал прибор.

Обычно Джелф слышал лишь атмосферные помехи. Но что бы он ни услышал сейчас, это повергло его в ужас.

— Я не смогу вернуться, — произнес он, безучастно уставившись на передатчик.

Ори перевела растерянный взгляд на подмигивающий цветными огоньками прибор:

— Что случилось?

— Мне удалось поймать сигнал. Какие-то секунды, но я смог различить слова. Джедаи воюют друг с другом.

— Что?

— Реван. Джедай по имени Реван, — ответил Джелф. — Когда я еще жил там, он, как и мы, пытался сплотить джедаев против нашего общего врага. — Джелф с трудом сглотнул — во рту пересохло. — Судя по всему, что-то пошло не так. Орден джедаев распался. И они воюют друг с другом.

Джелф включил запись. Она содержала фрагмент речи республиканского адмирала. Адмирал говорил, что джедаям теперь доверять нельзя. Старый договор между Орденом и Республикой был расторгнут. Шла война.

Запись резко оборвалась.

Джелф, еще не отошедший от потрясения, выключил передатчик:

— Это… это наша вина. Завет.

— Та секта джедаев, в которой ты состоял?

— Да. — Джелф запрокинул голову, пытаясь рассмотреть звезды сквозь полог густой листвы. — Вот в чем ошибка. Никаких сект не должно было быть. Сейчас Орден окончательно раскололся, но губительный процесс начали мы. — Он покачал головой. — Да поможет им Сила. — И замолчал, уставившись в никуда.

Ори не стала ему мешать. Пока она оплакивала утрату своего маленького мирка, Джелф жил, лишившись целой Галактики. И сейчас он терял ее снова.

Наконец Джелф, поднявшись, заговорил:

— Я не знаю, что делать, Ори. Мы сделали все, чтобы Племя не выбралось с Кеша. Но я надеялся связаться с внешним миром с помощью передатчика. Связаться для того, — он обернулся, — чтобы нас забрали отсюда.

— И чтобы рассказать о моем народе, — добавила Ори.

Джелф отвернулся. Смысла врать не было.

— Да.

Ори легко коснулась его плеча.

— Теперь это бессмысленно. — Джелф наклонился и поднял камень — хорошая форма, подойдет для ограды. — Если Орден

окончательно раскололся или, что еще хуже, если Реван перешел на темную сторону, добавлять к уже имеющимся проблемам планету, полную ситхов, — худшее, что я могу сделать.

— Но ты ничего толком не знаешь. Ты можешь и ошибаться. Возможно, джедаи еще вполне способны справиться с Кешем.

— Да, я могу ошибаться. — Джелф мысленно усмехнулся. — Знаешь, я впервые такое говорю. Может, я и на Кеш не попал бы, повторяй я это почаще. — Он бросил камень в ручей и снова сел. — Я всегда точно знал, что делать. Но сейчас… не знаю.

Ори внимательно смотрела на него. Она знала этот его взгляд. Видела раньше. С таким выражением лица Джелф обычно возился со своим навозом. Эта работа была неприятной, но необходимой — чтобы цвел сад и клиенты были довольны. Он просто делал то, что должен был делать. Выполнял свой долг.

Долг.

Ситхи понимали его иначе. Будучи Мечником, Ори тоже выполняла порученные ей миссии. Но воспринимала их как личный вызов ее силе, а не подчинение высшей власти. Мир не имел никакого права давать ей неподобающую работу. У свободных людей была служба. А вот *рабы* выполняли свой долг.

Сейчас Джелф страдал оттого, что не знал, как исполнить этот самый долг. Но что еще он должен Галактике, уже изгнавшей его?

— Может, стоит поискать ответ в философии ситхов?

— Что?

— Нас научили быть эгоистами. Для нас не существует понятий *мы, они*. Есть только *я* — и все остальные. Вот и все. — Ори подошла к Джелфу сзади, обняла его, вглядываясь в тихо булькающий поток, питающий своей темной водой Марисоту. — Меня изгнали ситхи. Тебя — джедаи. Заслуживает ли кто-то из них помощи?

— Получается, надо защищать только одну сторону? — спросил Джелф, разворачиваясь. — Нашу?

Ори улыбнулась. Она оказалась права — Джелф далеко не раб.

— Дай нам шанс, джедай. Если я смогла сделать что-то бескорыстно, может, настало время для тебя сделать что-то из эгоизма.

Джелф долго смотрел на нее. Глаза его заблестели. Не говоря ни слова, он поднялся, разорвав объятия, и подошел к передатчику. Подняв прибор, он усмехнулся:

— Шанс для *нас*?

Ори смотрела на Джелфа, на мигающий передатчик, который он прижимал к груди. Она не сразу сообразила, что Джелф

собирается делать. Потом вздохнула, шагнула к нему и помогла донести прибор до ручья. Раскачав металлический короб, они с размаху бросили его в воду. Бурный перекат чуть ниже по течению с грохотом раздробил сложное устройство на мелкие кусочки. С полминуты они провожали взглядами подпрыгивающие в воде осколки корпуса. А потом вернулись к своей хижине.

Последняя нить оборвана.

Теперь можно просто жить.

Пантеон

1

3000 лет до Битвы при Явине.

Как гласит старая поговорка, время подобно жестокой ситхской любовнице. Ты будешь любить ее беззаветно, но она все равно бросит тебя, оставив глубокую, смертельную рану.

Варнер Хилтс вглядывался в зеркальную гладь резервуара, рассматривая очередную метку времени, его постоянного и единственного спутника. Нет, списать это безобразие на плохое освещение или мутную воду, увы, не получится. Все по-настоящему — от уголка левого глаза к виску прорезалась новая морщинка. Он повернул голову и, тщательно осмотрев другую половину лица, зашипел от досады. Раз такое дело, то отчего бы и справа не появиться такой же морщинке? Но нет, время не заботит элементарная эстетика симметрии.

Хилтс уверенно приближался к тому, чтобы стать абсолютно бесполезным элементом мироздания — самым старым ситхом Кеша. В этом и состояла главная ирония жизни Племени. Долго жить можно, лишь не имея врагов, но врагов не будет только у человека незначительного.

Благодаря своему исключительному положению Хилтсу удалось прожить не одно десятилетие среди хаоса войн и мятежей — но для чего? Чтобы еще лет тридцать проходить по дороге на работу мимо одного и того же резервуара, наблюдая за тем, как медленно убывает вода?

«Но ведь традиции важны», — подумал Хилтс. Склонившись к своему отражению, он прищурился, поднес руку к лицу и медленно провел пальцем по новой морщинке…

ХР-РЯСЬ!

Раздался треск древнего камня. Вздрогнув, Хилтс задрал голову. Сверху падала, легко расколов высокие опоры, одна из провисших секций подвесного водопровода Тава.

— Хранитель!

Хилтс еще толком не выпрямился, когда из узкой аллеи появилось размытое лиловое пятно. Кешири бросился вперед и, врезавшись головой Хилтсу в живот, откинул мужчину назад. На то место, где только что стоял на коленях Хилтс, обрушились гигантские плиты старой каменной кладки, раздробив край резервуара.

Защищая себя и своего спасителя от обломков, распластавшийся на мостовой Хилтс потянулся к Силе. Только поток солоноватой воды, исторгнутый разрушенным шлюзом,

ничто не смогло остановить. Кешири, как мог, прикрывал собой Хилтса, пока не иссякла лавина воды и камней.

Хилтс, откашлявшись, разглядел наконец своего спасителя.

— Пытаешься выслужиться перед начальством, Джей? — Он поднялся, вытряхивая грязную воду из тонких серебристых волос.

— Я… Простите, что толкнул вас, господин Хилтс, — забормотал кешири. — Я тут шел…

— Успокойся! — Приказ был бесполезен, пусть Джей официально и подчинялся Хилтсу. Успокоиться сейчас круглолицему аборигену было не легче, чем Хилтсу стать верховным повелителем. — Обычное утро для «Короны Кеша».

— Все дело в соединении, — сказал Джей, очищая плащ начальника. Тревожный взгляд черных глаз обратился к изломанным линиям новоявленных столичных развалин. — Предзнаменование, о котором я вам говорил!

— Говорил, говорил.

Около рухнувшего акведука стали собираться люди. И вину за аварию, судя по всему, пока возлагали на общее запустение города. Хилтс потянул слугу за рукав:

— Пойдем-ка в контору, пока они не решили, что это мы, выбиваясь из сил, сломали водопровод!

В былые времена ситхи Кеша терпеливо ждали своего часа, исправно служа более сильным соплеменникам, чтобы однажды заявить свое право на власть. В ту простую эпоху структура власти Яру Корсина — высшие повелители, просто повелители и мечники — для большинства была удобным средством достижения цели. Иерархия сохранялась, пока была выгодна людям, имеющим власть и силу для ее защиты. Племя процветало даже спустя тысячелетие после смерти своего основателя.

Но вот второе тысячелетие началось с большой беды. Более девяти столетий назад — в ночь, прозванную поэтичными кешири Ночью взмывающего метеора, — исчезла верховный повелитель Лиллия Венн. Взмывающий метеор, разумеется, предвещал гибель потомкам тех, кто прилетел в этот мир на «Знамении». Едва Венн сошла со сцены, соперники бывшего верховного повелителя расправились с ее сторонниками. И тут же принялись друг за друга.

Проигравшие бежали из столицы и обосновались на периферии, подмяв под себя бесправных людей-рабов. И все чаще войска ситхов насильно пополнялись миролюбивыми по натуре кешири. Несколько веков спустя все эти маленькие разрозненные князьки объединились, захватили Тав, убили правящего верховного повелителя и с ходу развязали междоусобную войну.

Повстанцы раскололись на два, а вскоре и на двадцать противоборствующих лагерей. Власть отравляла любого в Племени, кто хоть как-то оказывался к ней причастен.

С четверть века назад Хилтс придумал красочное название для текущей эпохи. Особой фантазии от него не потребовалось: все вокруг так и кричало об этом — Век разложения. Некогда роскошные улицы Тава, претерпев не одну успешную осаду, обветшали. Высокие акведуки без присмотра засорились, резервуары переполнились, и утреннее происшествие не было чем-то исключительным. Далеко на юге разъярился пик Сессал: никогда на памяти кешири вулкан так не бушевал; его грохот был столь силен, что рухнула одна из внешних стен большой арены в Корсинате. Казалось, сама планета желает вышвырнуть пришельцев прочь.

Но угнездившейся в углу полуразрушенного мраморного дворца вотчины хранителя всеобщее запустение не коснулось. Она так и осталась нетронутой среди бесконечных битв верховных повелителей и их соперников.

Отнюдь не оттого, что ситхам был знаком священный страх. Заведение, которое находилось сейчас на попечении Варнера Хилтса, всегда стояло особняком, не принадлежа ни одной из структур власти. Основано оно было еще во времена правления Ниды Корсин. Здесь велся точный отсчет времени и находился исторический архив. А должность Хилтса была фактически пожизненной — не в последнюю очередь потому, что мало кто проявлял к ней интерес. Должность хранителя была малопривлекательной; к ней прилагались лишь небольшая комната и горстка работников-кешири — тех, кто не сгодился ни для одной армии. И уж конечно, уцелел он не потому, что в нем хоть кто-то нуждался. Хилтс был блестящим историком, но, как объяснили ему давным-давно, с его умением обращаться со световым мечом не стоит бояться предательств. Никто просто не рискнет даже встать рядом с ним, опасаясь оказаться случайно подстреленным насмерть.

Хилтс, миновав вестибюль, зашел в счетный зал и, как всегда, услышал бодрое перестукивание, приветствовавшее его добрую половину жизни. Кешири, одетые в коричневые туники, сидели на полу полукругом и щелкали на ручных счетах, сделанных из ракушек и молодых веточек хеджарбо. Хилтс, скинув мокрый плащ, стремительно пересек зал. Чем там занимались кешири, его не интересовало. Задания сотрудникам давал Джей. По большей части они занимались точным расчетом дат вкупе со всякой мелочью, которую Хилтс наскребал в архиве. Вычисления кешири отличались удивительной точностью. Когда «Знамение» врезалось

в Кеш, туземцы толком не знали даже основ математики, но они принялись постигать эту науку с усердием, присущим кешири почти во всем. Прихватив с собой счеты одного из своих коллег, Джей поспешил за Хилтсом в залитый утренним светом атриум. Много столетий назад именно здесь первый верховный повелитель Яру Корсин наблюдал за дуэлью своего племянника, уже тогда зная — как подозревал Хилтс — о предательстве Джериада. Сейчас бóльшую часть помещения занимали Песочные Трубки. Под присмотром молчаливых и старательных кеширских девушек в бежевых платьях возвышались, поблескивая стеклянными боками, ряды наполненных песком виалов — здесь хранилось все время Племени. «Будто время и вправду можно засунуть в бутылку и закупорить», — рассеянно подумал Хилтс, почесав щеку.

— Я хочу видеть свое отражение в тех Трубках, — распорядился он. — Не мне вам напоминать, какой важный приближается день.

Напоминать Хилтсу не пришлось. Работницы с еще большим усердием принялись натирать до блеска огромную конструкцию, старательно и очень осторожно, чтобы не нарушить сложный процесс ее функционирования. Впервые в их юной жизни они готовились встречать здесь гостей. Дворец пустовал уже шесть столетий — ни верховных повелителей, ни самозванцев; архитекторы Корсина построили прекрасное величественное здание, а не крепость. И дворец видел посетителей лишь в День Завета.

Каждые двадцать пять лет, в день смерти Корсина, зачитывалось его последнее завещание. Полвека назад маленького Хилтса во дворец не пустили, но сама идея о том, что можно услышать прошлое, захватила его воображение. Годы учебы и труда не прошли даром: Хилтс обрел уверенность в том, что, когда наступит следующий День Завета, именно он будет проводить церемонию.

И вот этот день, подобно комете, приближался вновь. Дворец, правда, представлял собой жалкое зрелище, и Хилтс, при всем своем желании, не мог это исправить. Трещины в закопченных потолочных окнах совсем не радовали глаз.

А вот Джея это ничуть не беспокоило. У Джея были другие заботы.

— Все подтвердилось, хранитель! — высоким голосом произнес помощник, потрясая счетами. — Мои расчеты по Песочным Трубкам…

— Они не важны сейчас, — перебил его Хилтс. — Разве что ты вооружишься тряпкой и внесешь свою лепту в их чистку. — На

самом деле Хилтс был очень благодарен кеширским девушкам: хоть что-то здесь будет выглядеть достойно. — У нас осталось двенадцать дней. И мы должны быть готовы.

Его помощник закусил губу:

— Можно ли к такому подготовиться? Это… это волшебное событие. Даже больше — *священное*.

Хилтс закатил глаза. Джей не просто обожал свои числа, он еще и боялся их. Но грядущий день действительно был самым важным событием для Племени. Конечно, День Завета — не единственный праздник ситхов, а Яру Корсин — не единственный Корсин в их истории. Его дочь Нида после смерти отца правила рекордно долгое время — семьдесят девять лет. И ее вступление на трон отмечалось праздником, проходившим в столице каждые семьдесят девять лет и длившимся целый месяц. Даже Хилтс был недостаточно стар, чтобы помнить последний.

— Разве вы сами не видите, хранитель? — Джей вновь застучал ракушками. — Прошло тысяча девятьсот семьдесят пять лет с того дня, как ушел из жизни верховный повелитель Корсин, а Нида взошла на трон — и это двадцать пять раз по семьдесят девять лет! Впервые День Завета и Восшествие Ниды будут отмечаться в один год! — Он опустил взгляд и понизил голос до шепота: — Впервые. Такого никогда раньше не было.

— Никогда! — Хилтс с напускной серьезностью сжал плечи своего собеседника и встряхнул его. Джей уронил счеты на каменный пол. — Так вот ты о чем! Ведь можно здорово сэкономить на вине! — Хилтс отпустил помощника и легонько хлопнул его по щеке. — Никаких знамений нам не нужно, Джей. Если ты помнишь, одно — там, в горах, — у нас уже есть. Вот только попасть туда невозможно.

Хилтс направился в свой кабинет, а Джей рассеянно уставился на упавшие счеты:

— Но, хранитель…

— Не принимай все это близко к сердцу, Джей.

— Но как насчет моих вычислений по Песочным Трубкам?

— Даже не начинай!

Хилтс уже вошел в кабинет и с радостным облегчением посмотрел на кресло. Да, вот и ответ. После всех утренних волнений просто необходимо посидеть в тишине и выпить чего-нибудь…

Снаружи послышался голос. Хилтс со стуком опустил стакан на столешницу и возмущенно прикрикнул через плечо:

— Джей, успокойся уже!

Ответил ему хрипловатый женский голос:

— Забавно, я его попросила о том же.

Хилтс обернулся и увидел женщину лет тридцати, одетую во все черное. Алое сверкающее лезвие ее светового меча почти касалось шеи Джея. А взгляд золотистых глаз был злым и тяжелым.

— Надо поговорить, хранитель, и желательно без помех. Ненавижу, когда меня перебивают.

Она свысока посмотрела на Хилтса — при росте не менее двух метров ей это труда не составило. Аккуратно уложенные медно-рыжие волосы, чистая кожа, здоровый румянец. Хилтс решил, что, живи она сотни лет назад, легко бы прошла знаменитые «инспекции» Сиелы. В этом-то все и дело.

Хилтс последовал за незваной гостьей обратно в атриум. Там с полдюжины вооруженных незнакомок в одинаковых черных одеждах — все как на подбор превосходные образцы человеческой расы — согнали его работников в кучку. Их рыжеволосая предводительница заговорила вновь:

— Разумеется, ты знаешь, кто я.

— Только по слухам. — Во рту пересохло, отпить из стакана он так и не успел. — Я редко покидаю это место.

— Вижу. — Она принужденно улыбнулась и деактивировала меч. — Илиана Мерко. И мои единомышленницы — «Сестры Сиелы».

— Не знал, что у Сиелы Корсин были сестры. — Хилтс кивнул на красавиц, окруживших его кешири.

— Сестры по духу. — Илиана уверенно шагнула вперед, счеты Джея хрустнули под ее сапогами.

Сам математик был сейчас вместе с собратьями ничком на полу, но в относительной безопасности. Каблуки Илианы громко стучали по мрамору, пока она обходила атриум, осматривая стеклянные статуи. Все изваяния изображали Яру и Ниду Корсин. Илиане это явно не понравилось.

— К сожалению, — произнес Хилтс, — все изображения Сиелы были убраны после… после одного давнего случая.

Он полагал, что Илиане известно о провальном заговоре Сиелы и Джериада против Яру Корсина. Для Илианы и ее соратниц это, должно быть, животрепещущая тема — словно все случилось вчера.

— Боюсь, ни одного осколка Сиелы не сохранилось.

— Неудивительно. Наша госпожа заслужила куда больше уважения. Знаешь, это она основала Племя. Она, а не эти предатели. — Илиана со злостью взглянула на изваяние Яру Корсина. И ее гнев сменился замешательством. — Он действительно так выглядел?

— В те времена кеширским скульпторам еще плохо удавались

человеческие лица, особенно глаза. — Хилтс осторожно приблизился к ней.

Женщина явно никуда не торопилась, и он счел это хорошим знаком. С другой стороны, куда ей спешить? Кто может прийти *сюда*?

— Ты знаешь, зачем мы здесь. — Илиана повернулась к нему.

— Чтение Завета состоится через двенадцать дней. Так почему вы здесь сейчас?

Она стремительно шагнула к хранителю:

— Надо поговорить о Завете Корсина. До того, как появятся остальные.

Хилтс не смог удержать смешок:

— Но вы же знаете, о чем говорится в Завете. Все знают. Его озвучивали столько раз…

Илиана подалась вперед, блеснул меч, и кончик лезвия замер в миллиметре от седой бороды хранителя.

— Разумеется, мы знаем! Но не в этом дело. Этот День Завета, это чтение — как тебе угодно — станет своеобразным *советом*.

Хилтс прищурился:

— Перемирие Пантеона.

— Именно.

Смысл Хилтс уловил. Столетиями День Завета был единственным днем, когда все более или менее значимые вожди Племени мирно собирались под одной крышей — в атриуме дворца, — чтобы услышать последние слова первого верховного повелителя. Даже после раскола у ситхов осталось достаточно уважения к великим властителям прошлого, чтобы собрать вместе, пусть и ненадолго, предводителей воюющих армий. И никто ни разу не осмелился использовать чтение Завета как ловушку для врагов; многие почитали Корсина чуть ли не волшебником, способным даже из могилы влиять на мир живых. Ведь предки их пришли со звезд.

— Здесь соберутся все мои враги. — Илиана все еще держала оружие наготове. — Они желают найти в Завете оправдание своим стремлениям, они жаждут одобрения мертвеца. — Она оглянулась и презрительно усмехнулась безмолвному изваянию. — Но мы же знаем, что это — скучный древний монолог, в котором он благодарит своих сторонников за помощь в уничтожении Сиелы.

Хилтс сглотнул. Да уж, Илиане и ее «Сестрам» вряд ли понравится предсмертная речь Корсина. Сиела упоминалась там только один раз — в одном предложении со словом «изгнание». Другие, возможно, и найдут в словах Корсина подтверждение

своих притязаний на верховную власть, но только не «Сестры».

— Вот почему, старик, я хочу, чтобы ты изменил Завет. — Илиана подошла еще ближе и посмотрела на хранителя сверху вниз. Она улыбалась. — Измени его. В нашу пользу.

Он пару секунд вглядывался в нее:

— А ты серьезно настроена.

— Смертельно серьезно. — Женщина отступила, стремительно развернувшись и деактивировав меч. — Я знаю о тебе, Уилтс…

— Хилтс.

— …ты и эти твои кешири раскапываете здесь всякую бесполезную чушь. Но, — она обернулась, — вы вполне можете найти *настоящий* Завет, из которого явствует, что истинные наследники власти на Кеше — Сиела и ее сторонники.

Одна из «Сестер» сунула Хилтсу свиток. Хранитель развернул пергамент, и глаза его широко распахнулись в изумлении.

— Думаешь, это сработает?

— Сработает, — отрезала Илиана. — Остальные жутко суеверны — им все равно, какому именно герою прошлого поклоняться. Они благоговеют перед всеми нашими предками, теми, что рождены в небесах. Это их право. Но они не уважают того, кого до́лжно. — Она указала на пергамент в руках Хилтса. — Однако все изменится, когда ты прочитаешь *это* вместо Завета Корсина. Эти тупицы поверят — и подчинятся мне. Этого будет вполне достаточно.

Хилтс медленно выдохнул, едва сдерживая смех. Он взглянул на Илиану — сколько энергии и таланта! И все впустую. «Конечно, она не знает, — подумал хранитель. — Она слишком молода».

Илиана пристально уставилась на него:

— Что?

— Мне жаль. — Хилтс свернул пергамент. — Я восхищен твоим планом, Илиана Мерко. Но есть причины, почему никто и никогда не делал ничего подобного. Ты не можешь знать о них, если не присутствовала на чтении Завета лично или тебе не рассказал кто-то, кто был на чтении.

— О чем, будь ты неладен, ты говоришь?

Медленно, чтобы никого не нервировать, Хилтс обошел Песочные Трубки справа и приблизился к закрытому сверху постаменту:

— Понимаешь, я не читаю Завет Корсина. Это не входит в обязанности хранителя.

Илиана недоуменно смотрела на Хилтса, вернувшегося со свертком роскошной ткани в руках:

— Тогда кто его читает?

— Яру Корсин. — Хилтс откинул ткань и продемонстрировал небольшой, пирамидальной формы предмет. Настоящий прибор — в городе, где практически не осталось никаких механизмов…

2

— Это… поразительно.

— Это плохо, хранитель.

— Я говорю не о том, хорошо это или плохо, — пояснил Хилтс своему помощнику. — Но так или иначе, это поразительно.

Хилтс и Джей смотрели с балкона дворца на город, освещенный первыми лучами солнца. Они никогда не видели столицу столь оживленной. Волнующаяся толпа людей и кешири занимала все пространство, что некогда называлось Кругом Вечности. То тут, то там вырастали заграждения от вулканических дождей.

Люди стали собираться на следующий день после того, как Илиана и ее отряд появились во дворце. Все хотели занять местечко получше в преддверии торжеств в честь Восшествия Ниды. Никто из простых смертных не будет допущен на церемонию чтения Завета, но для собравшихся это не имело большого значения.

— Этой планете нужен праздник, — заметил Хилтс.

— Ей нужен вождь, — возразил Джей. Взгляд его темных глаз обратился к Хилтсу. — Я услышал эти слова от Илианы. Люди хотят найти в словах верховного повелителя какие-то указания.

— По крайней мере, — фыркнул Хилтс, — это будут именно его слова. — Он бросил короткий взгляд в сторону дворца. Там Илиана и ее «Сестры» завороженно разглядывали богато украшенную пирамидку. — Разобраться в его работе они не смогут. Это сложно.

Что правда, то правда. Хилтс помнил, как и сам с трудом сумел заставить аппарат работать в предыдущий День Завета, четверть века назад. Его предшественник оставил заметки, в которых говорилось, что пирамидка — это записывающее устройство. Там же раскрывался древний секрет его активации, но Хилтс смог включить аппарат только с четвертого раза. Он немного сомневался в исправности устройства. Проиграется ли запись в этом году?

Не имеет значения. Лично он неплохо играл последние четыре дня. Он выиграл время, уверив Илиану в том, что аппарат возможно включить лишь в День Завета. Самонадеянную женщину это не остановило — она упрямо и безрезультатно возилась с пирамидкой, — но, как и надеялся Хилтс, принесло ей некоторое облегчение. В числе прочих в Тав заранее прибыли и враги Илианы, наверняка предупрежденные своими шпионами о том, что «Сестры Сиелы» находятся во дворце. Над лагерями

перед дворцом уже взвились флаги корсинитов, «Золотой судьбы», отряда «Пятьдесят семь» и многих других. Воины Илианы заняли пост перед воротами, но удержат ли они его, было неясно — число их противников все возрастало. За восемь дней до праздника прекращались все военные действия; кровные враги вербовали сторонников, используя ораторское искусство. Торжество Восшествия Ниды было праздником болтунов.

— Посмотри-ка вон на того командира, — указал Хилтс. — Да поможет нам темная сторона.

— Соединение, — сказал Джей. И Хилтс уже испугался того, что ему вновь придется выслушивать теории Джея о том, какое сегодня в действительности число. Но кешири только вздохнул и посмотрел ему прямо в глаза. — Хранитель, я не понимаю, почему бы *вам* не править Племенем. Мудрость древних Защитников открыта вам больше, чем кому-либо еще.

— Слишком уж открыта. — Хилтса позабавило предложение Джея. — Это дни Болтливых Дураков, мой друг. Людям знающим, таким как мы, нечего там делать.

— Но учителя Племени говорят, что любой свободный человек, мужчина или женщина, может стать верховным повелителем.

— Для меня, пожалуй, неплохо верить в это. Но не для тебя. И если эти дураки внизу тоже поверят, — Хилтс кивнул на толпу, — все станет еще хуже. И тебе повезет, что не повезло мне. — Он усмехнулся. — И что это за «учителя Племени»? Мало кто согласится с тем, что Племя вообще существует.

Система школьного образования пала еще одной жертвой бесконечных междоусобиц. Во времена Корсина и его преемников люди были едины. Но претендентов на власть становилось все больше, а методы борьбы — все жестче; и сообщество ситхов — если Племя можно так назвать — окончательно развалилось. Хилтс похлопал своего молодого помощника по плечу:

— Нет, слишком поздно. Подобно Донеллану, я упустил свое время.

— Позвольте не согласиться…

— Послушай, Джей. Когда человек преклонных лет говорит, что так оно и есть, или поверь ему, или вежливо кивни. — Хилтс отошел от перил. — Потому как последнее, что ему нужно, — это сомнения в собственной мудрости.

— Даже если он ошибается?

— *Особенно* если он ошибается. — Хилтс повернулся и двинулся к дворцу. — Кстати, о дураках…

Внутри Илиана все еще вертела пирамидку в руках. С ней остались только две сподвижницы, остальные охраняли

дворцовые ворота.

— Это какое-то записывающее устройство, — проговорила Илиана. — У него должен быть источник питания. Может быть, лигнанский кристалл.

— Если разберешься, как оно работает, — отозвался Хилтс, — сможешь оставить потомкам собственную запись.

Он занял безопасную позицию вблизи Песочных Трубок. Все работники были заперты в одной из комнат, а самого хранителя и его помощника, как источники полезной информации, Илиана оставила при себе. Хилтс, впрочем, и так никуда не собирался. Ситуация превратилась в забавный спектакль, и на актрис приятно было посмотреть.

Он находил, что Илиана очаровательна, несмотря на ее неудержимую алчность и ненадежность. У Хилтса никогда никого не было. Отчасти из-за его бесперспективного положения, но еще и потому, что он точно знал: ситхи ничем, в том числе и любовью, делиться не умеют. Он снова и снова встречал подтверждение этому в их истории: зависть, предательства — даже в кругу семьи. Неудивительно, что Яру Корсин велел умерщвлять супругов верховных повелителей после кончины последних. В спальне не должно быть места яду.

Вряд ли Илиана знала об этом. Сейчас, как и накануне, она подошла к нему. Взгляд ее неожиданно потеплел.

— Хранитель, ты уверен, что запись нельзя посмотреть сейчас, может, даже изменить ее?

Она мягко коснулась его предплечья затянутой в перчатку рукой.

— Глойдова кровь, девчонка! Я старше тебя по меньшей мере в два раза. — Он скептически взглянул на нее. — И ты — «Сестра Сиелы».

Гневно сверкнув глазами, она отшатнулась:

— А ты — старая гнилая бородавка!

— Вот так гораздо лучше. А теперь давай обратимся к фактам. Я не смогу изменить запись, даже если очень захочу. А я не хочу! — Он отвернулся, указав на украшавшие стены атриума картины, которые изображали прибытие небесных путешественников. — Это единственный рабочий механизм, что связывает нас с прошлым, с тем, как мы пришли сюда. Я не стану трогать его, даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

— А как насчет чужой?

Хилтс услышал шипение светового меча. Он медленно развернулся. Дюжие соратницы Илианы заломили Джею руки.

— В этом нет необходимости.

— Боюсь, что есть. Начинай разбираться с аппаратом,

хранитель. А пока ты занимаешься устройством, мы займемся кешири. И чем быстрее ты справишься, тем больше конечностей при нем останется.

Взгляд Хилтса заметался между трясущимся от страха Джеем и блестящей машинкой. Он ведь даже не знал, с чего начать, но нужно было хоть что-то делать. Он неохотно взял в руки маленькую пирамидку… и едва не выронил, когда несколько человек, одетых в древнюю форму Небесных Всадников, сшитую из увакской кожи, спрыгнули сверху в атриум, вдребезги расколотив потолочные окна. Они приземлились на мраморный пол позади схваченного «Сестрами Сиелы» Джея и сразу активировали свои мечи. В ту же секунду в атриуме появились другие «Сестры» — они отчаянно отбивались от наседающей толпы монстров. Активировав меч, Илиана бросилась на помощь своим соратницам. Освобожденный Джей рухнул у ног Хилтса.

— Давай, мальчик! — Схватив одной рукой помощника за тунику, а в другой зажав прибор, Хилтс стал пробираться к Песочным Трубкам, подальше от заварушки.

Позади него алые клинки, потрескивая, разрывали плоть ситхов. Уже стало понятно, что на Илиану напали одновременно два разных отряда.

А разглядев атакующих, Хилтс сообразил, что надо сделать.

— Вы — человеческие отбросы! — яростно орала Илиана, отбиваясь от уродливой женщины, чья кожа, казалось, была одним сплошным рубцом.

— Вероломная стерва! — злобно ответил на это огромный лысый мужчина — один из «кожаных», что спрыгнули с потолка.

Они больше ругались, чем боролись, так что в момент между ударами легко смогли расслышать:

— Эй! Взгляните сюда!

Все головы дружно повернулись к сложной стеклянной конструкции, возвышающейся у северной стены. Взъерошенный Хилтс цеплялся за одну из служебных лестниц Песочных Трубок, чуть ниже трясся перепуганный Джей. Хранитель поднял руку с пирамидкой и, с трудом сглотнув, заговорил:

— Вожди Кеша — *приглашенные гости,* — добро пожаловать. Хотя… вы все пришли раньше срока.

3

«Могли бы просто постучаться», — грустно подумал Хилтс. Он тридцать лет, как мог, старался уберечь от полной разрухи свой кусочек дворца. А эти агрессивные болваны подкинули ему работы еще на три десятилетия. Если, конечно, он вообще переживет этот день.

— Должен сказать, что ваше дружное появление стало для меня сюрпризом. — Хилтс вышел в центр атриума, под его ногами хрустели осколки стекла. Воины расступились, оставив ему и Джею небольшой треугольник свободного пространства, но оружие не убрали. — До праздника еще восемь дней. Но все-таки это дворец. И для вас, я уверен, найдутся комнаты…

— Заткнись, старик! — Мускулистая брюнетка, вся покрытая рубцами, вышла вперед и ткнула пальцем в Илиану. — Хотелось бы знать, что она здесь делает?

Хилтс взглянул на Илиану и «Сестер». Некоторые из них были ранены; они сосредоточились напротив Песочных Трубок и, несмотря ни на что, готовы были стоять до последнего. Илиана вызывающе задрала подбородок:

— Не отвечай этой кретинке, Хилтс!

— Не тебе повышать голос в этом месте, женщина! — Из круга «кожаных» выступил массивный мужчина, лысый, но с черными усами, и погрозил Илиане. — Сиеле в доме Корсина было не место — и тебе тоже!

Соратницы Илианы тут же приготовились к атаке, и Хилтс, заметив это, торопливо встал между ними и усатым гигантом:

— Вы — вы Лига корсинитов, верно?

— Я — Корсин Бентадо. — Голый череп мужчины ярко блестел, а глубокий голос оглушительно загрохотал в небольшом помещении. Он кивнул на своих людей. — Это Корсин Вандос, а Корсин Иммеру был на последнем чтении Завета. Мы здесь, хранитель, чтобы отпраздновать славные жизни Яру и Ниды Корсин в этот великий священный день. Мы надеемся, все готово…

— Все будет…

— И мы надеемся, что ты покажешь заблуждающимся истину Завета. Наш повелитель пришел с небес, и Племя — плоть от плоти его; а те, кто угрожает ему, не заслуживают ни милосердия, ни права на жизнь. — Бентадо с благоговением взглянул на статую, которая от Илианы удостоилась лишь презрения, и почтительно склонил голову. — Один становится всеми, и все — одним. Корсин сейчас, Корсин — навсегда.

— Как скажешь. — Хилтс украдкой взглянул на Джея и покачал головой. Он хорошо знал этих людей.

Лигу корсинитов основал много столетий назад бывший раб, принявший имя «Корсин» как титул. К иерархии повелителей он никакого отношения не имел. Освободившись, он проповедовал мировоззрение первого верховного повелителя и его дочери; он говорил, что любой, как и он сам, может стремиться стать Корсином, если достоин этого. Его последователи искренне ему верили. И — они все-таки были ситхами — каждый из них решил, что вполне достоин этого титула. Недовольство основателя корсинитов и в конечном счете его труп никого не остановили. В итоге Кеш наводнили сотни самопровозглашенных Корсинов обоего пола; они скандировали избитые лозунги и почитали каждый себя и друг друга единоличными властителями Кеша. Углубившись в общение с корсинитами, вполне можно было сойти с ума вследствие когнитивного диссонанса.

— Я все еще хочу знать, как здесь оказалась эта… женщина. — Воительница с изуродованной рубцами кожей, взяв Хилтса за плечо, развернула его к себе. На ее руке было всего три перепончатых пальца.

— Вы — отряд «Пятьдесят семь», насколько я понимаю.

— Это очевидно!

Ее воины теснились позади, порыкивая, словно звери. На взгляд Хилтса, говорившая женщина — Нира — была самой симпатичной из всей этой компании. О настоящих «Пятидесяти семи» мало что было известно; об этом, видимо, позаботилась Сиела Корсин. Упоминания о тех членах экипажа «Знамения», кто сильно отличался от безупречных образцов человеческой расы Сиелы, остались лишь в старых кеширских сказках.

Количество представителей современного отряда «Пятьдесят семь» было куда больше данного числа; разглядывая союзников Ниры, Хилтс подумал, что отряд собрал в свои ряды всех уродцев Кеша. Иногда они осмеливались подобраться к столице — их, разумеется, сразу замечали. Пусть будет пятьдесят семь, решил Хилтс, — считать их не было ни желания, ни возможности.

— Сиела изгоняла таких, как мы, мечтая о своем драгоценном совершенстве! — выкрикнула Нира, указав на стены. — Это позор! Вы видите, на этих картинах многих не хватает, верно? Где Равилан — он же был вождем тех, Иных? Почему они не изобразили Глойда? Того, кого Корсин держал при себе, словно домашнюю зверюшку! — Она сплюнула на мраморный пол. — В вашем Пантеоне многие отсутствуют!

— И ты тоже! — рявкнула в ответ Илиана. — Сиела правильно делала, очищая Племя от подобных тебе изъянов! И

мы последуем ее примеру!

«Сестры» бросились было вперед, но Хилтс успел преградить им путь:

— Люди, люди! — Оглянувшись, Хилтс заметил, что «нейтральный» треугольник уменьшился. — Здесь не место для драк!

— Ты абсолютно прав, хранитель! — произнес Корсин Бентадо, сжимая эфес своего меча затянутой в перчатку рукой. — Изменники должны быть наказаны. И мы разберемся с этим здесь и сейчас, а потом и снаружи, где собрались все остальные. Кровь освятит это место. Лига корсинитов восторжествует, и через восемь дней послание Яру Корсина услышим только мы.

Джей, сжавшийся в комок рядом с Хилтсом, вдруг подал голос:

— Но там тысячи людей!

— Значит, так тому и быть!

— Но так быть не должно! — вскричал Хилтс. Вспомнив о записывающем устройстве, он поднял его высоко над головой. — Вы пришли на чтение. Можно начать прямо сейчас!

Илиана метнула на него взгляд:

— Ты говорил, что оно включится только в День Завета!

Хилтс обернулся и пожал плечами:

— Я — ситх, и я солгал.

— Лига против чтения Завета в неположенный день. — Золотистые глаза Бентадо недобро блеснули из-под густых черных бровей. — Хочешь, как и все эти, стать изменником, хранитель?

Воины позади него вновь зашевелились.

— Мы услышим основателя через восемь дней. *Только мы!*

Хилтс увидел движение в толпе, почувствовал, что Джей сильнее прижался к нему… И его осенило.

Восемь дней.

— Джей! Твои расчеты! — Хилтс оторвал голову кешири от своей груди. — Твои вычисления относительно Песочных Трубок!

Помощник взглянул вверх; он был в панике, и по его лицу текли слезы.

— Сейчас? Но вы говорили, это не важно…

— Сейчас, Джей! — Голос внезапно охрип. — *Скажи им!*

Дрожа от страха, маленький кешири отпустил своего начальника и обратился к остальным:

— Прошу прощения, повелители…

— Не все мы тут повелители, кешири!

Джей едва не лишился чувств от крика Ниры. Взгляд огромных черных глаз метнулся обратно к Хилтсу. Тот одними

губами повелел: «Говори».

— Прошу прощения, но когда пришли Защитники, они принесли и свой стандартный календарь, который кешири приняли, несмотря на разницу в продолжительности нашего дня и года…

Кто-то активировал световой меч.

— …и мы настроили Песочные Трубки по волшебному хронометру «Знамения». Когда горный храм был закрыт и «Знамение» покинуто, носильщики принесли считающие время Трубки сюда…

Засияло еще два лезвия, люди пришли в движение.

— …но годы спустя мы обнаружили, что на равнине песок течет через Трубки не так, как в горах. — Лицо Джея осветили алые всполохи клинков, и кешири сглотнул. — Он течет медленнее.

Бентадо поднял меч и синхронно бровь:

— Насколько медленнее?

— На одну секунду, — просипел Джей. — Ваш стандартный день на самом деле на секунду короче, чем считали все время.

Нира и ее отряд нетерпеливо зашумели:

— Да какая, чтоб тебя, разница?

Хилтс сжал кулаки и посмотрел на Джея. *Скажи им!*

— Если прошло более двух тысяч лет? Это разница в восемь дней. Что означает…

— Это означает, — подхватил Хилтс, встав рядом с дрожащим кешири, — что, согласно истинному времяисчислению наших основателей, День Завета — сегодня. И сегодня же — начало торжества Восшествия Ниды. — Он взглянул на Илиану и чуть понизил голос: — Но день Яру тоже важен.

Бентадо, громко ступая, подошел к ним и гневно прогрохотал:

— Это нелепо! — Он схватил Джея за руку. — Хочешь сказать, этот кеширский недоумок подсчитал все секунды практически с момента приземления «Знамения»? Это ведь миллионов десять…

— В вашем языке есть слово «миллиард», — осмелился пискнуть Джей. — И в секундах их прошло больше шестидесяти.

Илиана тоже шагнула вперед… И опустила меч.

— Это правда, — сказала она. — Я не чувствую обмана.

Бентадо оглянулся на своих — те молча закивали. Даже отчаянные из отряда «Пятьдесят семь» не проронили ни слова.

Хилтс смотрел на кешири и изумлялся. «Отлично справился. А теперь прикуси язык!»

— Начинаем чтение, — торжественно провозгласил Хилтс. —

Объявляю Перемирие Пантеона. — Он высоко поднял записывающий прибор и обвел всех взглядом. — Опустите оружие и позовите остальных. Я не могу ничего посоветовать вам и вашим людям. Возможно, это сделает Яру Корсин.

4

> «…Нас немного осталось после приземления. И шансов на выживание у нас было мало. Создание Племени — того, чем мы стали, — было необходимо. Как только мы поняли, что Кеш не опасен, угрозой для нас стали мы сами…»

Капитан звездолета сидел в своем командирском кресле перед лицом смерти и — неведомо для себя — перед своими далекими потомками, от которых его отделяли столетия. Образ Яру Корсина мерцал в воздухе, и в темном атриуме плясали жуткие тени. Это был не могущественный Корсин с поздних картин и не бог с диковинными глазами, изваянный кеширскими скульпторами, — это был просто человек. Усталый король-воин, который зажимал рану на груди, произнося свои последние слова.

> «…и как ты хранила в тайне свое обучение, Нида, так ты должна всегда хранить этот секрет. Истинная сила находится за троном. Что бы ни случилось — помни это…»

Он просто давал последние наставления своей дочери, и оба они были мертвы. Хилтс давно выучил эти слова, для него в них не осталось никакого волшебства. Правда, когда он впервые увидел Яру Корсина, словно живого, то был очень впечатлен. На этот раз все было по-другому. Стоя позади аппарата и мерцающей проекции, Хилтс смотрел не на древнее изображение, а сквозь него — на слушателей. Днем из атриума убрали тела мертвых воинов, живые ушли сами; и к вечеру здесь остались только главари — снаружи пришло еще человек десять. Хилтс переводил взгляд с одного лица на другое. Некоторые выглядели не менее изумленными, чем он сам когда-то; покорность была ситхам в новинку. Другие казались равнодушными.

Хилтс вновь сосредоточил внимание на Корсине. Он умирал, когда делал эту запись; истекал кровью на троне, некогда бывшем капитанским креслом «Знамения», и, торопясь, давал последние наставления дочери, в тот момент где-то на горе уничтожавшей остатки повстанцев. То и дело кашляя, призрачный Корсин рассказывал о структуре Племени и о том, как нужно им править, чтобы не допустить восстания, подобного тому, что сгубило его самого. Сейчас Корсин как раз говорил о необходимости умерщвления супругов почивших верховных повелителей и об

изгнании Сиелы; Хилтс ясно ощутил ярость Илианы.

> «…это надолго сохранит Племя, но ты, конечно, хочешь видеть повелителями своих людей. Могу посоветовать, в зависимости от того, кто выживет…»

— Скукота, — заявила Илиана.

Хилтс разглядывал свои ботинки. Она была права. Несмотря на все уважение к древнему историческому документу, следует признать, что он изобиловал мелкими, нудными подробностями. Некоторые с интересом слушали рассуждения Корсина об интеллекте своих предков, но другие заскучали.

Рассматривая собравшихся, Хилтс гадал, что же они будут делать дальше. Он остался один; Джея и остальных кешири прогнали перед чтением. Учитывая происходящее, можно сказать, что им повезло. Перемирие Пантеона действовало только во время просмотра записи, а пока ни одного слова, что хоть как-то поспособствовало бы примирению, не прозвучало. Как ему выжить, а тем более сохранить свою должность и защитить своих кешири, если чтение ничего не изменит? «Что же будет со мной, — размышлял Хилтс, — не говоря уже обо всем Племени?»

Несколько минут спустя речь Корсина замедлилась. Его рана была смертельной, и время его истекало. Корсин заговорил о личном:

> «…Нида, дочка, ты не только то единственно хорошее, что сделала в своей жизни Сиела. Ты — будущее ситхов на этой планете. Не мы… решали, жить ли нам здесь. Но… мы решили, что здесь мы не умрем. Этот выбор… сделаешь ты…»

Корсин тяжело осел в своем кресле. Картинка замерла.

— Это все? — уточнила Илиана.

Хилтс взглянул на нее; он не удивился, что именно она высказалась первой.

— Это все. — Хранитель шагнул к записывающему устройству.

— Этого достаточно. — Голос Корсина Бентадо был полон благоговения. — Может быть только одна власть — та, которую создал он. И только мы являемся законными наследниками. Это бесспорно.

— Ошибаешься, — перебил его другой голос. Принадлежал он лидеру «Золотой судьбы» — эти были помешаны на звездном происхождении Племени. — Я слышал великого завоевателя, говорящего о сильном народе. Даже случайно попав сюда, мы

мгновенно покорили этот мир. Наверняка каждый человек в Галактике правит своей собственной планетой. Надо прекратить нашу вражду, открыть храм и вернуться к звездам!

Хилтс покачал головой — снова споры. До световых мечей еще не дошло: все были заняты обсуждением услышанного. Но это всего лишь вопрос времени. Хилтс рассеянно повертел пирамидку. На этот раз прибор включился легче, но, по понятным причинам, хранитель так и не отключил его должным образом.

Появились помехи. А потом и что-то еще. Мелькнула какая-то другая картинка, проступив сквозь умирающего верховного повелителя.

— Тут есть что-то еще. — Хилтс пытался настроить изображение. — Под Заветом.

Палимпсест. Он как-то услышал об этом понятии в разговоре двух кеширских художников: порой поверх старой работы писалась новая на том же холсте. В скульптуре такое было невозможно: а что есть проекция чьего-либо изображения, как не живое изваяние? Но что-то там было. Может, когда Корсин делал свою запись, там уже была другая!

Он пощелкал кнопками панели управления, руководствуясь больше интуицией…

…и явилось чудовище.

> «Послание капитану Яру Корсину от его господина Наги Садоу!»

Все разом примолкли, услышав скрипучий голос. Он принадлежал человекоподобному существу, одетому как владыка ситхов. Лицо Садоу имело красноватый оттенок, а по бокам извивались длинные отростки. Вздувшиеся вены его лысого черепа извивались, словно горные хребты.

И, говоря, он махал руками — ручищами! — с когтями не меньше уваксих.

Нира из отряда «Пятьдесят семь» не сдержалась:

— Что… что это?

> «Вместе с Сайесом с „Предвестника“ ты должен доставить на Фаэгон шахтеров своего брата Девора. Вы добудете для меня лигнанские кристаллы и вернетесь на Киррек».

Хилтс протер глаза. Язык их — только с сильным акцентом. Но что это за существо? Никаких записей о том, что во вселенной, помимо кеширi, существуют и иные разумные нечеловеческие расы, не было.

И уж тем более ничего не говорилось о том, что кто-то подобный может приказывать людям.

> «Я направляю к тебе твоего старого знакомого — Равилана Грозного и его воинов-массасси».

Картинка изменилась. И если вид Наги Садоу вызвал у присутствующих молчаливый шок, то явление Равилана и его свиты сопровождалось приглушенными возгласами. Равилан походил на человека еще меньше, чем Садоу. Его кожа была густо-красной. Длинные надбровные отростки спускались к еще более длинным лицевым. Позади Равилана возвышались ярко-алые громадины, чья чудовищность вообще не поддавалась описанию.

Картинка мигнула, вновь появился Нага Садоу.

> «Твоему брату сообщат, что ответственность за все несешь именно ты. Но не забывай, что ты — как и все остальные — находишься под моей властью и зависишь только от меня. Может, я и даю вам больше свободы, чем дают своим рабам другие ситхи. Но ваша раса создана только для того, чтобы хорошо мне служить. Чего я и требую. Ты выполнишь свой долг и поможешь мне победить. Принимайтесь за дело. Прославьте мое имя. Подведете меня — умрете».

Изображение погасло, и атриум погрузился в почти полную темноту. Только сквозь разбитые окна крыши лился звездный свет.

— Что это было? — произнесла наконец Илиана.

— Запись, — ответил Хилтс, осторожно вертя приборчик в руках. — Более ранняя запись. Видимо, Завет Корсина записан поверх нее. Предполагалось, что этого никто не увидит.

Пирамидка и так капризничала при недавней активации. Возможно, она вообще сработала в последний раз, так неудачно исполнив свое предназначение. Он вздохнул и посмотрел сквозь разбитые окна в освещенное звездами небо:

— Думаю, это был — по его же словам — Нага Садоу.

Всеобщее недоверие выразил Корсин Бентадо:

— Нага Садоу — всего лишь «небесный союзник Корсина» из детских сказок. А это… *этот* говорил так, словно он — хозяин «Знамения». И всего экипажа!

— Они не были завоевателями, — язвительно произнесла Илиана. — Они были шахтерами — копались в грязи. А великий Яру Корсин — всего лишь перевозчик!

Уродцев из отряда «Пятьдесят семь», казалось, больше всего шокировал истинный облик Равилана и его подопечных.

— Это… это не ситхи, — прошептала Нира. — Это *безумие*.

Хилтс не знал, что сказать. Все маленькие тайны истории, все летописные недомолвки вдруг стали понятны — если такое можно понять. Яру Корсин и весь Пантеон основателей были рабами — рабами *этого*?

— Неудивительно, что Сиела боролась за безупречность крови. — Илиана вышла вперед. — Она хотела очистить нашу расу.

Корсин Бентадо ходил по атриуму кругами.

— Нет, этого не может быть. Не может быть. — Он взглянул на Хилтса. — Ты! Хранитель! «Сестры» объявились тут раньше всех. Вы что-то испортили?

— Я и сам не ожидал ничего подобного. — Хилтс поднял пирамидку и положил ее на постамент.

— Тогда… что это значит?

— Это значит, что мы не просто Племя. Мы — Затерянное Племя. — Хилтс практически выплюнул эти слова. Гордиться тут было нечем. — Мы ничего не делали сами; нас направили, и направили не сюда. Но когда мы разбились, Корсин решил остаться, потому что не хотел возвращаться к *этому*.

Ропот стал громче. Винить Корсина было не за что. Но все это означало, что они, ужаснее не придумаешь…

Беглые рабы.

Сверкнул световой меч — Илиана ринулась вперед. Хилтс вздрогнул, уверенный в том, что она набросится на него. Но меч опустился на пирамидку, рассекая и прибор, и постамент.

Хилтс склонился над искрящимися половинками аппарата:

— Зачем ты это сделала?

— Никто не должен знать. — Илиана обращалась ко всем сразу. И голос ее звучал грозно. — Они не хотели, чтобы мы знали. Сиела, должно быть, запретила делать записи о том, каковы на самом деле были люди Равилана. Поэтому Корсин и записал свое сообщение сверху. И мы должны сохранить эту тайну.

Хилтс озадаченно посмотрел на нее снизу вверх:

— Не понимаю, как…

— Нельзя, чтобы кешири узнали, — сказал Корсин Бентадо. Хладнокровный громила теперь трясся от страха не меньше, чем Джей. — Если они узнают, что их Защитники — рабы каких-то монстров…

— Не узнают, — прошипела Нира. — Я их раньше убью.

— Нет необходимости. — Илиана топтала осколки

пирамидки. — Дело сделано.

Хилтс посмотрел на оставшееся от прибора крошево. Верно — дело сделано.

Все, разумеется, пошло наперекосяк. Двадцать ситхов не могут объединиться и сохранить одну тайну, даже если от этого зависит их жизнь. Кто-то сболтнул лишнего. Может, один из участников чтения, мучимый открывшимся ему знанием или основательно перебравший, выложил все об истинном происхождении Затерянного Племени. Конечно же, соратники вождей хотели узнать о том, как прошло чтение. И там, снаружи, на праздник Восшествия Ниды собралось множество людей со всего Кеша. Людей с уваками. Они готовы были к полету, готовы были нести Кешу мрачную весть.

Они не были особенными.

Результаты не заставили себя ждать. Полуразрушенные города Кеша запылали. И все из-за нескольких слов, прозвучавших, пожалуй, в самом мирном месте планеты. Сегодня по традиционному календарю наступил День Завета. Всего за восемь дней гибельная правда добралась до каждого уголка, где жили люди.

Они никем не были.

Хилтс вглядывался в ночные улицы с порога хижины Джея, сооруженной из ветвей хеджарбо. Первый глобальный пожар хлипкое жилище пережило, но поджигатели не унимались, так что хижина вряд ли долго протянет. Кешири прятались по норкам, испуганные, сбитые с толку происходящим. Гнев тек обильным потоком — Племя уничтожало само себя.

Они не заслужили того, чтобы быть кем-то.

— Это конец времен, господин Хилтс, — прошептал Джей, сжавшийся в дверях рядом с ним. Перепуганный кешири смотрел на стаю кружащихся в сумасшедшем танце уваков, освещенных отблесками пламени.

Хилтс кивнул. Он обо всем рассказал своему помощнику. Сейчас это не имело значения. Людей на Кеше уже осталось не более нескольких тысяч. А сколько еще погибнет? С тех пор как все это началось, он не видел ни одного из присутствовавших на чтении вождей — даже Илиану, которая была уверена, что опасность миновала. Как же она ошибалась! И как быстро это стало ясно.

И еще…

…Корсин что-то такое сказал.

«Истинная сила находится за троном» — вот что. Странная фраза. Хилтс знал кеширские поговорки о негласном главенстве в

доме жены. Но вряд ли супруг Сиелы имел в виду именно это. Хилтс познакомился с Илианой, ее духовной последовательницей. И не доверил бы ей даже свой труп. Нет, ситхи не верили в любовь, особенно к такой, как Сиела.

Хилтс застыл в дверях.

— Хранитель, вас могут увидеть!

Но седовласый мужчина не обратил на крик никакого внимания, пристально вглядываясь куда-то в сторону дворца. Оттуда пришлось уйти, когда толпа окончательно озверела. Но сейчас он думал не о том, что оставил там. А о том, чего во дворце никогда и не было.

Трон.

Плащ развевался за спиной несущегося по улице Хилтса. Встревоженный Джей едва поспевал за ним, стараясь не то что не запнуться о мертвые тела своих соседей, а даже лишнего взгляда на них не бросить.

— Хранитель, что случилось?

— Это трон, Джей. Трон!

Слово было знакомо кешири. Чем-то подобным пользовались старейшины Нештовар.

— Но у Корсина не было трона.

— Не во дворце, мой мальчик. Смотри!

Схватив помощника за плечи, он развернул кешири на запад — лицом к укутанным облаками вершинам Такарских гор. Хилтс, внезапно ощутивший прилив сил, процитировал строки, выученные десятилетия назад: «…ты должна всегда хранить этот секрет. Истинная сила находится за троном. Что бы ни случилось — помни это…» Прищурившись, он пытался сквозь дым рассмотреть запретную гору.

— Трон Корсина — его кресло со «Знамения». И оно там, наверху!

— Я… я не понимаю, — забормотал Джей.

— Мы не должны были увидеть то сообщение от Садоу. Но не в этом наследие Корсина. Есть что-то еще — и он упоминает об этом в Завете. Что-то, что может спасти Племя от самого себя.

Хилтс глубоко вздохнул. Он был очень взволнован. И очень стар. Он всегда думал, что знает всю историю Племени и все слова Корсина. Мог ли повелитель действительно оставить… *постскриптум*?

— Нас спасет только одно. — Хилтс подобрал плащ и твердо шагнул в окружающий хаос. — Надо открыть храм. Мы поднимемся на борт «Знамения»!

Тайны

1

3000 лет до Битвы при Явине.

Как и все ситхи Кеша Века разложения, Хилтсы были амбициозны. Но их честолюбивые ожидания редко оправдывались.

Много лет отец Варнера Хилтса втирался в доверие вождю фракции в Берай, заботливо готовя шиккар для спины своего господина. Но вот с ножнами у старшего Хилтса вышел промах: стеклянное лезвие, выскользнув из них, проткнуло ему щиколотку. Он умер от гангрены всего спустя месяц — милосердно короткий срок — и получил прозвище Скользкий Хилтс.

Его вдова не растерялась: и недели не прошло, как план соблазнения оставшегося в живых вождя был готов. Слуги осторожно доставили ее в личные покои главаря в большой церемониальной урне. К несчастью, крышка урны оказалась неподатливой; и никто не позаботился сообщить вдове о том, что вождь проведет весь следующий месяц в горах с агитационной кампанией. Впрочем, сюрприз ей удался — принимая во внимание ужас уборщиков.

Варнер Хилтс прожил дольше своих родителей, заняв довольно ответственное положение в Племени тихо и без жертв. Каждый день он приходил на работу в величайший дворец этого мира и целых два раза видел Завет Яру Корсина. И он осмелился ближе, чем кто-либо за последние века, подступить к храму, где хранилось «Знамение» — корабль, принесший Корсина и Затерянное Племя на Кеш.

А сейчас его убивала какая-то трава.

— Джей, Джей! — звал Хилтс; он висел вверх тормашками, отчаянно сражаясь с колючей лозой. Но любое движение только ухудшало ситуацию — стебли все сильнее сжимали тело старика. Наконец на верхушке увитой зеленью стены показался его помощник. — Джей, обрежь все это!

Джей испуганно моргнул:

— Чем, хранитель?

— Чем-нибудь!

— О! — Лиловолицый кешири исчез на мгновение и тут же вернулся со своей сумкой. — Тот световой меч, что вы нашли!

— Ох, нет! — Хилтс в панике замахал свободной рукой: как и следовало ожидать, Джей схватил меч не с того конца. — Ты убьешь себя, если включишь его!

Джей опустился на колени и подобрался ближе к висящему Хилтсу:

— Значит, мне надо передать его вам?

— Нет. Слушай, найди острый камень, — Хилтс пытался устроиться поудобнее в колючей ловушке, — а я пока… тут поболтаюсь.

Хранитель услышал удаляющиеся шаги кешири и проклял свой дерзкий план. Веками никто не осмеливался приближаться к храму, и как это смогут сделать шестидесятилетний архивариус и его трусливый слуга? Да еще и в то время, когда всю Кешту сотрясают бурные беспорядки? Хилтс потряс головой, не обращая внимания на царапины, оставленные лозой под подбородком. Он сошел с ума, решившись на такое!

Путешествие и вправду оказалось ужасным. Сначала Хилтс вернулся в Тав, в столичный музей, так долго хранивший древние карты храма. Но дворец был разграблен мародерами, архив сожжен до последнего клочка пергамента, а все, что могло разбиться, было разбито. Джей рыдал над расколотыми вдребезги Песочными Трубками.

Впрочем, ничего другого Хилтс и не ожидал — саморазрушительная ярость бушевала с тех пор, как Племя узнало, что их предками были не великие завоеватели, а рабы каких-то чудовищ. Но заваленные трупами улицы лишали его мужества. Одна отдельная жизнь никогда не была для ситхов чем-то ценным, но вот существование Племени в целом… Ведь так мало людей выжило после крушения «Знамения». А сколько же поколений они потеряли за эти дни? Сможет ли Племя когда-нибудь восстановиться?

В запретном храме, возможно, найдется спасение, но Хилтсу следовало попасть туда первым, постаравшись не нарваться на шайку каких-нибудь бродячих головорезов. Поэтому он и взял Джея с собой. Кеширские семьи, ранее почитавшие людей, теперь боялись их; никто не дал бы ему приют. Но ситх в сопровождении кроткого Джея Вулда вызывал меньше опасений. Днем они укрывались в кеширских лачугах, а ночами пробирались на запад.

Дорога была долгой: храм находился на вершине Такарских гор в северной оконечности длинного полуострова, тянувшегося параллельно материку. Для увака весь этот путь был всего лишь коротким перелетом через залив, но ничто не заставило бы Хилтса забраться на спину одной из этих летающих тварей. Они долго шли вдоль южного берега, потом повернули на узкую негостеприимную полосу суши. Здесь не было жилья и почти не было еды; с начала всего этого бедлама Хилтс вообще чаще всего довольствовался вкусом собственного желудочного сока. В конце

концов они добрались до Блоков: массивные гранитные барьеры были возведены в узком ущелье Нидой Корсин, дабы никто не смог по земле добраться до запретных гор. Кубы в десять метров высотой казались звездной лестницей богов и действительно представляли собой грозную преграду. Но за прошедшие столетия цепкая растительность пустила корни в щелях камней — лоза оказалась сильнее гранита, давая возможность забраться наверх.

«Или повисеть вверх тормашками, пока не умрешь от кровоизлияния в мозг», — подумал Хилтс. Он посмотрел вверх. Где этот чертов кешири?

В небе блеснул огонек. Хилтс напряг уставшие глаза. Отражение? Но от чего?

— Сейчас, хранитель!

Сразу же за писклявым возгласом последовал сильный рывок, затем Хилтса за ноги потащило вверх, к Блокам.

— Джей! Что ты делаешь?

Кешири застонал, натягивая плети лозы, обернутые вокруг его тонких пальцев. Хилтс, кое-как выпрямившись, вскарабкался на верхушку барьера и не меньше минуты лежал, пытаясь отдышаться. Перевернувшись, он увидел Джея и ряд выемок в каменной поверхности. Отверстия, послужившие веками ранее основой для строительных лесов, оказались достаточно велики для того, чтобы в них поместилась ступня кешири, что и помогло хрупкому слуге вытащить своего господина наверх.

— Это… это последний барьер, — сказал Джей, вытирая кровь с ладоней и осматриваясь. Их скромная победа привела к тропе вверх по ущелью — и дальше, в горный храм.

Но Хилтс все еще всматривался в небо:

— Посмотри туда!

С востока летел увак, снижаясь по широкой дуге к храму. Хилтс прищурился. Ящер нес всадника. Еще вспышка света — отраженная, как и в прошлый раз. На Кеше, бедном металлом, это обычно означало только одно — рукоять светового меча.

Хилтс нахмурился и посмотрел в сторону храма:

— Нам лучше поторопиться.

Поднявшись, он вытащил из одежды оставшиеся колючки от лозы. И, вновь сосредоточившись на главной цели, шагнул вперед — прямо в одно из отверстий.

— Хранитель!

Хилтс почувствовал на лице холод гранита.

— Я подумал, Джей… сначала… мы отдохнем здесь… немного…

Спорить кешири не стал.

«Ты должна закрыть гору для Племени. Наша судьба теперь — править той частью Кеша, что живет…»

Так Яру Корсин велел своей дочери в Завете, и указ его соблюдался. Соблюдался и уважался теми, кто не уважал ничего. Хилтс изумился, ступив с каменистой тропы на продуваемую всеми ветрами мощеную площадь. Воюя, ситхи часто шли на крайности, но никто так и не вернулся сюда за старыми знаниями. Может, дело в суевериях, но Хилтс больше склонялся к тому, что люди просто считали это бесполезным. Что здесь осталось? Корсин и экипаж «Знамения» использовали все, что можно.

Но сам он искал. Далеко внизу, по всему континенту к востоку, его цивилизация истребляла саму себя. Двадцать воюющих группировок уже уничтожили государство ситхов. Но разоблачение их общего — и весьма неприглядного — происхождения поселило в душе каждого разлад и отчаяние. Они пережили бы тысячелетнее забвение, но не еще одну неделю самоуничтожения.

«Что я смогу найти здесь такого, чего ни у кого больше нет?» Хилтс вновь задался этим вопросом, разглядывая пару одинаковых шпилей, возвышающихся далеко впереди по обе стороны резиденции правителя. Зря он пришел сюда. Но возможно, идея и не такая бредовая. Кто-то другой искал бы здесь оружие, может быть, древние звездные технологии. Хилтс искал послание. То, на что Корсин намекал в своих предсмертных словах; то, что могло бы вернуть Племя на верный путь. «Истинная сила находится за троном, — сказал Корсин. — Что бы ни случилось — помни это…»

Джей со страхом ступил на южную террасу священного места. По обе стороны высились древние каменные здания, потрепанные ветром и солнцем.

— Здесь все больше, чем я представлял себе, хранитель.

— Прекрасно. — Хилтс уверенно двинулся вперед, игнорируя боль в поврежденной лодыжке. — Я знаю, где мы находимся.

Он знал. У него не было с собой карт, но он изучал их многие годы. Он хранил в памяти эту нижнюю террасу — здесь жили слуги. Севернее, за стойлами уваков, начиналась лестница, ведущая на среднюю террасу — к тренировочной академии, казармам, складам и лечебнице. Ступени вели еще выше — к открытой колоннаде, где Яру Корсин принимал посетителей. И наконец выводили на квадратную площадь, очерченную с запада королевской резиденцией, с востока — сторожевыми башнями и караульнями, а с севера — куполом храма. На самом деле часть

площади находилась прямо над почетной могилой «Знамения»; все сооружение было выстроено вокруг и сверху поврежденного корабля, защищая его.

Одна только мысль о «Знамении» заставила Хилтса прибавить шагу. Он даже не побледнел, увидев бесконечную лестницу, ведущую на среднюю террасу. С воздуха все это выглядело как продукт культуры, любящей покорять высоты.

Собственно, так и было.

— Давай, мой мальчик, — позвал Хилтс. — Не отставай.

Труп был свежим. Увака убил простой быстрый удар в горло. Хилтс осмотрел вонючего зверя, поджаривающегося на полуденном солнце. Несомненно, именно это чудище он видел в небе — и вот его убили, прямо по центру террасы.

— Полагаю, загоны нашего гостя не устроили, — проговорил Хилтс.

Джей съежился позади него:

— Вы… вам нужно оружие?

Хилтс огляделся, погружаясь в Силу. Что-то здесь было.

— Да, — кивнул он. — Дай его мне.

Джей пошарил в рюкзаке и вытащил световой меч. Своего собственного у Хилтса, как у хранителя, не было — какой в том смысл? — но во время бегства из Тава он подобрал меч возле трупа огромного воина. Никогда не знаешь, что может пригодиться.

— Вы умеете с ним обращаться? — уточнил Джей.

— Конечно. Просто надо позволить противнику встать прямо передо мной. А потом включить меч.

Собственное легкомыслие его не тревожило. Так или иначе, Хилтс не практиковался в боевом применении Силы. Он, разумеется, как и все в Племени, тренировался когда-то в детстве, но, если не считать щита от падающего акведука, он мало пользовался Силой последние десятилетия.

Тем не менее он распознал опасность, когда почувствовал ее, но не испугался. Фактически эту конкретную угрозу он узнал…

— Лечебница, — произнес Хилтс, уловив впереди источник боли. — Будь снаружи. Если услышишь что-то плохое — беги и никогда не возвращайся.

Может, во дворце в Таве и не было статуи Сиелы Корсин, но фигура на барельефе, вырезанном снаружи больницы, была узнаваема. Как жена Яру Корсина, Сиела была Матерью Племени, но до этого она была женой Девора Корсина и стала матерью предателя. Хилтс никогда раньше не видел изображений Сиелы, однако, глядя на гладкую кожу, завитые волосы и превосходную

фигуру, выточенную в мраморе, он знал, что уже видел ее двойника — и видел совсем недавно.

— Илиана Мерко, — окликнул он, переступая через порог. — Это хранитель Хилтс. Я знаю — ты здесь. Думаю, нам надо поговорить.

2

— Илиана? Илиана?

Хилтс изумился, разглядев в тени скорчившуюся фигуру. Последние две недели выдались тяжелыми для каждого на Кеше, но он едва узнал главу «Сестер Сиелы». Илиана жалась в холодном углу темной кладовой, осторожно поглаживая чей-то череп.

Она тихо всхлипывала, не замечая его присутствия. Хилтс нервно оглянулся — позади осталась больничная палата с ровными рядами мраморных хирургических столов, — а затем посмотрел вниз, на световой меч в своих руках. Илиана Мерко была опасным воином, вождем, но сейчас перед ним предстал кто-то другой. Ее некогда яркие волосы стали грязными и спутались; ее некогда безупречная кожа была испачкана пеплом и кровью; и, что удивительнее всего, он увидел на ее лице то, чего никак не ожидал увидеть, — слезы.

— Она умерла здесь, — сказала Илиана и поднесла череп ко лбу. — В одиночестве.

Хилтс посмотрел вниз. Здесь, в прохладном мраке, слипшись в углу в общую массу, сохранилась часть скелета. Сообразив, кому, по мнению Илианы, принадлежит череп, он осторожно проговорил:

— Откуда ты знаешь, что это Сиела?

— Знаю, — прошептала Илиана. Она протянула руку: на обтянутой перчаткой ладони лежало кольцо с печатью семьи Корсин. Печатью тапани.

— Они просто оставили ее здесь. — Хилтс опустился на колени, чтобы разглядеть останки. Бедренные кости были целы, но ниже колен остались только осколки. Хилтс понимал, что время не смогло бы сотворить такое, а когда он заметил рядом трость, все встало на свои места. Он знал, что заговор Сиелы был разоблачен и что Нида Корсин наказала свою мать. Но в записях не говорилось о том, было наказание изгнанием или смертью. Теперь стало ясно, зачем внизу соорудили Блоки. Барьер держал на горе изувеченную Сиелу так же верно, как и удерживал остальных внизу. — Изгнание, — тихо произнес он.

— Ее предали! — Илиана зло сморгнула слезы. — Она заслуживала лучшего, чем все это!

— Она все равно умерла бы, какой мемориал ей ни построй. — Глядя на женщину, аккуратно вернувшую череп на пол, Хилтс поднялся и отступил на шаг. — Ты здесь одна. Что случилось с…

— С «Сестрами Сиелы»? — Илиана отвернулась к стене, стараясь успокоиться. — Мы боролись, когда кланы пошли друг на друга. Но мы развалились, как и все остальные. — Она тряхнула головой и обернулась, в золотистых глазах блеснул красный огонек. — У нас не осталось цели. Сиела родилась рабыней!

— Думаю, да.

— Я знаю это. — Илиана в гневе сжала кулаки. — Еще девочкой я однажды увидела Сиелу в Силе. Она просила отомстить за нее.

Хилтс подумал о барельефе снаружи:

— Так вот как ты узнала о ее прическе.

— Но я никому никогда не говорила о том, что она делала в этом видении. Там был монстр, красный монстр, такой как этот Равилан на записи. И она мыла ему ноги! — Илиана Силой отшвырнула драгоценные кости к стене. — Его вонючие, мерзкие ноги!

Хилтс кивнул. За подобное и ему бы захотелось отомстить.

Илиана протиснулась мимо него в палату.

— Видимо, у некоторых «Сестер» тоже были подобные видения. — Она потерла глаза, смахивая оставшиеся слезы, словно случайные соринки. — Мы бы не смогли долго продержаться вместе после этого. — Возле мраморных плит Илиана замерла. Ее рука метнулась к мечу. — Снаружи кто-то есть, — прошипела она, уставившись на дверной проем. — Они здесь!

— Все в порядке, — поспешил за ней Хилтс. — Это со мной. — Он позвал слугу, и Джей робко зашел внутрь.

Илиана опустила меч и закатила глаза:

— Твой помощничек? Мир рушится, а ты все еще держишь домашних зверюшек!

— Мне нужно о ком-то заботиться, — объяснил Хилтс. — Это моя работа, в конце концов. — Он встал между женщиной и Джеем. — Что значит «они здесь»?

— Они ищут меня.

— Кто?

— Все. Корсин Бентадо. Остатки отряда «Пятьдесят семь». Те сумасшедшие из «Золотой судьбы», — ответила Илиана. — Все, кто остался. Надо отомстить за последние обиды перед тем, как все мы умрем.

— Они преследуют тебя?

— Да. Я хорошо потрепала их, прежде чем уйти. Их ищейки заметили меня, когда я летела на запад. А западнее этого ничего нет.

Хилтс развернул Джея и подтолкнул его обратно ко входу.

— У нас не так много времени, — сказал он. — Пойдем, я все объясню по дороге.

Женщина вызывающе посмотрела на него сверху вниз:

— Я не твой маленький слуга. Почему я должна идти куда-то за тобой?

Хранитель уставился на нее:

— Потому что нам может понадобиться помощь, чтобы найти то, что мы ищем, — а ты в тупике. Ты сама так сказала. — Он указал на выход. — И еще — у меня действительно есть план.

Илиана глубоко вздохнула и шагнула к двери.

— Уверена, что план идиотский, — пробурчала она, проходя мимо.

— Эй, в тебе столько злости! Ты считаешь это нормальным?

Она опустила на него взгляд и криво улыбнулась:

— Выковала себя в духе Сиелы.

Женщины, чей череп ты только что целовала, а затем разбила о стену, хотелось сказать Хилтсу, но он лишь молча усмехнулся. Илиана возвела Сиелу в кумиры, но идол оказался с изъяном. Хранитель никогда не доверял Илиане — ситхи никому не верят, — но он начинал понимать ее.

— Вперед, к воротам, — произнес Хилтс. — Самое малое — ты увидишь то, что не видел еще никто из живущих…

Хилтс наблюдал за тем, как Илиана очерчивает кончиками пальцев контуры темного металла. Все-таки существует то, что может ее впечатлить.

Корабль судьбы.

— Это чудесно, — выдохнула она.

«Знамение» раскинулось под сводчатым потолком Храма в мягком свете зажженных Джеем светильников-стержней. Сохранились слова о том, что «Знамение» напоминает ланварок — древнее метательное оружие ситхов. Но никто на Кеше никогда не видел ланварок, как никто веками не видел «Знамения». Основатели сделали все возможное, чтобы сохранить корабль. Они использовали только полированный камень и ограничили количество входных проходов, но все же разбитое судно было покрыто слоем пыли.

И покалечено. Местами разорвано насквозь. Как заставить его воспарить к звездам? Хилтс был удивлен. Что же они так защищали? Совсем немного, судя по изогнутым языкам металла, половина которого была содрана с корпуса. Но сколько же его! Больше, чем кто-либо из ситхов Кеша видел в одном месте,

несмотря на то что основная масса драгоценного материала, находящегося сейчас в обращении, переплавлена из осколков «Знамения», оставшихся на склоне горы после крушения.

«Какой же страшной была катастрофа!» — подумал Хилтс, изумляясь размерам корабля. Удивительно, что как от судна, так и от горы что-то осталось.

Илиана, как он и ожидал, пошла первой. Хилтса это устраивало: он последовал за ней с одним из световых стержней, принесенных Джеем. Скользнув взглядом по застывшему на мраморном полу перед люком кешири, Хилтс махнул ему, чтобы заходил.

— Это кощунство, — пробормотал Джей. — Я, кешири, недостоин…

— Забудь об этом. Нам нужен свет.

Хилтс нашел Илиану в передней части корабля. Здесь, как и везде на судне, виднелись следы трагедии. Потолок был вдавлен и изогнут. Передние окна разбиты вдребезги, часть их выгнулась наружу. Что выбило их изнутри? Хилтс не представлял.

Не то чтобы он хорошо разбирался в том, что видел. Гладкие темные панели чередовались с разрывами, обнажавшими спутанные металлические внутренности корабля. Хилтс присмотрелся к одному, потом к другому; он мог распознать символы ситхов, но не все термины понимал. «Телеметрия». «Гиперпространство». «Астронавигация». Звучало волшебно. Ученые Племени пытались сохранить знания о космических путешествиях, но провалились в этом, как провалилось и все остальное за последние столетия.

Илиана постукивала по черным панелям, словно ударь она посильнее, и корабль оживет. «Да, она будет искать путь из этого мира, — подумал Хилтс. — Как и все остальные».

Женщина врезала кулаком по одной из панелей, и та раскололась.

— Здесь ничего не работает!

— Нет, — возразил Хилтс, — кое-что работает.

В задней части мостика Джей завороженно опустился на колени перед мягко светящимся экраном. Цифры ситхов отражались на его лице, сменяя друг друга, пока шли секунды. Это было то самое устройство, что имитировали их Песочные Трубки, — хронометр «Знамения».

— Он все еще работает! — обомлев, произнесла Илиана.

Хилтс пожал плечами. Все на борту судна требовало того или иного вида энергии; может быть, хронометру надо было совсем немного. Он шагнул ближе и тронул застывшего кешири за плечо:

— Сегодня тот день, какой ты и думал, Джей?

Рот Джея открылся, но из него не вылетело ни звука. Наконец он сухо ответил:

— Да. Песочные Трубки опаздывали на восемь дней. Как и в моей теории…

Голос Джея оборвался, и Хилтс ласково взглянул на своего помощника:

— Отлично, Джей. Я впечатлен.

Они с Джеем провели почти всю жизнь, строя теории и зная, что никогда не смогут проверить правильность своих выводов. Но Джею повезло увидеть подтверждение верности своих расчетов. Это странным образом задело Хилтса. Ошибочно полагать, что у ситхов и кешири могут быть одни цели. Но у них с Джеем так и было. И теперь Джей нашел свой ответ.

Хилтс почувствовал внезапный укол зависти и перевел взгляд к центру помещения. Того, что искал он, здесь не было.

— Это здесь находилось капитанское кресло? — Илиана указала на пустующее возвышение. — То, что ты ищешь?

— Я всегда знал, что его нет внутри «Знамения», — ответил Хилтс, подойдя к возвышению. — Я думал, нужно будет просто осмотреться.

Было хорошо известно — по картинам кешири, — что Корсин, став принимать посетителей, перенес капитанское кресло на колоннаду. Конечно, сейчас его там нет. Как и здесь.

Илиана бросила на него страдальческий взгляд:

— Я не понимаю. Имея такой корабль, зачем Корсин переселил всех в Тав? — Она нависла над Хилтсом, присевшим на более или менее чистое место. — Может быть, их поколение и не могло починить его, но остановить все работы и уйти?! Я права. Корсин был дураком!

— Он хотел, чтобы Племя построило свою жизнь на Кеше, — парировал Хилтс. — Он лучше, чем кто-либо, знал о состоянии корабля. Они никуда не собирались. Ты сама видела, что здесь вокруг. «Знамение» сможет покинуть это место, только если разобрать здание. Они построили убежище вокруг корабля. — Он шагнул к зияющей впереди дыре и взглянул на каменные стены снаружи. — Это не стойло для увака, Илиана. Это могила.

Вспомнив лицо из Завета, Хилтс попытался представить, как это было: как Корсин объяснял свой план, как предложил укрыть судно от внешних стихий и как согласились все остальные. Но когда *другие* — уродцы Равилана — исчезли, Корсин стал все чаще обращать внимание выживших на Кеш. Это было лучшее, на что они могли надеяться. В конце концов храм опечатали и покинули гору, положив конец искушению.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Хилтс уловил движение снаружи и охнул:

— Там кто-то есть!

Он нырнул вниз. Появились огни, по изогнутым стенам поползли длинные тени. Илиана яростно толкнула Джея на пол и кинулась к Хилтсу. Они осторожно выглянули наружу: в храм входили люди со световыми стержнями в руках.

Хранитель насчитал восьмерых, но голосов расслышал больше. Кое-кого он узнал сразу. Лысый здоровяк Корсин Бентадо, лидер корсинитов, за прошедшую неделю сильно пострадал в боях, потеряв где-то левую руку. Еще трое были одеты в некогда сияющие туники «Золотой судьбы» — секты, одержимой звездным происхождением Племени, но их яркая форма потеряла свой блеск.

И один из них выглядел знакомо. «Я знаю этого человека», — прошептал Хилтс Илиане, указав на молодого светловолосого воина. Эделл Врай был одним из немногих постоянных посетителей музея; его занимала архитектура эры Корсина, а также истории о «Знамении». О корабле он мог говорить бесконечно. Хилтс ожидал, что Эделл будет безумно рад наконец-то увидеть звездолет своей мечты. Но молодой человек выглядел угрюмо. До хранителя донеслись слова Эделла:

— Меня тошнит от этого. Это… эта вещь — всего лишь ящик для рабов!

Хилтс чуть не подскочил при этих словах, но Илиана толкнула его обратно. И они вместе слушали пренебрежительные высказывания Эделла и его спутников из различных группировок о звездолете.

— Ты имел в виду, ящик для паразитов, — произнес кто-то.

— Он виноват в нашем заточении здесь, — добавил Бентадо. — Это *знамение*, говорящее об отчаянии.

— Ты прав, — заявил Эделл, его слова эхом разнеслись по залу. — Мы должны уничтожить его.

Хилтс и Илиана ошеломленно переглянулись. Снаружи к горячему призыву присоединились люди, ранее никогда и ни в чем не приходившие к согласию.

— Верно! — загрохотал глубокий голос Бентадо. — Последний, дерзкий удар. Наши люди погибнут, но погибнут, показав судьбе кулак.

— Я знаю, что тут следует предпринять, — продолжал Эделл. — Наше последнее совместное деяние. У нас получится.

Хилтс побледнел, услышав снаружи грохот направляющихся к выходу шагов. Он ожидал, что они попробуют подняться на борт «Знамения». Но они не стали. Неужели желание саморазрушения захватило все их чувства?

«Да, — признался он самому себе, — так оно и есть».

— Они не смогут разрушить такую большую штуковину, — сказала Илиана, озираясь по сторонам. Голос ее был хриплым. — Взрывчатки не осталось. Что они собираются делать? Мечами его резать?

Этого Хилтс не знал, но он хорошо знал Эделла и не сомневался в нем.

— Он найдет способ, — произнес Хилтс, поднялся на ноги и ухватил Илиану за руку. — Быстрее! Мы должны найти то, что Корсин оставил позади, пока не станет слишком поздно!

3

Эделл уже продумывал это, понял Хилтс, выглядывая в узкое окно. С причудливого купола, венчающего крышу храма, открывался прекрасный вид на квадрат главной площади, где, к изумлению Хилтса, кипела бурная деятельность.

Солнце уже спускалось в бескрайний Западный океан, а работа ситхов только началась. Там было по меньшей мере человек тридцать; кто-то облачен в форму, кто-то вовсе отказался от одеяний своих фракций. Многие прибыли, пока Хилтс и два его спутника ожидали удобного случая скрытно покинуть «Знамение». И все теперь были задействованы в грандиозном техническом проекте. В разрушительном проекте. Воины разошлись по сторонам огромной сторожевой башни, опутав опоры длинными кожаными канатами. Башня была чудом архитектуры, в верхней ее части, высоко над землей, располагались наблюдательные площадки, что создавало значительный перевес. Будет не так уж сложно свалить ее.

Хилтс точно знал, куда она упадет. Эделл стоял на площади, распределяя команды уваков. С помощью зверей — на земле и в воздухе — Эделл явно рассчитывал уронить тяжелые площадки каменной башни прямо на крышу хранилища «Знамения».

— Это здание построено добротно, — сказала Илиана, глядя поверх его плеча. — Удастся ли им таким образом разрушить его?

— Оно расколется, как уваксное яйцо от удара молотом, — пробормотал Хилтс.

Он знал Эделла — впечатлительный, но прилежный. Эделл изучал строительство классических сооружений и вблизи видел хранилище «Знамения».

— Они не могут поднять корабль в воздух, но они точно смогут зарыть его под землю.

— Он и так мертв и похоронен, — усмехнулась Илиана.

Хилтс лишь покачал головой, не отрывая взгляда от площади. Там так много людей, и все стремятся к общей разрушительной цели. Он узнал Ниру — безобразного вождя отряда «Пятьдесят семь» — по ее широченной мускулистой спине. Она трудилась рука об руку с остальными.

— Там, рядом с ней, разве не кто-то из твоих «Сестер Сиелы»? — Хилтс прищурился, вглядываясь в сгущающийся мрак. — Ты ведь их предводитель? Разве они не послушают тебя?

— А ты не видел, что происходило в последнее время? Никто теперь ни за кем не следует, — ответила Илиана, пожав плечами.

— Но они работают все вместе. Людям нужна цель. — Хилтс

моргнул. Единство, на которое он так надеялся, нашло свое выражение лишь в том, чтобы разрушить все надежды. Он внимательно посмотрел на Илиану. — Ты могла бы жить, если бы присоединилась к ним.

— Не выйдет. Как ты думаешь, кто оттяпал руку Бентадо?

Сзади, в прихожей, раздался громкий щелчок.

— Я справился с задвижкой, хранитель, — поднимаясь, сообщил Джей. Тяжелая внутренняя дверь, ведущая в ротонду, со скрипом отворилась — впервые за многие столетия.

— Тонкие пальцы, — сказал Хилтс. — Помогает хоть кому-то следовать за тобой.

Джей ждал своего хозяина и Илиану на входе, держа в руке только что зажженный светильник.

Зал «Знамения» внизу был занят огромным кораблем, а в этой маленькой круглой ротонде не было ничего, кроме одинокого кресла у жаровни. Хилтс стремительно шагнул к нему. Да, это оно. Капитанское кресло. Трон верховного повелителя.

Хилтс подошел к креслу так близко, что мог бы коснуться его, и огляделся. Странное это место для трона, одиноко стоящего здесь, на самой вершине храма. Хранитель прищурился, вглядываясь в потолок. Светильник Джея был слишком слаб, чтобы осмотреть все помещение.

— Видите что-нибудь наверху?

— Пожалуй, я знаю, что делать, — заявила Илиана.

Схватив Джея, она резко разорвала тунику на спине испуганного слуги. Не говоря ни слова, скомкала ее и бросила в жаровню. С помощью кремня, пристегнутого сбоку цепочкой, она быстро разожгла небольшой костерок. Дым потек в щели под потолком.

Джей зябко поежился.

— Снаружи могут увидеть дым, — предупредил он.

— Мне все равно, — сказала Илиана. — Все, что мне осталось, — драться до конца.

Хилтс взглянул на помощника и пожал плечами. Здесь, наверху, было неожиданно холодно — даже для путешественников со звезд.

— Просто встань поближе к огню, — посоветовал он, прежде чем взглянуть вверх.

На мгновение он решил, что видит звезды. Но, приглядевшись, Хилтс сообразил, что это:

— Планетарий!

В сводчатый потолок были вставлены алые камни, мерцающие так же тепло, как и огонь под ними. Одну за другой, хранитель отыскал звезды летнего неба Кеша и увидел много

других, незнакомых.

— Это лигнанские кристаллы? — спросила Илиана.

— Почему бы и нет? — рассмеялся Хилтс.

Их-то у экипажа «Знамения» было в избытке.

Он снова посмотрел на кресло — потерянную деталь с мостика звездолета. Легко было представить Яру Корсина здесь, обдумывающего в ночи возвращение своего народа к звездам. Хилтс снова вспомнил слова Корсина из Завета. Что там, позади трона? Насколько он видел, ничего. Лишь голая стена. Может, дело в звездной карте? Но она над троном.

Илиане было плевать на карту над головой и на историческую ценность окружающего вообще. Так что она плюхнулась в кресло и закинула ноги на подлокотник.

Хилтс вытаращил глаза:

— Ты собираешься сидеть здесь?

— Я не собираюсь. Я сижу. — Она машинально отстегнула свой световой меч и перекинула его из руки в руку. — Они либо обрушат Храм под нами, либо найдут нас. Если придется ждать, я предпочитаю делать это сидя.

— Ладно, как хочешь.

— Знаешь, это помещение абсолютно бесполезно, — сказала Илиана, хрустнув запястьями. — Здесь есть только карта летнего неба.

Хилтс кивнул. В звездной карте было больше красоты, чем пользы. Но он все еще размышлял о кресле — и о Завете Корсина.

— У тебя есть нож?

— Конечно. — Илиана с помощью Силы вытянула стеклянное лезвие из ножен в сапоге. Оружие зависло в воздухе, прямо перед лицом Хилтса.

— Большое спасибо. — Он взял нож и опустился на колени за креслом.

Позади трона. Неуверенно, почти испуганно, Хилтс ткнул кончиком шиккара в твердую кожу задника. Он понимал, что ситхи не сильно заботились о комфортабельности своих кораблей, но даже настолько грубая обивка командного кресла не стала проблемой для кеширского лезвия. Стараясь не сре́зать больше, чем надо, Хилтс отложил нож и скользнул рукой внутрь.

Илиана так и сидела в кресле, наблюдая за тем, как старик вслепую шарит внутри; его рука по локоть погрузилась в кресло.

— Ты выглядишь по-дурацки, — сообщила она.

Чувствовал себя Хилтс примерно так же и уже собирался прекратить все это, когда его рука добралась до подлокотников.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Зашито внутри!

Он быстро потянул руку назад, еще больше разрывая обивку.

В стеклянной колбочке находился свернутый лист прозрачной пленки — тоньше, чем любой пергамент кешири. Хранитель поднес его ближе к затухающему огню — и символы обрели смысл.

— Что там написано? — спросила Илиана, внезапно заинтересовавшись находкой.

— Это древний язык тапани — язык людей, которыми правили ситхи, — ответил Хилтс. — Язык матери Корсина.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я изучал его, а она это написала.

Он скинул ноги Илианы с подлокотника и поднес пленку настолько близко к жаровне, насколько осмелился.

— Такара Корсин. Отец Корсина оставил ее ради матери Девора. — Хилтс внимательно разглядывал написанное. Он провел весь прошлый год, изучая тексты на этом языке. Медленно, но уверенно он прочел его. — Послание помечено как личное. Передано Корсину доверенным курьером.

Сглотнув, он зачитал вслух:

> Знаю, ты устал слушать о моих видениях, мой сын. Если у тебя все в порядке, я надеюсь, ты не увидишь это письмо, пока выполнение твоей миссии не будет идти полным ходом. Я рада, что Нага Садоу поручил тебе командование столь важным для него делом, — пусть меня, как и весь наш народ, огорчает, что твоя победа обернется славой лишь для него.
>
> Да, у меня было еще одно видение. Я видела наших потомков свободными от красных ситхов, правящими великим народом. У нас будет что-то свое. Правильное правление откроет перед нашим народом новые горизонты, новые места для завоевания.
>
> Яру, только ты достаточно мудр, чтобы вести наш народ. Девор скоро найдет свою погибель; я чувствую, что его избранница Сиела сильна, но это его не спасет. Ты один знаешь, как управлять толпой, как создать гнев, во что вылепить его для достижения цели.
>
> И цель у тебя будет. Береги себя. Если ты поведешь за собой людей, у них всегда будет к чему стремиться.

Хилтс убрал письмо подальше от огня и задумался. Он даже не заметил Джея, с благоговением подошедшего сзади.

— Посмотрите на дату, — вздрогнув, сказал кешири и указал через плечо Хилтса на символы с краю. — Он получил это как раз перед отправлением «Знамения» на Фаэгон.

Подумав, Хилтс кивнул. Нет, Корсин не мог позволить кому-

либо прочитать это послание, пока еще работал на Нагу Садоу, — отсюда и тайник. Но получается, Корсин держал послание при себе четверть столетия.

— Я всегда удивлялся, откуда он черпал силы, чтобы двигаться вперед.

— Ободряющая чушь от любящей мамаши, — фыркнула Илиана. — Даже Корсин не мог бы поверить в эту ерунду.

— Тсс, девчонка. — Хранитель взглянул на нее. — Она мудра. Она видела — мы можем многое создать. И это доказывает, что наш народ не предназначен для рабства. У нас есть будущее. — Хилтс внезапно поднялся и направился к выходу. — Те люди, снаружи. Если я прочитаю им…

— Они не захотят слушать, — перебила его Илиана. — Все зашло слишком далеко. Я не стала бы слушать.

Хилтс остановился, так и не дойдя до двери. Он вновь взглянул на письмо и нахмурился.

Илиана права. Чувства — утешение для души, но людям нужна конкретная цель. Например, уничтожить космический корабль, разрушив башню.

— Что могло бы вас сплотить? — поинтересовался он, а затем свернул послание и засунул его в сосуд.

— Я! — не задумываясь, ответила Илиана.

— Хм…

Криков снаружи доносилось все больше. Команда разрушителей приближалась к своей цели. Хилтсу и его спутникам нельзя было оставаться здесь, на самом верху могилы «Знамения».

— Подожди-ка, — сказал Хилтс, уставившись в пол.

Джей дрожал у остывающей жаровни:

— Что такое, хранитель?

— Корсин имел в виду не это послание. — Он посмотрел на кресло, где все еще сидела Илиана. — Вспомните дословно: истинная сила — позади трона. Не в нем. И не за тем, кто на троне восседает!

— Хочешь сейчас порассуждать о семантике? — Илиана тряхнула головой. — О нет. Ты ищешь ясность в словах мертвого дурака…

— Дурака, достаточно умного для того, чтобы завоевать расу туземцев. И тайно вырастить из дочери сильного воина у всех под носом. Нет, — заявил Хилтс, вертя в руке сосуд с посланием, — это письмо было важно для Корсина, но он имел в виду не это. — Хилтс вновь посмотрел вверх, на тускнеющие вместе с огнем фальшивые звезды. — Все неправильно.

Илиана поерзала в кресле:

— Что ты имеешь в виду?

— Это место. Не могу поверить, что Корсин все время проводил здесь, — ответил хранитель. — Ты права. Эта карта — всего лишь украшение. Корсин строил империю на Кеше. А не сидел здесь, глядя на звезды! — Хилтс осторожно обошел комнату. — И ты видела его на записи.

— Помню. — Ее заинтересованность возрастала вместе с тем, как оживлялся хранитель. — Он истекал кровью.

— Легенда гласит, что Корсин был смертельно ранен на западном склоне и вернулся обратно, к креслу, чтобы записать Завет.

— Вернулся сюда, — вставил Джей.

— Нет! — Хилтс в мыслях воспроизвел просмотренную недавно мерцающую запись. На записи не было видно фона. Они видели только кресло. — Мы предположили, что запись была сделана здесь, когда нашли кресло. Но взгляни — здесь очень высоко. Яру не смог бы забраться по всем этим лестницам с открытой раной в груди. Я не ранен и то едва сделал это.

Илиана встала и уставилась на кресло:

— Не понимаю. Они перенесли его сюда после смерти Корсина? — Она пожала плечами. — Зачем? И куда же он еще мог пойти, а?

Хилтс на секунду замялся, но его помощник, жавшийся к жаровне в поисках тепла, пискнул:

— Может, есть что-то под «Знамением».

— Под? — Хилтс заморгал — в ротонде темнело. — Под «Знамением» ничего нет. Они построили Храм над кораблем, там, где он лежал.

— Но корабль приземлился на склоне, — не уступал Джей. — А все, что мы видели, было ровным. Они подперли его каменной кладкой. — Он поерзал, посчитал что-то на лиловых пальцах, прежде чем поднять взгляд. — Мы вошли в храм через открытый проход по двадцати трем ступеням лестницы, ведущей со средней террасы. И мы прошли мимо запертой двери на седьмой ступени. — Маленький кешири удовлетворенно скрестил руки на груди. — Что-то есть в основании храма «Знамения».

Илиана закатила глаза:

— Он считал ступени?

— Он считал ступени, — усмехнулся Хилтс.

Но его мгновенно улучшившееся настроение было испорчено содроганием пола. Их соплеменники приближались к своей цели.

— И чего вы ждете? Идем!

4

Здесь никто не появлялся уже два тысячелетия, да и раньше тут вряд ли было многолюдно. В отличие от пристанища «Знамения» над ними и от небесного купола, венчающего храм, нижний этаж не был священным или публичным местом. Ничто не разгоняло тьму узкого коридора, да и вход в восьмиугольную комнату оказался гораздо скромнее, чем встречавшиеся им до этого двери, украшенные затейливым орнаментом.

Хилтс и его спутники незаметно проскользнули через площадь, воспользовавшись царящей там суетой, и добрались до катакомб.

Канаты оборвались, и план Эделла по обрушению башни на «Знамении» был временно приостановлен, но Хилтс понимал, что рано или поздно они добьются успеха. Он должен был выяснить, что имел в виду Корсин, раньше, чем это произойдет.

А в темноте сделать это было нелегко.

— Раздобудь еще светильников, — приказал он Джею.

Тот кивнул и выбежал.

Они попытались разглядеть помещение с помощью нескольких световых стержней, которые принесли с собой, и световых мечей. На одной из стен была вырезана в камне огромная карта их континента, Кешты, — планетарный эквивалент небесной карты наверху; небольшие лигнанские кристаллы, вставленные в карту, обозначали селения. В другой стене находилась дверь; остальные шесть были облицованы огромными гладкими плитами сланца того же размера, что и карта Кешты.

— Мне здесь не нравится, — сообщила Илиана, крепче сжимая свой меч. — Это смертельный тупик.

— Смертельный, правильно, — отозвался Хилтс, уставившись вверх. — Яру Корсин умер здесь. Я чувствую это.

Илиана на мгновение прищурилась:

— Я тоже чувствую это, очень отчетливо.

Хилтс проигнорировал ее, опустился на колени в центре комнаты и поднес световой меч ближе к полу.

— Вмятины, — объявил он, пощупав поверхность. — Четыре. Сюда приносили кресло Яру Корсина на ночь. — Он взглянул на карту на стене. — Он сидел лицом сюда.

— Почему они не оставили кресло здесь после его смерти?

— Может, Нида хотела, чтобы будущие поколения думали, что Яру проводил все свое время, созерцая космос и думая о возвращении.

Илиана усмехнулась:

— Тогда ей стоило пробить несколько окон в зал, где находится корабль.

Хилтс встал и подошел к карте. Да, в этом есть смысл. Это вам не причудливая ротонда, это место для работы; здесь Корсин решал, как Племя будет править своим новым миром. Он пустил сюда только верных кеширских слуг — они создавали карту. Оглянувшись, Хилтс прищурился, разглядывая в темноте другие стены. Невероятно огромные пластины черного сланца крепились к стене металлическими штырями — их, вероятно, сняли со «Знамения». Хилтс представил себе, как Корсин работал здесь, продумывая политику Племени. Если капитанское кресло стояло развернутым к карте — невозможно представить, что было иначе, — то «позади трона» не было вообще ничего. Только гладкая черная панель.

Он погасил световой меч и уставился во тьму.

Что Корсин имел в виду?

В голове мелькнула интересная мысль. Хилтс шагнул прочь от карты… и увидел влетающую в комнату фигурку, брошенную из коридора Силой.

— Джей! — закричал Хилтс, когда кешири рухнул у дальней стены. Старик кинулся к своему помощнику и перевернул его — обнаженная грудь кешири была испещрена ожогами.

Раны от светового меча. Или от нескольких.

— Простите, хранитель! — кашляя, произнес Джей. Жизнь покидала его. — Я пытался… найти… светильники…

Хилтс ошеломленно оглянулся. Илиана уже заняла боевую позицию. Один за другим те, кого они видели возле «Знамения», заполняли помещение, держа в руках световые мечи.

— Так-так, — пророкотал Корсин Бентадо, голос его сочился жутким восторгом. — Так вот куда стремглав неслась главная «Сестра»! — Он вскинул обрубок левой руки. — Я искал тебя!

— Не ты один! — рявкнула Нира, перегораживая путь к бегству вместе с Эделлом и несколькими его людьми из «Золотой судьбы». — Не то чтобы ты представляла серьезную угрозу, но пора с тобой разделаться!

— Давайте привяжем ее на башне и посмотрим, как она полетит, — предложил Бентадо.

— Нет, — перебил кто-то, указав на свое увечье, очевидно нанесенное Илианой. — Давайте прикуем ее туда, куда должен упасть молот!

— Забудьте об этом! — крикнула Илиана, приходя в движение. — Мы закончим это сейчас!

— Остановитесь!

Крик хранителя эхом прокатился по залу; его заметили только сейчас. Бережно держа в руках своего мертвого слугу, он закричал вновь:

— Кто это сделал?!

— Какая разница? — Зубы Бентадо сверкнули в свете меча. — Он же кешири. Его присутствие оскверняет это место.

— Что? — Отпустив Джея, Хилтс вскочил на ноги. Так зол он не был очень давно, с детства. — Кешири помогли построить это место. А осквернение? Это вы пытаетесь разрушить храм и «Знамение».

— Вся наша жизнь — скверна, — сказала Нира. У нее прибавилось шрамов с тех пор, как он видел ее в последней раз. — Вспомни наших хозяев-чужаков. Ты понимаешь, насколько может быть отвратительна жизнь.

Хилтс шагнул к ним, глядя на вышедшего вперед Эделла.

— Я знаю, как вы относитесь к этому месту, хранитель. Но это издевательство над нами — всеми нами. Все, что мы когда-либо знали о Племени, — ложь. Все кончено. Нет смысла цепляться за это место. Просто еще одна причина рассчитаться. Мы уничтожим его, а потом друг друга.

— Это не конец! — закричал Хилтс. — Это не конец!

— Нет, — произнес Эделл ледяным тоном, — конец уже наступил. Мы просто его не заметили.

Воины бросились в центр комнаты, сбив Хилтса с ног, — они стремились к Илиане, как к более опасному, по их мнению, противнику.

Взгляд откатившегося назад Хилтса остановился на черных панелях, пришпиленных металлическими штырями. По какой-то странной причине именно в этот момент ему вспомнилось то, о чем он подумал, когда Джей влетел в комнату: «Зачем тратить драгоценный металл на какие-то сланцевые панели?»

И вдруг он понял!

Напрягшись, Хилтс Силой дернул металлические стержни. И шесть массивных каменных панелей начали отрываться от стен и падать на пол. Хилтс толкнул Илиану, отбросив ее подальше от одной из них.

Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!

Бах!

Видя, что остальные дрогнули от неожиданности и потрясения, Хилтс вскочил на ноги и схватил светильник. Направив его на стены, противоположные карте, он увидел то, на что и надеялся…

…остальной мир!

Эделл Врай встал рядом:

— Что… что это?

— Это карта Кеша, — сказал Хилтс, поднеся свой световой стержень ближе к рисунку на дальней стене.

Панели, расположенные рядом с картой Кешты, были гладкими, но на четырех оставшихся на другой стороне комнаты был изображен огромный континент, затмевающий размерами тот мир, что они знали.

— Это карта дальней стороны Кеша. Это весь остальной мир!

Илиана широко открыла глаза:

— Но по ту сторону океана ничего нет! Они все исследовали после приземления «Знамения»!

— Они знали только о том, что видели со спин уваков, и о тех местах, куда мог долететь увак. — Хилтс взволнованно пробежал пальцами по карте. Там были кристаллы, означающие города — куда больше, чем на знакомой карте напротив, — и рядом выгравированы знаки тапани. — Это то, что было позади трона. — Хилтс развернулся к остальным. — Вот что имел в виду Корсин!

Когда хранитель повернулся обратно, воины растянулись по комнате, охотно используя свои световые мечи не для драки, а в качестве светильников.

— Что здесь написано? — озадаченно спросил Эделл. — В этом месте много символов.

— Секунду, — ответил Хилтс, миновав один сегмент. Надпись была выгравирована алмазной иглой — артефактом, над которым он немало поломал голову много лет назад, будучи смотрителем во дворце Тава. — Это автограф Корсина!

Комната погрузилась в молчание. Хилтс изучал письмена. Он разобрал несколько неологизмов — термины Кеша и кешири, неизвестные в языке тапани. Корсин, наряду со всем остальным, был, несомненно, и неплохим лингвистом. Хилтс сбивчиво стал читать вслух, настолько хорошо, насколько мог…

> Нида, ты изучишь этот язык по записям, которые я оставил тебе, но ты не увидишь эту карту. Никто не увидит. Она основана на последних записях с камер «Знамения» во время его падения над темной стороной Кеша. Когда я обнаружил камеру с работающим экраном, я спрятал ее, а затем долгие годы переносил на карту информацию с записи, пока не закончилась энергия.
>
> Наши люди и кешири уже считали, что этот континент — единственный среди гигантского моря. Целью нашего народа стало взять под контроль материк Кешта. Но то лишь Малая Кешта. Эта карта показывает

Большую Кешту — земли, превосходящие наши и находящиеся далеко за пределами полета любого увака! И густонаселенные!

Да, там есть люди. Должны быть. Там есть города, целая цивилизация. Люди такие же, как кешири, но, возможно, более развитые и, возможно, не испытывающие страха перед Детьми Небес. Они могут присоединиться к нам или стать нашими врагами.

Годами я тайно снабжал карту примечаниями — то, что понял, пока еще мог смотреть запись. Это и в самом деле новый мир. Я сделал все, что смог, и мои верные кешири запечатывают карты перед нашим отъездом в Тав.

Но тебе — или твоим потомкам — может однажды потребоваться цель, которая объединит весь наш народ. Знание, что я оставляю здесь, — истинная власть. Жадность подвигает ситхов на великие свершения. Теперь снова есть куда стремиться и чего можно достичь при мудром руководстве…

После того как он закончил читать, вновь наступила тишина. Хилтс посмотрел на слова тапани, на огромную новую карту, окружавшую текст, и выдохнул. Почувствовав легкое неудобство, он нащупал выпуклость во внутреннем кармане и вынул стеклянный сосуд.

— Мм… У меня еще есть письмо его матери.

Бентадо, мирно стоящий рядом с Илианой перед новой картой, обернулся к Хилтсу:

— Он мог оставить такие же надписи где угодно. Есть учебники этого языка?

— Были. Пока ваши люди не уничтожили мой архив. — Хилтс переступил с ноги на ногу. — Теперь я единственный, кто его знает. — Услышав собственные слова, Хилтс выпрямился. *Теперь я единственный, кто его знает!*

— Это… невообразимо, — произнесла Илиана. — Почему Корсин никому не рассказал?

— Ему и так надо было завоевать целый континент, — ответил Хилтс. — И его вражда с Сиелой и Джериадом была слишком личной — для них это ничего не изменило бы. — Он обвел взглядом собравшихся соперников. — Но это многое изменит для нас. Если вы хотите, чтобы ситхи действовали сообща, — дайте им врага.

Воспользовавшись затишьем, Хилтс развернул письмо Такары Корсин. Он читал о судьбе тапани — рабов, прозябающих на

землях ситхов; и он читал об их будущем — том, в котором они правили своим собственным миром. И другим. И еще одним. «Если ты поведешь за собой людей, у них всегда будет к чему стремиться».

Эделл выглядел ошеломленным:

— Как мы этого добьемся?

Каждый присутствующий понимал, о чем идет речь. Местная древесина была либо слишком тяжела, чтобы плавать, либо слишком хрупка, чтобы нести вес.

— Это будет наше величайшее свершение, — ответил Хилтс. — Но мы никогда не добьемся этого, если все будет продолжаться так же, как было. Нам нужен каждый. — Он кивнул уродливой Нире. — Каждый. Это потребует порядка и дисциплины. — Хилтс помолчал. — Как в былые времена.

Внезапно Эделл опустил свое оружие:

— Мы вновь вернем старые порядки. — Он шагнул к Хилтсу и опустился на колени. — Ты — хранитель. Ты один понимаешь старый язык, и ты знаешь о былых временах больше, чем кто-либо еще. Ты поведешь наш народ.

Хилтс изумленно уставился на коленопреклоненного молодого человека. Люди Эделла из «Золотой судьбы» также поклонились. Корсин Бентадо, стоявший в стороне, помолчал и наконец, кивнув, опустился на колени:

— Ты вернешь нашу веру в Корсина.

Даже Нира последовала его примеру.

— Когда выхода, казалось бы, не было, — сказала она, — ты нашел путь достаточно широкий для всех. Только тебе я верю.

Вскоре стоять осталась одна Илиана, с изумлением разглядывая своих противников, преклонивших колени перед потрясенным смотрителем музея.

— Приветствуем Варнера Хилтса — нового верховного повелителя!

5

Когда-то Хилтс дал минувшей эпохе имя. Сейчас, когда Век разложения закончился, он решил дать имя и наступившему.

Реконструкция Хилтса. Ему нравилось, как это звучит.

Самой многочисленной группировкой после двухнедельного хаоса по счастливой случайности оказалась «Золотая судьба». Как и их противники, они хотели завладеть властью на Кеше, но всегда обращали свой взор в нужном сейчас направлении — вовне. Хилтс не мог предложить им вернуться к звездам, как они того желали, но он нашел новый мир, который нужно завоевать. С помощью Бентадо, Ниры и остальных они быстро рассредоточились по материку, неся великие вести. Правление Племени восстановлено и вновь обрело цель.

Хилтс не беспокоился о том, как они доберутся до новой земли. Его главный инженер Эделл пообещал подойти к вопросу серьезно и решить, как можно преодолеть расстояние, которое никогда не преодолевали ни один увак и ни одна лодка. Это могло занять годы, десятилетия, даже столетия, но Племя должно преуспеть.

Новый верховный повелитель изумлялся тому, что они нашли. Рассказал ли Корсин Адари Вааль о другом материке? Так или иначе, если она как-то добралась туда на похищенных уваках, жители знают о существовании ситхов. Записи Корсина, кажется, точны. Захват новой земли окажется сложнее завоевания старой.

А перспектива вызова заставляла его чувствовать себя моложе.

Было и еще кое-что. Эта идея почти опоздала. Как только Эделл и остальные провозгласили его верховным повелителем, Хилтс увидел огонь в глазах Илианы. Ведь в конце концов, это она боролась за власть, а не хранитель. Он и не ждал ничего подобного. Но едва прошел первый шок — и осознавая, что Бентадо и другие все равно будут мстить Илиане, — он понял, что нужно сказать в первую очередь. «Если я — верховный повелитель, то мне нужна жена».

Сюрпризом эти слова стали не только для Илианы; Хилтс сам с трудом верил, что произнес такое. Он так и не узнал, что она думает об этом, — до этой минуты, здесь, на залитой солнцем колоннаде у вершины Храма. Величественная Илиана стояла напротив него в сверкающей золотой мантии — результат труда лучших кеширских портных. Брачные ритуалы интересовали Племя лишь в качестве повода для празднества; верность мало что значила для истинного ситха. Но вот право собственности

было важно, и Илиане кое-что перепало. Несколько бывших «Сестер Сиелы» тоже присутствовали при этом, в одеждах своей фракции. Очевидно, такой поворот событий уладил многие разногласия.

Покрутив на пальце древнее обручальное кольцо Сиелы, Илиана вяло улыбнулась собравшимся, а затем взглянула прямо на Хилтса.

— Мы оба знаем — все это смехотворно, — прошептала она. — Если ты думаешь, что я благодарна за свое спасение…

— Никогда так не думал, — перебил ее Хилтс.

На секунду это, казалось, удовлетворило женщину. Но пока члены Племени проходили мимо, приветствуя их, Илиану внезапно озарило.

— Подожди, — пробормотала она себе под нос. — Если ты возрождаешь старые порядки, не значит ли это, что супруг верховного повелителя будет умерщвлен после смерти своей половины? — Ее брови взметнулись вверх язычками пламени. — Точно! Так говорилось в Завете Корсина.

— Разве? — Хилтс мягко взглянул на нее снизу вверх. — Я подзабыл.

Илиана тихо злилась. Хилтс посмотрел на свою молодую невесту и усмехнулся. Правление будет мудрым, пока он жив, а он собирался прожить еще лет сорок, потому как в этом был заинтересован и еще кое-кто. Сильный, молодой и ловкий, не избегавший драк. Разумеется, многие согласились присвоить ему титул, поскольку он был легкой добычей — он, но не она. Для нее единственная возможность сохранить свою жизнь — это защищать мужа.

Хилтс взглянул на нависшую над ними статую. Она изображала Яру Корсина, проявлявшего мудрость во всем, даже в вопросах брака. Позади изваяния стояли празднично одетые ситхи Племени, ожидающие своей очереди поприветствовать нового вождя и его невесту. Хилтс решил, что, должно быть, все ситхи Малой Кешты — те, кто выжил, — пришли сегодня сюда. Некоторым немало досталось в кошмаре последнего месяца, но они были здесь, празднуя их свадьбу и последний день торжества Восшествия Ниды. Этот праздничный месяц никто никогда не забудет!

Сбоку от колоннады стояли сотни кешири, в восхищении хлопая ладошками. Махнув им, Хилтс услышал в ответ одобрительный визг. Кешири не были частью Племени, но Хилтс собирался исправить это. Многие из них талантливы, а Племя будет нуждаться во всех, чтобы осуществить свои намерения.

На секунду он представил, как смотрелся бы маленький

бедный Джей в форме неофита или мечника. Хилтс улыбнулся своим мыслям. Это потребует времени, но он осуществит свои намерения.

Его жизнью было чтение истории. Пришло время писать свою собственную.

Племя будет жить.

Пандемониум

1

2975 лет до Битвы при Явине.

— Готовься! Цельсь! Огонь!

Множество деревянных катапульт громыхнуло в унисон, могучий рокот разнесся по всей крепости. Совсем немного времени на перезарядку — и снова грохот. А затем еще. Этот шум отмечал каждые четверть часа в этом маленьком селении так же, как и в больших городах континента. По утверждению некоторых, он мог бы стать национальным гимном, но Аланциар и так изобиловал патриотическими песнями.

А здесь отличные стрелки, решила Куарра, осмотрев слаженно двигающихся стрелков, пока ее мунток приближался к крепости. Появление шестиногой неуклюжей рептилии с всадником-кешири не отвлекло курсантов. Пауза между выстрелами их прочных ручных баллист была короче, чем у большинства стрелков нагорной метрополии. Заслуга оружия или солдат? «Пожалуй, и того и другого», — решила она. Ее собственный округ Ухрар остался позади, в глубине материка. Кешири здесь, в крепости горловины Гарроу, которая перекрывала один из длинных отрогов, вдающихся в Западное море, и должны быть лучшими — это опасный район.

Куарра имела полное право тут находиться, но все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Коричневый с серым камзол, серебристые волосы собраны в тугой пучок — такой военный стиль был хорош для мест, откуда она прибыла, но здесь — действующая военная крепость. Она была знакома с тяжелой работой, но все давно изменилось…

— Стой там! — Капитан с багровым лицом, стоявший рядом с шеренгой, дунув в свисток, побежал к ней.

Куарра натянула вожжи и прикрикнула. Массивный мунток резко остановился, подняв в воздух облачко красного песка прямо в лицо подбежавшему офицеру. Тот, ругаясь, старался прочистить свой единственный глаз.

— Простите, — произнесла Куарра, хлопнув рычащую тварь по морде. — Мунтоки — это куча ног и тучи песка.

Капитан не улыбнулся:

— Документы!

— Меня уже проверили у восточных ворот. Как вы думаете, я…

— Документы! — Он поднял оружие.

Куарра решила, что оно наверняка заряжено короткими

острыми стрелами, а не дешевыми стеклянными стержнями, какими стреляют курсанты.

— Ладно. — «Суровые они тут, на западе». Покопавшись в сумке, Куарра протянула капитану кожаную папку. — Проездные письма и документы.

Курсанты прекратили стрельбу, уставившись на нее с детским любопытством. Кеширские парни и девушки от двенадцати до пятнадцати лет, тщательно отобранные. Куарра переводила взгляд с одного юного лица на другое. Через год и ее старшая дочь станет курсантом. Она снова посмотрела на капитана, листающего ее бумаги. Может, он потерял глаз еще новобранцем. А может, и нет: он уже слишком стар для такой службы, что говорит только об одном: он хорош в своем деле. Ни один разумный командир не отошлет талантливого канонира из горловины Гарроу. Здесь все и было.

То есть, наоборот, будет.

— Военный комендант Куарра Тейн! — охнул капитан. Столь высокие регалии, видимо, испортят ему аппетит на весь следующий месяц. — Я задержал военного коменданта. Мне очень жаль, госпожа.

Появилось искушение поважничать перед офицером, но Куарра напомнила себе, зачем она здесь.

— Нет проблем, капитан…

— Руэн. Дивизия Сто восьмого учебного подразделения Юго-Западного управления.

— Не извиняйтесь, Руэн. Вы ведь на острие клинка. Или близко к этому.

В ее пропуске указывалось, что она следует на мыс Сопротивления. Гранитный конус — одна из самых западных точек Аланциара — возвышался на дальнем конце узкого полуострова, за крепостью. Многие сравнивали континент с лапой мунтока. Основная часть населения и промышленности находилась на возвышенностях огромного «бедра» на востоке. Пересеченный каналами регион Шанк тянулся на запад и оканчивался Шестью Когтями. Эти гористые полуострова почти параллельно тянулись в Западное море. На конце каждого Когтя стояли сигнальные станции, готовые к тому, когда грядет наконец страшный день.

Капитан, откашлявшись, свернул бумаги:

— Я удивлен, что вы не вернулись вместе с остальными высокопоставленными господами в преддверии Ритуального дня.

— Это неплохое время, чтобы посетить фронт.

Капитан подмигнул ей здоровым глазом:

— Военный фронт, мой фиолетовый зад! Я в основном занят

тем, что не пускаю призывников за стены крепости. Береговая охрана ударит по любому снаружи, даже по своим. Тридцать лет, и это все, с чем я борюсь.

Куарра вернула документы в папку и указала на высокие ворота впереди:

— Мне туда?

— Если только не желаете поплавать.

Летающие верховые ящеры — уваки — в этих областях являлись прерогативой исключительно береговой охраны, да и морские перевозки в восточных и западных заливах, образованных Шестью Когтями, были крайне ограниченны. Так что на мыс Сопротивления можно было попасть только через военный лагерь в горловине Гарроу.

— Хорошей дороги. И будьте готовы!

— Будьте готовы, — ответила она, взяв в руки поводья.

Пустив мунтока рысью, Куарра направилась к западным баррикадам — много веков укрепления строились и перестраивались. Но ее взгляд не отрывался от сигнальной башни, возвышающейся между кольцами крепости. На башне вспыхивали и гасли искрящиеся огни, хорошо видимые на исходе дня. Она пристально всмотрелась в них, вновь вспомнив, зачем она здесь.

Все началось с сообщений, посланных три года назад через эту станцию. И сейчас, впереди, она впервые видела источник этих посланий. Когда огромные ворота открылись, пропуская ее, Куарра ступила на скалистую тропу. Мыс Сопротивления выступал из штормового океана, наполовину утонув в морском тумане. Одинокая постройка на вершине мыса мигала крошечными огоньками в ответ крепости, возвышающейся над Куаррой.

Пару секунд она раздумывала о том, чтобы повернуть назад по тому длинному пути, что привел ее сюда. Если она к ночи доберется до уваксих стойл, то сможет вернуться в свой мир до того, как кто-то узнает об этой поездке. Куарра Тейн — жена и мать троих детей, военный комендант Ухрара, женщина, владеющая мистическими способностями, зовущимися Силой, что редкость среди кешири, хотела в тот момент оказаться где-нибудь в другом месте. Официально она находилась в рабочей поездке на военных фабриках Северного склона Аланциара, а не направлялась на тайную встречу непонятно куда и неизвестно с кем.

Позади нее возобновилась стрельба, короткие выстрелы синкопировали со вспыхивающими впереди огнями. Почти загипнотизированная вспышками и грохотом, она почувствовала,

как путь ее стелется перед ней. Было что-то, что она должна сделать.

Куарра глубоко вдохнула и пустила мунтока в галоп.

Лучше бы оно того стоило.

Солнце низко стояло над Западным морем, но Куарра не ошибалась. Где-то там была тьма. Оттуда, с запада, тянуло подлостью и обманом, ненавистью и страхом.

Но Защитники, создавшие Аланциар и весь Кеш, хорошо обеспечили свой народ. Шесть Когтей были действительно похожи на когтистую лапу, скалистые мысы вздымались зубчатыми вершинами. Столетиями заливы были оживленными гаванями судов береговой охраны, а часовые на уваках парили над головами. Со временем на всех шести полуостровах возвели действующие укрепления.

Здесь, на мысе Сопротивления, все еще можно было увидеть открытые ветру развалины тех ранних крепостей. От руин, раскиданных перед сигнальной башней, мало что осталось, — очевидно, войска горловины Гарроу когда-то практиковались здесь в стрельбе. Большинство форпостов забросили, когда боевые силы стянули на более крупные отроги к северу. Пусть те полуострова не заходили так далеко на запад, как мыс Сопротивления, но склоны там были выше, а гавани — шире; и, находясь севернее, они лучше защищали массив Аланциара. С тех пор как возвели новые укрепления, воздушные и морские патрули перенесли ближе к береговой линии. Народ Аланциара прятался, и было бы ошибкой случайно разбудить Разрушителей, заплыв слишком далеко в море.

Силуэт сигнальной башни вырисовывался впереди — алебастровый цилиндр, окруженный стеной. Огороженные выступы на самом верху смотрели во всех направлениях, система огненных сфер расположилась на колоннах над восточным балконом. Спешившись перед стеной, Куарра нашла столб и привязала мунтока.

— Туман опускается, — сообщил открывший ворота кешири лет шестидесяти. Половины зубов у него не хватало. — Будет буря.

Увидев его, Куарра побледнела. Куцые восковые волоски оканчивались забавными завитушками за ушами, а пуговицы униформы еле сдерживали знатное брюшко.

— Вы Йоган Хальдер?

— К сожалению, нет, — ответил встречающий. — Он в башне. Я с ним работаю.

Куарра с облегчением выдохнула про себя:

— Вы мыслевестник?

«Я — да, — сказал он через Силу. — А вы?»

Куарра закрыла глаза и послала мысленный утвердительный ответ. Она сразу же вновь распахнула глаза и увидела, как старый кешири улыбается.

— Рад встретить того, кто обладает таким же даром, — произнес он. — Но я с трудом услышал вас. Вы устали?

— Долго ехала верхом. — Куарра потянулась.

Уже давно она не использовала Силу для работы. В последнее время она обращалась к ней, только когда играла со своими детьми, чтобы знать, передадутся ли им ее редкие таланты. Это было просто материнское любопытство; Призывной совет в конце концов точно вычисляет детей, обладающих даром.

Сняв сумку из плотной ткани со спины мунтока, Куарра достала папку с документами:

— Вы посмотрите?

— Нет необходимости, — весело ответил мыслевестник. — Наши друзья из крепости не позволили бы вам зайти так далеко, будь что-то не так.

Он вышел наружу с вещами в руке:

— Если все пойдет как обычно, они на каждых воротах будут обыскивать меня по часу. Лучше идти сейчас, пока не закрылся офицерский клуб.

Вздохнув, Куарра сунула документы обратно. Взяла в одну руку сумку, другой махнула мыслевестнику, и ворота за ней захлопнулись. Ну вот, она на месте.

Куарра неуверенно пересекла лужайку перед открытой дверью, ведущей в башню. Она слышала пение внутри, эхом разносившееся вверх по высокому каменному цилиндру. Сжав тонкие ручки сумки, Куарра шагнула внутрь и огляделась. Деревянная лестница спиралью поднималась вверх, почти теряясь из виду. Деревянные ступени представляли собой забавное зрелище. Их, видимо, не раз меняли, а недавно кто-то начал красить лестницу, понемногу меняя цвет: получился эффект вихревой радуги.

В стенах круглой комнаты были двери, ведущие в остальные части здания. В воздухе витал запах еды — что-то готовилось на маленькой кухне; две открытые двери, находящиеся бок о бок, вели в скудно обставленные спальни. И последний проход шел вниз — оттуда и доносилось пение.

«Хоп, хааррооой, жить с тобой! — выводил баритон, становясь все громче. — Море — мой дом, и пусть я скитаюсь, но всегда возвращаюсь…»

— Правда? — Куарра остановилась перед дверью. — Я такого не слышала.

— Моряцкая песня. Они здесь бывают, — пояснил короткостриженый кешири, его большие руки были заняты книгами. — Куарра, да?

— Виновата. — Она с глухим стуком опустила сумку. — Помочь тебе?

— Нет проблем. — Он прошел мимо. У него была грубоватая лиловая кожа и клочковатая, тщательно подбритая серебристая борода. Одетый в форму мужчина был вдвое тяжелее ее и довольно грузен.

И он моего возраста? Долго же он взбирается и опускается по этим лестницам.

— Прости, что не встретил тебя, — сказал мужчина и опустил на расшатанный стол огромную стопку книг. — Я был внизу, в библиотеке. Кстати, ты припозднилась. Я люблю почитать во время еды. — Он шагнул в каменную арку, где обнаружился стеклянный горшочек, медленно кипящий над почти прогоревшим углем. — Рагу всегда здесь. Хочешь есть?

— Нет, спасибо. — Куарра прислонилась к арке. — А ты…

— Ох! — Мужчина уронил ложку и вытер руки. — Прости. Йоган Хальдер. — Он встряхнул ее руку. — У нас тут негусто по части столичных манер.

— Все в порядке, — сказала Куарра, еле выдавив из себя улыбку: рукопожатие оказалось крепким. Внезапно смутившись, она потянула свою руку назад. — У вас здесь есть библиотека.

— Вроде того! — Йоган улыбнулся и вывел ее наружу. — Я добираюсь до горловины Гарроу в выходные, а иногда путешественники кое-что оставляют. Здесь особо нечем заняться. — Он указал вверх, туда, где заканчивались крашеные ступени. — Иногда прочие сигнальные станции передают новости, когда нет другой информации. Но это медленный способ чтения.

Куарра понимала, о чем он говорит. Ее собственные беседы с Йоганом начались три года назад, когда она была в обычной командировке в Кереббе — центре военных поставок выше по каналу, впадающему в один из заливов Шести Когтей. Там кузен показал ей накопившиеся за месяцы рассказы, которые передавал в свободное время сигнальный офицер с пограничья. Куарра прочитала все, очарованная игрой слов и искренностью, с какими описывалась жизнь на краю света. Когда ее кузена перевели, она стала посылать сообщения с сигнальной станции Ухрара, уже от себя.

И это изменило ее жизнь. Они отправили друг другу более тысячи посланий. Почти все его сообщения прибывали ночью и ждали ее на работе каждое утро. Вскоре она стала брать их с

собой в командировки, тайно перелистывая, когда монотонность рабочих будней становилась невыносима. Нерегулярность переписки давала ей возможность продумывать ответы, которые она посылала ему перед тем, как отправиться домой. Куарра старалась описывать свою жизнь захватывающе; в конце концов, когда доверие возросло, она стала делиться переживаниями по поводу работы и семьи. Куарра даже радовалась тому, что доступ ее к сигнальной системе ограничен, иначе ее разглагольствования стали бы невыносимы. Но Йоган все всегда понимал и длинными ночами отправлял вдумчивые и красноречивые ответы.

И вот она здесь, у него. Куарра много раз представляла Йогана — в башне, окутанной туманом на самом краю безопасного мира. Она не разочаровалась, и он явно проявил к ней внимание. Заметив вешалку, Куарра сняла верхнюю одежду, открыв парадную форму. Форма была необходима для поездки, но остальные знаки отличия она оставила на своем рабочем столе. Ей и без явного напоминания о своем высоком статусе было неловко.

— Ты встретила Белмера?

— Да, — ответила Куарра, посмеиваясь. — Я испугалась, что это ты.

— Нет, но я отсылал для него романтические сообщения под своим именем. — Йоган рассмеялся. — Шучу. Единственная истинная любовь Белмера — выпивка.

— Не совсем то, что требуется от мыслевестника на фронте, не так ли?

— На дежурстве он, разумеется, не пьет. — Йоган потянулся за ее сумкой. — Давай это мне.

Куарра смотрела, как он ставит ее сумку между двумя дверьми, ведущими в спальни. Это казалось почти флиртом. Они не обговаривали вопрос о том, где она будет спать во время своего визита, — было как-то недосуг. Но получилось даже забавнее, чем представлялось.

— Не взыщи за обстановку. Мы в самом конце проверочных маршрутов, и оба — старые холостяки. Можешь представить…

— У меня трое детей. Видел бы ты мой дом, когда муж слишком долго отсутствует, — сказала Куарра, немедленно пожалев об этом.

— Твой муж — Брю, не так ли? Как он?

— Прекрасно, — ответила Куарра. Жаль, что она вообще упомянула его. *Глупая, глупая!* Она резко отвела взгляд. — Как насчет экскурсии, которую ты мне обещал?

— Буду рад показать тебе тут все, хотя смотреть особенно не на что. Но все по порядку, Куарра. Идем.

Он махнул ей, чтобы она следовала за ним. Куарра не сразу поняла, что он имеет в виду. Смущенная направлением собственных мыслей, она последовала за ним вверх по винтовой лестнице на сигнальную башню. Куарра тряхнула головой, задумавшись о своей психической устойчивости: «Я не могу в тридцать быть такой, как в четырнадцать! Откуда такое волнение?»

2

— Вот тут и творится волшебство, — сказал Йоган, помогая ей взобраться в маячную комнату. — Так, что у нас здесь?

Точно за дверью, обращенной на запад, на деревянной опоре размещались цилиндры разных размеров. Они состояли из нескольких сланцевых колес, посаженных на центральный штифт, с контурами, разделяющими окружность каждого колеса на равные части. Йоган выбрал один из цилиндров среднего размера и вставил его поперек держателя на верстаке. Раздался щелчок. Быстро — сказывался опыт — он набросал послание в контурах, идущих поперек цилиндра — по одному символу в каждом отделении, — вращая барабан, когда добирался до конца каждого контура. Закончив, он вытянул из цилиндра небольшой блокирующий стержень, надписанные колеса свободно прокрутились. Сбросив положение колес наугад, он вернул блокирующий стержень и записал десятизначный номер нового положения барабана.

— Тут будет короткий код, — пояснил Йоган.

Выдернув цилиндр из держателя, он вышел на восточный балкон. На парапете был установлен каркас, поддерживающий массивную систему огненных сфер. Все, кроме одной, повернуты внутрь — неактивное положение.

— Пожалуй, лучше тебе прикрыть глаза, — предложил он.

Куарра остановилась в дверях, наблюдая за работой Йогана. Он запустил вращение, и система, сверкая, ожила. Блеснул один оранжевый огонек, затем другой, посылая свет далеко на восток, в сгущающуюся тьму. После первого сигнала руки Йогана заметались от одной заслонки к другой, открывая и закрывая огни — белые, золотые, оранжевые, зеленые. Когда-то она учила, что они означают, — это была часть базовой подготовки. Но только профессионал мог посылать сигналы так же быстро, как опытный аланциарский связист. Около пяти минут ушло у Йогана на передачу адресного кода, а после он приступил непосредственно к сообщению.

— А ты хорош.

— Практика, — отозвался он, изредка поглядывая на цилиндры с шифрованным текстом. — Многовато мороки для того, чтобы просто сообщить: Белмер Кеттан неделю будет спать на полу таверны, прибыл его сменщик.

— Ты не упоминал мое имя?

— Ни к чему, — улыбнулся Йоган, а его руки продолжали работу. — Ты просто еще один безымянный боец Великой цели.

«На этих выходных наши „великие цели“ могут разниться», — подумала Куарра, понадеявшись, что в этих огнях ее румянец не слишком заметен.

Отвернувшись от резких вспышек, она разглядывала пустую комнату. С учетом наблюдателей, сигнальщиков и фонотипистов штат большинства материковых сигнальных станций насчитывал не менее четырех работников. А многих, передававших сигналы в нескольких направлениях, и того больше. Начиналось это с системы предупреждения, а стало информационным хребтом государства. По сети передавалось все: от прогноза погоды до обновлений оперативных данных флота. Шли десятилетия, враг так и не появился, и многие начальники стали использовать сигнальную сеть для передачи личных сообщений — как они с Йоганом. Сеть была одним из величайших достижений современности, но нагрузка на нее все возрастала, и Куарра ожидала, что Военный кабинет прикроет отправку личных сообщений в любую минуту.

«Ладно, — подумала она. — Сейчас-то я здесь».

— Где работает мыслевестник? — спросила она.

— Иногда здесь. Иногда на балконе или во дворе, — ответил Йоган, вернувшись. Передача сообщения завершилась, он начисто протер цилиндры влажной тряпкой. — Внизу есть уединенная комната для медитации, но это, кажется, для таких, как ты, значения не имеет.

— Верно. — Она вспомнила. — Ты не можешь использовать Силу.

— Меня вполне устраивает мой способ передачи посланий. — Он указал на дверь. — Закат?

Вот так Куарра оказалась на западном балконе, высоко над шумящим прибоем. Ее жизнь сейчас шла сама по себе. Сознательных решений она больше не принимала. Снаружи, как и обещалось, между низкими облаками и горизонтом полыхало оранжевое солнце.

— Коралловые отмели на юге еще красивее. У нас есть весельная лодка — увидишь утром. — Йоган появился рядом с бутылкой и стаканом. — Из тайника Белмера. — Он налил Куарре. — Прости, стакан всего один. Белмер пьет из бутылки, — подмигнул он и сам сделал глоток.

— Так вот чем вы тут занимаетесь, парни, — произнесла она. — Вы просто сидите здесь круглый год, пьете…

— И переписываемся с замужними женщинами.

— …пьете и переписываетесь с замужними женщинами, пока Великий враг таится под водой. — Она сделала маленький глоток и улыбнулась. — Знаешь, а я ведь военный комендант. Могу и

рапорт написать.

— Положусь на свою удачу.

Солнце поблекло, и облаков уже не было видно. Поднялся ветер, и Куарра бочком подошла ближе к перилам, где он пил.

— Ты никогда не был женат?

— Нет, и ты это знаешь. Мы выяснили это во втором письме.

Куарра усмехнулась. О своем семейном положении она рассказала только в двенадцатом.

— Наверное, сложно завести семью на краю мира.

— Край мира, — повторил Йоган, повернувшись к океану. — Мне это нравится.

— Прости, это задевает тебя?

— Нет ничего плохого в том, чтобы служить здесь. Это передовая. — Сжав ее плечи, он развернул Куарру к океану. — Видишь — там буй. Именно оттуда две тысячи лет назад пришел Вестник. Где-то там, за ним, скрывается величайшее зло, какое Кеш когда-либо видел. Зло, о котором мы знаем. Я могу быть на материке, передавать чьи-то заурядные письма — или я могу быть здесь и каждую ночь говорить миру о том, что пока еще все в порядке.

— Сильно. — Она допила и поставила стакан на перила. — Ты писал мне об этом однажды. — «Нет, даже несколько раз, — вспомнила она. — Это хорошая причина, чтобы служить именно здесь».

Он кивнул.

— А сейчас, — проговорил Йоган, поставив бутылку, — почему ты здесь?

Куарра рассмеялась:

— Меня призвали, как и всех остальных!

— Я не об этом. — Он повернул ее к себе, взгляд его темных глаз был серьезен. — Что ты делаешь *здесь*?

— Что… — Куарра запнулась, опешив от перемены тона. — О чем ты?

— Думаю, женщина твоего положения может найти дело и поинтереснее, чем болтать с рядовым офицером Сигнального корпуса на краю мира.

— Может, мне хотелось увидеть океан?

Он улыбнулся, но не засмеялся.

Она выдохнула и пробормотала:

— Брю.

— Брю. Что твой муж снова натворил? Что-то с Учебным управлением, я думаю.

— Он учит стариков стеклодувному делу.

— Ну, это…

Куарра отвернулась, когда Йоган замолчал, подбирая слова.

— Я уверен, у него с ними много работы, — сказал он наконец.

— Учитывая головные боли? — Куарра слабо улыбнулась. — Брю ненавидит это. Они ветераны, но, несмотря на отставку, они все же должны делать что-то для Цели, как и все мы. Так что этих капризных старикашек отправили на завод, и каждый из них считает, что он лучше Брю. И почему бы им так не считать, если у Брю вообще никакого звания нет… — Голос Куарры становился все тише.

— Но он приспосабливает людей к какой-то работе. Все, что можно сделать, разве нет?

— Нет. — Она покачала головой. — Или да. Возможно, это все, что он может, но он никогда не узнает, потому что не пытается. Брю хороший отец, он прилично содержит дом, несмотря на мою постоянную занятость…

— Но он не тот мужчина, за которого ты бы снова вышла.

— На самом деле вышла бы. Это проблема. Двадцать лет назад я начала как простой служащий, потом стала мыслевестником, потом инспектором снабжения, сейчас я военный комендант. Выше военного коменданта только градоначальник. Я тоже не слишком любила свою работу, но всегда искала путь к чему-то лучшему. А вот у Брю не хватает мужества даже на то, чтобы отчитать этих ископаемых, чья власть закончилась еще до Древнего Катаклизма!

У Куарры перехватило дыхание. Она писала об этом, но сейчас не была ограничена в словах. Она не хотела этого делать, не хотела жаловаться на Брю. Это было нечестно по отношению к нему, и не за этим она сюда приехала.

А зачем?

— Знаешь, — проговорил Йоган, — это не так плохо, если относиться к этому правильно. Здесь тоже ничего особенного не происходит, но многое мне нравится, и я могу рассказать об этом. Каждое мое послание отсюда — это маленькая история, если говорить о суждении…

Йоган не закончил фразу, потому что Куарра наконец-то поняла, зачем она здесь. Он не отверг поцелуй. Йоган опирался спиной на балконные перила, Куарра прижалась к нему и поцеловала настойчивее. Сейчас она чувствовала огромное облегчение, находясь здесь и делая то, что делала, после стольких месяцев и стольких слов. Время разговоров прошло.

— Куарра.

Имя мягко прозвучало в воздухе. Он притянул ее ближе. Она повернула его голову и легко коснулась губами щеки, открыла

глаза…

…и увидела огромную каплю, выплывающую из тумана.

— Йоган!

Мужчина в панике взглянул на нее, испугавшись, что пересек черту. Однако, увидев ее глаза, он обернулся к океану.

— Что это?

Приближаясь, темная тень становилась четче. Пузатая, округлая, как хорошо поднявшийся — только огромный — бисквит, по высоте не уступающая сигнальной башне. Сверкающий узор казался чуждыми злыми лицами. Что-то болталось под этой тушей: огороженная платформа, никак не меньше пакетботов, что ходят по каналам. И было что-то еще по обе стороны, оно двигалось почти в унисон с ветром. Конструкция в целом была искусственной, но — Куарра чувствовала волнение в Силе — там была и жизнь.

Это был воздушный корабль.

— Их там два! — крикнула она, дергая Йогана за жилет.

— Нет! — закричал он в ответ, указав на облака к северо-западу. — Три!

На долю секунды они прижались друг к другу, ошеломленно глядя на корабли.

— Что нам делать?

— То, что должно. — Йоган отпустил ее и бросился внутрь.

— Подожди. Что ты делаешь?

— Ответ прост. — Он схватил пыльный барабан с самого верха деревянного постамента. Это был самый первый цилиндр, надписанный столетия назад, когда сигнальная станция только открылась, и нес он только одно незашифрованное слово да адресный код мыса Сопротивления.

Там не было кода назначения, послание предназначалось всем.

— Я не посылал срочных сообщений со времен того тайфуна, что пронесся шесть лет назад. — Йоган поспешил на восточный балкон. — Надеюсь, мне поверят! — Орудуя осями, он оглянулся на Куарру, застывшую в дверях. — Куарра, чего ты ждешь?

— В смысле?

— Ты мыслевестник. Сигнальные станции получат сообщение не так скоро. Ты должна позвать!

Она замерла, внезапно осознав, где она и что делала, когда все произошло. Она так старалась сохранить все в тайне. Ее голос дрогнул.

— Но… меня не должно здесь быть.

— Куарра!

У нее не было выбора. Это случилось. ЭТО случилось, если

местоимение имело какое-то значение для Аланциара. Возмущение в Силе стало сильнее. Отвратительнее. *Темнее.*

Теперь Куарра знала, зачем она здесь. Необходимости стоять лицом к материку не было, но она повернулась, закрыла глаза и сконцентрировалась. Да, на густонаселенном северо-востоке были те, кто ожидал ее вызова и мог его передать. Одно слово. Слово, которого Аланциар боялся два тысячелетия — с тех пор, как Вестник вышел на остров вблизи их берегов.

— Ситхи!

3

Эделл Врай многого ожидал, глядя на землю впереди. Он не собирался о чем-то сожалеть.

Двадцать пять лет работы предшествовали этому дню — величайшему в истории человечества на Кеше. В конце концов Эделл, высший повелитель Племени и капитан экспедиции ситхов, сделал это. Он открыл новый мир, но лишь немногие были здесь, чтобы это увидеть.

«Кто-то должен это записать, — подумал капитан. — Очень плохо, что мы не взяли писца».

Эделл ухватился за перила на носу гондолы и сощурился, вглядываясь в темноту на востоке. От подзорных труб, которые установили его кешири из конструкторских дворов, толку было мало. Он ожидал, что на новой земле будет много света, как записали камеры «Знамения» во время смертельного падения корабля на Кеш. Но виднелись только черные громады, вздымающиеся, словно ребра, пронзившие иссушенный труп.

— Отрегулируйте скорость! — приказал он экипажу на корме. — Мы в нескольких километрах. Неизвестно, какой будет ветер у берега.

— Есть, капитан!

Возникшее было разочарование рассеялось. *Капитан.* Титул Яру Корсина, пришедший с ним на Кеш. Среди ситхов не было капитанов две тысячи лет; а командовать можно было разве что фермерскими плоскодонками из раковин горника, плавающими по рекам. Априори считалось, что тот, кто найдет способ пересечь море, тот и будет удостоен чести вести экспедицию, но удача улыбнулась Эделлу, только когда он почти разменял пятый десяток. Он ведь был совсем молод, когда все начиналось. Стройный, энергичный, с аккуратно уложенными светлыми волосами, он состоял членом «Золотой судьбы», куда входили самые дальновидные из Племени до Кризиса. Ему нравилось думать, что он до сих пор молод: его возможности возросли и, как главный инженер, он стал важным лицом в государстве.

Но за последнее десятилетие он почти отчаялся достичь своей цели. Слишком многое пошло не так.

Расстояние было проблемой. Кешири, с которыми столкнулся Корсин, жили на Кеште, одиноком материке среди океана. Так говорили они сами, то же подтверждали и экспедиции ситхов. Но эти совместные знания были ограничены выносливостью уваков. Как и ранее Нештовар, ситхи много раз летали в океан; те, кому удалось вернуться, говорили, что море простирается во всех

направлениях и нет островов, на которые можно приземлиться. Местами попадались рифы, но неглубоко, — возможно, можно, здесь когда-то была суша. Но даже если какой-нибудь всадник и пересек океан на спине увака, никто об этом не рассказал. Ситхи, разумеется, знали, что этот мир круглый; даже местные кеширы сами вычислили это. Но получалось, что была Кешта, и больше ничего.

Огромная карта верховного повелителя Корсина, хранившаяся под Храмом, дала ответы на некоторые вопросы. Там на самом деле была земля, и большая. Но карта также показала, насколько она далека, к сожалению безнадежно далека. Западное направление было короче, но сложнее из-за сильных течений. Единственный путь лежал на восток.

Сейчас в Таве снова восседал верховный повелитель, и Эделл был дружен с ним еще с тех пор, когда старик служил смотрителем дворцового музея. Варнер Хилтс не был математиком, но работал с математиками и уважал их. Будучи подростком, Эделл провел много дней, изучая с ними методы строительства больших сооружений. Поэтому, как только началась Реконструкция, Хилтс именно Эделлу поручил решить проблему транспортировки. И решить ее навсегда: в одной-единственной поездке смысла не было. Транзит необходимо наладить для массовых перевозок. Другой континент, увиденный Корсином, был населен. И за его открытием планировалась оккупация.

Последовали годы экспериментов. Лодки не рассматривались: в джунглях Кешты не было древесины, способной выдержать натиск бурных волн. Кусты хеджарбо росли в изобилии, но их ветки едва защищали от дождя кеширских фермеров. Они не смогли бы противостоять давлению, с которым столкнется корпус корабля. Воссо и некоторая другая твердая древесина из внутренних областей была слишком плотной для того, чтобы держаться на воде. Другие породы оказались слишком мягкими.

Эделл изучал эти материалы в течение второго десятилетия своей работы, надеясь найти хоть что-то подходящее для путешествия. Провал следовал за провалом; многие его помощники, недовольные отсутствием результатов, превратились в соперников, пытаясь найти собственное решение. Хилтс сделал его одним из самых молодых высших повелителей в истории, чтобы обеспечить доступ ко всем ресурсам, но на политику или семью времени у Эделла не оставалось. Он отказывался сдаваться. Его предки летали среди звезд. Сила могла превозмочь законы природы. Ситхам под силу пересечь какую-то лужу!

Решение, к которому он в итоге пришел, было далеко от инженерного искусства, скорее уж что-то из области алхимии. Возможно, так и было. Горячие трещины Сессала испускали разнообразные ядовитые газы, в том числе и метан. Эделл с помощниками собрал метан в стеклянные сосуды, изготовленные кеширскими ремесленниками, и, используя простую воду, отделил водород — самый легкий из известных элементов. Когда производственная линия была налажена, Эделл создал конструкцию, которую газ мог нести в воздухе. И вновь кеширские мастера оказались способны решить задачу, разработав чрезвычайно тонкий герметичный материал, не боящийся давления. Форма «подъемного колокола» Эделла доказала свою стабильность, и он добавил гондолу, изготовленную из нескольких крест-накрест уложенных слоев хеджарбо, достаточно прочную, чтобы выдержать вес экипажа и багажа. Что не могло плавать, сможет полететь.

Три года ушло на то, чтобы добиться этого, а потом — снова неудача. Не было способа контролировать направление движения, шары были отданы на волю капризных и яростных океанских ветров. Сильные воздушные потоки в Южном полушарии Кеша могли оказаться отличным подспорьем, но они были непредсказуемы. На юге любые изменения в состоянии Сессала или других вулканов могли послать летунов куда угодно. Иногда обманчивые южные ветра несли всадников вверх и вверх, предположительно обрекая их на гибель среди бескрайних полярных льдов. А севернее, как они полагали, экваториальные ветра просто гнали всадников на смерть в штилевой зоне океана; никто не вернулся из испытательных полетов.

Наконец в начале этого года под давлением врагов, недовольных его непомерными расходами, Эделла осенило. Шар должен быть не меньше, а больше. Достаточно велик, чтобы нести вес двух или более уваков, висящих на кормовых ремнях, прямо под килем гондолы. Ни один увак не смог бы преодолеть такое расстояние своими силами, но несомые в воздухе звери могли отдыхать, кормиться и даже спать, когда в них не было нужды. Их крылья производили достаточно движущей силы, чтобы контролировать направление, с условием, что управляющий ими пилот верно чувствует ветер.

Эделл шагнул к правому борту гондолы и посмотрел вниз, сквозь тьму, на мычащего ящера, болтающегося в своей упряжи. Зверь был сбит с толку положением, в котором оказался, но крыльями хлопал исправно.

— Похоже, правобортный делает свое дело, — сказал Эделл. — Как левобортный?

— Счастлив и сыт, — ответила Пеппин, пилот «Чандры» и наездница уваков из упряжки корабля. — Просто скажите, куда вы хотите.

Капитан улыбнулся. Уваки действительно смогли перенести их через океан — так, как и представить никто не мог!

Вернувшись на середину палубы, Эделл почувствовал, как крепчает ветер. Соленый бриз. Они спускались, начав стравливать газ несколько минут назад, когда заметили землю. Чуть севернее из облаков выплыли еще два корабля экспедиции. Отлично. Его маленький флот завершил перелет, все суда на месте.

«Чандра», «Лиллия» и «Дэнн Итра». Эделл не хотел давать воздушным кораблям имена в честь верховных повелителей начала Века разложения. Но, по мнению верховного повелителя Хилтса, это было своевременно. Годами восстанавливалась связь Племени с его основателями, а сейчас их правитель почувствовал, что необходимо реабилитировать и других деятелей их истории. Даже тех, кто действием или бездействием внес вклад в хаос, что начался после них. Жившая давным-давно Чандра Китай была памятна лишь закрытием местного зоопарка. Но все же она была здесь; ее фамильную печать из мыльного камня прочно закрепили на корпусе гондолы. Конструкция корабля украшений не предполагала. И если потребуется уменьшить вес судна, чтобы набрать высоту, благородная леди Чандра станет первым кандидатом на выброс.

Тонкие красные огни замигали на палубах «Лиллии» и «Дэнн Итры» — световые мечи. Эделл ответил на сигнал. Они все увидели землю и сбросили скорость. Эделл плохо знал других капитанов — сумасбродство с точки зрения политики, — но они будут слушаться его приказов. Каждый корабль нес десять человек экипажа: капитан, пилот, провидец и пятеро воинов плюс два кеширских посла. Знакомые лиловые лица могут понадобиться, если они вступят в контакт с туземцами. Но этого не планировалось. Эделл собирался исследовать Большую Кешту с воздуха, а после вернуться на западное побережье своей родины, преодолев относительно небольшой океан. Как только станет ясно, что карта Корсина — не выдумка, сюда направится гораздо больший, уже почти готовый флот.

Эделлу это было выгодно. Оставив битвы другим, он получит славу первооткрывателя, приведя «Чандру» прямо в Тав, где все скептики смогут наблюдать его прибытие с заката.

Это о времени.

Сидящая впереди пилота темнокожая женщина лет двадцати громко спросила:

— Отправить образ, капитан?

— Да.

Эделл наблюдал, как Тэйма, одна из лучших среди ситхов в мысленной проекции через Силу, концентрировалась. Она передавала лишь ощущения — чувство успеха, достижения цели. Считалось, что для Силы расстояние не имеет значения, но еще никто из Племени не посылал сообщение через полмира. Сейчас послание содержало простые эмоции. Позже у них будет время для более сложных экспериментов.

— Сделано, — доложила Тэйма, самодовольно ухмыляясь, словно напоминая всем: она только что совершила нечто беспрецедентное для Племени на Кеше.

Эделл закатил глаза и вернулся на нос. С ситхами всегда так. Каждое собрание, не важно, сколь малочисленное, становилось демонстрацией талантов. Он внезапно почувствовал чуть больше уважения к Яру Корсину. Звездолет, должно быть, был кошмаром, из которого невозможно сбежать. Ничего удивительного, что на «Знамении» был личный кабинет для капитана. Эделл уже не раз в течение путешествия желал уединения.

«А еще „Чандре“ не хватает хорошей обзорной площадки впереди», — снова подумал он, добравшись до одного из крепких кожаных канатов, соединяющих гондолу и газовый шар. Он, как и остальные ситхи, бесстрашно забирался наверх, но Эделл уже добавил площадку в свой мысленный список будущих усовершенствований.

Ухватившись затянутыми в перчатки руками за канат, он начал подтягиваться, но его остановил окрик сзади:

— Капитан!

Эделл оглянулся в темноту и увидел хмурящуюся Тэйму:

— Что еще?

— Там много всего происходит, — ответила телепатка, прижав пальцы к вискам. — В этом месте. Много эмоций. Много энергии. — Она нахмурилась.

— Ты просто читаешь *нас*, Тэйма, — фыркнул капитан.

— Нет, высший повелитель. Это там. — Женщина указала вперед.

Эделл прищурился:

— Не понимаю, о чем ты.

Он взобрался по канату и вгляделся вперед. Глыбы на востоке были больше, чем острова, — языки длинных полуостровов, а между ними — заливы. На вершинах нескольких мысов в молочной черноте виднелись строения — высокие и прямые. Высунувшись наружу, Эделл вытянул шею и увидел крошечные разноцветные огоньки, подмигивающие сквозь легкий туман, покрывающий землю. Огоньки померцали, меняясь, и исчезли.

Где ярко освещенные города, о которых писал Яру Корсин? Покачиваясь на ветру, Эделл пытался сфокусироваться, чтобы почувствовать через Силу то, о чем говорила Тэйма. Но он уловил только напряжение, опасение, предвкушение и волнение — все это могло исходить как от ситхов рядом с ним, так и откуда-то еще.

Он обернулся к своему экипажу:

— Причин для беспокойства нет…

Хрр-рррр-рясь! Над его плечом вспыхнул огонь. В небе, в километре к северу, взорвалась «Лиллия»!

Эделл, ослепленный, чуть не выпустил канат. Пытаясь удержаться, капитан ухватился за веревку руками и ногами и с трудом сфокусировал взгляд. На месте газового шара «Лиллии» распускался огненный цветок, а гондолы нигде не было видно.

— Всем остановиться!

Также находясь по левому борту, но ближе к «Чандре», «Дэнн Итра» закачалась и повернулась. Эделл тоже почувствовал крен, когда «Чандру» поволокли уваки, решившие, что пора удирать.

— Пеппин, возьми под контроль этих зверей!

Воздушный корабль задрожал.

Все уже были на ногах, кто-то пытался помочь штурману, кто-то таращился на взрыв, превратившийся в дождь из пепла, осыпающий океан далеко внизу. Мысли Эделла заметались.

— Это просто молния! — закричал он. Все знали, насколько летуч водород; электрические разряды всегда представляли опасность. Он вспомнил о поднявшемся ветре. Не было обычного предгрозового волнения, но, возможно, это связано с близостью земли и особенностями местной погоды. Вот почему у них было три корабля. Глубоко вдохнув, он на секунду почувствовал облегчение… пока снова не посмотрел вниз и не увидел ярко сверкающий снаряд, устремившийся вверх с земли. Трехметровое черное копье с пылающим наконечником по дуге летело к «Дэнн Итре».

Бу-уууум! Эделл закрыл глаза, горячая ударная волна оторвала его от каната. Высший повелитель с шумом неуклюже грохнулся на палубу, его правое колено пробило верхний настил из хеджарбо.

«Чандра» завертелась, канаты, соединяющие гондолу и шар, натянулись. Эделл пытался подняться, когда услышал крик увака. Нет, не увака «Чандры» — он понял это, добравшись до перил. Поврежденная гондола «Дэнн Истры», беспорядочно кувыркаясь, летела вниз, а за ней, практически плавно, следовал сквозь клубящиеся облака шар с порванной оболочкой. Эделл почти сумел взобраться на перила, через Силу приказывая оставшимся

на «Дэнн Итре» прыгать, но с земли ударил еще один снаряд; он разбросал обломки в воздухе, разорвав все на мелкие кусочки.

Эделл чувствовал смерть своих ситхов, но было и кое-что еще. Силу использовали против него! Стрелять настолько точно возможно лишь при одном условии. Но кто-нибудь слышал о кешири, способных использовать Силу?

— Капитан, они стреляют по нам!

Ниже, казалось, кричал сам воздух. Капитан схватился за перила и выругался. Это был действительно исторический момент. Как и Яру Корсин, Эделл Врай и его ситхи вступили в первый контакт с аборигенами нового континента.

Но на этот раз туземцы оказались сильнее!

4

Снап-крак! Массивная катапульта мыса Бдительности выстрелила снова, ее механический голос эхом разнесся через залив к сигнальной станции на Сопротивлении.

— Да! Да! — закричал Йоган со станционной башни, прыгая на месте. Он, волнуясь, производил шума больше, чем взрывы. — Получи!

Куарра, потрясенная действом, разворачивающимся на северо-западе, вцепилась в перила. О первом воздушном корабле напоминал лишь прогорклый смог высоко в небе. От второго, после неудачной встречи со снарядом, остался желтоватый столб дыма, спиралью уходящий вниз.

Ситхи. Ситхи! Куарра проклинала себя за то, что не почувствовала их грозного приближения. Ее работа, весь ее мир пребывали в состоянии готовности, а она позволила себе отвлечься. Ее ошибка! Но кто знал, как это будет? Никто на Аланциаре не касался зла ситхов. До того момента, несколько минут назад, когда она открыла свой разум, чтобы послать сообщение об опасности на материк. Куарра почувствовала их: извивающиеся щупальца тьмы, тянущиеся в ночь, абсолютно уверенные в том, что она слабее, чем они, и в своем абсолютном успехе.

«Успех». Она даже почувствовала слово, застывшее на чужих губах.

После этого было уничтожено два воздушных корабля, но кто знает, сколько их еще у ситхов? Кто знает, сколько их всего? Воздушные корабли не упоминались в «Хрониках Кешты» — книге, рассказывающей обо всем, что известно о темной стороне мира. Если у ситхов есть воздушные корабли, почему они не использовали их раньше? Где новые? Это проверка?

Если так, то силы Аланциара прошли ее. Над водой взвился еще один снаряд, пронзивший ночь свистящим облаком.

— Точно! Точно! — гудел Йоган. — Убирайтесь-ка с этим домой!

Куарра вскинула голову. *Домой!* Она стремглав помчалась обратно в башню.

И тотчас врезалась во что-то довольно твердое. Согласно общему приказу, часть светильников в башне уже погасили, а она забыла, где стоит верстак Йогана. Сейчас он, кажется, был на ней — или она на нем. Куарра закрутилась, стараясь выпутаться. Барабаны Йогана падали со своих держателей, громыхая по полу возле нее. Куарра выругалась, но голос ее утонул в звуке

выстрела с противоположного берега.

Йоган снаружи веселился:

— Уничтожьте их! Уничтожьте их!

Куарра думала о том же. Она стиснула зубы и пнула верстак. Развернувшись, перебралась через попáдавшие предметы и, спотыкаясь, двинулась к лестнице.

— Куарра, это надо видеть! — Просунув голову внутрь, Йоган обнаружил, что она исчезает в темном провале лестничной клетки. — Куарра?

Гондола тряслась во мраке.

— Поторопитесь, идиоты!

Все, кто находился на «Чандре», швыряли сейчас припасы за борт в отчаянной попытке, набрав высоту, увеличить расстояние между воздушным кораблем и катапультой на берегу. Укрепления, возвышающиеся над заливом, щетинились орудиями, но дальность их выстрелов была ограниченна. Дабы избежать смерти в огне, можно и поголодать.

И Племя узнало бы, чтó здесь прячется.

— Тэйма! Пошли сигнал тревоги!

Мельком взглянув на палубу, Эделл увидел, как телепатка опустилась на колени. Сложно концентрироваться, когда «Чандру» так яростно болтает стараниями обезумевших уваков.

Женщина оперлась одной рукой о каркас гондолы и пронзительно закричала: из-под ног вырвались белые гейзеры, разрывая на куски и ее, и настил из хеджарбо.

Эделл испуганно смотрел на то, как падает Тэйма. Когда «Чандра» вновь стала крениться, он перепрыгнул через зияющую дыру, приземлившись возле того, что осталось от телепатки. Тэйме уже ничто не могло помочь — ее тело было разорвано десятками сияющих камней. Он пригляделся к снарядам.

Алмазы!

Услышав в ночном небе над «Чандрой» рев увака, Эделл решил, что одному из ящеров удалось вырваться из упряжи, но увидел, как зверь, развернувшись, начал преследование. Это не ошибка — именно со стороны увака были сделаны фатальные выстрелы. И когда ящер приблизился, Эделл разглядел сквозь мрак кеширского всадника с длинной трубой на плече.

— Берегись!

Эделл нырнул назад над дырой, и в этот момент сзади послышался механический треск. Облачко сверкающих камней по дуге взлетело — некоторые драгоценные снаряды пронзили корму гондолы, другие невидимыми пронеслись выше. Внизу уваки «Чандры», не переставшие вопить, вдруг резко смолкли.

Капитан увидел, как атаковавший набрал высоту, присоединяясь к двум другим, вооруженным так же. Глаза Эделла расширились. У кешири были воздушные войска!

Куарра пропустила половину ступеней, буквально слетев вниз, пока наконец не перепрыгнула через перила в темноту. Благополучно приземлившись на пол башни — по крайней мере, в этом Сила ей помогла, — она устремилась на кухню, даже не помня, что ищет.

Йоган быстро спустился за ней:

— Куарра!

— Я должна идти, — сказала она, бездумно мечась из комнаты в комнату. — Где мои вещи? Мне нужны мои вещи.

Йоган, присев на лестницу, озадаченно смотрел, как она носится мимо него. Он указал на пол перед дверями в спальни.

Нащупав в темноте сумку, Куарра поднялась. Она наступила на ручки, ткань треснула, и ее багаж с глухим стуком снова оказался на полу. Из порванной сумки вывалилась одежда.

Снаружи тоже послышался шум. Йоган задрал голову, разрываясь между желанием посмотреть на уничтожение древних врагов и беспокойством за женщину, копошащуюся в темноте. Решал он недолго. Йоган нашел Куарру на четвереньках, тщетно запихивающую вещи в уже негодную сумку. Он опустился на колени позади нее:

— Куарра, ты не можешь никуда идти! Мы послали сообщение. Мы здесь в безопасности.

— Ты здесь в безопасности, — возразила она, ища последнюю деталь из рассыпавшегося нижнего белья. Посмотрев налево, она обнаружила ее в руках смущенного сигнального офицера. — Я здесь не в безопасности, потому что меня здесь нет.

Йоган озадаченно посмотрел на нее:

— Что ты имеешь в виду?

Она выхватила у него свою вещицу:

— Мой муж считает, что прямо сейчас я на Северном склоне!

— Я отослал лишь краткое сообщение. Что они могут подумать?

Куарра мрачно посмотрела на него. Снаружи снова раздался грохот, означавший новую потерю ситхов.

Йоган наблюдал, как она сворачивает то, что осталось от сумки.

— Но ты говорила, что Брю не военный, — произнес он. — Не думаю, что он что-то выяснит.

Прижав к себе вещи, Куарра развернулась и схватила Йогана за руки.

— Йоган, встреча с тобой, — быстро заговорила она, — одна из лучших вещей, что со мной случилась. Ты очень светлый и искренний. — Куарра перевернула его руки и сжала их крепче. — Но там происходит самое значительное, что когда-либо случалось, и мы с тобой видели это с балкона! И это я передала мысленный сигнал! — Она отпустила его руки и встала. — Скоро здесь будет много народу, — продолжала Куарра, взмахнув руками. — И каждый на Кеше узнает, кто был здесь, когда пришли ситхи. А я не могла быть здесь.

— Эта история…

— Молчи об этом!

Йоган встал:

— Куарра, если начальство направило тебя сюда, они уже знают, что ты здесь…

— В том-то и дело. Никто меня не посылал. — Она медленно прошла мимо него к двери. Освещенная сзади тусклым уличным светом Куарра с грустью обернулась к мужчине. — Я сама заполнила бумаги, чтобы попасть сюда. Я заимствовала транзитную печать контролера, чтобы проштамповать проездные документы.

— Ты смогла это сделать?

— На самом деле нет! Помогло то, что ему семьдесят семь и у него слишком хорошие связи, чтобы его послали на работу… не знаю, на стекольный завод!

— Так не было приказа на смену Белмера?

Белмер! Мысли завертелись в голове. Нет, она не называла Белмеру своего имени, даже мысленно. Может, он как раз сейчас идет назад, если только войска в горловине Гарроу не задержали его. Она мысленно вернулась к капитану и его стрелкам. Вспомнит ли он ее имя? Они ведь тоже могут подняться по тропе в любую минуту. Как ей разминуться с ними?

— Я должна идти! — Она выбежала прочь.

— Подъемный колокол поврежден!

Предупреждение Пеппин не стало для Эделла сюрпризом. Водород с шипением сочился сквозь проколы в газовой оболочке. «Плохо», — подумал Эделл. Ладно еще, у кеширских солдат, снующих вокруг, — сейчас их было трое — не было тех огненных копий, что убили их соратников. Но «Чандра» теряет высоту и скоро вновь попадет в зону обстрела катапульт. Выбора не было. Надо спустить баллон, пока это не сделали за них.

Эделл пробился вперед. Где-то там, в трясущемся мраке, был трос, с помощью которого можно сдуть шар, если хватит времени. А всадники на уваках развернулись для новой атаки.

— Правый и левый борт! Приготовьтесь отклонить огонь! — закричал он. — Никаких световых мечей — используйте Силу!

Не было времени выяснять, могут ли активированные световые мечи вызвать взрыв.

Два увака слетелись с двух сторон, их всадники выстрелили в ночь градом сверкающих шариков. Но когда ситхи через Силу блокировали поток, появился третий всадник и стремительно нырнул к гондоле.

Передняя часть треснула от удара самоубийственной атаки, круша печать Чандры Китай и людей, оставшихся на носу. Два члена экипажа погибли мгновенно. Эделл ухватился за перила в тот самый момент, когда лопнули передние канаты. Остатки гондолы перевернулись, теперь только задние крепления связывали ее со сдувающимся шаром. Еще один воин вместе с кеширским послом исчезли в темноте.

Обломки «Чандры» неслись к земле, их яростно болтало под шаром, заложниками которого они стали. Эделл видел над собой вращающиеся лица, все отчаянно цеплялись за что придется. Внизу широко раскинулся темный залив, словно готовясь поглотить их. Вдали Эделл вновь услышал предательский свист, с каждой секундой становившийся все пронзительнее. Он закричал своим, приказывая отцепиться от корабля, и сам наконец разжал пальцы, похоронив свою мечту во вспышке жара и света.

О южный берег полуострова бились волны, на севере продолжался хаос. Все катапульты Шести Когтей дружно палили в небо, ища последний воздушный корабль. Йоган стоял в открытых воротах, держа двумя руками учебную баллисту. Здоровенная конструкция из каменного дерева с тугими эластичными лентами представляла собой стандартный боевой образец.

Так давно ожидаемая война гремела на севере, за заливом, а Куарра блуждала по холму, вертя головой во все стороны. Ее порванная сумка валялась на земле.

— Куарра, что случилось? — спросил Йоган, широкими шагами поднявшись к ней.

— Мой мунток. — Она помахала остатком кожаного ремня. — Проклятая скотина перекусила привязь и убежала!

Йоган опустился на колени, разглядывая следы на красноватом песке:

— Взрывы его напугали. Ты можешь позвать его?

— Могла бы, знай я его имя. Я взяла его на ферме в Тандрае!

— Ты не узнала его имени?

— Я взяла его на время. Ты когда-нибудь слышал об аренде

мунтоков?

Йоган посмотрел на нее с недоумением:

— И твоя работа — поддерживать военную организацию Ухрара?

— Извини, это мой первый роман на стороне!

Поставив точку в споре, Куарра почувствовала какое-то движение в Силе. Она ощутила тень над Йоганом, еще не увидев ее, и попыталась оттолкнуть его через Силу.

Слишком поздно! Огромная туша врезалась в песчаный склон, забилась, ударившись о землю. Сбитая ударом с ног, Куарра тут же вскинулась и увидела прямо перед собой зеленый безжизненный глаз гиганта.

— Увак! — закричала она, с трудом поднимаясь на ноги. Потянулась во мрак, ощупывая песок вокруг чудовища. — Йоган! Ты в порядке?

Над ее головой, на северо-востоке, с жутким грохотом взорвался последний шар. Куарра едва заметила взрыв, она ползала вокруг гигантской туши и наконец нашла Йогана — его придавил тяжелый хвост чудовища.

Взрыв осветил фиолетовое лицо, Йоган, ослепленный, смотрел вверх, с его губ сочилась кровь.

— Кажется, я нашел твое животное, — проговорил он, кашляя. — Но ты вроде… Ты говорила о мунтоке… а не об уваке…

5

Облака разошлись, и солнце вновь засияло на стеклянных шпилях Тава. Эделл в одиночестве поднимался по мраморным ступеням, ведущим во дворец. Не было свиты, приветствующей его, не было парада, отмечающего его прибытие.

Внутри, в атриуме, где три крупные фракции дрались четверть столетия назад, Эделл увидел дружно работающее Племя. Ситхские повелители и мечники сгрудились над копией секретной карты Корсина, устроенной на огромном столе в центре комнаты. Эделл часто видел ее, когда планировал свою экспедицию, но его путешествие уже завершено.

— Мои повелители, мечники, я вернулся! — проговорил он. За столом никто не двинулся. Он позвал снова. И снова.

Наконец повелители послали к нему кого-то. Даже не ученика, а всего лишь неофита, втрое моложе Эделла. Подросток усмехнулся:

— Что тебе надо?

— У меня есть новости. — Эделл выпрямился. — Я был на новом континенте и вернулся с триумфом.

— С каким триумфом?

— Я добрался туда. Я доказал, что он существует.

— Вести устарели, — сказал мальчишка, все еще усмехаясь. — Завоевание идет полным ходом.

Между повелителями, стоящими спиной к нему, появилась брешь. И Эделл разглядел на карте множество значков: войска ситхов, их воздушные корабли.

Эделл наморщил лоб:

— Не ожидал, что вы начнете захват так быстро.

Неофит ничего не ответил.

— Отлично, — продолжил Эделл, ступая вперед. — Я готов помочь…

— Нет. — Неофит активировал световой меч и преградил ему путь.

Спины сомкнулись, и Эделл больше не видел карты.

— Мое место здесь! — запротестовал он. — Я подтвердил существование континента!

— Ну и что? Это мог сделать любой.

— Я создал воздушные корабли!

— Которые мы смогли построить и без вас.

— Но я высший повелитель Племени ситхов…

— Истинный ситх будет что-то делать, — возразил неофит, — а не просто глазеть по сторонам. А вы — всего лишь

ремесленник.

Два мощных охранника, остававшиеся до того не замеченными, схватили Эделла сзади.

— Гоните его прочь. Ему здесь не место.

Эделл задохнулся и открыл глаза. Хватаясь за мокрый песок, он тяжело выкашливал воду из легких. И как долго, спрашивается, он бредил? Казалось, что долго, но вряд ли прошло больше нескольких минут. Посмотрев на запад вдоль изрезанной береговой линии, он увидел четырех своих спутников, точно так же прибитых к берегу и карабкающихся на сушу. В километре к северо-востоку на воде все еще догорало все, что осталось от «Чандры». Он и его товарищи упали незамеченными точно к северу от сигнальной башни; воздушный шар нес обломки гондолы дальше на восток. Прищурившись, Эделл увидел дергающихся под ними уваков, на противоположном северном берегу залива вспыхивали огни.

«Они не знают, что мы еще здесь, — подумал он. — У нас есть шанс».

Эделл стремительно поднялся. В синяках, промокший, но в остальном целый и невредимый, он, пошатываясь, двинулся вдоль берега навстречу остальным. Пеппин, погонщица уваков; Ульбрик и Дженнс — воины; и кешири, имени его он не знал. Пятеро вместе с Эделлом. И это все, что осталось от экспедиции в тридцать человек?

— Забираемся! — указал он на каменные развалины.

Там, на западе, стояла высокая белая башня, окруженная стеной. Приют или логово врагов? Он не знал, но сооружение было меньше, чем на северном полуострове, — может, отсюда кто-нибудь и стрелял, но не сейчас.

— Не используйте световые мечи, — прошептал он. Тьма всегда была другом ситхов, а сейчас — особенно.

Воины первыми добрались до вершины. И Эделл услышал громкий треск.

— Высший повелитель!

Эделл взобрался выше и увидел на земле Ульбрика, тот зажимал кровоточащую рану на бедре. Чуть выше, за тушей увака, прижималась к земле женщина-кешири, на ней явно была униформа. Она стреляла из диковинного оружия блестящими осколками. Дженнса выстрелы миновали, он нырнул в укрытие за полуразрушенный барак. Эделл слышал, как бьются при ударе заряды. Стекло, понял он, как и лезвия шиккаров. Даже опаснее, о чем свидетельствовал стон Ульбрика.

Женщина заметила Эделла и повернула свое оружие в его

сторону. Высший повелитель отпрыгнул как раз вовремя. Сколько у нее зарядов? Не хотелось бы выяснять. Припав к земле, он сложил руки в виде чаши и коснулся поверхности с помощью Силы, отвечая на атаку кешири струей песка. Женщина оказалась готова к этому, но вот ее оружие стрелять отказалось. Эделл потянулся к шиккару, закрепленному на ремне…

…но получил жестокий удар невидимой силой. Колени Эделла подогнулись, он упал на спину, потеряв лезвие. Женщина оказалась возле кинжала через полсекунды, схватила оружие и стремительно набросилась на него. Эделл поймал руку с кинжалом и увидел ее глаза. Они оказались больше и шире посажены, чем у знакомых ему кешири, и были полны гнева и страха.

Черпая Силу из ее эмоций, Эделл мощно оттолкнул кешири. Женщина отлетела назад и выронила кинжал. Пеппин и Дженнс мгновенно подскочили к ней и, схватив, прижали к земле.

Поднявшись на ноги, Эделл осмотрел нападавшую. Кеширская женщина, примерно его возраста. Одета в камзол из дубленой кожи — почти броня, такого он никогда не видел. Мертвого увака позади нее он опознал как несчастного правобортного с «Чандры», а рядом с ним лежал бесчувственный мужчина-кешири, одетый так же, как и женщина, за исключением того, что камзол наполовину завернулся вокруг его тела.

Эделл взглянул вверх, на огороженную стеной башню. Кто-нибудь видел схватку? Он махнул рукой послу-кешири и посмотрел на Ульбрика.

— Я разберусь с этим, — сказал Эделл, расчехлил свой шиккар и двинулся к раненому мужчине.

— Не трогай его, грязный ситх!

Все посмотрели на пленницу. Эделл запнулся:

— Ч-что ты сказала?

Пытаясь вырваться, женщина повторила:

— Я сказала, не трогайте его, вы…

— Я слышал, что ты сказала. — Эделл жестом приказал Пеппин закрыть кешири рот. — Я просто удивился, услышав, как ты это говоришь.

Никто не знал, на каком языке говорят туземцы скрытого континента. Лучшее, на что он надеялся, — древний кеширский диалект, если были какие-то доисторические контакты между двумя культурами; его посол знал несколько наречий. Но она говорила на языке, который принес на Кеш экипаж «Знамения»! Правда, с сильным акцентом.

Успокоившись, женщина с серебристыми волосами посмотрела снизу вверх на Пеппин и заговорила на этом языке

снова:

— Вы хотите освободить меня.

Пеппин усилила захват:

— Только не говорите…

— Да, — перебил ее Эделл, и его золотистые глаза расширились от удивления. — Я был прав. Я почувствовал это в океане — и снова, когда увидел, как она дерется. Эти кешири умеют использовать Силу. Или, по крайней мере, конкретно эта кешири. — Он оглянулся на странное деревянное ружье, лежащее на песке. — У них есть какое-то непонятное оружие.

— Мы приготовили его для вас, — подала голос прижатая к земле пленница.

— Приготовили для нас? Как вы вообще о нас узнали? — Эделл вгляделся во тьму. — Кто здесь еще?

— Целый отряд!

Эделл фыркнул:

— Ложь.

Наконец-то передышка. Допустим, местные кешири и могут использовать Силу, но эта женщина немногого достигла в ментальной защите. Хорошее предзнаменование.

— Твое имя… Куарра. И ты одна.

Куарра взглянула на него и вздрогнула. В стороне, приходя в себя, закашлялся ее товарищ-кешири. Ее взгляд метнулся к нему.

— Ты не хочешь его смерти, — продолжил Эделл. — Хорошо. Я использую это. Обоих в башню, живо.

— Осторожнее с ним! — крикнула Куарра. — Ваш чертов увак упал на него и сломал ему ребра!

— Вы сами навлекли на себя эту беду. — Эделл хрустнул костяшками пальцев. — И готовы навлечь еще больше.

— Не думаю, — возразила Куарра, когда ее вздернули на ноги. — Вы видели, что там произошло! Вы никогда не сможете прорвать нашу защиту.

— О, думаю, сможем. — Эделл указал на проем в стене. — Вы оставили ворота открытыми для нас, видите?

Эделл соображал, как бы унести немаленького туземца, — тут потребуются двое. Он тут же вспомнил о собственном раненом воине. В тени, у стены, жертва Куарры неуклюже ковыляла, опершись на плечо слуги-кешири. Импровизированный бинт вокруг правой ноги Ульбрика был полностью пропитан кровью.

— В каком он состоянии… как там тебя?

— Я — Теллпа, высший повелитель, — ответил кеширский ученый. — В ноге мечника Ульбрика застряло много осколков.

— Нам, возможно, придется двигаться быстро. Он может

идти?

Ульбрик стиснул зубы от боли.

— Это нелегко, высший повелитель, — сказал молодой ситх. — Не думаю.

Эделл посмотрел на воина, а затем повернулся к Куарре. Он улыбнулся ей, развернулся, активируя световой меч. Алая вспышка — и голова Ульбрика отлетела в сторону. Теллпа избежал не предназначавшегося удара ему, но не смог не испачкаться.

— Спрячьте тело! — приказал Эделл, деактивируя оружие. Это место не просматривалось с залива, так что свидетелей, кроме них, не было.

— Он же один из вас! — в ужасе пробормотала Куарра.

— Да, — мягко проговорил Эделл, минуя ворота. — Не забудь это. — Он оглянулся на трех своих оставшихся людей. — Положите мужчину внизу. Я хочу подняться и оглядеться.

— Скоро здесь появятся другие, — предположила Пеппин.

— Значит, надо поторопиться. Нужно больше информации. Свяжите женщину и отведите наверх. Она, возможно, будет в состоянии рассказать мне о том, на что я смотрю.

Световые мечи!

Связанная Куарра сидела напротив перевернутого верстака Йогана, украдкой разглядывая главаря ситхов, осматривающего маячную комнату, и похожее на обрубок оружие у него на поясе, мягко отражающее свет лампы, которую он принес. Световые мечи описывались в «Хрониках Кешты», и даже ходил слух, что один такой давным-давно привез на Аланциар Вестник. Если это и было правдой, то находился древний меч в самых тайных архивах материка, спрятанных под землей рядом с главной штаб-квартирой Военного кабинета в Сас'минтри. Куарра задалась вопросом, работает ли еще реликвия как оружие этого человека? Волшебный луч энергии, который не разобьется при ударе.

Пожалуй, ситхи действительно были Разрушителями из легенд. Или их приспешниками. Или их созданиями.

«Хроники» описывали людей, но это не смогло подготовить ее к тому, что она увидела, — к тому, что люди так отличаются друг от друга. Такое разнообразие в цвете кожи и волос по сравнению с сиреневыми тонами кешири. Сложно было поверить, что Эделл, с его волосами цвета солнца, принадлежит к тому же роду, что и женщина по имени Пеппин, щеголяющая огненно-красной гривой. Они не были безобразными, не были похожи на чудовищ, но «Хроники» предупреждали аланциари и об этом.

Главарь ситхов нетерпеливо склонился над своим слугой:

— Нашел что-нибудь, Теллпа?

— Нет, высший повелитель, — ответил старый кешири, тщательно рассматривая бумаги на полу неподалеку от того места, где она сидела.

Теллпа раздражал Куарру больше всего. Он был кешири, и все же не таким: с низким лбом и узким лицом. Еще одна ветвь древа кешири, но удаленная от него. Раз люди так различаются, значит они все из разных мест?

И как может кешири помогать поработившим его ситхам?

— Ты не должен повиноваться им, Теллпа, — зашептала она. — Здесь кешири свободны!

Теллпа непонимающе посмотрел на нее.

— Не обращай внимания! — рявкнул Эделл. — Мне нужно знать, как правильно послать сигнал!

Куарра усмехнулась. Добравшись до маячной комнаты, Эделл заметался с балкона на балкон, изучая ночной пейзаж. Увиденное ему явно не нравилось. На западе и на юге чернел океан; в заливе на севере сновали вооруженные разведчики. И со всего полуострова, уходящего на восток, подтягивались к воротам крепости в горловине Гарроу войска, готовясь выступить вверх по тропе, к ним. Со слов ситха, огненные шары зажглись как там, так и во всех крепостях к северу, помогая поисковикам. Хороший знак, решила Куарра. Аланциари больше не боялись нападения воздушных кораблей и зачищали территорию.

Единственным, что принесло пользу главарю ситхов, стало прибытие еще двух воинов, очевидно выброшенных с воздушного корабля, как и он сам. Они не пострадали и пришли к западной вершине мыса Сопротивления со стороны залива. Теперь ситхов стало шестеро. Но если они не желали встречи с войсками, идущими с востока, их время истекало.

— Сигнал, Теллпа! Сигнал!

— Я уже говорила, что знаю все коды, — подала голос Куарра.

Стоявший у сигнального аппарата Эделл посмотрел на нее и усмехнулся:

— Не думаю, что доверю тебе отправить сигнал.

— Тебе выбирать, — ответила она.

Он приказал поднять ее наверх, рассчитывая на то, что раз Йоган в его власти, то она будет сотрудничать. Но, даже имея такой рычаг давления, ситх был полон подозрений.

Эделл вернулся в маячную комнату и сердито уставился на сигнальные цилиндры. Потом порывом Силы разбил их о каменную стену.

«Хорошо, — подумала Куарра. — Он дал трещину».

— Я — *нет*, — произнес Эделл, повернувшись лицом на юг. В открытые двери он заметил что-то далеко на горизонте и быстро шагнул наружу. — Теллпа, иди сюда. Ты видишь то же, что и я?

Кеширский раб присоединился к своему хозяину на балконе:

— Корабль, господин!

Куарра вздрогнула. Только суда береговой охраны ходили по Западному морю, но на коралловых рифах в Южном проливе работал рыболовный флот. Опуская массивные каменные якоря, чтобы бороться с быстрым течением, корабли и их ныряльщики пропадали в проливе неделями. Они не должны были заплывать так далеко на запад, но капитаны, обязанные выполнить квоту по заготовке морепродуктов, зачастую срезали углы.

— Это хорошо. — Эделл указал на юго-восток. — Ты видишь, где он? Держу пари, они не видят сигнальную башню той крепости, что рядом с нами. — Он похлопал Теллпу по плечу. — Давай, быстро. Спусти ее вниз!

Заставив Куарру подняться, раб потянул шнур, стягивающий за спиной ее запястья, и толкнул Куарру вперед. Она посмотрела вниз, в открытый проем лестничной шахты, — вот он, путь. Было легко оступиться и совершить смертельный прыжок. Страшно представить, но сейчас ей следовало бы поступить именно так. Аланциари не могут помогать ситхам. Она и так уже рассказала слишком многое, просто открыв рот. Куарра сделала шаг в воздух, ее ботинок навис над пустотой. Что-то должно было случиться…

Нет. Она подумала о своих детях и о раненом, возможно, умирающем Йогане внизу. Нет, должна быть причина, по которой она оказалась здесь и сейчас. И была надежда. Войска придут. Ее брак, может, и не переживет их прибытия, но нет ничего хуже людей. Вновь воспрянув духом, она последовала вниз по лестнице следом за Теллпой и его хозяином.

Недавно прибывшие воины появились из подвала, нагруженные, как недавно Йоган, книгами и свитками.

— Архивы, высший повелитель!

— Здесь? — Эделл внимательно рассмотрел пергаменты. — Принесите их. Могут пригодиться.

Куарра едва подавила смех. Она воображала, что было в библиотеке Йогана. Половина, вероятно, приключенческие истории или романы. Вдруг вспомнив о нем, она огляделась. Из жилых помещений раздался стон.

Эделл подтолкнул ее туда:

— Можете не пытаться устроиться поудобнее.

Йогану, конечно, удобно не было. Ситхи бросили его на пол, полностью проигнорировав кровать. Но сейчас его лицо было не

таким бледным. Он потерял сознание, когда на него свалился увак; потребовались все ее навыки в Силе, чтобы сохранить ему жизнь. Куарра опустилась рядом с ним на колени. Ее руки были связаны за спиной, и все, что она смогла сделать, — поцеловать его пораненную щеку.

Он был очень слаб, но все-таки узнал ее.

— Я не так представлял тебя в своей спальне, — прошептал он, глотая слова.

— Молчи.

Йоган услышал чужие голоса снаружи и попытался встать, превозмогая боль. Женщина легко толкнула его обратно. Он запыхался от напряжения.

— Там… ситхи?

— Да, — прошептала она, ласково касаясь его лица. — Но сейчас у них большие проблемы. Нам просто надо подождать…

— Нет нужды, — вмешался Эделл, появившись в дверях. Он усмехнулся. — Досадно нарушать идиллию двух любящих сердец. Но мы нашли лодку. И нас ждет еще одно путешествие — всех нас!

6

Облака разошлись, и солнце вновь засияло на стеклянных шпилях Тава.

— Не могу смотреть на это, — признался старик, прикрывая глаза. — Все это чертово стекло было плохой идеей!

— Да, верховный повелитель.

Серьезная кешири хлопнула в ладоши, и вторая служанка потянула шелковый шнур. Работники на крыше дворца опустили темные шторы, закрывая витражные окна атриума.

— Слишком уж здесь жарко, — проворчал их господин, стирая несуществующий пот с морщинистого лба. — Пойду-ка я в свой кабинет.

— Да, верховный повелитель.

Слуги, склонившись, отступили в ниши, давая ему проход. Варнер Хилтс, глава Затерянного Племени ситхов на Кеше, проследовал в небольшую комнатку, где он провел половину своей жизни. А почему нет? Он был верховным повелителем, но наряду с этим продолжал оставаться хранителем. Комната принадлежала ему, как и все комнаты теперь. И если ему захочется присесть за старый стол, заваленный древними свитками, и глотнуть своей настойки, он так и сделает.

В последнее время все, чего он хотел, — это одиночества. Он считал, что давно выполнил свои основные обязательства. Он вернул Племени стабильность и восстановил здание, которое любил за его былое великолепие. Все остальное — скука. В восемьдесят лет Хилтс окончательно потерял интерес к управлению Племенем, а осуществление великой миссии он передал в надежные руки еще двадцать пять лет назад. Всем этим могут заниматься и другие.

Его супруга Илиана, бодрая и энергичная в свои пятьдесят девять, полностью взяла на себя политику. Хранитель — верховный повелитель для большинства оставался фигурой почитаемой, но в среде ситхов даже буханка хлеба могла приобрести врагов, попади она на трон. Все выказывали ему уважение, и никто не смел бросить прямой вызов, но Хилтс был не столь наивен, чтобы считать себя неприкосновенным. Хотя если он станет достаточно дряхлым, то, пожалуй, не распознает удара лезвия среди остальных старческих болей.

Однако сейчас у власти традиционалисты — и Хилтс нашел уникальную возможность, чтобы все-таки просыпаться по утрам. Четверть столетия прошло с тех пор, как он в последний раз читал Завет Корсина в Таве, и пришло время читать его снова. Но

древнее записывающее устройство уничтожено, призрачный Корсин никогда вновь не произнесет свои последние слова. Несмотря на разгром архива во время Великого кризиса, текст Завета все еще существовал. Библиотеки в Орреге и Эльварносе избежали тотального разрушения, и в любом случае Хилтс помнил речь наизусть, хранил ее в своем сердце. Только вот это же сердце — по-прежнему достаточно сильное, несмотря на прошедшие годы, — подсказывало ему, что предсмертное сообщение Корсина в данный момент абсолютно не ко времени для его народа.

Так что Хилтс с командой писцов принялись за работу над новой речью. Частью манифест напоминал слушателям, что значит быть ситхом; частью был правовым документом, утверждающим иерархию высших повелителей, повелителей, мечников и напоминающим о порядке наследования по степени родства. Но главным в документе и тем, что волновало пожилого правителя больше всего, был раздел родословных людей Кеша. Все они восходили к Дому Ниданта с Тапани. Хилтс именно эту работу, а не титул верховного повелителя, считал величайшим своим достижением.

Вскоре после того, как началась Реконструкция Хилтса, он и другие исследователи стали публиковать все, что они недавно обнаружили в текстах: от разрозненных приказов Наги Садоу до послания Такары Корсин своему сыну. В древних записях первого экипажа «Знамения» встречались непонятные ранее ссылки; теперь они обрели смысл. Люди Племени занимали не последнее место в Галактике — и, что возмутительнее всего, они были много древнее, чем сами ситхи.

С помощью кеширских писателей, куда более красноречивых, чем он сам, простое изложение событий превратилось в поэзию, призванную внушать Племени гордость. Не сумев добиться верховной власти в секторе Тапани, люди Дома Ниданта отправились искать другую, более великую судьбу, но попали в ловушку и стали рабами ситхов в Стигийской Кальдере. И все же предки Племени не могли долго прозябать на дне, особенно после того, как они изучили философию ситхов и возможности темной стороны Силы. Да, экипаж «Знамения» попал на Кеш случайно, как и их предки в пространство ситхов, — но тогда не было аварии. Первые годы пребывания Племени на Кеше послужили, в сущности, временем обновления: люди стали правителями и хозяевами, быстро и по праву избавившись от красных ситхов. Если бы беженцы с Тапани уже умели использовать Силу, когда попали в Стигийскую Кальдеру, история была бы совсем другой!

Не важно — Племя писало собственную историю здесь и сейчас. Что бы ни случилось с Нагой Садоу и его соплеменниками за последние два тысячелетия, люди, которые в конце концов покинут Кеш, будут независимыми. Новые ситхи, рожденные старыми людьми. У Хилтса был соблазн использовать свой Истинный Завет для того, чтобы публично упомянуть членов Племени, являющихся потомками нидантов, но он передумал. Они, может, и начинали как часть межзвездной торговой корпорации, но их идентичность состояла теперь в том, что они сделали с момента прибытия.

Годы назад название «Затерянное Племя» несло ауру неудачи. Сейчас эти слова напоминали обо всем, чего они добились. Потерявшись, Племя нашло гораздо больше.

— Это хорошо, — сказал Хилтс, пергамент зашуршал в его бледных руках. — Достаточно хорошо. — Он опустил свитки на единственное свободное на столе место. *Жаль, что тебя здесь нет, Джей. Ты любил мои истории.*

— Варнер, ты выглядишь как уродливый уакский хвост!

— А?

— Я не понимаю, — сказала Илиана Хилтс, вплывая в комнату. На ней было атласное платье, украшенное самоцветами. Потрепав Варнера по щекам, рыжеволосая супруга верховного повелителя нахмурилась. — Мы пригласим лучших специалистов по коже для тебя…

— Я их всех прогнал. — Хилтс помассировал челюсть. — Они хотели посадить мне на кожу деревья.

— Это органическая припарка, Варнер. Они профессионалы. Они приводят в порядок лучших людей.

— Ну, теперь они приводят в порядок айсберги.

Наклонив его голову, супруга поправила Хилтсу воротник.

— Твоя вспыльчивость производит впечатление на кеширi? Потому что со мной это не работает.

— С тобой ничто не работает, дорогая. — Он усмехнулся ей снизу вверх, показав керамические зубы. — Это одна из истин, от которых я зависим.

Он так и не смог понять, любит ли его Илиана или ненавидит. Но это уже не имело значения. Они сработались. Он сомневался, что много пар на Кеше могут похвастаться подобным. Конечно, общий интерес проснулся в них только под угрозой смерти. Хилтс не мог сам бороться за себя, а Илиана, будучи супругой верховного повелителя, жива, только пока жив он. Но возможно, это то, что необходимо в отношениях ситхов.

— Вставай! — Илиана дернула его расшатанный стул так, что Хилтс едва не упал. — Ты нужен в тронном зале.

— Опять? Лучше полы мыть. — Он кивнул на почти законченный трактат. — Я нужен здесь. Здесь я приношу пользу.

Илиана вздохнула:

— Слова, слова. Целая куча слов. — Она ухватила его под мышки и заставила подняться. — Это все, что тебя волнует. Ты всегда был никчемным ситхом. Где твой гнев, твоя зависть?

— Я злюсь всякий раз, глядя в зеркало, и чувствую зависть всегда, когда смотрю на кого-то, кому еще нет семидесяти.

Илиана одернула его тунику и закусила губу:

— Придется пойти. Высший повелитель Корсин Бентадо просит об аудиенции.

Хилтс застонал:

— Я знаю, я живу слишком долго. — Он тоскливо посмотрел на пергамент. Так он никогда не закончит. — Просто отошли его.

— Сделала бы это с большим удовольствием, — заверила его Илиана, закатив глаза. — Но это ты поставил его во главе сил вторжения.

— И почему я это сделал?

— Потому что я тебе посоветовала. И потому, что занятый делом Бентадо много лучше, чем Бентадо, бродящий кругом и выискивающий возможность начать заварушку. — Женщина пожала плечами. — Но в основном потому, что я так посоветовала.

— Бентадо, — угрюмо произнес Хилтс. Человек, причинивший ему боль. — Вот Эделл Врай — умница.

— Ты послал его в экспедицию, Варнер, — напомнила Илиана, подталкивая его к двери. — А теперь пойдем. Я делаю многое, но я не могу делать все!

— Да благословит темная сторона твою семью, верховный повелитель, — провозгласил Корсин Бентадо.

Сидя в капитанском кресле «Знамения», Хилтс что-то невнятно пробормотал в ответ. *Может ли темная сторона благословлять? Идиот.*

— Как и всегда, для меня большая честь — посетить это место, побывать в святая святых Тава, — продолжал Бентадо, обводя тронный зал своей единственной рукой. Яру Корсин умер, так и не успев устроить здесь прием, и очень долго комната с высокими потолками оставалась закрытой, пока ее не отворил Хилтс. Бентадо не унимался: — Я с изумлением увидел новые стеклянные шпили. Это доказывает мои слова. Реконструкция Хилтса на Кеше только начинается. Но она достигнет звезд, где вы когда-нибудь вернете всем нам законную власть.

— Хорошо.

Высший повелитель Бентадо расхаживал перед восьмью ситхскими воинами, одетыми, как и он, в черную кожу. В свои пятьдесят выглядел он так же, как в молодости: лысый, с густой черной растительностью на лице. Хилтс подозревал, что с ним хорошо поработали «специалисты» Илианы. *Каким должен быть человек, красящий брови?*

— Вести, которые мы ждали годами, наконец прибыли, — заявил Бентадо. — Сквоб!

Бентадо повернулся к высоким дверям, куда протиснулся горбатый кешири с бумагой в руках. Стоящая позади верховного повелителя Илиана закатила глаза.

— Ну вот, — зашептала она в морщинистое ухо мужа, — теперь понятно, почему потребовались годы, чтобы доставить это сюда.

— Тихо! — шикнул Хилтс, стараясь не рассмеяться.

Это стало их шуткой пять лет назад, когда Сквоба настоятельно рекомендовали Бентадо на службу. Высший повелитель сделал вид, что в восторге от нового слуги, и охотно принял кривобокого кешири в свою до той поры полностью человеческую свиту. Они тогда гадали, далеко ли это зайдет, — и гадали до сих пор. Бентадо никогда не появлялся без своего невысокого помощника на буксире.

Бентадо взял бумагу и поднял ее вверх.

— Успех! — объявил он. — Наши телепаты услышали зов в Силе несколько часов назад. Мы узнали, что Эделл Врай нашел тайную землю Яру Корсина. Она существует! — Он скомкал пергамент затянутой перчаткой рукой. — Разведка удалась. Время нанести удар!

Хилтс посмотрел на жену. Ее источники сообщили о том же днем ранее, однако это не стало поводом развивать столь бурную деятельность.

— Мы должны дождаться Эделла.

— Верховный повелитель, большинство воздушных кораблей готовы. Мои экипажи укомплектованы и ждут. Согласитесь, если он в конце концов что-то нашел, стоит воевать в полную силу! — Бентадо развернулся к своим воинам. — Мы ожидаем вашей команды — нанести удар!

— Ты это сказал.

Потирая плечи мужа за спинкой кресла, Илиана усмехнулась:

— Он не говорил, что вы *должны*, верховный повелитель. Мои люди тоже это слышали. Только одно более или менее понятное сообщение. Но позже ощущались и другие эмоции. Удивление. Шок. Смятение. — Она сделала паузу. — А потом — ничего.

Бентадо повернулся к Илиане и поднял обрубок левой руки; полвека назад именно она лишила его конечности.

— Они нашли целый новый мир, *консорт*. Там наверняка многое могло их удивить, и они, вероятно, были в смятении, не зная, что делать дальше. Эделл Врай не воин. Он уважаемый человек, да, как и положено высшему повелителю. Но он всего лишь талантливый инженер. Он ждет прибытия *моей* армии, чтобы начать вторжение.

— А что, — усмехнулась Илиана, — если чудесные хитроумные корабли Эделла упали в океан?

— Эделл жив, — неожиданно стал на защиту Врая Хилтс. — Я бы почувствовал.

Илиана молча посмотрела на него. Она много раз говорила, что он и воду бы не почувствовал, даже находясь в озере.

Бентадо широко улыбнулся:

— Я разделяю вашу уверенность, верховный повелитель. Войско готово. Первые шестьдесят кораблей в воздухе и оснащены оружием.

Он опустился на колени, за ним и его люди. Маленький Сквоб сообразил, что происходит, слишком поздно и почти упал на пол, пытаясь последовать примеру остальных.

— Я прошу вашего позволения, — сказал Бентадо, склонив голову, — свершить нашу судьбу.

Хилтс моргнул:

— Мм… конечно.

Воины гуськом вышли. Прежде чем присоединиться к ним, кеширский слуга Бентадо снова поклонился перед троном — на сей раз более правильно. Хилтс мягко улыбнулся в ответ на его старания. Оставшись последним, Бентадо отдал честь верховному повелителю и вышел вслед за своими воинами.

Хилтс посмотрел вверх, на Илиану, и поднял тонкую белую бровь:

— Мы попусту тратим на него воздушный корабль. Этот человек сам по себе — баллон с газом.

— Он так спешит. — Илиана выглядела озадаченной. — Он должен дождаться Эделла, а то рискует утопить всех своих людей.

— Это беспокоит тебя?

— Вовсе нет, — ответила Илиана, направляясь к другому выходу в вихре кружев. — Он их сам отбирал. Любой человек Бентадо стоит того, чтобы утонуть.

7

Парусник звался «Невезение», и его кеширской команде действительно не повезло этой ночью.

Они ушли с южного берега полуострова — мыс Сопротивления, так звалось это место, если верить местной карте, — спустя несколько минут после того, как заметили корабль. Задержала их только доставка на борт пленников — Куарры и мужчины по имени Йоган. Женщина протестовала; мужчину лихорадило, он то приходил в себя, то терял сознание. Но Эделл нуждался в проводнике, и до сих пор ее муж — если он им являлся — служил отличным рычагом давления.

Успели вовремя: войска с горловины Гарроу прибыли, как только они скрылись в темных водах. Армия нашла башню пустой и разграбленной; тело Ульбрика сбросили в цистерну с водой. Между тем Эделл и остальные, с трудом преодолевая встречное течение, пробирались к кораблю, чтобы успеть добраться до него под покровом ночи.

Моряки-кешири действительно не знали о недавней битве, и гости оказались для них полным сюрпризом. Тем не менее дрались они как дикие звери. Ситхи взяли «Невезение» под контроль только к рассвету — защитники корабля, все как один, сражались до последней капли крови.

Осеннее солнце уже стояло в зените на севере. Последний из «невезучих» погиб, крича в агонии под пытками допрашивающих. Эделл стоял на носу корабля, когда Пеппин вышла из рулевой рубки, снимая на ходу перчатки.

— Что-нибудь узнали?

— Не так много, — ответила Пеппин. — Они довольно крепко скроены для рыболовов.

— Это, кажется, местная черта, — заметил он, оглядываясь на Куарру и ее друга, привязанных к мачте.

— Они ловили раков. «Невезение» должно было вернуться через неделю.

Эделл окинул взглядом берег. Сигнальных станций он не заметил, так что кешири не смогли бы позвать «Невезение», — и только с воздуха, с уваков, можно было увидеть, кто находится на корабле.

— Мы могли бы пробыть здесь какое-то время.

Пеппин, казалось, растерялась:

— Возможно, не придется, повелитель. У кешири неплохие карты местных течений. Так что, чтобы добраться домой, надо просто поднять якорь.

— Дом. — Эделл посмотрел вверх на одинокий квадратный парус, свернутый на реях.

Пеппин сможет разобраться с кораблем, тут все в порядке. Она не один год работала под его началом, впитывая знания. Они могли вернуться домой — и имело смысл сделать это как можно быстрее. Он завершил бы порученную ему миссию, и даже такой скромный трофей, как рыболовное судно, мог считаться достижением. Парусник был больше любого морского корабля Кешты.

Пеппин почувствовала его мысли:

— Корабль сгодится. Думаю, он сможет вместить пару сотен ситхов, даже больше. Морской путь легче, чем воздушный. — Она помолчала. — И безопаснее.

Эделл мысленно вернулся к их фееричному прибытию, а потом вспомнил сон, что привиделся ему на берегу, и помрачнел. Станет ли возвращение на «Невезении» его личным триумфом? Он ведь все потерял. Корсин Бентадо уже готовит следующую волну наступления. Черный Флот в двадцать раз больше его экспедиции. Дождется ли Бентадо его возвращения или выступит раньше?

Он знал ответ, а также то, что, будь Бентадо на его месте, он не поплыл бы спокойно домой. Но что еще можно сделать?

Эделл вновь посмотрел на пленников. О мужчине он ничего не знал, но вот женщина определенно занимала среди кешири высокое положение. Это доказывали документы, бывшие при ней, пусть ее поведение этому и не соответствовало. Она знала все об этой земле, этом Аланциаре. Она знала, как работают сигнальные станции, разбиралась в оружии. И глубоко в ней сидело то — чем бы это ни было, — что делало этих кешири такими сильными противниками.

Да, можно разузнать больше.

Эделл повернулся к Пеппин:

— Новый приказ. Слушай, а затем выполни в точности…

Куарра осторожно поглядывала на главного ситха. Она не слышала, о чем он говорит, но его бандитская шайка собралась вокруг — вся внимание. Эделл был куда ниже ростом остальных разбойников. Как он вообще оказался среди них, да еще и руководит? Возможно, решила она, благодаря той жестокости, что он продемонстрировал у сигнальной станции.

Тем не менее она дважды слышала, как к нему обращались «высший повелитель». В «Хрониках» упоминалось, что это весьма почетный титул. Услышав это в первый раз, она сочла, что они просто насмехаются над коротышкой, — для ситхов, кажется,

такое отношение друг к другу было нормой. Но ее уверенность в этом пошатнулась, когда она заметила уважение, которое они выказывали к нему сейчас. Высший повелитель! Ситхи настолько малочисленны, что вот это — самое большое войско, какое только смог собрать один из их правителей?

Она надеялась на это, но беспокоилась, что над заливом видела лишь часть их войск. С севера могут прийти новые воздушные корабли, и плодородные угодья Западного щита окажутся под угрозой. Или, что еще хуже, корабли пролетят над полями к густонаселенным внутренним нагорьям. А там находится Ухрар. Будут ли в безопасности ее сослуживцы и ее семья?

Впервые за все это время она подумала о муже, о Брю. Он мало что смыслит в войне, точнее, в подготовке к ней. Что он скажет детям, когда завоют сирены?

Но одним поводом для беспокойства стало меньше: если старый капитан из горловины Гарроу не вспомнит ее имя, никто не узнает, что она была на мысе Сопротивления. Странно, но, похитив Куарру, ситхи спасли ее брак!

Но пленили они не только ее. Привязанный рядом Йоган то приходил в себя, то отключался. Ребра едва не проткнули ему легкие; Йогану повезло, что он выжил. Особенно после того, как ситхи на руках тащили его сюда. Его привязали к мачте, не позволив лечь; их плечи соприкасались, и Куарра через Силу чувствовала его страдания. Когда «Невезение» дергалось на якоре, Йогана пронзала боль.

Он вновь открыл глаза:

— Где я?

— Со мной. — Куарра постаралась подыскать слова, которые хоть как-то успокоят его. — Сейчас нас отпустят.

— Неправда! — Ситхский высший повелитель шагнул к ней. — По крайней мере, не для тебя, Куарра Тейн. Ты пойдешь со мной.

— Что? — Куарра натянула веревки и замерла, вспомнив, что они с Йоганом привязаны друг к другу.

Эделл сцепил руки перед собой:

— Это… первая встреча наших народов. И она оказалась неудачной. Вы оказали своим соседям плохой прием.

— Как же нехорошо!

— Воздаяние последует позже. Но мне хотелось бы больше узнать о вас.

— Обо мне?

— Обо всех вас, об Аланциаре. — Он махнул рукой на вершины гор, проступающие на северном горизонте. — Я хочу

понять, кто и как управляет вами, и ты мне в этом поможешь, Куарра. Но на моих условиях. — Забрав у Пеппин свернутую карту, он подошел к поручню и поднял руку. — Там, на северо-востоке, есть небольшая бухта. Надежно закрытая горами. Мы с тобой поплывем туда. Ваша военная столица, если верить карте, в нескольких днях пешего пути оттуда. «Невезение» останется здесь, пока я не подам с гор сигнал о своем возвращении.

Куарра уставилась на него:

— Ты сошел с ума, вы не похожи на нас. И все знают, что вы здесь. Наши люди моментально вычислят тебя.

— Ты что-нибудь придумаешь, — вкрадчиво сказал Эделл, передавая карту своей помощнице. — Должна, если хочешь, чтобы твой драгоценный Йоган остался жив. Если я не вернусь через две недели, он последует за рыбаками на дно океана.

Куарра посмотрела на Йогана. Он снова потерял сознание. Она сомневалась, что он слышал хоть слово.

— Я не хочу оставлять его!

— У тебя нет выбора.

Вытянув шею, Куарра посмотрела на Теллпу:

— У вас тут есть ваш кеширский *раб*. Пусть он будет твоим вьючным животным. Зачем тебе я?

— Не глупи. Мне нужен местный проводник, знакомый с территорией. Кешири здесь, чтобы распространять свою веру — веру в нас. Но вы встретили нас войной. Я хочу увидеть, что еще у вас есть в запасе.

Она долго смотрела на Йогана перед тем, как повернуться к человеку.

— Есть возможность спрятать тебя, — сказала она. — Но я сделаю это при одном условии…

— Ты не в том положении, чтобы торговаться…

— …условии, что вы отвяжете Йогана от этой мачты. В каюте есть койки. Позвольте ему лечь. Иначе вы его убьете.

— Разумно, — кивнул Эделл. — Переместите его.

Ситхи сразу же шагнули вперед, чтобы отвязать кешири от мачты.

Почувствовав, что путы ослабли, Йоган посмотрел на Куарру мутным взглядом. Его лицо осветилось радостью, но на смену ей тут же пришло беспокойство.

— Куарра, я не понимаю, что происходит, — пробормотал он. — Но ты не должна ничего делать из-за меня. Я того не стою.

— Мне судить об этом, — возразила она. И снова внимательно посмотрела на людей. Не кешири, но, быть может, и не чудовища: они подвержены сомнениям и их решения не всегда правильны. — Думаю, у меня есть то, что как следует напугает

ситхов и они уберутся туда, откуда пришли. — Она посмотрела на север. — У меня есть Аланциар.

8

Ситхи правили Кештой. Но Аланциар, насколько понял Эделл, был настоящей империей.

По Кеште легко было путешествовать незамеченным, просто избегая главных дорог. Здесь все оказалось сложнее. Листва — какие же здесь деревья! — была обрезана далеко вокруг приподнятых над землей каменных путей, а лесопосадки от дороги отделяли глубокие канавы. И с башен путевых станций открывался отличный обзор. Эделлу с Куаррой удалось невидимыми проскользнуть по отдаленной горной дороге темной ночью, но он сомневался, что они смогут таким образом преодолеть весь путь. Аланциар *знал*.

Пронзительный вой безостановочно разливался над холмами, несясь, казалось, со всех сторон. Эделл так и не привык к нему. Более громких звуков он никогда раньше не слышал. Куарра объяснила, что это сигнальные сирены, звук которых образуется, когда пар проходит по большим стеклянным трубам. Такие сирены были, пожалуй, в каждой деревне. И даже на четвертое утро после разгрома флотилии ситхов сирены все еще выли.

Они знали.

Увидев впереди очередную путевую станцию, Эделл поглубже натянул на лицо капюшон моряцкого плаща. Он все еще волновался по поводу маскировки. Аланциарская форма оказалась ему слишком большой, и Эделл решил использовать одежду моряков. Но Куарра настояла на широком плаще и темных очках, найденных ею на борту корабля, — чтобы спрятать его глаза. Еще немного повозиться с лицом — и маскировка готова, сказала она. Эделл не представлял, как это может сработать.

Но вот же, до сих работало. Первый день путешествия прошел тихо — они никого не встретили, пробираясь по лесистым горам к северу от бухты Меори. Но на второй день дорогу заполонили кешири — в основном солдаты, идущие на запад. Эделла с Куаррой часто останавливали, и каждый раз проверка проходила одинаково. Сейчас, на перекрестке, все должно произойти так же.

— Что вы здесь делаете? — спросил вооруженный часовой, глядя на Эделла.

— Один из исполнителей для Кереббы, — ответила Куарра, быстро показав свои документы.

— Сегодня вечером? Да, думаю, они не хотят нарушать традицию. Особенно сейчас! — Часовой отступил назад, к охранной будке, и кивнул на Эделла. — А он неплох. Проходите.

Убрав документы, Куарра повернула вверх по дороге, на север.

— Пойдем, — проворчала она Эделлу.

Высший повелитель двинулся за ней:

— О чем он говорил? Почему они пропускают меня?

— Увидишь.

Он дернул ее за камзол, и они оказались лицом к лицу.

— Ты не в том положении, чтобы хитрить со мной, кешири!

— А ты не в том месте, чтобы пугать меня, — парировала Куарра.

Оставшийся позади охранник путевой станции смотрел им вслед. В здании наверняка были еще кешири, да и сигнальная башня находилась в пределах видимости, недалеко от дороги.

— Я крикну: «Ситх!» — и ты умрешь, — холодно произнесла Куарра. — Наверное, тебя разорвут на куски.

Золотистые глаза Эделла, спрятанные за очками, расширились. Нехотя он отпустил ее, и они двинулись дальше. В этой женщине скрывалось больше, чем он думал.

Эделл уверился в этом час спустя, после долгого напряженного молчания. Он понял, что она была угрюма не только из-за того, что стала его невольным проводником.

— Я волнуюсь о своей семье. — Женщина оглянулась, бросив на него короткий взгляд. — Ты *знаешь*, что это, верно?

— Твоя семья. У тебя есть дети?

— Как сказать. Вы ведь их не едите, правда?

Эделл прищурился:

— На сигнальной станции не было детей. Их отослали?

Куарра молча взглянула на него.

И все встало на свои места.

— А, понимаю. У тебя есть муж, но это не тот фиолетовый здоровяк, — усмехнулся Эделл. — Похоже, я — не единственный твой секрет.

Она отвернулась, продолжая шагать:

— Вряд ли ситх может судить меня.

— Ох, я и не сужу, — отозвался Эделл, его золотистые глаза блеснули. — Только это говорит о том, что у вас с ситхами больше общего, чем вы думаете.

Две судоходные линии канала были разделены белой пешеходной дорогой.

— Широкий, — оценил Эделл. — Почти река.

— Когда-то это и была река. Мы ее перестроили.

Эделл смотрел, как пакетботы и баржи спешат вверх и вниз по каналу, запряженные животными, которых Куарра назвала

мунтоками.

— Как лодки могут двигаться так быстро? — поинтересовался он. Эделл обдумывал идею создания системы транспортных каналов на Кеште, когда взялся за починку навесного водопровода, но в конце концов сдался. Облицовка не выдержала бы.

— Посмотри ближе.

Опустившись на колени, Эделл ощупал гладкий берег канала:

— Бетон!

Кешири на Кеште были знакомы с цементом — как сухой смеси, так и воды было в избытке, — но редко работали с ним, предпочитая полированный камень. Они не выставляли его напоказ, когда все-таки использовали. Но кешири Аланциара именно с его помощью выстроили внутреннюю речную систему.

— Это, должно быть, заняло века!

— У нас было время.

Эделл вслед за Куаррой пересек мост, вытерпев еще один загадочный разговор с часовым. Высший повелитель так и не выяснил, о чем они говорили, но и обмана со стороны Куарры не чувствовал. Она должна была привести Эделла в столицу и, кажется, выполняла свою часть сделки. Путешественники зигзагами двигались на северо-восток — к основной части континента. Куарра непринужденно рассказывала ему о своем мире, возможно надеясь, что это произведет на него впечатление.

Эделл старался быть осторожнее, чтобы не дать ей повода так считать; в конце концов, его народ пришел со звезд. Он годами изучал «Знамение», но так и не смог понять устройства его механизмов. Однако с водяными колесами, кирпичными крепостями и реками в бетонных берегах он разобрался быстро. Суть в том, что все это здесь было. Сложно поверить в то, что все это создали те же кешири, что и народ Кешты. Почему они стали такими?

— Мы пришли, — объявила Куарра. — Керебба. На сегодня все.

Керебба оказалась большим городом, и таких городов он еще не видел — тусклых и скучных. Бетон здесь использовали не только для строительства каналов; аланциари жили в мрачноватых коробах, построенных из него же. Когда солнце скрылось за серым горизонтом, давящая тьма затопила улицы. И, как обычно, раздался проклятый вой — еще громче, чем всегда.

— Не хочу ночевать в городе, — заявил Эделл, повысив голос, когда они вышли на городскую площадь.

— Мы далеко не уйдем. Дороги перекрыты.

— Они не были перекрыты прошлой ночью! О чем ты

говоришь…

Эделл удивленно замолчал, увидев трубы на ближайшей крыше. Вой прекратился. Заинтересовавшись, он попытался подтащить Куарру поближе, но оказался в толпе кешири, молодых и старых, высыпавших на улицу. Большинство в форме, похожей на ту, что он видел во время пути, но не все. Некоторые были одеты довольно празднично, в яркие цвета. Кешири двинулись по проспекту, болтая и смеясь. На секунду ему показалось, что это люди…

— Вот он! — закричала Куарра, сдернув с Эделла капюшон.

Высший повелитель ошеломленно замер, пока все кешири вокруг поворачивались к нему. Рука потянулась к оружию, прикрепленному к тунике под плащом. Но когда он уже практически ухватил рукоять, толпа засмеялась.

Они хохотали. Кружа вокруг, они гикали и улюлюкали, указывая на беззащитную физиономию чужака — бледную, розоватую. Куарра нанесла немного самодельной краски на лицо Эделла, не скрытое очками, добавив черные полосы, призванные придать ему угрожающий вид. Сейчас, сорвав плащ, она стянула его вниз, выставляя на обозрение тунику и меч.

— Он великолепен! — крикнули из толпы. — Посмотрите, какого он цвета!

— У него даже есть световой меч!

Восторженные восклицания все чаще раздавались в толпе, но вскоре сменились насмешками. Обращенными не только к нему. Эделл, сбитый с толку, смотрел, как на улице появились одетые в черное кешири, их лица были окрашены в различные цвета; только сиреневых оттенков не встречалось.

Толпа обезумела:

— Ситхи! Ситхи!

Ряженые побежали к темной площади, где был установлен большой помост. У подгоняемого толпой Эделла не было выбора — он последовал за ними. И был ослеплен, когда наверху вспыхнул свет. Это зажглись огромные шары, установленные на мощных опорах. Они ярко горели благодаря какой-то люминесцентной субстанции, отраженной и усиленной в десятки раз. Сразу же осветилась вся Керебба.

«Огни, — думал Эделл, глядя вверх. — Корсин видел землю в огнях».

Он огляделся, сообразив, что потерял Куарру. Но нет, она была здесь, пробиралась к нему, самодовольно улыбаясь. Между тем кешири карабкались на помост, что-то затевая.

— Так вот почему они называли меня исполнителем. — Он взглянул на женщину. — Я туда не собираюсь.

— Тебе не обязательно, — махнула она рукой. «Ситхи» были и среди толпы; они рычали на гуляющих, а возбужденная, одетая в форму ребятня их освистывала. — Просто будь таким же противным, как и всегда.

Кешири поднимали на помост реквизит. Скалы. Раскрашенные волны. Большой парусный корабль. К ним присоединились двое в костюмах уваков.

— Вы вроде как находитесь в осаде, — произнес Эделл. — Но при этом устраиваете представления?

— Здесь и в каждом городе Аланциара. Это Ритуальный день. Его нельзя отменить из-за вашего вторжения. — Куарра надулась от гордости. — *Особенно* из-за этого.

— Это мне и в голову не приходило, — признался Эделл.

Кешири Кешты ставили сложные пьесы, одевались в роскошные одежды и выступали в мраморных залах. Меценаты не переводились, ведь театр использовали для пропаганды. Столичные труппы были на высоте, даже когда все вокруг пришло в упадок. Выступления прервались только во время беспорядков четверть века назад. Театр стал важной частью Реконструкции, распространяя вести о том, что обнаружил Хилтс в горном Храме. Но этот уличный театрик на помосте казался дилетантским, а такие костюмы были неприемлемы для Тава.

Эделл уже готов был все это озвучить, когда на помосте внезапно закачался игрушечный корабль, — изображали шторм. Фальшивые скалы преградили кораблику путь, и из-за них появилась женщина-кешири. Зрители зааплодировали. Она была одета в кожаную броню, а в руке держала светящийся стеклянный жезл, увенчанный сияющим шариком, — миниатюрная версия огней над площадью. Трясущийся корабль внезапно замер, его задняя часть упала на помост, открыв актеров, одетых так же, как команда «Невезения». Посмотрев на жезл, они съежились. Толпа примолкла.

— Я — Адари Вааль, и я — Рок Кеша!

— Адари! — Эделл не успел вовремя закрыть рот.

Кешири, стоящие рядом, повернулись к нему. Он замер, поймав сердитый взгляд Куарры. Эделл смолк и все внимание обратил на помост. Он спрашивал себя, правильно ли он расслышал.

С помоста прозвучал ответ:

— Я — Адари, Рок и Вестник. Спасительница и Потерянная Дочь. Союзник Сияющего Тоша, легендарного крылатого носителя милосердия, — декламировала актриса, исполняющая роль Адари. — Унесенная от дальних берегов, я вышла из океана с вестями страшными и удивительными. Я — Рок, восставший из

моря, и я расскажу вам о грядущем потопе!

Эделл уставился на помост. *Адари Вааль.* Наперсница Яру Корсина. Или его игрушка — смотря кому верить. Женщина, которая пыталась поднять восстание кешири и нашла свою смерть в океане. Он осмотрелся. Зрители, казалось, слышали это и раньше. Некоторые беззвучно проговаривали слова вслед за актрисой.

— Народ Аланциара, за вашим горизонтом есть враги. Вы не видите их — ваши парусники не смогут доплыть до тех далеких берегов. Вы не слышите их, но они говорят о своем зле опасным шепотом, и слова их разносит ветер.

— Это все общие слова, — проворчал Эделл Куарре на ухо. — Она должна яснее излагать смысл.

— Это церемония, — прошептала Куарра. — Мы проводим ее каждые десять лет.

Десять лет Адари тайно сопротивлялась Племени, объяснила Куарра. А на помосте актриса рассказывала об этом самом Племени и о зле, которое оно несет. Тут из-за фальшивых скал появились актеры-ситхи. Зрители зашикали и застонали.

Адари подняла свой жезл к небу:

— Да, ситхи — Разрушители из предсказания, но не бойтесь! Ваш Аланциар одарен природой щедрее, чем Кешта! — Она пошла по краю помоста, указывая вдаль. — Гуще ваши леса — хорошие, крепкие деревья для кораблей. Джунгли Кешты дают лишь слабую древесину. У вас есть сильные звери — могучие шумшуры, быстрые мунтоки. Кешта знает только уваков.

— Остальных мы съели, — вставил ряженый ситх, заработав взрыв хохота. Выставив руки перед собой, он изобразил огромный живот и поковылял по сцене под унизительные крики и гиканье.

— Дурачье, дурачье!

Актриса, изображающая Адари, улыбнулась:

— Да, и это тоже. Народ Аланциара умнее. Из огненного киселя и зеркал вы создали сияющие сферы, осветив свои дома и дороги. Корабли по вашим каналам несут неподъемные грузы. Многого достиг Аланциар!

Эделл смотрел на зрителей, пока с помоста вещали об их успехах. До этой минуты он решительно не желал восхищаться Аланциаром, несмотря на высокий уровень его развития. Но сейчас, в окружении врагов, он почувствовал сильное волнение. Эделл рос в Племени, потерявшем свой путь. Все подвергалось сомнению. Потому он еще подростком увлекся архитектурой и техникой — там существовали правила, неизменные и неоспоримые.

Конечно, Реконструкция возместила ущерб, дала ситхам

новую веру, но кешири Аланциара никогда не переставали верить, с тех самых пор, как Адари Вааль пришла к ним две тысячи лет назад. Рассматривая их лица, Эделл видел только уверенность.

Почему я не родился здесь?

— Я научу вас языку злодеев. Вы будете говорить на нем, как на родном, чтобы узнать их, когда они придут. И у меня есть для вас еще один дар, — сказала актриса, направив жезл на кеширских моряков. — Ситхи обладают могуществом, называемым Силой. Но эта мощь есть и внутри вас!

Когда сияющий шарик коснулся первого моряка, он сорвал с себя плащ и остался в белом атласном наряде, блистающем золотом.

— У меня нет этого дара. Но у вас он будет — и теперь вы знаете, как найти его. Вы — Защитники Кеша! — Она милостиво улыбнулась и обратилась к зрителям. — И вы тоже. Вы сражались в первой битве, — сказала она, добавив что-то новое, к явной радости зрителей. — Вы победили. И вы победите снова. Я объявляю этот день Ритуальным. Будьте бдительны! И однажды вы восторжествуете навсегда!

Толпа взревела в самовосхвалении. Эделл оцепенело уставился на Куарру: она одобрительно кричала и хлопала.

На помост взошел пожилой мужчина. Он назвался градоначальником Кереббы и вновь призвал всех к бдительности.

— Мы все видели эту драму. Но сейчас — особое время. Враг пришел. Ночью наши войска прочесали полуостров, ища следы нападавших. Враги вернутся, будьте уверены. Военный кабинет развернул противовоздушные силы на западе. Будет ли их столько же или больше — они погибнут. Гибель — вот судьба ситхов!

Толпа взорвалась криками, на сей раз более дружными, чем прежде. Кулаки единодушно взметнулись в воздух.

— Смерть ситхам! Смерть ситхам!

Это было уже слишком. Эделл схватил Куарру за руку и потянул ее прочь из толпы. Придя в себя, он снова надел плащ и натянул капюшон. Ему хотелось запрыгнуть на помост и убить хорохорящихся болтунов.

Он мог бы. Другие смогли бы. Почему не он?

Эделл с трудом взял свой гнев под контроль. Сейчас было не время, да и маленький станционный городок — не слишком удачное место. Если такие пьески играют повсюду, армия Бентадо в большой опасности.

А может, и все Племя.

— Выходим завтра, как только откроют дороги, —

предупредил Эделл, спрятавшись в тени. — Я хочу увидеть этот Военный кабинет и точно узнать, что кеширская предательница рассказала вам о нас!

9

Куарру разбудили капли, падающие на лицо. Она открыла глаза. Сквозь пышную зеленую крону, нависающую над ней, проглядывало солнце Кеша. Теплые капли воды стекали по ее щекам.

— Сезон дождей в джунглях, — раздался позади низкий женский голос. — Даже когда дождь прекращается, вода остается в листве деревьев. Не стоит лежать на улице вот так, без шляпы.

Куарра протерла глаза и поморгала. На Аланциаре не было джунглей. Очевидно, проснулась она не дома. Но где?

Она села. Вокруг была грязь. Позади нее человеческая женщина в соломенной шляпе пересаживала цветы в глиняных горшках. Она казалась смуглее и моложе Эделла, ее каштановые волосы были коротко острижены.

— Надо пересадить далсу, пока земля еще влажная, — пояснила незнакомка, не прерывая работы. — Куарра, да? Тебе действительно следовало позаботиться о шляпе. И лучше носить короткие волосы. Арахнориды здесь ужасны.

Куарра напряглась, услышав свое имя:

— Ситх… поймала меня. Ты — одна из них.

Женщина фыркнула:

— Никогда не спускала кешири дерзких слов. Тебе повезло. Я стала мягче с тех пор, как мы переселились сюда.

В стороне, на поляне среди деревьев, Куарра увидела еще одного человека. Он обрабатывал мотыгой небольшую делянку. В неровном свете почудилось, что она видит Йогана, сильного, невозмутимого. Но это был чужак.

— Вы оба ситхи, — сказала она.

— Мы — ничто. — Женщина выпрямилась и повернулась лицом к кешири. — Мы здесь — ничто. Или ты. Я — Ориэль, зови меня Ори. А это — Джелф.

Пока она говорила, солнечные лучи запутались в тумане. Мир на секунду словно поплыл.

— Это не по-настоящему, — проговорила Куарра. — У меня видение в Силе. Или это сон.

— Никогда не думала, что есть большая разница, — сказала Ори.

— Вы живете в джунглях?

— Живу. Или жила. В джунглях время течет не так, как во снах.

Куарра посмотрела вниз и увидела человеческого малыша, пробирающегося по лужам. Ори подхватила ребенка раньше, чем он

успел добраться до ее сада. Куарра услышала и другие детские голоса из-за хижины.

— У тебя есть дети.

— Трое. Как и у тебя.

— Верно. — Куарра не сомневалась, что это сон: ситхи не могли ничего знать о ее семье.

Ори передала испачканного, но счастливого малыша старшим детям. Целая жизнь была здесь, на поляне в джунглях. Пусть маленькая, но, кажется, полная.

— У меня, как и у тебя, тоже были обязательства, — заговорила Ори, не дожидаясь вопросов. — Я бросила их ради любви.

— Любовь? У ситхов? — Куарра прервала сама себя. — Извини, ты сказала, что не была…

— Я сказала, что сейчас я не ситх. Впрочем, я и раньше была не очень хорошим ситхом.

— А есть хорошие ситхи?

— Некоторым легче жить среди других, однако, если и так, они, пожалуй, тоже не очень хорошие ситхи. — Ори рассмеялась. — И да, я здесь не только из-за любви. У меня были обязательства, положение в обществе, как и у тебя. Я поняла, к чему это приведет. И мне это не понравилось.

Куарра посмотрела на убогую хижину:

— Это то, что ты выбрала взамен.

— Это убежище… — Ори взглянула на играющих детей и глубоко вздохнула. — Сейчас в мире почти не осталось укромных уголков. Я не знаю, останутся ли они вообще в будущем.

Плечи Куарры поникли. Из-за звонких голосов детей и звуков джунглей место казалось шумным, но она ощущала здесь то спокойствие, которого так часто жаждала в Ухраре.

— Я хотела бы жить обособленно, — сказала она практически сама себе. — Я так устала. Я смотрю вокруг, и все, что я вижу, мной уже сделано. Даже мои дети — я знаю, какой будет их жизнь, хотя они ее еще не прожили. — Куарра помолчала, потом продолжила: — Думаю, поэтому я и пыталась найти что-то новое. Мечту, к которой можно стремиться. Уверена, звучит плохо…

— Ох, можешь следовать за мечтой. — Ори оглянулась на мужа. Фермер кинул взгляд на женщин и улыбнулся обеим, прежде чем вернуться к работе. — Ты можешь следовать за мечтой, и ты можешь создать свой собственный мир ради одного. — Она взглянула на кешири. — Ты можешь долго жить в мечте. Но в конце концов…

— …в конце концов мир найдет тебя, — прошептала Куарра. И открыла глаза.

Они спали в сухой дренажной трубе, неподалеку от Кереббской канальной станции. Невозможно было уговорить Эделла остановиться в одной из казарм — ее официальный статус давал ей на это право. После спектакля в Ритуальный день он завелся, как ручная баллиста перед выстрелом.

Куарра не знала, хорошо это или плохо, — она видела, на что он способен. Но ведь почему-то он сейчас нервничает. Она была права: Аланциар стал великолепным оружием против Эделла. Чем дальше на север Куарра вела ситха, тем больше росла ее уверенность. Стало ясно, что, кроме тех, кто приземлился, у него больше никого нет. И когда они шли мимо заводов, она замечала, что Эделл раздумывает над тем, какое оружие здесь могут производить.

Но это не мешало ему играть в безразличие.

— Еще один уродливый поселок, — произнес он, когда они покинули Минрат.

— Не обманывай меня, ситх. Я чувствую ложь. Ты впечатлен.

Эделл взглянул в ее сторону:

— Признаю, в техническом плане ваши кешири превосходят наших.

— *Ваших* кешири?

— Конечно. Чьих же еще?

Куарра сердито вздохнула.

— Кешта — красивый тихий континент, — продолжал между тем Эделл. — Может, это и направило его жителей к искусству. Да, они сделали водопровод, но они сделали его красивым. — Он указал на канал впереди. — Если бы они, как и вы, больше думали о функциональности, наш водопровод продержался бы дольше.

— Он развалился?

— Нет, мы отремонтировали его. Но если бы его делали вы, у нас никогда не возникло бы с ним проблем. — Эделл посмотрел вдаль, будто взвешивая следующие слова. — Я думаю, — наконец заговорил он, — что «Знамение» приземлилось в неправильном месте.

Куарра покачала головой:

— Ты ничего не слушал в Кереббе? Вы — причина того, что Аланциар стал таким. Вы, ситхи, и угроза, исходящая от вас. Две тысячи лет мы готовились к вашему приходу. — Она оглянулась на серый город и посетовала: — Ты все-таки ничего не понял. Это вы сделали нас такими.

— Если ты думаешь, — усмехнулся Эделл, — что мы будем

сожалеть об этом, то ты совсем не поняла нас.

К полудню они добрались до пасторальных пейзажей Западного щита. На просторных холмах Шанка было больше людей и больше селений. У берегов водных путей широко раскинулись фермы, мунтоки тащили по дорогам телеги, груженные сеном. Склон, полого поднимающийся к восточному плато — главной части континента, — разделяли ровные террасы. Урожай поспел, и высокие крепости были почти незаметны среди зелени и золота полей.

Взгляд Куарры проследил линию мигающих сигнальных станций, доставляющих новости с побережья в военную столицу Сас'минтри, находящуюся на западном краю плато. Нагорье почти не было видно: на востоке клубились облака. Сердце Аланциара надежно защитила сама природа — цепью зубчатых горных вершин. Куарра сочувствовала местным сигнальщикам и мыслевестникам. Жизнь Йогана, конечно, не назовешь увлекательной, но с его башни открывался вид более захватывающий, чем бескрайние поля зерновых.

После того сна она часто думала о Йогане. Куарра понимала, что его башня — это не укромная хижина в джунглях, и стала раздумывать об их отношениях в целом. Он был одинок, не был загружен работой, но именно она всегда первая писала ему. Из них двоих, несомненно, Куарра была более занятой. Но когда их переписка прерывалась из-за ее командировок, возобновляла ее всегда Куарра.

Возможно, он просто подстраивался под нее. А возможно, его это просто не заботило.

А о чем бы ему заботиться? Что, пусть даже высокопоставленная, женщина может дать заядлому холостяку, офицеру сторожевой башни? Ее одолели сомнения.

— Ты опять думаешь об этом сигнальщике, — фыркнул Эделл. — Тебе сложно скрывать это. Я, конечно, никогда не был женат.

— Это было бы нечто. Кто сможет жить с ситхом? Я поражена, что на Кеше еще остались люди.

Эделл расхохотался. Его мрачноватый, но искренний смех напугал Куарру.

— Я сам этому удивляюсь! Но предпочитаю создавать что-то за компанию с другими.

«Может, именно так он и стал высшим повелителем, — подумала Куарра. — Он закрылся. Может, никто, кто выходит из дому, не доживает там до пятидесяти».

Если отбросить в сторону то, что он — враг, ее, несмотря ни

на что, впечатляла его энергия, даже если это плохо кончится. Она удивлялась тому, что после спектакля он не вернулся на «Невезение» и не уплыл. Очевидно, он считал, что этой информации мало для того, чтобы избежать потери лица после разгрома. У него наверняка были соперники; в «Хрониках» говорилось, что высших повелителей семь. Значит, он рискует, не принеся с собой ничего, кроме знаний?

«Я должен что-то сделать», — часто повторял он. Но что он мог?

Возможно, что-то и мог. Сила струилась вокруг Эделла и его соратников; среди аланциари такого не было. Использованию Силы, как и всему остальному, они учились у наставников, но знания их были, мягко говоря, поверхностными — только то, что смогла рассказать об этом Адари Вааль. Эделл же пришел из мира, где с этим даром были знакомы уже очень давно. Сколько же тайн Силы он знал?

Не одну, решила она. Они прошли весь этот путь не только благодаря ее способностям к блефу. Эделл что-то делал, незаметно приглушая разум тех, кто задерживал на них взгляд. Она видела его таким, каким он был. Другие же, если не буквально видели Эделла так, как ему хотелось, то просто не могли сосредоточить на нем внимание, отвлекаясь на что-нибудь другое.

«Было бы здорово научиться этому», — помечтала она. Но что бы там Эделл ни делал, скрывать его внешность больше невозможно. Ритуальный день закончился, и путешествующие в ситхских костюмах актеры тоже. Она указала вперед:

— Дойдем до переправы и найдем грузовое судно, которое идет вверх по каналу. Наслаждайся свежим воздухом, пока можешь, — придется ехать в компании ящиков.

— Долго?

— Это прямая дорога к Сас'минтри. День или два.

— День!

— Тебе еще повезло. Пока не построили дворец Вааль, Военный кабинет находился далеко внутри континента. Туда приходилось добираться целую вечность. Теперь это всего в паре дней пути от Ухрара. Но не волнуйся. Мы успеем вернуться к «Невезению», и ты выполнишь свою часть сделки.

Эделл посмотрел на один из пакетботов, быстро скользящий вниз по каналу без помощи мунтоков.

— Выглядят они не очень удобными, — посетовал он. — Конечно, ты можешь придумать что-нибудь получше.

Куарра закатила глаза:

— Мы не станем искать тебе роскошную каюту! Хотел

путешествовать сам — летел бы повыше на своем корабле, не попал бы под огонь…

Уу-у-и-и-и-ши!

Вой раздался со всех сторон: включились сирены на башнях в полях, поднимающихся по склону. Куарра махнула в сторону сигнальных станций — огни мигали безостановочно. Дневной цветовой словарь был беднее, но она поняла, что ближайшая башня передает то же послание, что впервые послал на континент Йоган. Ситхи вернулись!

Одной рукой схватив ее предплечье, другой Эделл сдернул очки. И нетерпеливо вгляделся в низкий северо-западный горизонт:

— Они там.

— Я знаю.

Волнение, что Куарра почувствовала в маячной комнате Йогана, вернулось, усиленное в десятки раз. И мыслевестники теперь тоже кричали об опасности. Прибытие Эделла той ночью стало первой каплей. Сейчас приближалась буря. К ее удивлению, высший повелитель расстроился, казалось, сильнее, чем она.

— Слишком рано! Слишком рано! — Он замахал на небо руками. — Слишком рано!

10

Они явились смоляными пятнами на светлом небе, раздутой высоко над землей злобой. Грозный клин воздушных кораблей, каждый конец которого терялся за горизонтом, и над ними — еще несколько замыкающих судов. Корабли были больше, чем легкие разведывательные суда Эделла, и вдвое больше уваков тянуло их вперед. Роспись превратила воздушные шары в чудищ, скалящихся на фермерские поля. И у монстров были зубы: на носу каждой гондолы, сделанной из древесины воссо, крепилось острое копье.

Черный Флот Бентадо.

— Они пришли слишком рано, — повторил Эделл.

Основная часть флота была почти готова, когда он отправлялся в экспедицию, но Эделл надеялся, что они все-таки дождутся его возвращения. Его собственный перелет занял три дня; Эделл понимал, что раз Бентадо здесь, то вылететь он должен был сразу после того, как Тэйма сообщила об успехе.

Непредсказуемые идиоты! Почему верховный повелитель Хилтс позволил это? Эделл уже знал ответ: супруга Хилтса, Илиана, должно быть, с радостью сплавила Бентадо куда подальше. Но сейчас, когда корабли пересекли береговую линию и шли на снижение, политика уже не имела никакого значения.

Они просто пролетели над батареями береговых катапульт. Эделл в отчаянии искал, на что бы вскарабкаться. Были ли крепости в поле единственной защитой?

Ответом стал вспыхнувший воздушный корабль, за ним загорелся другой. Эделл не мог понять, чем стреляют, но огненные шары казались знакомыми. Грохот прокатился над засеянными полями, и весь западный горизонт заволокло дымом.

— Ох, чтоб тебя!

— Сколько их там? — спросила Куарра.

Он приподнял бровь:

— Ты — враг. Я не собираюсь рассказывать тебе…

— Речь не о войне, — она схватила его за плащ, — а о моей семье! Ухрар всего в нескольких днях пути от побережья. Эти штуки могут добраться туда за считаные часы!

Он не успел ответить — мимо промчалась запряженная мунтоками повозка с сеном. Она остановилась перед мостом, и несколько кеширских солдат спрыгнули на землю. Пока один распрягал зверей, остальные сбросили сено. Они опустили деревянные стенки воза, открыв оружие, похожее на то, из которого стреляла Куарра, только большего размера.

Эделл замер. Он думал, что там, на западе, — это просто туман. Присмотревшись, он понял, что это неправильный — снизу вверх — дождь. В небо летели горящие копья и осколки стекла, выпущенные из таких же замаскированных передвижных орудий, спрятанных в полях. Совсем рядом раздался треск — это выстрелила катапульта у моста, тут же завизжал испуганный мунток.

— Поторопись! — закричала Куарра и бросилась к домику канальной станции.

Верхушка сигнальной башни переливалась всеми цветами, передавая донесения корректировщиков. Заставив себя двигаться, Эделл побежал за Куаррой. Еще больше взрывов загрохотало на севере и юге.

— Будь он проклят! — Эделл сплюнул. — Слишком рано!

— Ты о чем?

— Я о Бентадо, другом высшем повелителе. Он не должен был выступать до моего возвращения! Дождавшись меня, он узнал бы о вашем стреляющем огнем оружии — и обо всем остальном!

Себя Эделл тоже проклинал. Он ведь беспокоился о том, что Бентадо попытается атаковать в ближайшие недели — захочет попытаться. Вот почему Эделл остался, надеясь получить достаточно информации для того, чтобы предотвратить очередное поражение. Но Бентадо выдвинулся немедленно, и, что хуже всего, он забрал почти все готовые воздушные корабли — на поражение не рассчитывали. Укрывшись за канальной станцией, Эделл наблюдал за тремя огромными воздушными кораблями, находящимися в паре километров отсюда. Оба стремительно теряли высоту, их шары были пробиты. Один взорвался, другой быстро лишился всей своей подъемной силы и перевернулся, вывалив своих кричащих пассажиров на поле.

Из крепости на северо-западе вырвалось сверкающее облако, полетевшее в горящие обломки третьего воздушного корабля. Снова алмазы! Обломки рухнули в поле, где катапульта безжалостно их обстреляла. А Эделлу оставалось только смотреть. Бедствие исторического масштаба разворачивалось полным ходом, и он стал если не участником, то свидетелем происходящего. По крайней мере, удары наносились не слишком близко…

— Берегись!

Огненная катапульта из повозки дала залп рядом, но не задела сигнальную станцию. Через секунду последовал еще один удар. Это кренящийся воздушный корабль врезался в башню. Оторвавшись, его гондола стремительно падала в сторону канала. Освободившийся от веса дырявый шар, вертясь и подпрыгивая,

полетел через поле на восток.

Куарра молча сорвалась с места и понеслась на север, через мост. Эделл с криками «Куарра, Куарра!» в панике бросился за ней. Напуганные мунтоки, освободившись из лодочных упряжек, помчались по дороге вдоль канала и сбили его с ног. Высший повелитель вверх тормашками полетел в воду.

Вынырнув, он ударил кулаком по солоноватой воде и снова закричал:

— Куарра!

Вскарабкавшись по скользким стенам, Эделл побежал вверх по ступеням к погрузочной площадке. Небо заволокло черным дымом. На всех уходящих к океану полях горели обломки воздушных кораблей, и еще более густые столбы дыма поднимались из-за горизонта. И на земле около упавших судов виднелись человеческие фигурки. Некоторые не двигались, другие метались с мерцающими световыми мечами в руках.

Нападая или отступая? Он не видел, но чувствовал через Силу эмоции обеих сторон. Чистая преисподняя. Разгром шел полным ходом!

— Умри, ситх!

Эделл обернулся на знакомый голос, но угроза предназначалась не ему. Возле бетонной площадки на северном берегу канала одетый в черное ситх сражался с невидимым противником. Этот человек не был ему знаком. Эделл запрыгнул на платформу позади воина и активировал меч. И тут он увидел противника мужчины: Куарра! Стоя над телом кешири, Куарра стреляла в наступающего ситха из солдатской ручной баллисты. Воин легко парировал снаряды световым мечом.

— Неофит! — закричал Эделл, скидывая капюшон. — Сюда!

Куарра перестала стрелять. Она удивленно посмотрела на него, но ее противник удивился еще больше:

— Высший повелитель Врай!

— Вот именно! — Эделл повысил голос, чтобы его расслышали в окружающем шуме. Он шагнул вперед. — Что вы здесь делаете? Вы должны были дождаться моего возвращения и завершения строительства остального флота!

— Высший повелитель Бентадо приказал…

Молодой воин не закончил — он заметил, что Куарра подняла оружие, — и, бросившись вперед, сломал деревянное устройство. Потом развернулся для следующего удара… Эделл и Куарра, одновременно потянувшись к Силе, зашвырнули изумленного ситха в поле, его световой меч полетел в другую сторону.

Эделл развернулся к Куарре, держа остатки разбитого

оружия:

— Ты зачем в него стреляла?

— Это моя работа! — закричала она, опустилась на колени и бережно приподняла кешири, чьим оружием воспользовалась. Эделл видел, что этот воин был еще совсем юн. — Я заключила сделку с тобой, повелитель ситхов. И больше ни с кем!

Эделл шагнул было к ней, но очередной взрыв — еще ближе — сбил его с ног. Посмотрев вверх, он увидел парящий неподалеку огромный воздушный корабль — самый большой в Черном Флоте. Отмеченный эмблемой Корсина Бентадо, флагманский корабль «Яру» летел к восточным нагорьям, его гондола дымилась от копий, проткнувших днище.

Эделл Врай моргнул. Да, все верно, это «Яру» исчезает за восточным горизонтом. Секунду спустя вспышка света и грохот объявили о его прибытии — или падении — на плато.

Эделл схватил Куарру за руку:

— Быстро, за ним!

— Не собираюсь! — отшатнулась она.

— Они пошли на восток — нам все равно туда!

— План изменился. — Куарра встала. Ее лицо страдальчески скривилось, когда она увидела, что творится на полях. — Началась война! Я должна убедиться, что мои люди в безопасности, что мои дети в безопасности!

Она побежала сквозь дым к мосту, в ту сторону, откуда они пришли.

Эделл снова натянул капюшон и бросился в погоню.

— Я видел твой округ на карте! Он на юго-востоке от столицы — два дня пути оттуда, ты сказала. И по меньшей мере три дня отсюда. Он в стороне от нашего пути!

— Меня это не волнует. Мне надо домой!

— А как насчет твоего драгоценного Йогана?

Услышав это, Куарра остановилась у сигнальной станции и посмотрела вверх:

— Я не знаю, что с этим делать. — Ее голос сорвался, когда она увидела сигнальные огни. — Я не могу сделать все. Но я должна.

Эделл сглотнул. Ситхи на полях были разорваны в клочья или пронзены стеклянными снарядами кеширских стрелков. Аланциар и раньше представлял опасность для человека. Сейчас все стало еще хуже. Он плотнее надвинул капюшон и подошел к Куарре:

— В любом случае надо выбираться отсюда. — Эделл хлопнул ее по плечу. — Хорошо. Сначала мы пойдем туда, куда надо тебе. Но затем мы пойдем туда, куда надо мне!

11

Сирены снова выли, уже три с половиной дня; и казалось, они стонали еще громче. Куарра уже притерпелась к постоянной головной боли. «Половина населения кипятит воду для сирен, — думала она, — а другая половина делает ушные затычки, чтобы не оглохнуть!»

Но это были *ее* сирены, сирены Ухрара. Стоя в полночь на темной городской улице, она чувствовала гордость за то, что все работало так, как и было задумано. Они годами к этому готовились, но всегда оставался вопрос, сработают ли огромные стеклянные трубы, когда начнется настоящее вторжение. Они получили очень громкий ответ.

Весь Аланциар отлично себя показал. Они с Эделлом бежали от битвы, но исход ее не вызывал сомнений. Шестьдесят из раскинувшихся широким полумесяцем ситхских кораблей были сбиты почти над всей территорией материка. Из Шести Когтей битва задела только два северных, ограничившись в основном Западным щитом, — топографическое название себя оправдало. Крепости и катапульты в полях уничтожили бóльшую часть ситхских захватчиков в воздухе. Остальные упали на землю, где столкнулись с превосходящими силами противника. Отчеты мыслевестников сообщали о том, что кое-где еще остались ситхи, и сигнальные башни продолжали безумно перемигиваться. Были выжившие ситхи реальностью или вымыслом — это ее не касалось. Она направлялась домой. Куарра, пользуясь своими полномочиями, реквизировала мунтоков и повозку. Никто не собирался мешать передвижению военного коменданта в ее родном регионе. Эделл ехал сзади, прячась под пологом. Она прибыла домой на закате, после трех дней и ночей пути.

В тот вечер, проезжая по Ухрару, она почувствовала себя намного лучше. Ее дети спали в общественном убежище там, где им и положено было находиться, и куда она заглянула в первую очередь. Ее сотрудники отлично выполнили всю работу, собрав в убежище всю округу; семья Куарры пребывала там фактически уже неделю — со времени первой атаки Эделла.

Ее заместитель, казалось, был даже слегка разочарован прибытием начальницы. Отсутствие Куарры позволило ему поблистать в роли руководителя. Но сейчас это ее не волновало. Брю она искать не стала: дети в безопасности, а с учетом того, сколько истратили стеклянных снарядов, его, скорее всего, отправили на завод в ночную смену.

Выйдя из кабинета, Куарра посмотрела вверх, на

вспыхивающие огни сигнальной башни, и глубоко вдохнула. Повозка стояла рядом в темноте. Эделл сидел сзади и ел то, что Куарра смогла незаметно принести ему.

— Твоя семья в безопасности, — сказал он. — Ты довольна?

— Да.

— Лжешь. — Он швырнул наружу кость. — Идем. Мы сделали этот крюк для тебя, но мне это может дорого обойтись. Едем в Сас'минтри.

Она взобралась на козлы и взяла поводья. Эделл скользнул в темноту повозки, спиной к ней, спрятав лицо во мраке.

Колеса загрохотали по каменной дороге, вокруг расстилалась тьма. Пока не миновала опасность воздушных атак, отсутствие освещения — для всех, кроме сигнальных станций, — было обязательным. Наконец Куарра заговорила:

— Что ты имел в виду, когда сказал, что у меня с ситхами больше общего, чем я думаю?

— Я говорил, — помолчав, ответил Эделл, — о твоем стремлении к самосовершенствованию и о твоей нетерпимости к чужой слабости. Я не шучу. Ты никогда не бываешь довольна. Думаю, это делает тебя хорошим чиновником…

— Военным комендантом.

— …и хорошим организатором. Ты понимаешь, что надо делать, и ты ожидаешь, что это будет сделано. Отсутствие честолюбия для тебя — это неуважение не только к себе, но и к другим. И к тебе.

Куарра промолчала.

— Твой муж… Я почти вижу его лицо, когда ты думаешь о нем. Он — ничтожество. Он никогда не был и никогда не хотел быть лучше, чем он есть. Он тянет тебя вниз. Пожалуй, это и привело тебя к тому сигнальщику, Йогану. Но пусть он и может предложить чуть больше, он тоже просто случайный попутчик. — Высший повелитель глотнул из бутылки. — Знаешь, я наблюдал за ним, пока он был моим пленником. Он носит форму, но он зритель, а не актер. Ты можешь остаться с ним, но ты быстро устанешь и от него.

Куарра уставилась во тьму:

— В нем есть больше того, что ты сказал.

— Может быть, но в тебе гораздо больше. Ты перерастешь его — и он потянет тебя вниз, как увак на моем воздушном корабле. И тебе придется бросить его.

— Да, я видела, что вы творите со своими, — сказала Куарра, вспомнив массивную тушу, которая свалилась на Йогана. — Забудь об этом. Я не собираюсь делать подобный выбор.

— Хорошие новости. Потому что, как и с воздушными

кораблями, чем ты становишься больше, тем больше можешь и унести. Сила не только в том, чтобы, чтобы иметь выбор. Сила в том, чтобы суметь решить, нужно ли вообще выбирать. У тебя может быть муж и семья — и любовник в башне. Ты можешь подняться еще выше, и твое слово будет законом.

Куарра моргнула:

— Что, служа тебе?

— Да. Но также служа самой себе. Ты можешь стать ситхом, Куарра. Это всего лишь вопрос веры. Нельзя стать истинным ситхом, таща на себе кого-то еще, а разорвав бесполезные связи, ты сделаешь первый шаг.

— Я на твоем месте была бы осторожнее, — предупредила Куарра. — Тебя, ситх, и твои воздушные корабли можно уничтожить.

Зевнув, Эделл растянулся в повозке. Куарра оглянулась на Ухрар и подумала о том, что она только что сделала. Эделлу она ни о чем не сказала.

Куарра отправила сообщение, задав вопрос, абсолютно понятный в свете недавних событий. Что делать, если ей в руки попадет повелитель ситхов?

Ответный сигнал из Сас'минтри пришел незамедлительно: «Приведи его к нам. Мы знаем, что делать».

Не могло быть яснее — и не было власти выше. Послание пришло под официальным кодом Военного кабинета. Этот приказ получат сейчас все военные коменданты. И что это значит? Конечно, они хотят пленить всех выживших ситхов. Но везти их в столицу? Может, в засекреченных главах «Хроник» нашли описание того, как можно без опаски держать ситха в плену.

Может, они хотели устроить казнь или изучить ситхов.

Куарра оглянулась на спящего Эделла. Она успеет отвезти его во дворец Вааль — что бы ему там ни было нужно — и вернуться в бухту Меори, чтобы спасти Йогана. Но даже если она приведет Эделла в ловушку, то все равно сможет вернуться за Йоганом — и на этот раз с ней будет вся военная мощь Аланциара.

Куарра спасет Йогана — и, сделав свою работу и даже больше, станет героем.

Ты прав, повелитель ситхов. Я могу получить все.

12

Сас'минтри основали много столетий назад. Он стал еще одним военным форпостом на краю плато, с видом на простирающиеся к океану просторы Западного щита. Находясь между прибрежными горами и промышленным центром, он оказался в центре сигнальной сети Аланциара: лучшее место для Военного кабинета.

Еще десять лет назад главы различных военных, промышленных и образовательных управлений заседали по отдельности. Дворец Вааль в Сас'минтри собрал их всех в скучном кирпичном одноэтажном здании, совсем невзрачном, если не считать большую белую башню в широком, огороженном стеной дворе. В отличие от башни Йогана на мысе Сопротивления, сигнальные огни башни дворца Вааль располагались на нескольких этажах и отправляли послания во все направления. Обитатели дворца Вааль могли связаться с любой точкой Аланциара: от верфей на далеком северо-востоке до охранников в собственных воротах.

Посмотрев на башню, стражник в коричневой форме повернулся к Куарре. Он говорил громко, чтобы перекричать сигнал тревоги:

— Мне велели впустить вас, военный комендант. — Военный постучал по телеге мечом. — Вас обоих, — добавил он с боязливым презрением.

Ворота открылись, и мунтоки втащили повозку внутрь. Створки еще не захлопнулись, а Эделл уже выглядывал сзади, из-под парусины:

— Нас обоих? Что это значит?

— Я… я не знаю. — Куарра запнулась, слезая с сиденья. Световой меч все еще был при ситхе. После долгой поездки из Ухрара она чувствовала ломоту в костях и все больше усиливающееся беспокойство Эделла; она надеялась, что волнение слегка притупит его восприятие в том случае, если их ожидает ловушка.

Куарра уже готова была к тому, что их встретит отряд стрелков. Но двор, за исключением повозки, был пуст. В воздухе висел неприятный запах. Наверху, на башне, спокойно мигали сигнальные огни.

И двери дворца Вааль были широко распахнуты.

— Мне это не нравится, — пробормотала она сама себе.

— Нас уже двое. — Эделл спрыгнул на землю. Схватив Куарру за плечи, он повернул ее лицом к себе. — Они ждут не

только тебя, верно? Они ждут и меня.

Куарра смотрела куда угодно, только не на него; слова давались ей с трудом.

— Ты никогда не говорил мне, что собираешься здесь делать. «Посмотреть страну, посетить столицу, увидеть Военный кабинет». — Она пожала плечами. — Я — чиновник, Эделл. Я не могу просто взять и провести тебя через главный вход.

Эделл мрачно смотрел на нее еще секунду перед тем, как расплыться в улыбке:

— Нет, это я проведу тебя через главный вход. — Он сбросил плащ на землю и активировал световой меч. — Как всегда, ты первая.

Кешири в холле были мертвы уже по меньшей мере день, может, больше. Куарра узнала форму — сначала пара охранников, дальше в здании, вперемешку, администраторы и помощники. Штурма явно не было. Никаких свидетельств борьбы. Только застигнутые врасплох искалеченные кешири. Некоторые ожоги показались ей похожими на раны от световых мечей. Но не все.

Она прикрыла ладошкой рот:

— Я работала с этими людьми.

— И ничего больше, — произнес Эделл, переступая через трупы. Он осторожно заглянул в коридор, ведущий вниз. — На этом этаже ничего нет, не так ли? Все важное под землей.

— Да, — подтвердила Куарра, жалея, что не захватила оружие из своего кабинета. К Эделлу она привыкла. Но здесь присутствовало нестерпимо давящее ощущение зла. И оно усиливалось.

У подножия лестницы горели светильники. Миновав вестибюль, Куарра с Эделлом вошли в нарядную — если не считать мертвого часового возле гобелена — приемную. На гобелене была изображена пожилая женщина-кешири. Ее тонкие белые волосы обрамляли усталое, почти болезненное лицо.

— Удивительно некрасивая дама, — отметил Эделл.

— Ты так говоришь только потому, что знаешь, кто она, — парировала Куарра. — Адари Вааль.

Она много раз стояла в этой комнате, ожидая приема в Военном кабинете, восхищалась гобеленом, рядом с которым всегда дежурил часовой. Это был поздний, почти предсмертный портрет великой кешири, а не изображение молодой женщины из исторических очерков. Но было в ней так много стойкости, что Куарра каждый раз, глядя на гобелен, гордо вскидывала голову.

Однако сейчас портрет лишился своего почетного караула —

его страж был мертв, как и все остальные. Штаб Военного кабинета превратился в морг, почти все правительство Аланциара лежало на столе или под ним. И снова — никаких признаков борьбы. Кто бы это ни был, он пришел ночью и захватил всех врасплох.

— Нет. — Золотистые глаза Эделла расширились. — Его здесь нет. Иди за мной.

— Кого?

— Просто иди за мной — и будь рядом!

Корсин Бентадо сидел на стуле с высокой спинкой и был похож на арахнорида из джунглей, восседающего в центре паутины. А паутина была велика. Куарра только что назвала это помещение «окном в мир», и Эделл с самого начала был уверен, что нечто подобное существует. Все сигнальщики должны были пересылать свои сообщения через какой-то центр. Он предполагал наличие нескольких небольших узлов — разумный шаг с точки зрения скорости передачи и обилия посланий. Но военный характер устройства Аланциара предполагал жесткую централизацию. Сообщение с мыса Сопротивления в горловину Гарроу передавалось напрямую, но сигнал, предназначенный более отдаленному адресату, сначала проходил через центральный узел.

То есть через это помещение, в котором и расположился Бентадо. Повелитель сильно изменился: его голова была покрыта ожогами — не смертельно, но болезненно; от густых бровей почти ничего не осталось — их сильно опалило; мундир был испачкан красным и сиреневым.

— Ты выжил, — констатировал Бентадо, его был голос еще грубее, чем помнил Эделл. — Я так и думал. Я тебя почувствовал. Заходи, Врай. Глянь-ка, что я тут творю.

Эделл шагнул в дверной проем, по бокам которого стояли воины Бентадо. Обеспокоенная Куарра осталась позади.

— Позови своего проводника, — сказал Бентадо и, поморщившись, встал. — Она — причина того, что ты здесь.

Эделл деактивировал световой меч и взял Куарру за запястье, чтобы ввести ее внутрь. Помещение оказалось тем самым узлом, о котором он догадывался. Большой круглый зал, погребенный под башней, с курьерами, что носились по лестницам вверх и вниз, доставляя сообщения.

Сквозь квадратные — метр на метр — решетки в потолке проникал свет, падая на приподнятую над полом площадку в центре комнаты. Там находилась огромная карта Аланциара, удивительно похожая на ту, что была во дворце в Таве. Только на

этой карте, помимо всего остального, была обозначена и сложная сеть сигнальных станций и крепостей.

Эделл посмотрел на курьеров. Некоторых он узнал — это были члены экипажа «Яру», но встречались и люди с других судов. Большинство — воины, но он заметил и нескольких послов-кешири, в том числе Сквоба, который как раз передал своему прихрамывающему хозяину ворох пергаментов.

— Жесткая посадка, — объяснил Бентадо. — Мы срезали гондолу, как только очистили вершину хребта. — Он оскалился разбитыми зубами. — Твой водород оказался плохой идеей.

— Он доставил нас сюда, — напомнил Эделл, пытаясь осознать происходящее. Он был своим — здесь, среди ситхов. Но все же что-то пошло не так. Эделл приблизился к карте, а затем оглядел помещение. — Здесь много всего. Но это не может быть центром всей сети.

— Нет. Есть еще по крайней мере тринадцать зданий в этом городе, где обрабатывают сообщения. Мы нашли одно после посадки — и оно привело нас сюда. Веришь ли, кое-где даже принимают послания через Силу. Но все важное направляется сюда — и исходит отсюда. Когда мы нашли это место, оставалось лишь незаметно проникнуть внутрь. — Бентадо рассмеялся. — Я обычно оставляю такие тонкости другим. Но тут пришлось поработать собственными руками — результат ты мог видеть снаружи.

Эделл посмотрел вверх, на лестницу, ведущую в башню:

— Вот как вы собрали всех выживших.

— И тебя. — Бентадо кивнул на Куарру. — Благодаря сигнальной станции мы контролируем все, даже не запирая ворот. Как-то кешири принесли нам продовольствие, но эти идиоты вместе с продуктами оставили во дворе и пленников!

Эделл посмотрел на Куарру. Она прикрыла рот руками, на ее лице застыло изумление. В огромных глазах появилось понимание. Организация, сделавшая Аланциар сильным, стала его слабостью. Эделл чуть поразмыслил над этим; частично именно из-за этого его так влекло в Сас'минтри. Но Бентадо прибыл первым и с теми же намерениями. Слава будет принадлежать ему.

— Отмените тревогу везде, — приказал Бентадо. Сквоб пошаркал обратно к подножию лестницы с приказом. Меньше чем через минуту пронзительный вой над Сас'минтри стих. Вскоре он стихнет и по всему континенту. — Всем быть в полной готовности к тому моменту, когда прибудет следующая волна.

— Следующая волна? — переспросил Эделл.

— Следующая волна ситхов. На Кеште еще остались

воздушные корабли. Думаю, мы скоро их увидим.

Эделл поднял брови:

— Тогда нам нужно предупредить их, пока они не вылетели. Кеширы слушаются твоих приказов. Но, боюсь, они будут стрелять по нашим кораблям, несмотря ни на что!

— Согласен. — Бентадо хищно улыбнулся. — И это именно то, чего я от них хочу.

13

Эделл пошатнулся:

— Ты хочешь, чтобы местные кешири уничтожили наши корабли?

— Не наши корабли. — Бентадо остановился у гигантской карты. Дюжина миниатюрных копий воздушных кораблей располагалась на западном краю. — Они уничтожат корабли Племени.

— Но мы тоже часть Племени.

— Разве? — Шрам над глазом Бентадо дернулся.

— Мы столько времени потратили на восстановление, — сказал Эделл, краем глаза заметив, что Куарра внимательно наблюдает за ними со стороны. — Не вижу смысла снова рвать его на части.

— Не играй в невинного. Ты и твои люди из «Золотой судьбы» раздирали Племя на части годами, как и мои люди. — Он указал на ситхов в комнате. — Проклятье, Эделл! Ты был прав тогда, во время Кризиса, когда пытался уничтожить храм!

— Это было не лучшим моим деянием.

— Нет, конечно нет. Но я не предлагаю уничтожать то, что мы восстановили. Я говорю о Втором Племени здесь, на Аланциаре.

— Втором… — поразился Эделл. Ему такое и в голову никогда не приходило.

— Это просто, — объяснил лысый мужчина. — Там невозможно добраться до трона, пока жив Хилтс. И Илиана… — Его рот зло скривился, имя королевской супруги получилось у него намного длиннее, чем было в действительности. — Она проследит за тем, чтобы Хилтс жил, пока ты и я не станем слишком стары. — Бентадо захромал вокруг карты. — Ты сам сказал, что кешири здесь лучше наших, — и я имею в виду не этого выродка, что подарил мне Хилтс. — Он хлопнул тяжелой рукой по искривленному плечу Сквоба. — Яру Корсин нашел скульпторов и художников. Мы нашли расу воинов. Строителей и оружейников!

— Аланциари — это что-то, — согласился Эделл, кивнув на Куарру. — Удивительный народ. Но они тоже кешири. Потенциал есть и у народа нашего старого континента.

— А у тебя есть две тысячи лет, чтобы он проявился? — фыркнул Бентадо.

Эделл оглянулся на людей — охранников в дверях. Они все слышали, но ничего не делали. «*Его* люди», — сказал Бентадо.

«Его отобранные экипажи», — сообразил Эделл. Как много пришло туда из старой Лиги корсинитов Бентадо? Почему он не обратил на это внимания?

Бентадо пробежал затянутой в перчатку рукой по поверхности карты:

— Это прекрасно, ты знаешь. Идеальное решение. У ситхов одна проблема. Мы стремимся к единоличной власти. По-настоящему свободным можно быть только тогда, когда все оковы разрушены, когда никто не сможет ограничивать тебя, сопротивляться тебе. Идеальный ситх должен контролировать все и вся. — Он Силой поднял маленький воздушный кораблик. Суденышко воспарило в воздух, словно настоящее. — Но как осуществлять такой контроль? Слишком много переменных. Слишком много рабов, желающих не только твоей славы. Слишком много ситхов, которые действуют против тебя. — Легкое движение запястья, и маленький воздушный кораблик кувырком полетел через стол. — Преисподняя!

Эделл промолчал. Бентадо часто высказывался в таком духе. Человек на сцене был частью труппы.

— В юности, — продолжал Бентадо, — я думал, что Яру Корсин нашел решение. Помнишь? Он обманул поверивших в него кешири. Он не победил — он пришел и просто повернул ключ. Он все сделал правильно, но потом начал ошибаться. Результатом стала его собственная смерть — и потерянное тысячелетие. Но здесь… — Бентадо замолчал, поднимая модель сигнальной станции, — здесь я смогу начать все заново и все сделать правильно. Как и Корсин, я упал с неба на эти берега. Здесь уже есть готовое государство, мне остается только протянуть руку и взять его, подчинить. И здесь нет ситхов.

Эделл взвесил его слова. Что бы он ни думал о Бентадо, сама идея представлялась интересной. Одному-единственному повелителю ситхов не подчинить себе целый народ — если только он уже не подчинен. В Аланциаре все было отлажено, народ привык к жесткой регламентации и постоянной боеготовности. Только на вершине, не разрушив системы, оказался спасшийся повелитель ситхов.

— Хорошая идея, высший повелитель, — сказал наконец Эделл. — Очень хорошая. Кто-нибудь должен вспомнить о ней, когда мы займемся захватом Галактической Республики.

Бентадо улыбнулся.

— Есть лишь одно препятствие к ее осуществлению, — добавил Эделл. — Ты здесь не единственный ситх.

— Мои люди верны мне. Они будут работать на меня.

— И как долго, в таком замкнутом пространстве? Они люди.

Они не могут выйти наружу, или кешири сразу заметят их.

— Они не заметили тебя!

— Ему помогли, — впервые за все время заговорила Куарра. — Вынужденно помогли. Я обещаю, что никто не поможет вам, когда вас найдут. — Она свирепо ткнула пальцем в сторону выхода. — И вы убили наше правительство. В конце концов кто-нибудь придет сюда.

Эделл увидел разочарование на лице своего соперника. Нет, так далеко Бентадо не продумывал. И он, как и Куарра, не знал о том, о чем знал Эделл.

— Следующие воздушные корабли могут появиться раньше, чем ты думаешь. Надо решить, как обеспечить их безопасность. Твой план — он интересен. Но мы достигнем большего, сохранив единство.

— Тогда пусть выиграет то Племя, что сильнее!

— Нет. Мы не будем делать это снова. — Эделл мельком взглянул на Куарру, указав ей глазами на выход. Увидев, что она начала двигаться, он подошел к охранникам. — Высший повелитель Бентадо установил контроль над кешири этого континента. Вы поможете ему до того, как прибудет подкрепление. Затем мы будем работать вместе, чтобы укрепить власть здесь во имя Племени и верховного повелителя Хилтса.

Бентадо испустил раздраженный вздох:

— Ты всегда был занудой, — и скомандовал охране: — Взять его!

Воины Бентадо подались вперед, но Эделл уже двигался, активировав световой меч. Одним широким ударом он рассек обоих, расчистив путь.

— Куарра, бежим!

Куарра проскочила в дверь мимо Эделла. Тоже собираясь выйти, он обернулся… и закричал. Куарра в ужасе смотрела на огни, осветившие темный вестибюль. Из «окна в мир» выступил Корсин Бентадо, одна его рука светилась странными голубыми завитками энергии. Эделл заколебался под натиском и выронил свой световой меч.

Взгляд Куарры метнулся к полу. Так и есть: ситхи не удосужились забрать у мертвого кешири оружие! Бросившись на землю, Куарра схватила самозаряжающуюся ручную баллисту, перекатилась и выстрелила. Стеклянные заряды миновали Эделла. Бентадо взвыл от боли — один из осколков попал в обрубок его левой руки. Световое шоу закончилось.

Эделл упал навзничь, воздух вокруг него все еще потрескивал. Куарра поймала его свободной рукой, выстрелив

вновь. Бентадо и его слуга Сквоб отпрянули назад. Баллиста разрядилась, и Куарра Силой притянула к себе упавший меч Эделла.

Они петляли в лабиринте коридоров, Куарра помогала идти шатающемуся ситху. Она разбивала все светильники, встречавшиеся на пути; тьма, для разнообразия, стала ее союзником. Куарра слышала голоса ситхов Бентадо в коридоре, прямо позади них, но она знала, где находится. Куарра не все поняла из разговора ситхов, но она должна была предупредить всех снаружи об опасности!

Пыхтя, она добралась до приемной перед штабом Военного кабинета. Здесь была лестница, ведущая на поверхность. Но тут Эделл, все еще не отошедший от атаки Бентадо, упал. Куарра не знала, что сделал с ним Бентадо, но Эделл точно никогда раньше с подобным не сталкивался.

Она попыталась помочь ему сесть и вспомнила, как точно так же пыталась помочь Йогану на мысе Сопротивления. Сколько же дней прошло? Куарра поднялась, пошатываясь:

— У меня нет времени, Эделл! Я должна идти.

Эделл громко закашлялся:

— Что… о чем ты говоришь?

— Я должна всех предупредить, и не пытайся меня остановить. Мне надо спешить! Прошло десять дней с тех пор, как мы покинули корабль. Даже на уваке дорога до бухты Меори и «Невезения» займет не меньше двух дней. — Она попыталась помочь Эделлу подняться. — Пожалуйста, пойдем со мной! Если мы не доберемся туда вовремя, твои люди убьют его.

Высший повелитель согнулся от боли. Куарра постаралась удержать его, но не смогла.

— Я пойду одна, если…

— Нет, постой, Куарра. Это… важно. Останься, помоги мне…

— Я не могу! — Куарра поднялась и посмотрела в сторону лестницы. — Я должна идти!

Она уже ступила на первую ступеньку, когда услышала его крик:

— Куарра, их там нет!

— Что?!

— Я соврал тебе, что «Невезение» остается, чтобы ты помогла мне, — признался Эделл, пытаясь сесть. — Я отправил их домой.

— Домой? — Она уже была возле него. — Куда домой?

— На Кешту. На наш континент.

— С Йоганом?

— Если он жив, — прохрипел Эделл. — Вряд ли он самостоятельно покинул корабль. Они отплыли, как только мы

сошли на берег.

— Да чтоб тебя!

Куарра снова метнулась к лестнице — и застыла. Сверху послышался звук шагов. Это люди Бентадо, спрятавшиеся наверху? Из темного прохода донеслись голоса.

Сзади Эделл пытался встать на колени. Его световой меч все еще оставался у Куарры.

— Куарра, они убьют нас обоих. Тогда все потеряно!

Куарра замерла на мгновение, не зная, что делать. Она вернулась к Эделлу — он снова упал. Приподняв его, Куарра взглянула на двери, а потом уставилась на гобелен. Адари Вааль строго смотрела на нее, а голоса становились все ближе. Она взмолилась: «Рок Кеша, сохрани свою дочь!»

И почувствовала колебание в Силе — слабое, как легкий вздох, пришедшее от гобелена.

Глаза Куарры расширились. *Да!* Она не успела испугаться, что совершает кощунство, не было времени. Коснувшись гобелена, Куарра потянула ткань в сторону — и увидела темный провал спрятанной позади него комнаты. Закинув руку Эделла на плечо, она решительно шагнула в пустоту.

14

И снова Куарра ухаживала за раненым, а рядом шныряли ситхи — второй раз за две недели. Только места слишком сильно разнились. Она находилась не на сигнальной станции Йогана или на палубе корабля; она была в святая святых всего Аланциара — в библиотеке Адари Вааль.

Ситхи шумели где-то снаружи, за гобеленом. Можно было различить не меньше трех голосов. Она не могла выйти, но все еще оставался шанс предупредить своих. Куарра часа два пыталась связаться через Силу с другими мыслевестниками, пренебрегая опасностью того, что ситхи могут почувствовать ее присутствие. Сила осталась единственной возможностью связи, которую ситхи не могли контролировать… или она так думала. Погружаясь в Силу, она задыхалась от гневных эманаций ситхов и страха собственного народа, достигшего за последние дни критического уровня. Но никто так и не услышал ее. Куарра очень устала, была напугана.

И злилась. Злилась, долгими часами глядя на крепко спящего после тяжелых испытаний Эделла. Он врал ей все это время. Куарра имела представление о ломаной линии южного побережья. Там почти не было селений и крепостей — его и так надежно обороняли покрытые снегом горы. Ничто не мешало «Невезению» уплыть. Но с приходом осени на юг моряки аланциари покидали Южный пролив из-за прихода быстрых полярных течений, несущих холод и лед. Сможет ли неопытный экипаж выйти в Восточный океан? Предупредит ли их Йоган или будет молчать, решив утопить ситхов и погибнуть самому? А если он предупредит их, станут ли они слушать?

Куарра вздрогнула, сообразив, что не может предсказать поведение Йогана. Она вообразила, что хорошо знает его, но на самом деле все, что у нее было, — это кипа писем и короткая беседа. И она ведь практически перевернула всю свою жизнь из-за него.

А что Эделл? Он и его люди перевернули весь ее мир. Но она все равно его спасла, несмотря на его ложь. Почему? Куарра вспомнила о том, что произошло в «окне в мир». Эделл казался не таким, как Бентадо. Они оба убийцы, только Эделл — строитель, а не воин. Впрочем, разве ситхов интересует что-то, кроме них самих? Разве не завоевания — смысл существования ситха?

Она не верила Эделлу. Но и бросить его не могла. Что с ней происходит?

Куарра спала урывками, часто просыпалась, когда из-за

гобелена доносились голоса, но они не приближались. Утром в комнату из наклонной вентиляционной шахты в потолке проник свет. Шахта сужалась кверху, шанса выбраться через нее на поверхность не было. Но свет дал Куарре возможность хоть чем-то заняться, пока высший повелитель спал. Она потянулась за книгой.

Экземпляры «Хроник Кешты» были в каждом доме. Едва научившись читать, дети первым делом знакомились с записями бесед о прежней жизни рудоискательницы, о том, как она боролась за свободу. Основой для постановки спектаклей, только в более свободной трактовке, служила эта же книга. Но у Адари Вааль были и другие работы. Некоторые из них представляли собой биографические заметки о ситхах; в других подробно описывался ее родной континент. Значительная часть трудов была посвящена сходству и различию минералов двух континентов; однако даже самые преданные Вааль ученые не слишком жаловали эти материалы. Единственное, что представляло там интерес, — это теория о том, что Аланциар и Кешта разъединились вследствие Древнего катаклизма.

Но книга, которую Куарра держала сейчас в руках, не относилась ни к одной из этих категорий. Страницы были заполнены не каллиграфическим почерком профессионального писца, а какими-то каракулями. Собственноручная запись Адари? Это казалось невозможным, но Куарра листала страницы с особой осторожностью. Писала ли его Адари Вааль собственноручно, или он являлся древней копией — записи были уникальны. Куарра никогда даже не слышала о подобном. Это были личные воспоминания Адари.

Куарра нетерпеливо скользила взглядом по строчкам; подобное волнение она испытывала, читая послания Йогана. В записях много говорилось о сыновьях Адари, и слова были наполнены раскаянием, особенно когда речь шла о Тоне, оставшемся на Кеште. Было несколько колючих фраз о матери Адари, Эвлин, и совсем немного про ее брак с Жари. Куарра перевернула страницу. Здесь рука писавшего ускорилась, буквы наклонились. Эта запись рассказывала о Яру Корсине, капитане «Знамения» и первом верховном повелителе Племени.

В первый раз Корсин коснулся разума Адари издалека, задолго до их первой встречи, и она упомянула, что случилось это не единожды. И всякий раз это лишало ее сил. Куарра понимала, о чем говорит Адари. Она чувствовала это, когда пыталась ментально связаться с кешири, лишенными способностей к Силе. Правда, подобные случаи были редки. Это не всегда срабатывало, да и большой нужды не было. Будучи

мыслевестником, она связывалась только с теми, кто тоже использовал Силу. Как-то Куарра попыталась коснуться разума мужа и в ответ получила от него тошноту и боль. Стала ли Адари первой кешири, коснувшейся Силы? Куарра представляла себе ее ужас.

И этот ужас отражался на каждой следующей странице. Адари описывала ревность Сиелы, жены Яру. Мысленная злоба давила на нее всякий раз, когда Яру не было поблизости. Правда, даже его присутствие не всегда останавливало Сиелу; Адари писала, что он наслаждался, наблюдая за их противостоянием. Но это скорее было проявлением мужского самолюбия, отмечала она, а не ситхской злобы. Больше всего раздражало Адари то, что она сознательно терпела все это. И не только для того, чтобы получить информацию:

> У Яру самый острый ум, какой я когда-либо встречала. Разговор с ним как один из его поединков на световых мечах; с ним я чувствовала себя по-настоящему живой. Даже сейчас, спустя десятилетия, я помню, что, едва проснувшись утром, уже начинала предвкушать новую встречу. Идя рядом с ним, когда остальные — кешири и ситхи — опускались на колени, я ощущала себя в центре мироздания.
>
> Но я никогда не забуду и другое. Ту боль, что испытала, когда Сиела и остальные рвали мой разум в тот первый день, в горах. Яру силен, умен и привлекателен, он пользуется этим, чтобы управлять другими — чтобы управлять мной. И он — правитель ситхов, а подобное требует непомерного тщеславия и крайней жестокости. Этот человек убил собственного брата ради своего спокойствия. Если Яру все еще жив, то, вероятно, стал еще хуже. Он — зверь.
>
> Я была еще молода, когда стала частью выгодной сделки. Трудность состояла в том, что я оказалась в неравном положении еще до ее заключения. Пусть любая женщина, столкнувшаяся с ситхом, остерегается: сильной женщине не место рядом со зверем. Особенно если он без поводка…

Куарра захлопнула книгу, внезапно успокоившись.

Она понимала, почему этот текст не был общеизвестен, несмотря на то что все остальное было обязательным к прочтению. Правитель ситхов соблазнил ее. И Рок Кеша проявила слабость.

Куарра посмотрела на Эделла, чуть пошевелившегося во сне.

Его световой меч до сих пор был у нее. Она могла уничтожить по крайней мере одну угрозу — для ее народа и, возможно, для нее самой. Эделл не нравился ей, но и ненависти к нему она пока не испытывала. И он мог сыграть на этом. Да он всю поездку этим и занимался. И сейчас Куарра могла со всем этим покончить.

Но у нее остались вопросы.

— Просыпайся, — сказала она тихо, толкая его.

Эделл приглушенно застонал:

— Они все еще там?

— Да. Трое или четверо. Ты сможешь справиться с ними?

Он приподнялся на локте и поморщился:

— Нет. Но *мы,* наверное, сможем. — Эделл посмотрел на свой меч в ее руках. — Познакомилась с этим?

— У меня есть вопрос, — сохраняя серьезное выражение лица, сказала Куарра. — Ты сказал, что придут еще люди. И что, как и ты, они служат кому-то еще. Этот кто-то так же зол, как и Бентадо?

Эделл удивился вопросу и внимательно посмотрел на нее:

— Нет. Он — нет. Верховный повелитель стар, но мудр.

— Ты любишь его, — удивилась Куарра. — Он твой друг.

Почти разозлившись на себя, Эделл слегка улыбнулся:

— Да, я так считаю. Если жить под властью ситхов, то лучше, если править будет он или я, чем Бентадо. Поверь мне, у нас бывали и похуже.

— Водопровод. Ты говорил, что он сломался. Это из-за таких правителей?

— И их соперников. Тысяча лет хаоса, Куарра. Если Аланциар, как и я, идет по пути созидания, нельзя позволить, чтобы такое повторилось вновь. Ты должна помочь мне.

Она внимательно посмотрела на него — и решилась. «Адари была права, но и я права тоже. Некоторые звери лучше остальных».

— Ладно, — сказала Куарра, поднимаясь. — Но кое-что надо прояснить. Я помогаю тебе не ради тебя и не ради себя. Я собираюсь остановить Бентадо и исправить ситуацию. Я делаю это для своего народа.

— Это все равно что для себя, — усмехнулся Эделл. — Но мы позже поспорим о философии ситхов. Пора за работу. Надо лишить Бентадо связи, но стоит нам выбраться наружу — твои кешири разрежут меня на кусочки. То же самое они сделают, если ты отправишься за помощью, а они найдут меня здесь. Если раздобудем твою баллисту, то можно разбить огненные шары на сигнальной башне…

— Слишком долго!

— …а потом уже и те и другие попытаются разрезать нас на куски. — Эделл вздохнул. — Я уверен, ты уже пыталась позвать на помощь через Силу?

Куарра кивнула.

— Значит, единственный путь остановить Бентадо… это остановить Бентадо. — Эделл сцепил руки, глубоко задумавшись.

«Он так всегда поступает, — поняла она. — Холодный расчет, а не грубая сила».

Золотистые глаза распахнулись секунду спустя, их взгляд был направлен вверх.

— Ладно, я придумал. Но драки не избежать. Плохо, что меч всего один.

Куарра встала:

— Нет проблем. Если они перенесли сюда архив Адари Вааль, где-то здесь должен быть еще один световой меч.

— Значит, она его украла.

— Ну и молодец! — Куарра подмигнула. — И нам это на руку. Всегда хотела опробовать это оружие.

15

— Замечен воздушный корабль, — сообщил Сквоб. — На западном побережье, недалеко от порта Мелефос.

— Первый, — произнес Бентадо. Скрипя белыми зубами, он вытянул из запястья стеклянный осколок. — Кешири стреляют в него?

— Нет, мой господин, — пискнул слуга. — Судно слишком высоко. К нему направились стрелки на уваках с алмазными зарядами.

— Пусть сообщат, как только собьют. Дайте всем команду стрелять, как только увидят противника. Мы оставили Хилтсу шестнадцать воздушных кораблей. Надеюсь, он отправил все!

Эделл поморщился, наблюдая за тем, как ситх выковыривает еще один окровавленный осколок. Глядя вниз на «окно в мир» из вентиляционной шахты, он почти чувствовал боль Бентадо. Осмотрев шахту, наклонно тянущуюся вверх из тайного архива, Эделл предположил, что подземный бетонный бункер, в котором день и ночь находилось довольно много кешири, должен быть оборудован вентиляционной системой. Подземных помещений под кирпичным зданием и сигнальной башней было много, и шахты из некоторых комнат по необходимости шли под углом и пересекались между собой. Он уже видел подобную систему вентиляции в некоторых древних постройках в Таве. Аланциари использовали бетон, но конструировали так же, как и кеширские архитекторы Кешты.

Ближе к поверхности шахта сужалась, так что выбраться по ней из бункера не представлялось возможным, но, забравшись внутрь, Куарра обнаружила ход метр на метр, ведущий вниз. Он оказался достаточно широк, чтобы ползти по нему, и шел под углом то вверх, то вниз, пока не вывел их к казармам и кладовым. Мерзкая вонь подсказала им, что они оказались над штабом Военного кабинета. И вот сейчас, пробравшись по параллельно идущим шахтам, они находились над убежищем Бентадо.

— Где сообщения из порта Мелефос? Что так долго?

Покрытая шрамами лысина Бентадо появилась прямо под Эделлом, когда мужчина наклонился над картой.

Так ничего не выйдет!

Уперевшись в решетку, Эделл с помощью Силы потянулся вниз и опрокинул несколько миниатюрных фигурок. Вздрогнув, Бентадо наклонился, чтобы подобрать их, — и в тот же миг Эделл, сцепив ноги, выбил сапогами деревянную решетку. Один высший повелитель свалился на другого. Эделл, впечатав голову

Бентадо в поверхность карты, перекатился через копии ферм и активировал свой световой меч. Куарра прыгнула вниз и приземлилась в паре метрах от стола, напугав маленького Сквоба.

Эделл повернулся и увидел женщину из экипажа, одетую в черное, которая бросилась на помощь Бентадо. Он оттолкнул ее назад, прибегнув к Силе, но эта заминка дала Бентадо возможность прийти в себя. Мощный ситх схватил Эделла за лодыжку и яростно швырнул его на карту. Эделл покатился по изображению равнин, круша по пути миниатюрные модели.

Куарра рванулась к ним. Она была знакома только с фехтованием на штыках, древний краденый меч вращался в ее руках, словно лопасти ветряной мельницы. Бентадо активировал свое оружие и отразил ее атаку. Его нога неловко уперлась в модель горного хребта. Эделл скатился с карты навстречу еще одному защитнику Бентадо. Кинувшись вперед, он пронзил воина мечом.

— Эделл! Башня!

Эделл оглянулся и увидел, что Куарра взбирается по лестнице. Сквоб уже добрался туда и исчез из виду.

— Нет! — закричал Бентадо, ковыляя за ней так быстро, как мог. — Чтоб тебя разорвало, женщина!

Эделл кинулся следом, убив по дороге еще одного воина в черном. Все плохо! Куарра сможет сообщить с башни о Бентадо, но это навлечет на его голову все кеширское войско.

— Куарра, нет!

Эделл нашел задыхающуюся Куарру в нижней маячной комнате. Бентадо швырнул ее о стену, выбив из рук световой меч.

— Отойди, Эделл! — Лысина Бентадо блестела от пота, он поднес меч к шее Куарры. — Если эта краснорожая что-то для тебя значит — отойди!

Эделл скосил глаза. За деревянной винтовой лестницей, идущей вверх, прятался Сквоб.

— В эту игру можно играть вдвоем. — Эделл схватил горбуна.

— Сквоб? — Бентадо рассмеялся. — Делай с ним что хочешь. Я найду себе другого кешири. Тут их целый континент. — Он усмехнулся. — А что, эта особенная?

— Забудь обо мне, Эделл! — заорала Куарра. — Заруби этого подлого гада!

— Только шевельнись — и она умрет!

Эделл глубоко вдохнул и отступил. Он опустил меч, но не деактивировал его.

— Она может помочь, Бентадо. Это грубо — придя в гости, убивать хозяев.

— Дурак! — Бентадо швырнул его с помощью Силы.

Эделл отлетел к противоположной стене и впечатался головой в бетон. Меч вылетел из его руки.

Бентадо ногой отбросил оружие Эделла прочь и толкнул к нему Куарру. Сквоб, успокоившись, вылез из своего укрытия, и Бентадо приказал ему поднять древний световой меч Куарры:

— Держи это. Я сам позабочусь об этой парочке.

Он подошел к поверженным противникам. В его руках горел световой меч.

Дернулся канат, свисающий в лестничном колодце, зазвенели стеклянные колокола. Сквоб, подняв древнее оружие, повернулся к своему хозяину:

— Пришли вести.

— Ну так выясни, что там.

Сквоб, хромая, преодолел с десяток ступеней и взял лист пергамента еще у одного кеширского слуги Бентадо.

— Из порта Мелефос сообщают, что корабль приземлился, — доложил Сквоб.

— Ты имеешь в виду, они его сбили?

— Нет, сообщают — приземлился.

— О чем ты говоришь? — разъярился Бентадо. — Я дал команду стрелять!

Сверху передали еще одно сообщение. Сквоб просмотрел его, потом еще раз:

— Сообщение от верховного повелителя Хилтса, господин. Он извещает о своем прибытии.

Эделл, так и не пришедший толком в себя, удивленно посмотрел на Куарру. У Бентадо отвисла челюсть.

— Передайте, — заорал он тем, кто находился наверху, — что Корсин Бентадо и кешири Аланциара приветствуют его. И дайте приказ войскам убить их всех немедленно!

Шли секунды, сверху раздавался стук сигнального аппарата. Наконец к ним с недоуменным видом спустился кешири.

— Ну? Что?

— Верховный повелитель Хилтс прислал только одно слово, мой господин, — доложил он, выпрямившись и шагнув вперед, — «Приветствую».

Глаза Бентадо широко распахнулись.

— «Приветствую»?

Эделл в замешательстве посмотрел на него. А черные глаза Сквоба сузились, когда он услышал это слово.

На шее Бентадо вздулись вены. Ситх в ярости взмахнул мечом:

— Они играют со мной? — Он повернулся, нависая над

своими пленниками. — Это какой-то…

Вжик!

Глаза Бентадо расширились до невозможности, когда световой меч, пронзив спину, нашел его черное сердце. Ситх медленно осел на колени, а затем упал лицом вниз.

Маленький Сквоб посмотрел на своего неподвижного хозяина. Опустившись на колени, горбун-кешири деактивировал украденное Адари Вааль оружие и забрал меч мертвого Бентадо.

Эделл с трудом разомкнул губы:

— Сквоб?

— Я уверен, что семья Хилтс найдет для вас лучшие приветствия, высший повелитель Врай. — Горбун поклонился и протянул Эделлу оружие. — И я уверен, он хотел бы поприветствовать вас лично.

16

Белый воздушный корабль величественно опустился на главную площадь Сас'минтри. Того же размера, что и «Яру», «Доброе Знамение» в остальном полностью отличалось от него. На месте черных страшных узоров — инкрустированное золотом изображение могучего крылатого существа с изогнутым в довольной улыбке клювом. Оболочку шара украшали драгоценности и кисти. Гондола была обтянута шелком — словно пушистые облака опустились с небес и парили над головами замерших по стойке смирно кеширских солдат.

Куарра стояла на приветственной трибуне вместе с выжившими членами городского правительства. Эделл находился тут же. Он не скрывал нетерпения и с большой радостью смотрел на воздушный корабль.

— Этот великолепный корабль сделал ты? — спросила Куарра.

— Да. Но они немного изменили внешний вид. Быстро сработали.

Корабль уже побывал в порту Мелефос. Он начал снижаться над морем из опасения попасть под обстрел кеширских катапульт. Затем на переднем балконе появились пассажиры, они приветствовали подлетевших на уваках стрелков. Теперь эти пассажиры прибыли сюда. И Куарра уже знала, кто это.

У перил стоял Йоган Хальдер. Он был одет в свою аланциарскую военную форму и внешне выглядел совсем здоровым.

— Кешири Аланциара! — закричал он. — Я был за океаном. Позвольте рассказать о том, что я увидел!

Над рядами повисло молчание.

— Меня увезли от родных берегов эти люди. Мы знаем их как ситхов из оставленных нам описаний. Меня увезли силой, и я был полон решимости, несмотря ни на что, защищать Аланциар. Как только показалась земля, мне завязали глаза, но я успел увидеть впереди цветущую страну Адари Вааль. Меня сразу отправили вглубь материка. Некоторые из похитителей ушли вперед, и к нам присоединились другие. — Он положил руки на перила. — Я снова был полон решимости ничего не говорить, как бы меня ни пытали. — Выражение его лица смягчилось. — Но когда мы прибыли в мирный каменный город, меня освободили. Я имею в виду — совсем освободили. Я мог беспрепятственно ходить по улицам. И какие это улицы! Великолепный, сияющий город со стеклянными шпилями, вздымающимися в небеса, я никогда не

видел более красивого места. Город жил — и там были только кешири!

В толпе раздался ропот.

— Я знаю, о чем вы подумали, потому что я думал так же. Вестник говорила нам, что земля на самом деле не принадлежала им, что кешири не были по-настоящему свободны. Но я нигде не увидел людей. Даже те, кто меня похитил, исчезли вскоре после моего освобождения. Я не хотел разговаривать с живущими там кешири. Они выглядели как мы, но ведь они жили под гнетом ситхов. Как они могли быть похожи на нас? — Йоган театрально развел руками. — Но я не заметил никакого гнета. Я видел ремесленников, проводящих дни не на каторге, а творящих на улицах. Живопись. Скульптура. Музыка и пение, которые у нас звучат только по праздникам, там раздаются повсюду. Я решил, что люди инсценировали праздник, чтобы обмануть меня. Но шло время, и я понял, что это — их обычная жизнь. Со мной поздоровались кеширские ремесленники. Догадавшись по моей одежде, что я чужак, они стали расспрашивать о моей земле. Но я ничего не сказал. Они не расстроились, а с радостью заговорили о своем мире, подтвердив, что все мною виденное — действительно их обычная жизнь. Я спросил о людях. Они показали мне древнее мраморное здание с высокими стеклянными башнями, назвав его дворцом. Там, сказали они, живут Защитники!

Толпа взволнованно загудела. Йоган протянул вперед руки, ладонями вверх:

— Да, да, я знаю. Вестник говорила нам, что ситхи обманули народ Кешты, назвавшись Защитниками из легенд. Услышав о Защитниках, я попытался объяснить им это. Спорить со мной никто не стал. Вместо этого они предложили мне погулять по городу — он называется Тав, как и писала Адари, — и пообщаться с его жителями. Понимая, что они действительно верят в то, что говорят, я все же старался открыть им глаза. Я рассказал об Аланциаре и о том, как мы готовимся к приходу ситхов. Я описал нашу жизнь и наши достижения. И ответом… — Йоган сделал паузу, — …стала жалость. — Он повысил голос. — Жалость о том, что столько лет прожито в беспокойстве и страхе. Жалость о том, что столько времени потрачено на тяжелую, скучную работу, а не на искусство. И еще они пожалели нас потому, что мы никогда не знали людей и мудрость, которую они принесли со звезд. Люди, которые, как мне сказали, не правят кешири, а живут в своем дворце, проводя время в тихом созерцании. Я спросил, могу ли я попасть во дворец, чтобы самому убедиться в этом. Они охотно проводили меня туда, и я был приветливо встречен. Там действительно жили люди, которых мы называем ситхами. У них

не было оружия, все свое время они проводили в медитации. Меня отвели в зал к их правителям. Они сидели в кругу, и ни один не возвышался над другим.

«Его рассказ — это искусство», — подумала Куарра. Как и те письма, что он присылал ей. Это и привлекло ее к нему в первую очередь. А сейчас он находился в центре всеобщего внимания.

— Я молчал, — продолжал Йоган. — И они заговорили первыми. Они приветствовали меня на Кеште и извинились за то, что я попал к ним таким печальным образом. Я пересказал им те истории о появлении их народа на Кеше, какие поведала нам Адари. Они знали про Адари Вааль и сказали, что она не ошибалась, говоря об опасности. Среди них в те ранние дни были злодеи: слуги Разрушителей, скрывающие свою истинную сущность!

Толпа тревожно загудела.

— Они тоже знали о том, чего боялась Адари. И темные создания были свергнуты в тот день, когда она покинула свою родину, чтобы достичь Аланциара. Если бы Адари подождала один день — *только еще один день!* — Йоган замолчал, его горло пересохло. Молчали и все остальные, ожидая продолжения. — Буквально на следующий день все те, кого она боялась, были уничтожены, и ее предупреждение потеряло смысл!

Войска дружно встрепенулись. *Нет! Нет!*

— Да, так они сказали. Все, что мы делали, бессмысленно. Я не поверил в это, не хотел верить. Но они рассказали кое-что еще. О том, что сейчас, спустя две тысячи лет, подлый слуга Разрушителей снова появился среди их народа, угрожая существованию всего живого. Его изгнали с Кешты, но он построил воздушные корабли и отправился на поиски другой земли, чтобы захватить ее.

— Воины в черном! — крикнули из толпы.

— Да, — подтвердил Йоган. — Теперь я знаю, что они напали на Аланциар, пока я гостил на Кеште! — Шум стал громче, и ему пришлось повысить голос. — Я спросил о первом воздушном корабле, который мы видели, — то был корабль Эделла Врая, чьи воины пленили и похитили меня. Люди сказали, что Врай — верный друг, он отправился на поиски преступников. Его поразили скорость и мощь нашего оружия. Врай испугался, что мы тоже служим Разрушителям. И вот почему, друзья мои, они доставили меня на Кешту — чтобы убедиться в том, что мы не ужасные враги из легенд! После этого я наконец заговорил. Рассказал им, что мы на стороне добра и будем сопротивляться любому злу, если оно придет к нам. И мы не заслужили их гнева. Нет, не Аланциар!

— Йоган, спаси нас! — закричали в толпе.

— И люди — ситхи — были рады этому. Они предложили нам помощь!

Раздались радостные крики, аплодисменты, а к Куарре постепенно приходило осознание происходящего. Он — новый Вестник. Йоган стал новой Адари, только его истории восхваляли ситхов!

Куарра посмотрела на внимающую ему толпу, торопливо переводя взгляд с одного лица на другое. Они верили Йогану. История была невероятной, но он был одним из них.

«Собственно, как и я», — подумала Куарра. И ей тоже было что рассказать.

Украдкой взглянув на Эделла, Куарра повернулась к перилам. Она ощущала полное бессилие с того момента в башне над дворцом Вааль, как Эделл взял под контроль экипаж Бентадо и сигнальные установки. У нее так и не появилось возможности хоть кого-нибудь предупредить. Но здесь находились лучшие части аланциарского войска — в паре шагов от трибуны. Может быть, еще не все потеряно. Если Эделл попытается закрыть ей рот, это положит конец их представлению. Пока еще есть какие-то сомнения…

— Но об этом лучше говорить не мне. — Йоган отошел в сторону, чтобы пропустить кого-то вперед. — Вот тот, с кем все вы должны встретиться!

У перил появилась белая фигура. Человек, старик с острым клювом, одетый в мантию, украшенную драгоценными камнями и перьями. Он поднял свои руки-крылья и посмотрел в небо. Узнав Светлого Тоша, легендарное крылатое создание из мифов, толпа ахнула.

Только Эделл широко распахнул глаза и громко рассмеялся. Потом ехидно взглянул на Куарру:

— Верховный повелитель Хилтс!

— Народ Аланциара, я пришел к вам как рожденный Кешем слуга Светлого Тоша, — заговорил старик. — Мне более двух тысяч лет. Люди — мои дети, и вы тоже. Ваш Вестник — Адари Вааль была моей кеширской дочерью. Ее помыслы были благими, но она не разобралась во всем до конца. — Он положил на плечо Йогану пернатую руку. — Этот сын Аланциара говорит правду. Среди моего народа были слуги Разрушителей, но они не служили мне. Мы прогнали их! Когда вы так тепло встретили меня в порту Мелефос, мое сердце расцвело, пока я не услышал страшную историю о том, что изгнанники напали на вас и убили ваших великих правителей. — Он грустно склонил голову.

Об этом уже знали, но вот выказанная человеком печаль всех

заинтересовала. Хилтс прищурился, разглядывая трибуну, и указал на Куарру:

— Однако злодеи и их главарь были уничтожены благодаря усилиям моего помощника и одного из аланциари — отличного воина!

Тысячи глаз обратились к Эделлу и Куарре. О поражении Бентадо тоже было известно, но многие удивились, увидев вместе ситха и аланциари. *Человек, тайно уничтожавший на Аланциаре Разрушителей!*

— Мой народ чувствует вину за все, что произошло. Помощь прибудет в ближайшие дни. Люди и кешири в белых одеждах помогут восстановить разрушенное и наведут мосты между нашими мирами.

Аплодисменты становились все громче, Хилтс распростер руки-крылья:

— Вместе мы сможем понять друг друга и сделать Кеш лучше для всех нас!

Толпа одобрительно заревела. Куарра огляделась. Здесь были кешири, способные использовать Силу. Они внимательно смотрели на старика. Но ни один не поднял тревогу.

— Они не чувствуют в нем злобы, — пояснил Эделл, — потому что в нем ее нет.

— Но он нас обманывает, — возразила Куарра.

— А может, вы хотите быть обманутыми. Вы как ваши катапульты. Они были взведены столько лет, ожидая выстрела. Теперь, когда снаряд запущен, можно заняться чем-нибудь еще — послушать милую историю, например.

Она посмотрела вверх. Да, рассказ Йогана был чудесен. Что она сможет теперь сказать?

Корабль снизился, и ее бывший корреспондент опустил на землю трап.

— Это не вся моя история, но мне нужно добраться до сигнальной станции. Нужно рассказать всем. И если вы не возражаете, — Йоган широко улыбнулся, — я хотел бы отправить ее сам!

Йоган шагнул из гондолы в толпу. Куарра спустилась с приветственной трибуны, но не могла пробраться к нему — вокруг столпились любопытные кешири. Она бросилась вперед, тщетно пытаясь догнать толпу, потом запрыгнула на каменную ограду.

— Йоган! — закричала Куарра.

Он повертел головой влево-вправо, пока не заметил ее. Улыбаясь, Йоган указал одной рукой на нее, а другой на себя.

— Мы поговорим, — проговорил он одними губами, прежде

чем умчаться к сигнальной станции, что стояла на краю главной площади.

Эделл улыбнулся:

— Добро пожаловать, верховный повелитель.

Аланциари отступили назад и теперь собирались в большие группы вокруг кеширских послов, спустившихся с «Доброго Знамения». Людей с Хилтсом не было — они прибудут позже, на следующих кораблях. Верховный повелитель крепко обнял Эделла и заговорил, приникнув морщинистыми губами к его уху.

— Это хуже всего, что я когда-либо делал. — Он помахал клювом.

— Костюм или полет на воздушном корабле?

— И то и другое.

Эделл оглянулся на огромное судно. Верховного повелителя, летающего на уваках, еще никогда не было.

— Корабли позволят летать тем, кто не может оседлать увака. Можно сделать многое…

— Люди Кеша уже достаточно возгордились, мой мальчик, — перебил его Хилтс, встряхивая перьями своего плаща. — Но с этим мы не объединим континенты. У них есть что-то вроде морских судов?

— В заливах. Мы не знаем, сколько из них смогут пересечь океан, — они просто никогда не пытались, — ответил Эделл. — Очевидно, Пеппин на «Невезении» это сделала.

— Конечно. Я надеялся увидеть с ними тебя, но мне сказали, что ты пошел в разведку. Что, как оказалось, к лучшему. Хорошо, что ты прислал нам разговорчивого парня и коллекцию его книг. Там по большей части романтическая чепуха, но было и это. — Хилтс вытащил из-под плаща книгу. — Это экземпляр «Хроник Кешты». Из него мы узнали о том, чему нам придется противостоять. О том, что аланциари знают о нас.

— Завещание Адари Вааль, — покачал головой Эделл. — Побег этой кешири принес много вреда.

— Не так много, как ты думаешь, — улыбнулся Хилтс. — Твои люди смеялись надо мной и моими историями. Но истории важны. Они могут быть оружием — для обеих сторон. Твой лейтенант прочитала книгу во время плавания и полетела с ней в Тав, как только они высадились на берег. Очевидно, что все кешири были когда-то едины. Даже мифы про Защитников и Разрушителей одинаковы. И теперь, как и тогда, — он постучал по клюву, — надо было просто предстать пред ними в соответствующем обличье. И выбрать роль для Бентадо.

— Но флот Бентадо к тому времени уже покинул Кешту!

— И не было смысла звать упрямого глупца обратно. Мы понимали, что он даст Аланциару бой, которого этот народ так давно ждет. И вполне возможно, выиграет. Так что мы это использовали. Он, его корабли и люди олицетворяли зло. Мы выбрали иную ипостась, — хитро улыбнулся Хилтс. — К счастью, ты прислал нам объект для испытаний.

К тому времени как повозка с Йоганом добралась до Тава, объяснил Хилтс, Племя уже скрылось, а в городе остались только самые преданные кешири. Когда их новый посол полностью поверил этой игре, не составило труда выбрать нужный облик для Аланциара в целом.

— Команда Бентадо выглядела угрожающе. Но я — добрый старый человек.

— Одетый в мантию из белых перьев!

— Я сделал это для Племени. — Хилтс прищурился. — Я читал твои послания о рассуждениях Бентадо. Ну, это только вопрос времени. Хорошо, что ты был здесь и позаботился о нем.

— Я начал, но прикончил его Сквоб.

Старик убрал перышко со своего лица и улыбнулся:

— Преданный маленький Сквоб — еще одна идея Илианы. Это совет для тебя, мой мальчик. Когда верховный повелитель ситхов шлет свои приветствия — беги!

Эделл рассмеялся. Но внезапно пришедшая на ум мысль заставила его нахмуриться.

— Все это может произойти снова, верховный повелитель. Ситхам нужна цель. А наша миссия выполнена.

— Разве? — Хилтс покачал головой. — Захват новых рабов — не победа. Любой хам с ножом может сделать это, как и поступили первые ситхи с нашими предками с Тапани. Но как сделать так, чтобы тебе служили охотно? Сейчас — это наша цель. И она потребует всех наших усилий. Об этом думал Яру Корсин, и мне это подходит.

— Вы, разумеется, правы.

— Разумеется, я прав. Я стар. — Хилтс притянул своего протеже ближе и взял его за руку. — А теперь позволь мне кое-что рассказать тебе об истории. Я работаю над

17

Многие хотели увидеть владыку людей, оказавшихся не такими, как ожидалось. Но Куарра не осталась, чтобы приветствовать верховного повелителя. Эделл решил, что она отправилась за Йоганом, но никто не видел ее на главной площади.

Позже он узнал, что она помогала приводить в порядок дворец Вааль. Сквоб и остальные кешири Бентадо по приказу Эделла заняли все основные сигнальные башни — до прибытия одетых в белое людей-помощников. Спустя несколько дней после свидетельства Йогана некоторые из них появились в Сас'минтри, олицетворяя собой доброту и услужливость. Эделл свободно передвигался по улицам в своей белой тоге: не захватчик, не повелитель, а великодушный гость. Ситхи были щедры и ласковы, они привезли из-за океана дивные дары, а вести по Аланциару разносились быстро.

Сейчас для Хилтса Эделл стал, по сути, правителем Аланциара. Но придется потратить годы на улыбки и дружбу, чтобы их власть была полностью принята и открыто признана. Высший повелитель столкнулся с теми же проблемами, что и экипаж «Знамения», но его работа здесь была более сложной. В каждом селении, на каждой ферме они сталкивались с кеширскими изобретениями, неизвестными на другом конце планеты. Все нужно оценить. Кое-что внедрить на Кеште; парусные суда определенно заменят опасные воздушные корабли. Станут доступными обширные области Кеша на севере, отсутствующие на древней карте Корсина. Может, там еще больше туземцев и больше тайн? Открывающиеся перспективы будоражили.

Шли разговоры о том, чтобы насыпать в океане пару искусственных рифов, где смогут останавливаться уваки, летящие с одного континента на другой. Материки когда-то были едины. Можно объединить их снова.

Корабли — это одно, но от некоторых аланциарских механизмов следует отказаться. Ситхи исподволь, но настойчиво призывали местных жителей в знак доверия сжечь катапульты, большие и маленькие. Это было необходимо не только затем, чтобы разоружить аланциари. Миллионы вооруженных кешири — слишком большой соблазн для амбициозных ситхов.

Работа предстояла огромная. И он знал, кто ему нужен. Та, что быстро завоевала его восхищение и уважение. На Кеште никто не вызывал у него таких чувств.

Эделл нашел Куарру во дворце Вааль. Уборка еще не завершилась, но Куарра была во дворе, там, где она оставила повозку, и кормила мунтоков.

— Здесь становится многолюдно, — сказала она, заметив его.

— Будет еще больше людей. И еще больше дел. Ты видела своего друга-сигнальщика?

— Мельком. — Она опустила ведро с кормом. — Кажется, у него тоже дел невпроворот.

— Он займет почетное место в нашем обществе, как наш первый гость с Аланциара. — Эделл посмотрел на алебастровую башню. — Йогану будут доверять слепо, как Адари Вааль. В каком-то смысле мы поменяли ее на него.

Куарра не ответила. Она привязала седельную сумку к одному из мунтоков и отстегнула его от упряжки.

Эделл шагнул к ней:

— Можешь, конечно, присоединиться к нему — или заняться чем-нибудь еще. Верховный повелитель Хилтс впечатлен тем, как вы используете Силу. Вы ведь фактически самоучки. Он всегда хотел присоединить кешири к Племени, со всеми нашими титулами. — Эделл взял Куарру за руку и пристально посмотрел ей в глаза. — Куарра, для тебя открыто много дорог.

— Нет, — сказала она, чуть улыбнувшись, и убрала руку. — Только одна.

В конце концов, после всех этих трудных, почти невозможных решений, последнее оказалось самым легким.

Сейчас, любуясь закатом, пока ее мунток трусил по улицам города, Куарра наконец поняла, зачем она поехала на мыс Сопротивления в тот осенний вечер. Она, словно лодка, все плыла в одном направлении по каналу своей службы. Как бы далеко она ни продвинулась, ее истощало точное понимание того, что будет дальше. При их военном строе многие годами жили с теми же проблемами.

Но появились ситхи, и народ оживился. Всем вдруг открылись новые заманчивые перспективы. Только Куарра все так же знала, что ждет ее впереди. Она одна видела ситхов такими, какими они были.

Но не Йоган. Ее друг с края земли оказался сейчас в центре мира. Он обещал, что они скоро поговорят, но так и не связался с ней. А она не стала его искать. Он был занят сейчас. Бывший профессиональный отшельник летал на «Добром Знамении» по городам Аланциара, рассказывая историю своего путешествия. По этому рассказу, с помощью актеров и поэтов с Кешты, уже поставили спектакль, заменивший представление об Адари Вааль.

Адари нашли в скалах, а он жил на скале, прежде чем увидел истину. Йоган Хальдер являл собой истинный Рок Кеша.

Куарра поняла, что он никогда не был настоящим стражем. Йогана привлекала деятельность, которая была почти забыта после появления Адари Вааль. Сейчас она возрождалась вновь. Старые патриотические представления, проходящие каждый Ритуальный день, заменят новыми. И показывать их будут ежедневно. Снова потребуются и рассказчики, и скульпторы, и костюмеры, и актеры. Все, что оттеснили в сторону, готовясь к войне, теперь возвращалось с поразительной скоростью. Ситхи потихоньку воодушевляли и поощряли все это, культивируя мнение, что Аланциар потерял два тысячелетия в своего рода коллективном безумии.

Это охотно принимали ее друзья, соседи и сослуживцы. Куарра опасалась, что в конце концов только она и будет помнить Адари. Действия Бентадо явно были продиктованы ситхской злобой, но войска Варнера Хилтса показали себя с лучшей стороны. Объединение шло полным ходом. Ситхи жестоко, но ловко обманули Йогана и весь Аланциар. Разубедить хоть кого-то было сложно. Куарра не раз пыталась тайно переговорить с теми из правительства, кого знала. Но все, что она получала в ответ, — это скептицизм, который больше пригодился бы по отношению к ситхским байкам. Ее слова не воспринимали всерьез даже те, кого она прежде уважала за их проницательность. Никто не хотел слушать еще одну Адари. И в конце концов Куарра сдалась.

Она запомнила последнее предупреждение Адари. И возможно, стала последней из тех, кто внял опальному Вестнику. В своих воспоминаниях Адари говорила, что, находясь рядом с Яру Корсином, надеется узнать то, что сможет освободить ее народ. Она в какой-то степени преуспела в этом, научив народ Аланциара тому, что знала. Но Адари также призналась и в своей слабости. Рядом с Корсином она на какое-то время стала Спасительницей. Ее почитали более, чем тех кешири, которые мучили ее в прошлом. И она поменяла скучного и противного мужа на пусть опасного, но очень умного и интересного собеседника.

Эделл Врай предоставил Куарре ту же возможность. Впереди было много работы, и Эделл нуждался в ней. И в некотором смысле Аланциар тоже нуждался в ней. Куарра могла бы многое сделать лучше, могла бы смягчить переход и даже принести на Аланциар медицинские знания ситхов. Эделлу казалось, что этого достаточно. Разве не лучше быть помощником высшего повелителя ситхов, чем народным героем кешири?

Нет. Женщина-из-сна, Ориэль, рассказала ей, что так и не

смогла убежать от неизбежного. А народ Куарры и пытаться не собирается. Она тоже может принять все это. Но это не значит, что она будет стремиться к нему. Адари дала ей ответ. Куарра похлопала по книге, лежащей в седельной сумке. Она забрала ее из архива. *Да, одни звери лучше других, но они все же звери. Оставайся со своим собственным.*

Брю в сумерках протирал огненные сферы на веранде их дома в Ухраре.

— Кажется, у тебя выдались бурные каникулы, — заметил ее муж, погасив светильники.

— Можно и так сказать. — Она спешилась. — Как работа?

— Очень хорошо. — Мужчина сдержанно похлопал стеклянные шары и улыбнулся. У него сейчас было много работы. Как и у всех мастеровых — ситхов интересовали их технологии. — Дети рады были вернуться домой. Они еще больше обрадуются встрече с тобой.

— У меня есть сюрприз для них.

Куарра опустилась на колени, чтобы привязать зверя, а Брю, насвистывая, поднялся по ступеням к дому.

Куарра посмотрела на дом, потом окинула взглядом улицу. Она знала, как проведет остаток своей жизни, и знала, как проживут жизнь ее дети. Она останется здесь, будет помогать им и своему городу столько, сколько просуществует ее служба. На самом деле, больше делать нечего.

Куарра обратила взор к звездам, загорающимся в небе. Ситхи дадут им новые имена. Она надеялась, что где-то среди звезд живут истинные Защитники, готовые спасти свой народ.

Но готова была ошибиться.

notes

Примечания

1

Кхил — разумные существа из Вселенной «ЗВ». Родной мир — Белнар (Belnar). Эта раса одной из первых вошла в состав Галактической Республики и быстро распространилась на тысячи планет Галактики ко времени господства Галактической Империи. Они были ярыми приверженцами республиканского строя и мирной жизни, олицетворением которого являлся последний. Хилли были представлены во всех слоях общества: военные, ученые, артисты, представители бизнеса и политики. Большинство Хиллей считали себя «гражданами Галактики»

2

Кальдера — круглое или овальное углубление в конце жерла вулкана.